

ПАС~
ТУ~
ШИЙ
КА~
ЛЕН~
ДАРЬ

ЭДМУНД
СПЕНСЕР

Эдмунд Спенсер
ПАСТУШИЙ КАЛЕНДАРЬ

ПАСТУШИЙ КАЛЕНДАРЬ,

ВМЕЩАЮЩИЙ
ДВЕНАДЦАТЬ ЭКЛОГ,
СООБРАЗНЫХ ДВЕНАДЦАТИ МЕСЯЦАМ,

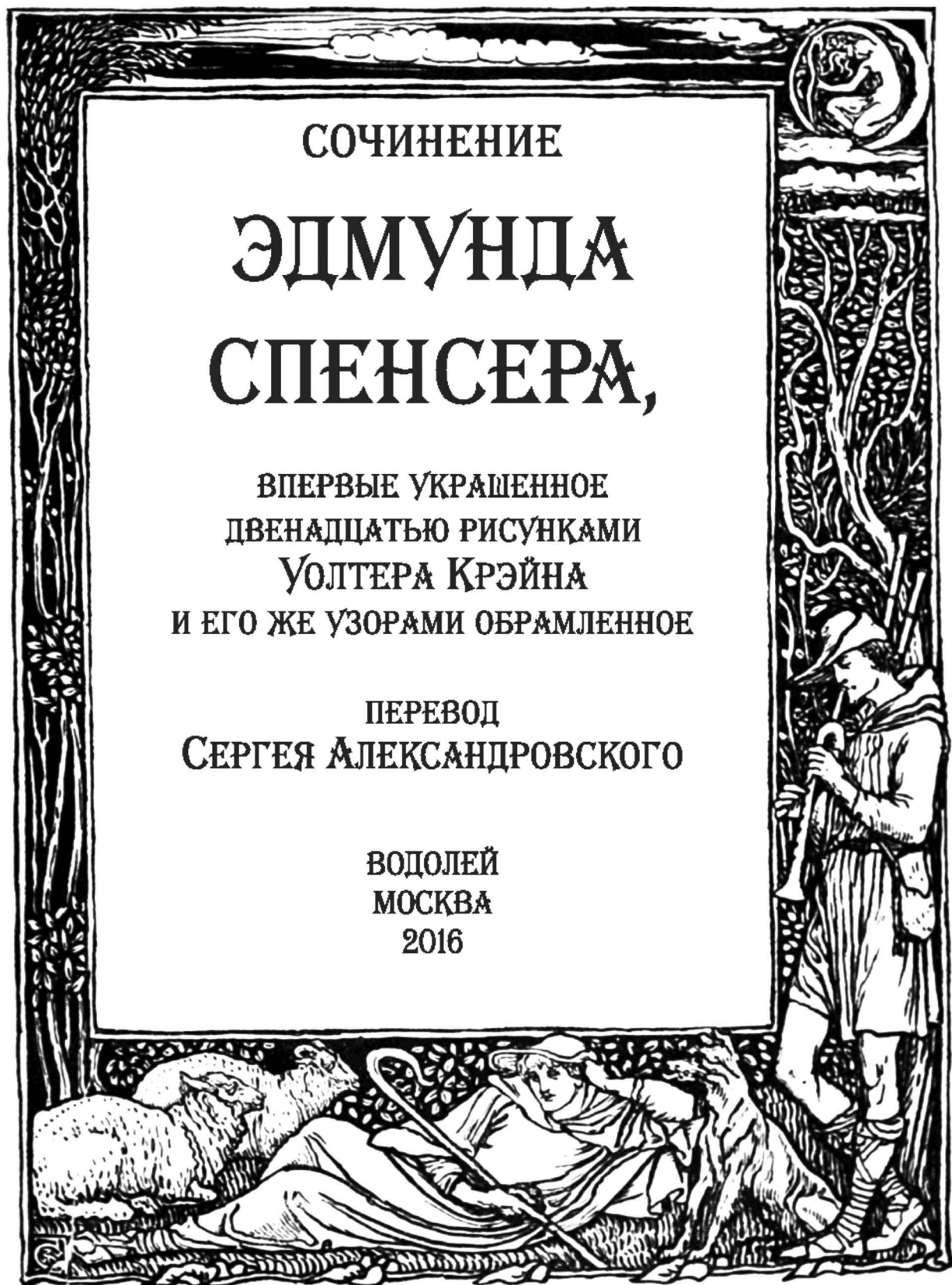
ПОСВЯЩАЕТСЯ
БЛАГОРОДНЕЙШЕМУ,
ДОСТОЙНЕЙШЕМУ
И УЧЕНОСТЬЮ
И РЫЦАРСТВЕННОСТЬЮ
ВСЯЧЕСКИ БЛИСТАЮЩЕМУ
ФИЛИППУ СИДНЕЮ

СОЧИНЕНИЕ
ЭДМУНДА
СПЕНСЕРА,

ВПЕРВЫЕ УКРАШЕННОЕ
ДВЕНАДЦАТЬЮ РИСУНКАМИ
УОЛТЕРА КРЭЙНА
И ЕГО ЖЕ УЗОРАМИ ОБРАМЛЕННОЕ

ПЕРЕВОД
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВСКОГО

ВОДОЛЕЙ
МОСКВА
2016

ББК 84(4Вел)
УДК 821.111
С71

Художник *Уолтер Крэйн*

Спенсер Э.

С71 Пастуший календарь, вмещающий двенадцать Эклог, сообразных двенадцати месяцам / Пер. с англ. С. Александровского; илл. У. Крэйна. – М.: Водолей, 2016. – 240 с.

ISBN 978–5–91763–290–2

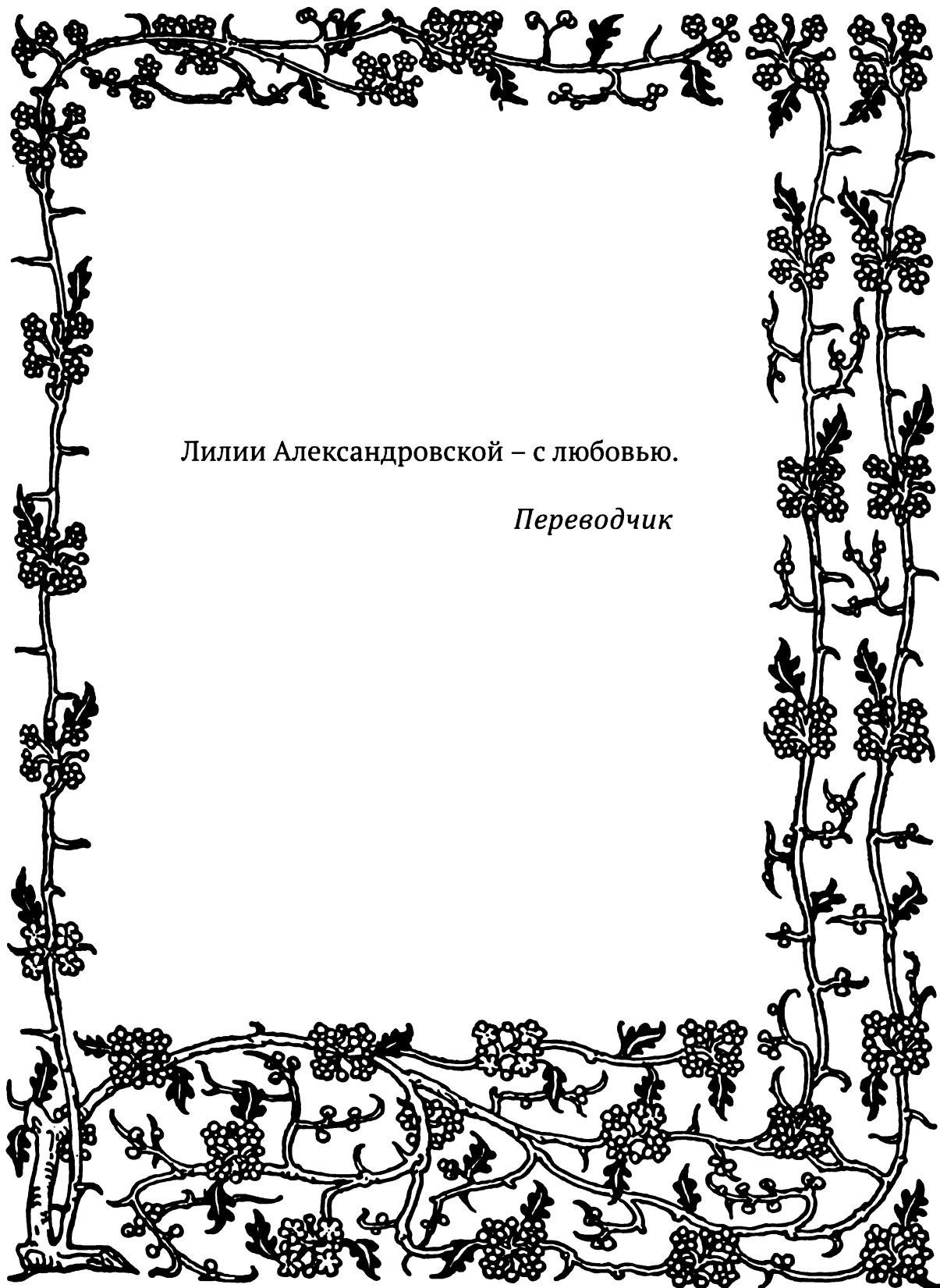
«Пастуший календарь», первое крупное произведение, опубликованное Эдмундом Спенсером (1552 или 1553 – 1599), одним из крупнейших поэтов Елизаветинской эпохи, сыграл решающую роль в окончательном образовании литературного английского языка. Ныне, без малого четыре с половиной столетия спустя, он остается не просто литературным памятником, знакомство с которым обязательно для каждого просвещенного читателя, но и живым, увлекательным чтением.

Первая публикация «Календаря» содержала пространные, сплошь и рядом чисто иронические примечания, составленные Спенсером от имени вымышленного «Э. К» и воспроизводимые в предлагаемом русском переводе со всевозможной доступной полнотой.

ББК 84(4Вел)
УДК 821.111

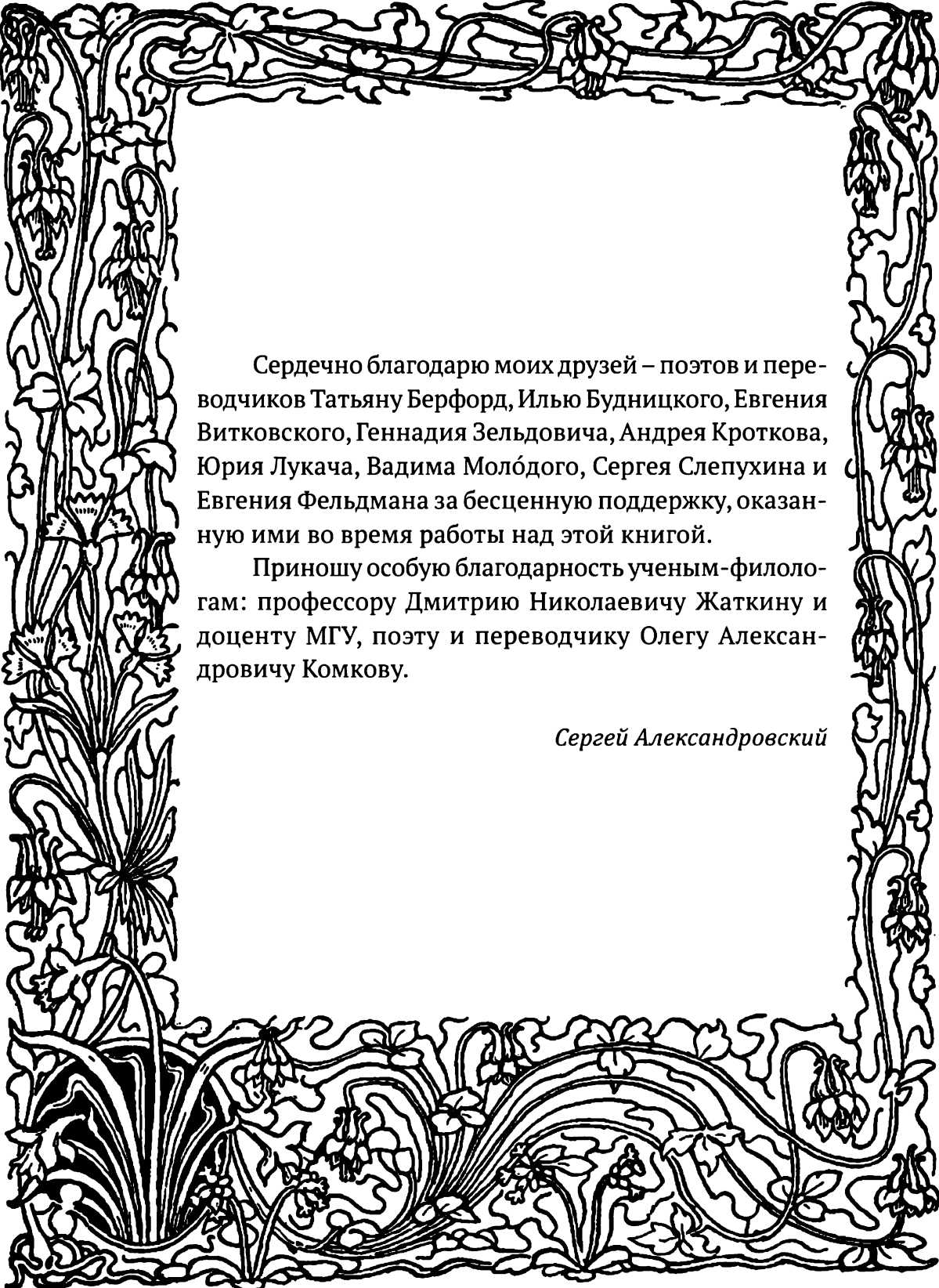
ISBN 978–5–91763–290–2

© С. Александровский, перевод, 2016
© Издательство «Водолей», оформление, 2016

Лилии Александровской – с любовью.

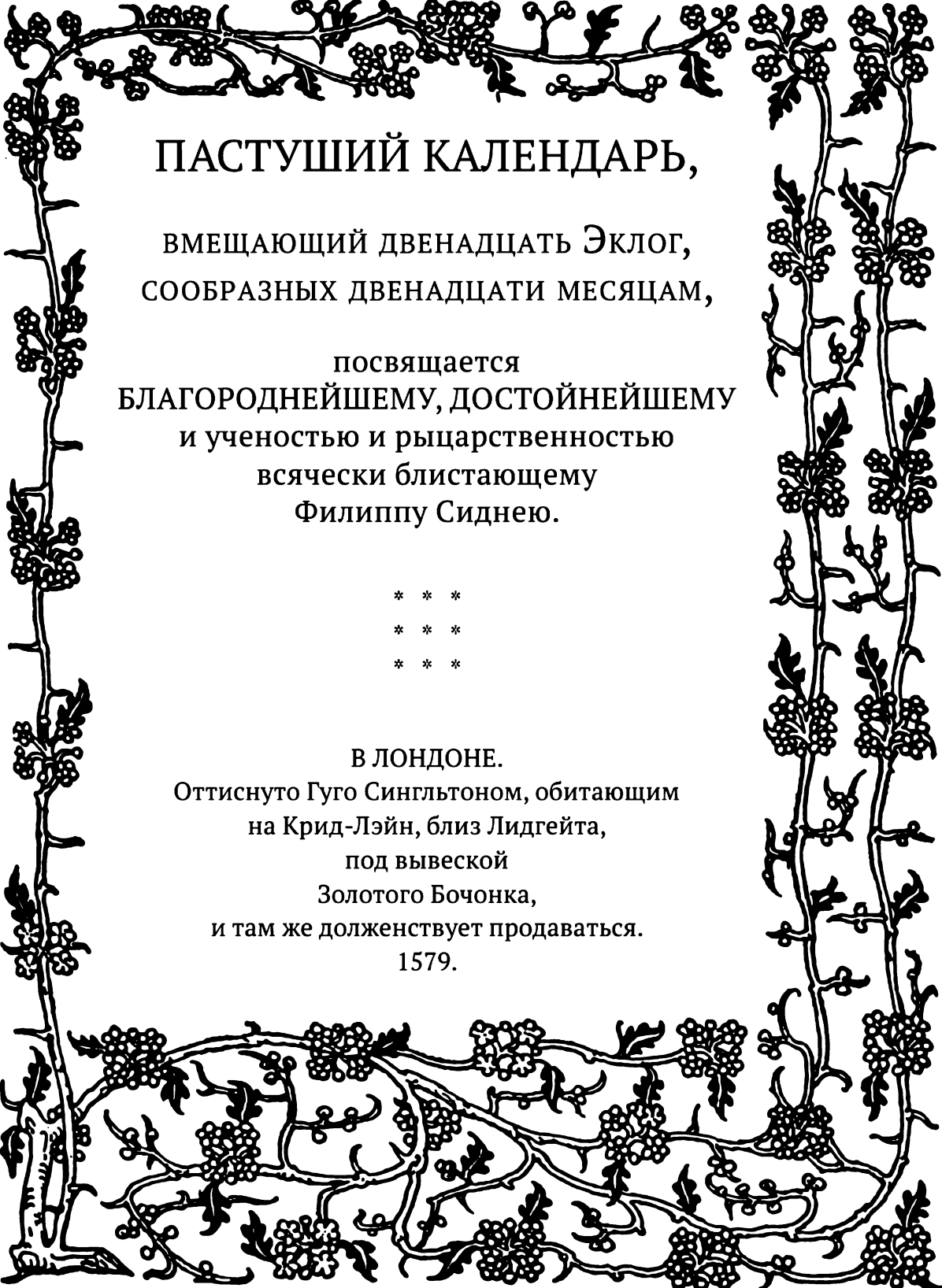
Переводчик

Сердечно благодарю моих друзей – поэтов и переводчиков Татьяну Берфорд, Илью Будницкого, Евгения Витковского, Геннадия Зельдовича, Андрея Кроткова, Юрия Лукача, Вадима Молодого, Сергея Слепухина и Евгения Фельдмана за бесценную поддержку, оказанную ими во время работы над этой книгой.

Приношу особую благодарность ученым-филологам: профессору Дмитрию Николаевичу Жаткину и доценту МГУ, поэту и переводчику Олегу Александровичу Комкову.

Сергей Александровский

ПАСТУШИЙ КАЛЕНДАРЬ,
ВМЕЩАЮЩИЙ ДВЕНАДЦАТЬ ЭКЛОГ,
СООБРАЗНЫХ ДВЕНАДЦАТИ МЕСЯЦАМ,

посвящается
БЛАГОРОДНЕЙШЕМУ, ДОСТОЙНЕЙШЕМУ
и ученостью и рыцарственностью
всячески блистающему
Филиппу Сиднею.

* * *
* * *
* * *

В ЛОНДОНЕ.
Оттиснуто Гуго Сингльтоном, обитающим
на Крид-Лэйн, близ Лидгейта,
под вывеской
Золотого Бочонка,
и там же долженствует продаваться.

1579.

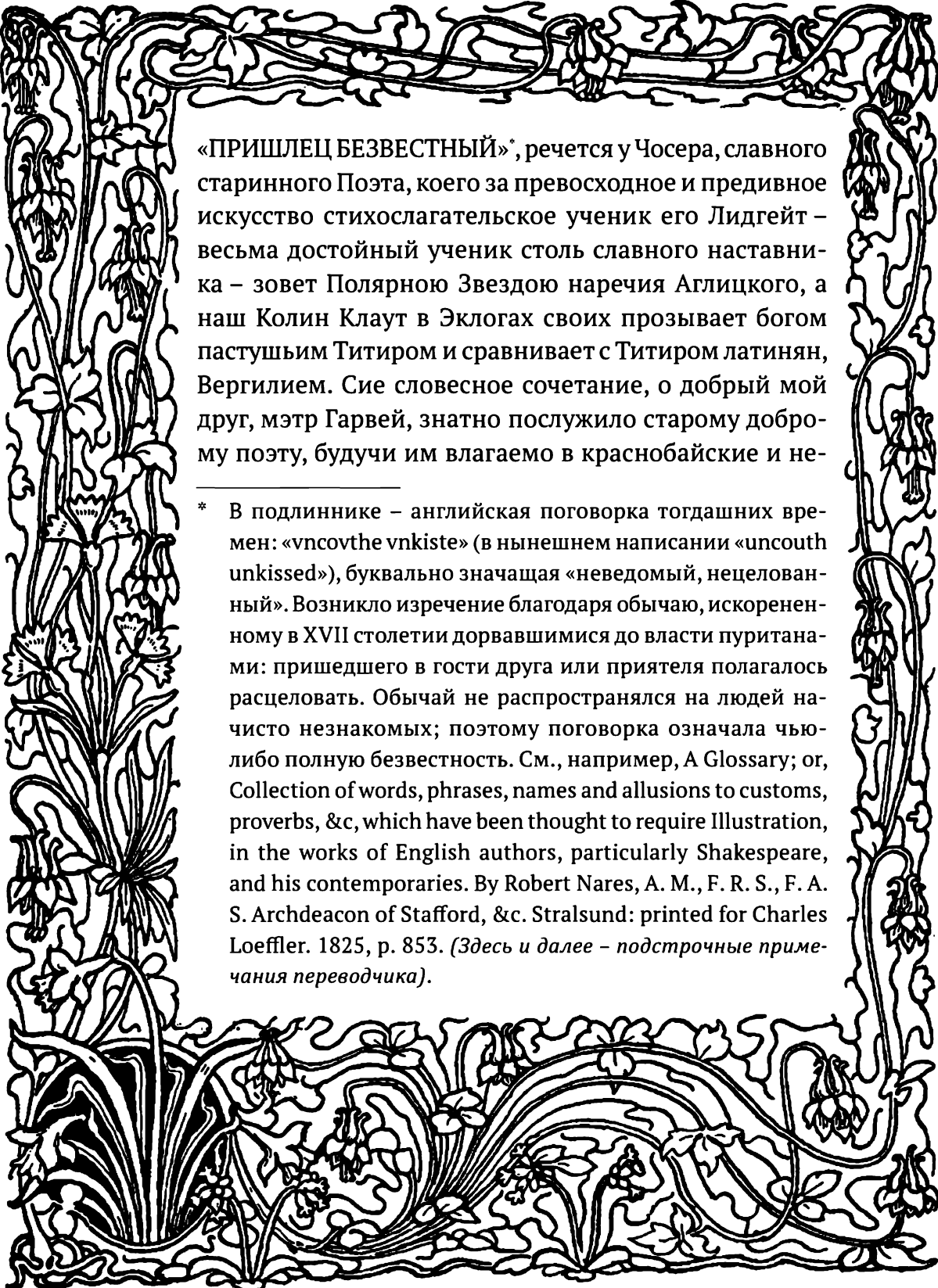
НАПУТСТВИЕ СЕЙ КНИГЕ

Мое дитя, мой скромный том!
Безвестным порожден отцом,
Сочувствие ты сыщешь в том,
Кто благородством знаменит,
И славу рыцарства хранит,
И нас, поэтов, не бранит.
Когда посыплется хула,
Беги под сень его крыла
И прячься от мирского зла.
Скажи: меня писал овчар,
Чей слог убог и скуден дар –
Не муж ученый, не школяр.
И если спросят, чем твой род
Прославлен, молви: стыд берет! –
И закрывай немедля рот.
А коль тебя расхвалит свет,
Быть может, сочинит поэт
И новый том, тебе вослед.

Immeritô

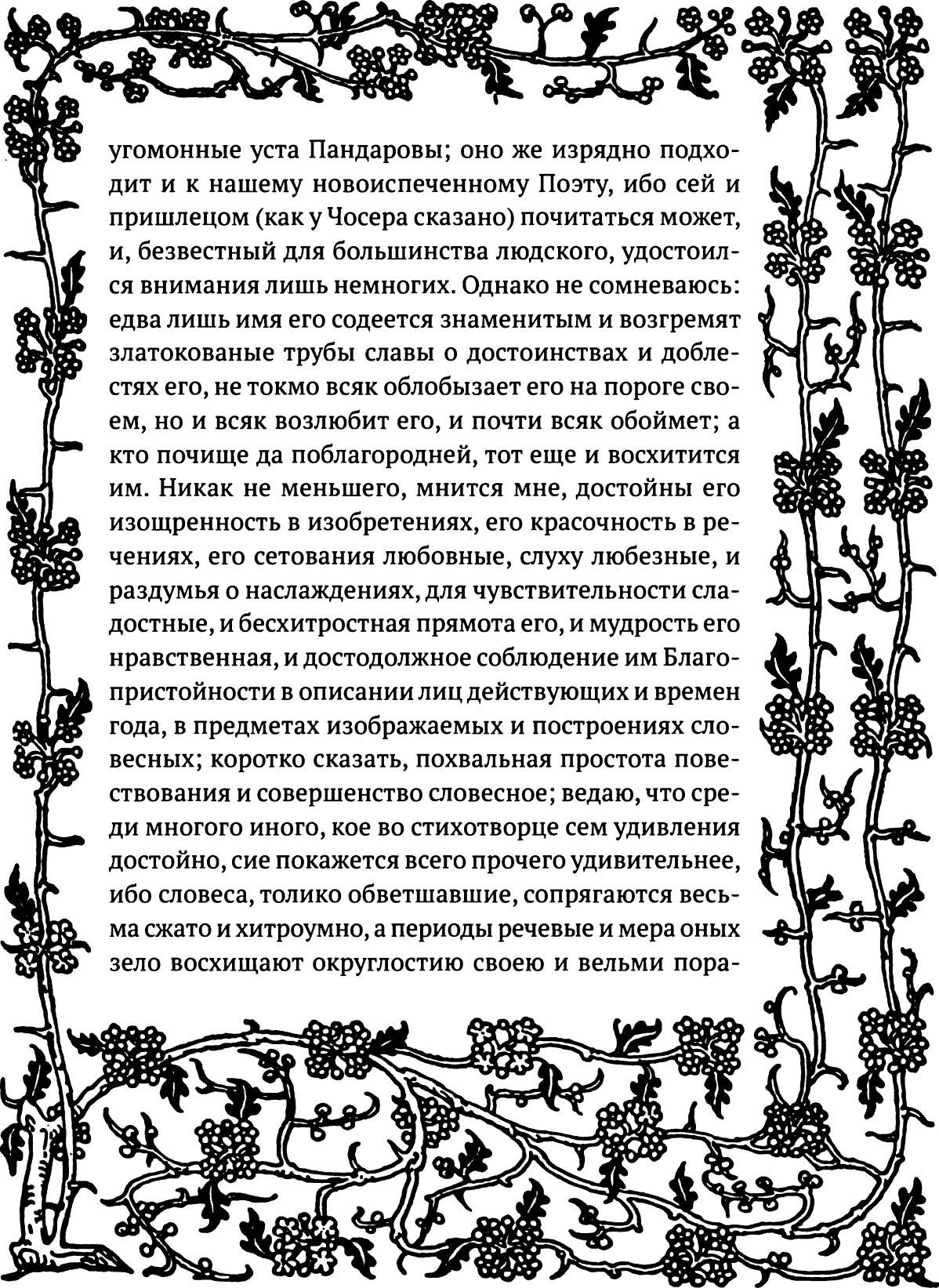

Превосходнейшему и ученейшему
Златоусту и Пииту, мэтру Габриэлю Гарвею,
чьему благосклонному вниманию
закадычный друг и наперсник его Э. К. предлагает
сей труд
и чьему попечению
препоручает нового Поэта.

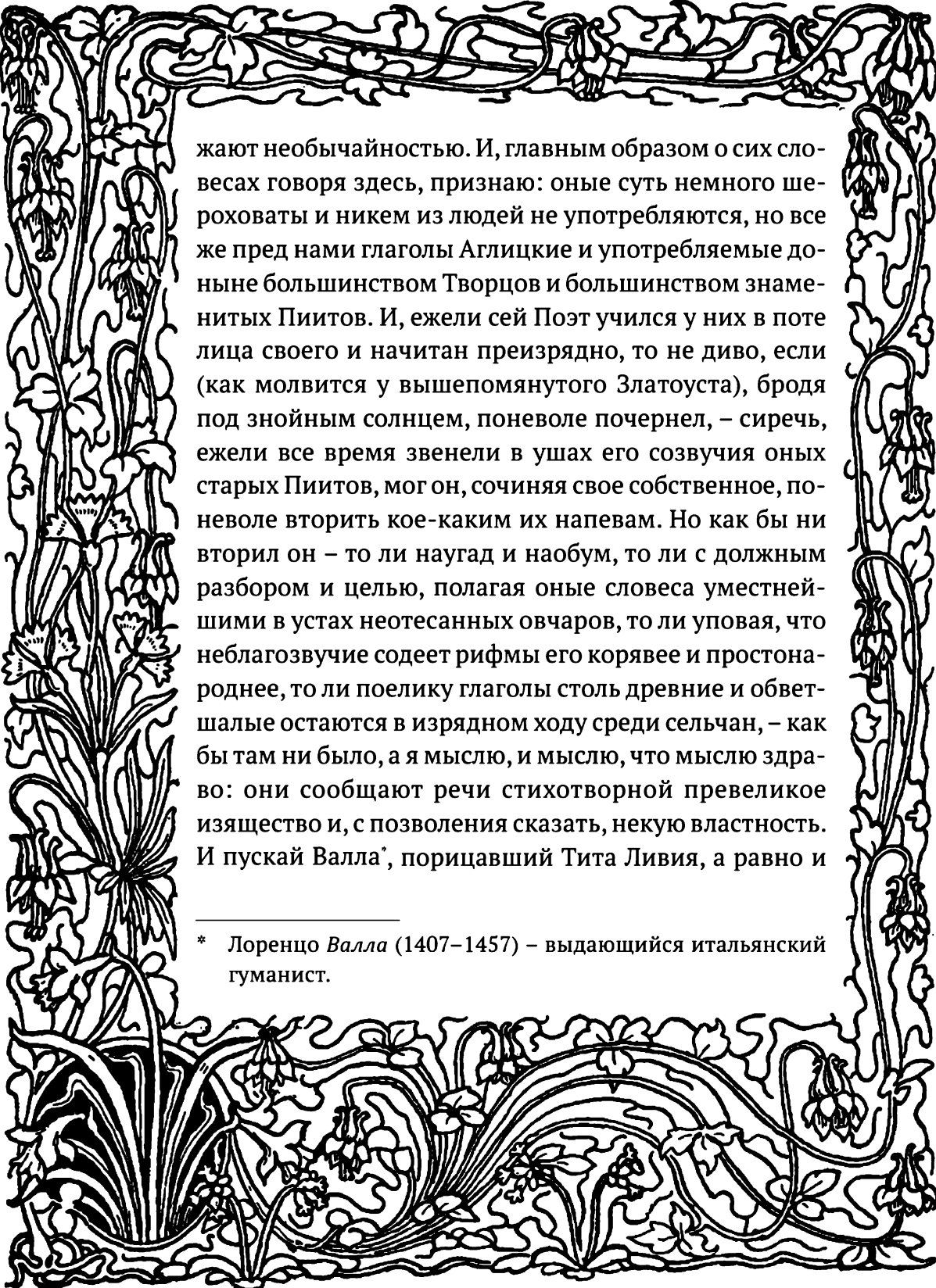
A decorative border in a black and white line-art style, featuring intricate floral and vine motifs. The border frames the text on the page, with a central floral arrangement at the bottom.

«ПРИШЛЕЦ БЕЗВЕСТНЫЙ»*, речется у Чосера, славного старинного Поэта, коего за превосходное и предивное искусство стихослагательское ученик его Лидгейт – весьма достойный ученик столь славного наставника – зовет Полярною Звездю наречия Аглицкого, а наш Колин Клаут в Эклогах своих прозывает богом пастушьим Титиром и сравнивает с Титиром латинян, Вергилием. Сие словесное сочетание, о добрый мой друг, мэтр Гарвей, знатно послужило старому доброму поэту, будучи им влагаемо в краснобайские и не-

* В подлиннике – английская поговорка тогдашних времен: «vncovthe vnkiste» (в нынешнем написании «uncouth unkissed»), буквально значащая «неведомый, нецелованный». Возникло изречение благодаря обычаю, искорененному в XVII столетии дорвавшимися до власти пуританами: пришедшего в гости друга или приятеля полагалось расцеловать. Обычай не распространялся на людей начисто незнакомых; поэтому поговорка означала чью-либо полную безвестность. См., например, A Glossary; or, Collection of words, phrases, names and allusions to customs, proverbs, &c, which have been thought to require Illustration, in the works of English authors, particularly Shakespeare, and his contemporaries. By Robert Nares, A. M., F. R. S., F. A. S. Archdeacon of Stafford, &c. Stralsund: printed for Charles Loeffler. 1825, p. 853. (Здесь и далее – подстрочные примечания переводчика).

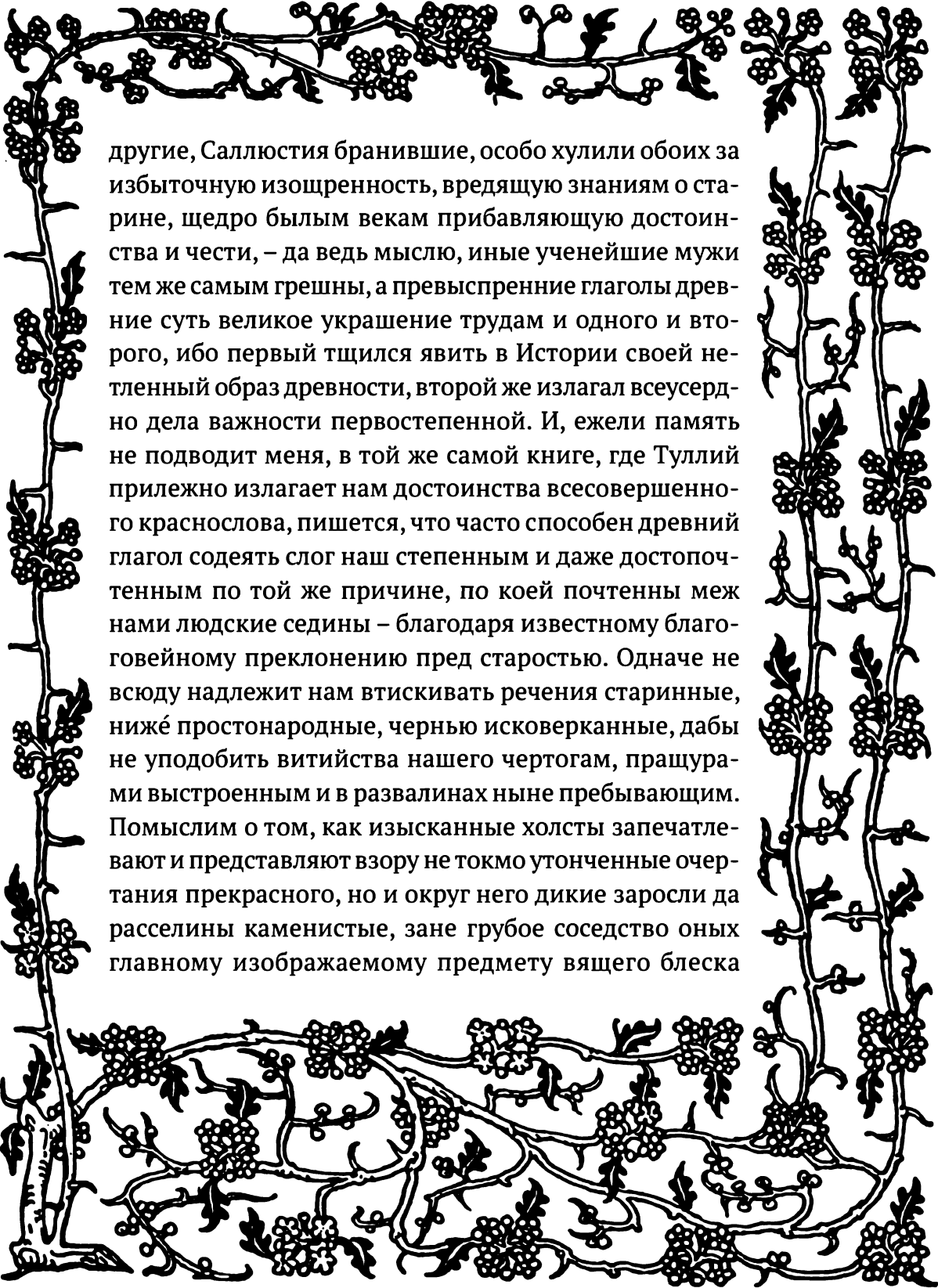

угомонные уста Пандаровы; оно же изрядно подходит и к нашему новоиспеченному Поэту, ибо сей и пришлецом (как у Чосера сказано) почитаться может, и, безвестный для большинства людского, удостоился внимания лишь немногих. Однако не сомневаюсь: едва лишь имя его содеется знаменитым и возгремят златокованные трубы славы о достоинствах и доблестях его, не токмо всяк облобызает его на пороге своем, но и всяк возлюбит его, и почти всяк обоймет; а кто почище да поблагородней, тот еще и восхитится им. Никак не меньшего, мнится мне, достойны его изощренность в изобретениях, его красочность в речениях, его сетования любовные, слуху любезные, и раздумья о наслаждениях, для чувствительности сладостные, и бесхитростная прямота его, и мудрость его нравственная, и достодолжное соблюдение им Благопристойности в описании лиц действующих и времен года, в предметах изображаемых и построениях словесных; коротко сказать, похвальная простота повествования и совершенство словесное; ведаю, что среди многого иного, кое во стихотворце сем удивления достойно, сие покажется всего прочего удивительнее, ибо словеса, толико обветшавшие, сопрягаются весьма сжато и хитроумно, а периоды речевые и мера оных зело восхищают округлостью своею и вельми пора-

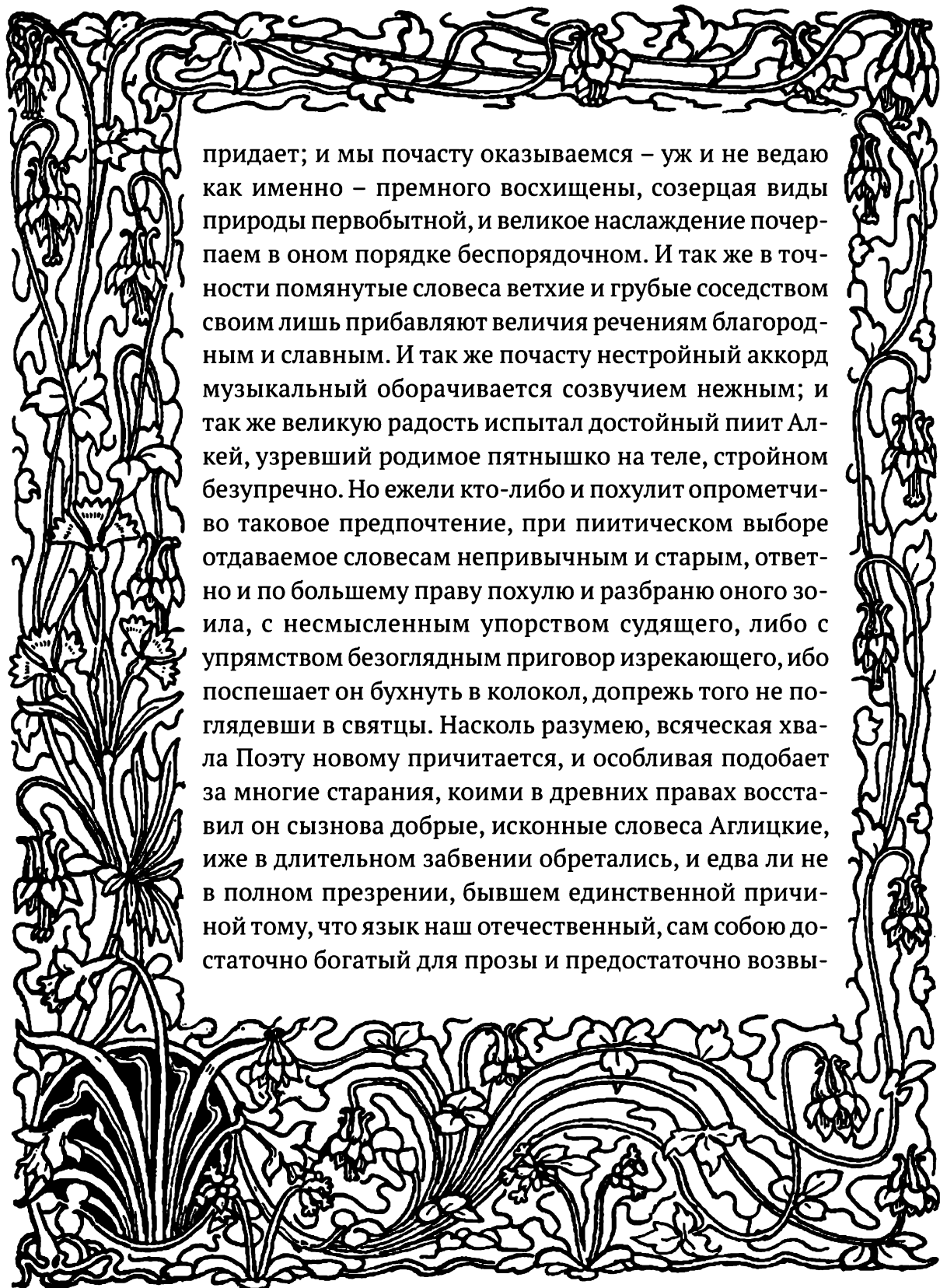
A decorative border in a black and white line-art style, featuring intricate floral and vine motifs that frame the text on the page.

жают необычайностью. И, главным образом о сих словах говоря здесь, признаю: оные суть немного шероховаты и никем из людей не употребляются, но все же пред нами глаголы Аглицкие и употребляемые доныне большинством Творцов и большинством знаменитых Пиитов. И, ежели сей Поэт учился у них в поте лица своего и начитан преизрядно, то не диво, если (как молвится у вышепомянутого Златоуста), бродя под знойным солнцем, поневоле почернел, – сиречь, ежели все время звенели в ушах его созвучия оных старых Пиитов, мог он, сочиняя свое собственное, поневоле вторить кое-каким их напевам. Но как бы ни вторил он – то ли наугад и наобум, то ли с должным разбором и целью, полагая оные слова уместнейшими в устах неотесанных овчаров, то ли уповая, что неблагозвучие содеет рифмы его корявее и простонароднее, то ли поелику глаголы столь древние и обветшалые остаются в изрядном ходу среди сельчан, – как бы там ни было, а я мыслю, и мыслю, что мыслю здраво: они сообщают речи стихотворной превеликое изящество и, с позволения сказать, некую властность. И пускай Валла*, порицавший Тита Ливия, а равно и

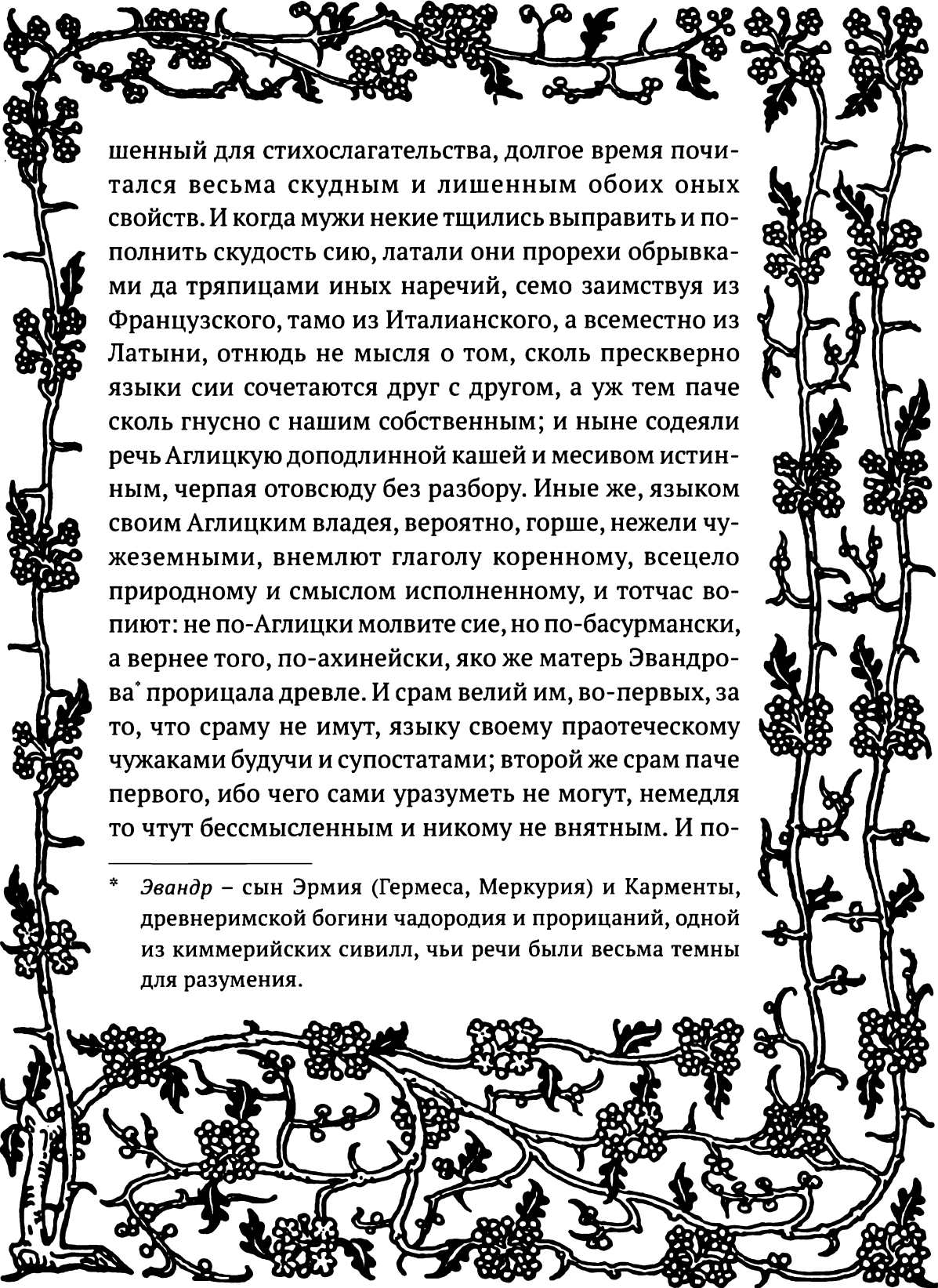
* Лоренцо Валла (1407–1457) – выдающийся итальянский гуманист.

другие, Саллюстия бранившие, особо хулили обоих за избыточную изощренность, вредящую знаниям о старине, щедро былым векам прибавляющую достоинства и чести, – да ведь мыслю, иные учнейшие мужи тем же самым грешны, а превыспренние глаголы древние суть великое украшение трудам и одного и второго, ибо первый тщился явить в Истории своей нетленный образ древности, второй же излагал всеусердно дела важности первостепенной. И, ежели память не подводит меня, в той же самой книге, где Туллий прилежно излагает нам достоинства всесовершенного краснослова, пишется, что часто способен древний глагол содеять слог наш степенным и даже достопочтенным по той же причине, по коей почтенны меж нами людские седины – благодаря известному благоговейному преклонению пред старостью. Одначе не всюду надлежит нам втискивать речения старинные, ниже простонародные, чернью исковерканные, дабы не уподобить витийства нашего чертогам, пращурами выстроенным и в развалинах ныне пребывающим. Помыслим о том, как изысканные холсты запечатлевают и представляют взору не токмо утонченные очертания прекрасного, но и округ него дикие заросли да расселины каменистые, зане грубое соседство оных главному изображаемому предмету вящего блеска

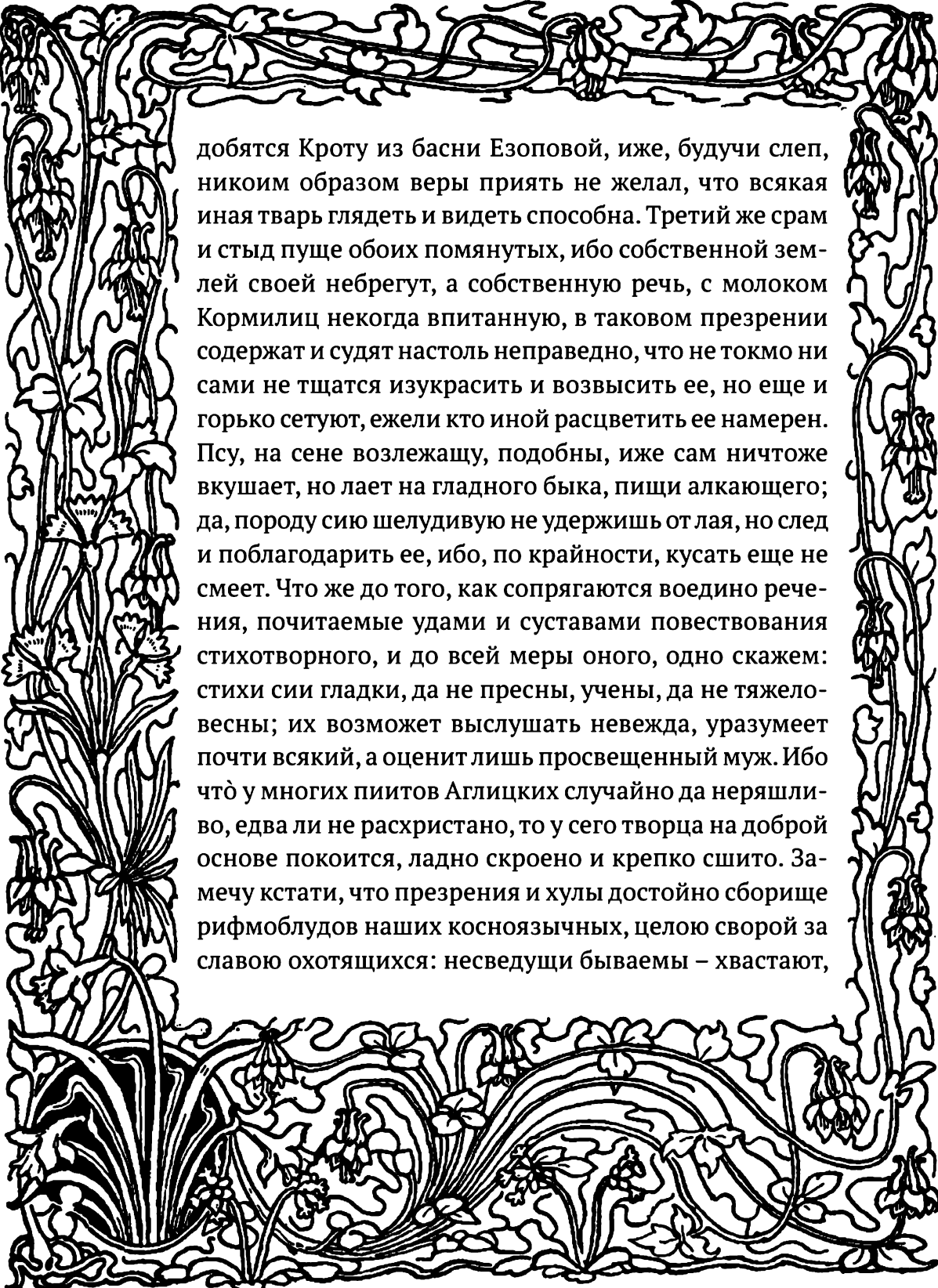

придает; и мы почасту оказываемся – уж и не ведаю как именно – премного восхищены, созерцая виды природы первобытной, и великое наслаждение почерпаем в оном порядке беспорядочном. И так же в точности помянутые слова ветхие и грубые соседством своим лишь прибавляют величия речениям благородным и славным. И так же почасту нестройный аккорд музыкальный оборачивается созвучием нежным; и так же великую радость испытал достойный пиит Алкей, узревший родимое пятнышко на теле, стройном безупречно. Но ежели кто-либо и похулит опрометчиво таковое предпочтение, при пиитическом выборе отдаваемое словам непривычным и старым, ответно и по большему праву похую и разбраню оно го зила, с несмысленным упорством судящего, либо с упрямством безоглядным приговор изрекающего, ибо поспешает он бухнуть в колокол, допрежь того не поглядевши в святцы. Насколь разумею, всяческая хвала Поэту новому причитается, и особливая подобает за многие старания, коими в древних правах восставил он сызнова добрые, исконные слова Аглицкие, иже в длительном забвении обретались, и едва ли не в полном презрении, бывшем единственной причиной тому, что язык наш отечественный, сам собою достаточно богатый для прозы и предостаточно возвы-

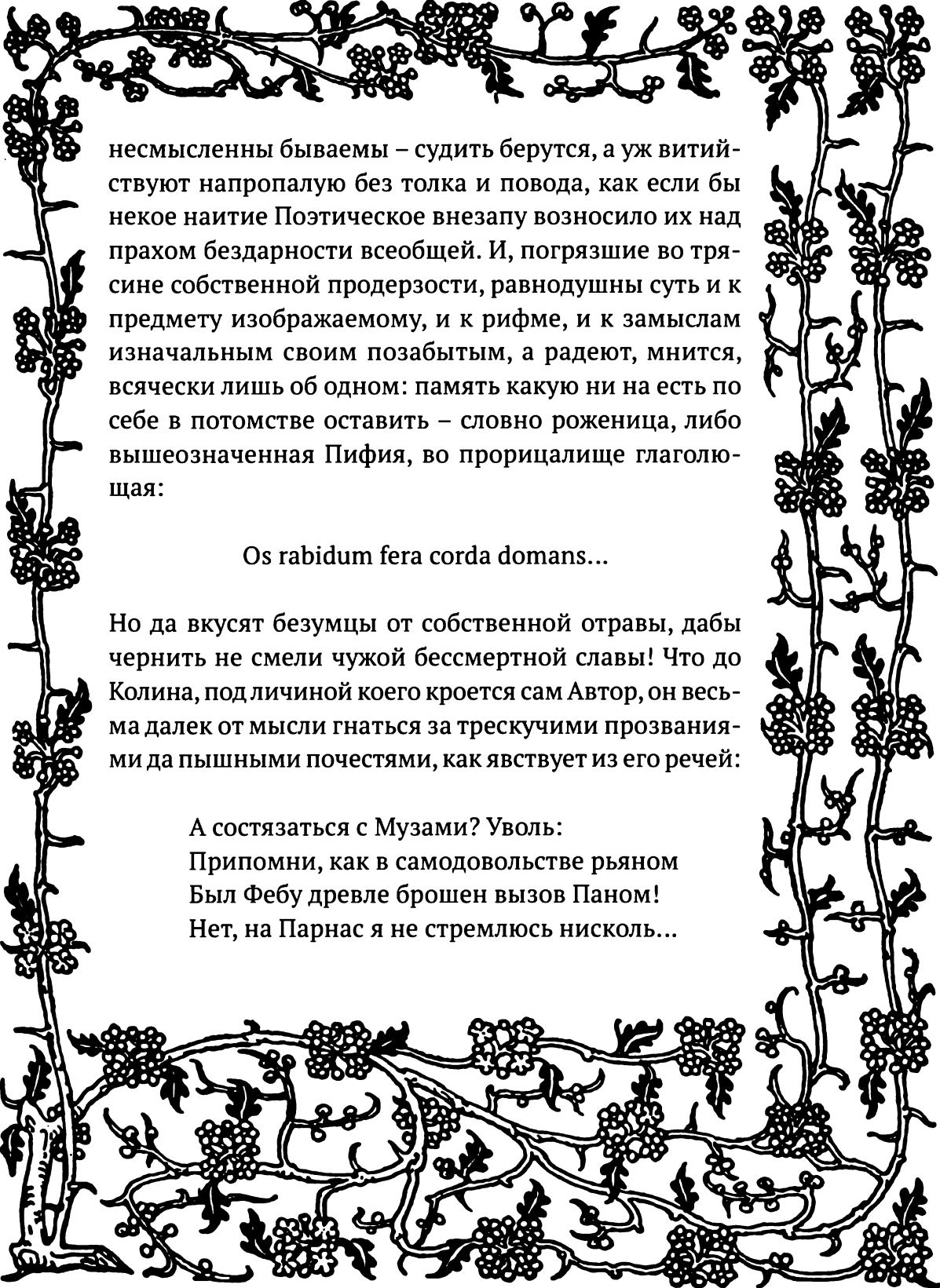

шенный для стихослагательства, долгое время почитался весьма скудным и лишенным обоих оных свойств. И когда мужи некие тщились выправить и пополнить скудость сию, латали они прорехи обрывками да тряпицами иных наречий, семо заимствуя из Французского, тамо из Италианского, а всеместно из Латыни, отнюдь не мысля о том, сколь прескверно языки сии сочetaются друг с другом, а уж тем паче сколь гнусно с нашим собственным; и ныне содеяли речь Аглицкую доподлинной кашей и месивом истинным, черпая отовсюду без разбору. Иные же, языком своим Аглицким владея, вероятно, горше, нежели чужеземными, внемлют глаголу коренному, всецело природному и смыслом исполненному, и тотчас вопиют: не по-Аглицки молвите сие, но по-басурмански, а вернее того, по-ахинейски, яко же мать Эвандро-ва* прорицала древле. И срам велий им, во-первых, за то, что сраму не имеют, языку своему праотеческому чужаками будучи и супостатами; второй же срам паче первого, ибо чего сами уразуметь не могут, немедля то чтут бессмысленным и никому не внятным. И по-

* *Эвандр* – сын Эрмия (Гермеса, Меркурия) и Карменты, древнеримской богини чадородия и прорицаний, одной из киммерийских сивилл, чьи речи были весьма темны для разумения.

добытся Кроту из басни Езоповой, иже, будучи слеп, никоим образом веры приять не желал, что всякая иная тварь глядеть и видеть способна. Третий же срам и стыд пуще обоих помянутых, ибо собственной земель своей небрегут, а собственную речь, с молоком Кормилиц некогда впитанную, в таком презрении содержат и судят настоль несправедно, что не токмо ни сами не тщатся изукрасить и возвысить ее, но еще и горько сетуют, ежели кто иной расцветить ее намерен. Псу, на сене возлежащу, подобны, иже сам ничтоже вкушает, но лает на гладного быка, пищи алкающего; да, породу сию шелудивую не удержишь от лая, но след и поблагодарить ее, ибо, по крайности, кусать еще не смеет. Что же до того, как сопрягаются воедино речения, почитаемые удами и суставами повествования стихотворного, и до всей меры оно, одно скажем: стихи сии гладки, да не пресны, учены, да не тяжело-весны; их возмощет выслушать невежда, уразумеет почти всякий, а оценит лишь просвещенный муж. Ибо что у многих пиитов Аглицких случайно да неряшливо, едва ли не расхристано, то у сего творца на доброй основе покоится, ладно скроено и крепко сшито. Замечу кстати, что презрения и хулы достойно сборище рифмоблудов наших косноязычных, целою сворой за славою охотящихся: несведущи бываемы – хвастают,

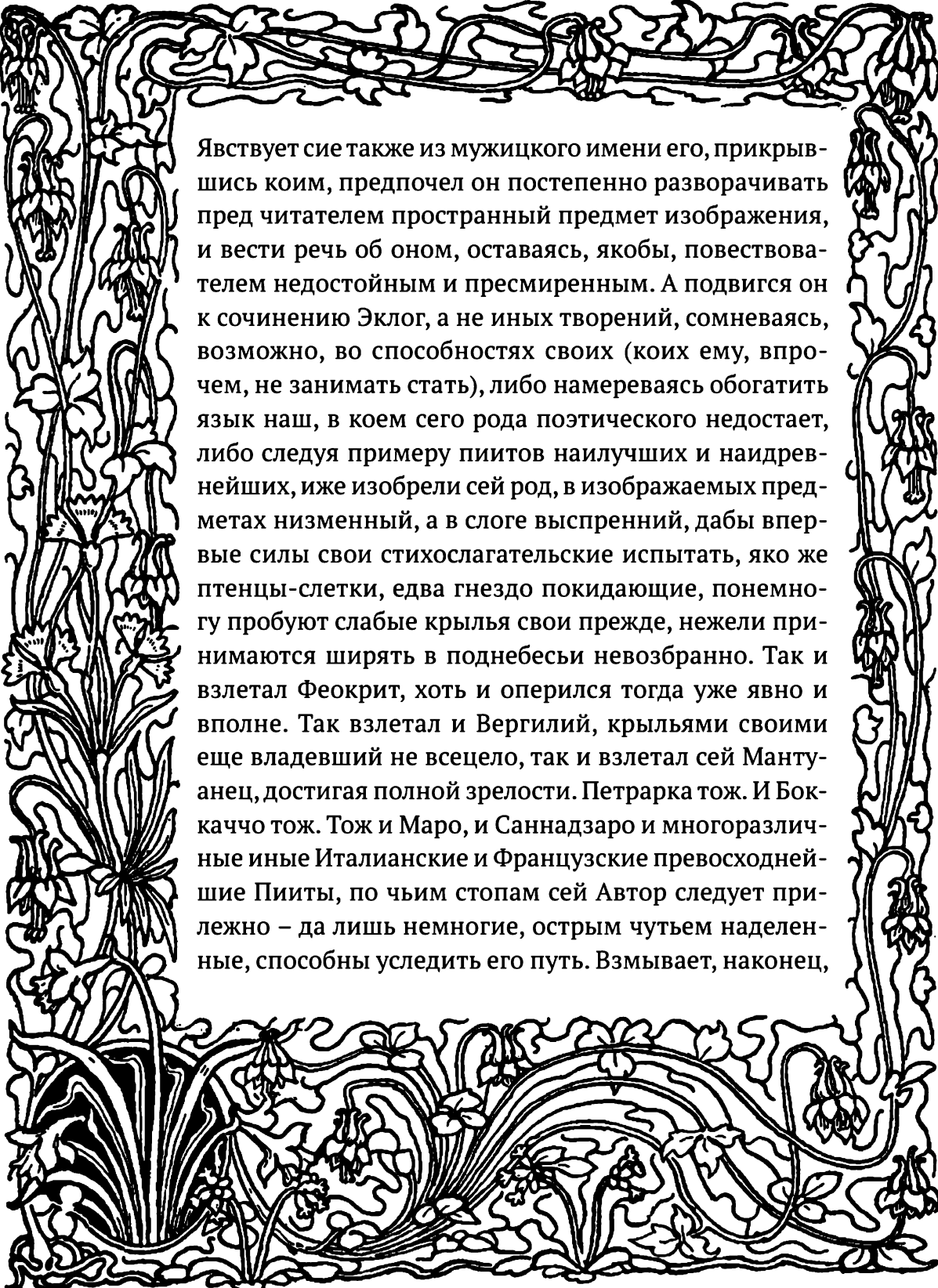

несмысленны бываемы – судить берутся, а уж витий-
ствуют напропалую без толка и повода, как если бы
некое наитие Поэтическое внезапно возносило их над
прахом бездарности всеобщей. И, погрязшие во тря-
сине собственной продерзости, равнодушны суть и к
предмету изображаемому, и к рифме, и к замыслам
изначальным своим позабытым, а радуют, мнится,
всячески лишь об одном: память какую ни на есть по
себе в потомстве оставить – словно роженица, либо
вышеозначенная Пифия, во прорицалище глаголю-
щая:

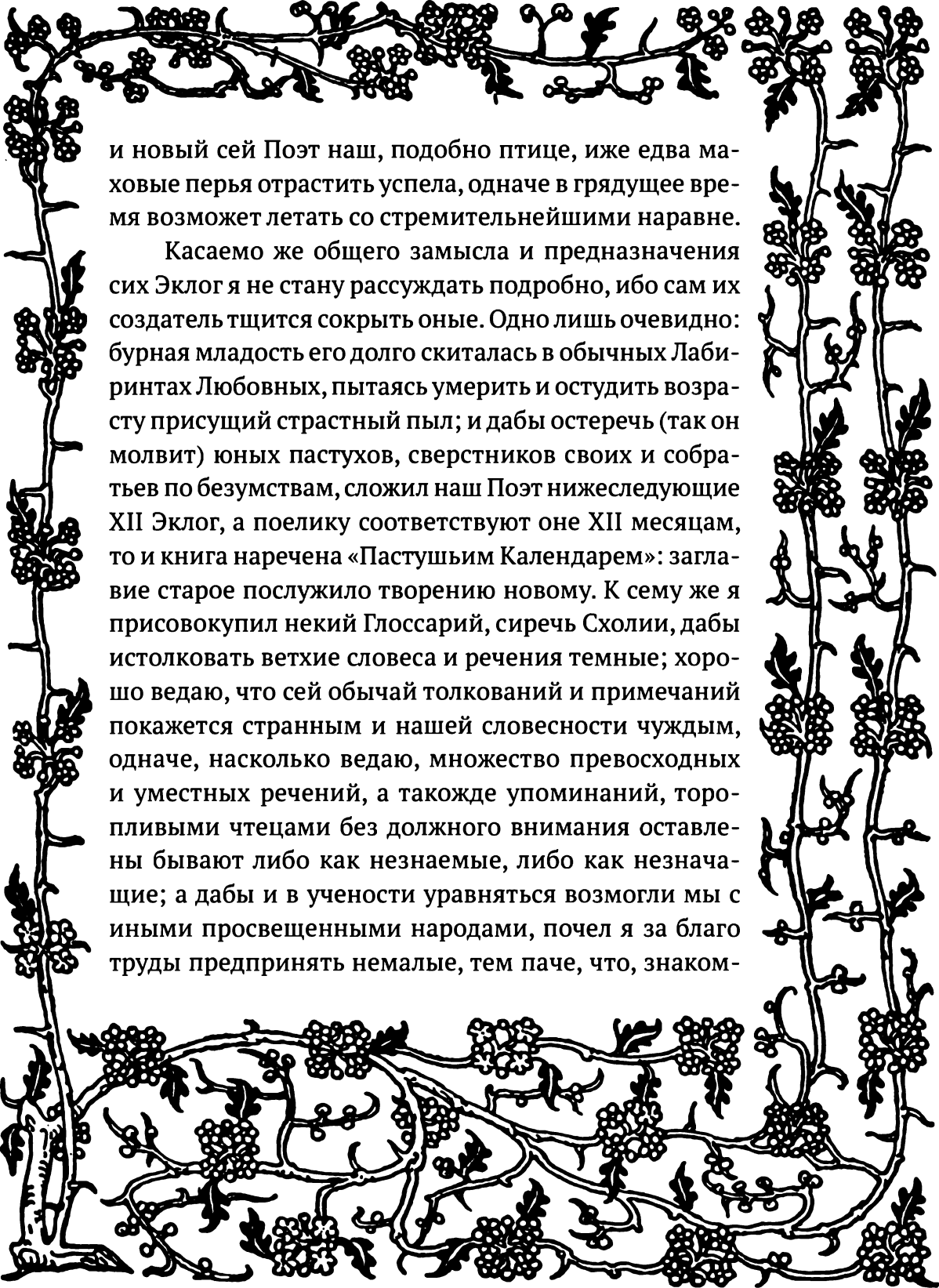
Os rabidum fera corda domans...

Но да вкусят безумцы от собственной отравы, дабы
чернить не смели чужой бессмертной славы! Что до
Колина, под личиной коего кроется сам Автор, он весь-
ма далек от мысли гнаться за трескучими прозвания-
ми да пышными почестями, как явствует из его речей:

А состязаться с Музами? Уволь:
Припомни, как в самодовольстве рьяном
Был Фебу древле брошен вызов Паном!
Нет, на Парнас я не стремлюсь нисколько...

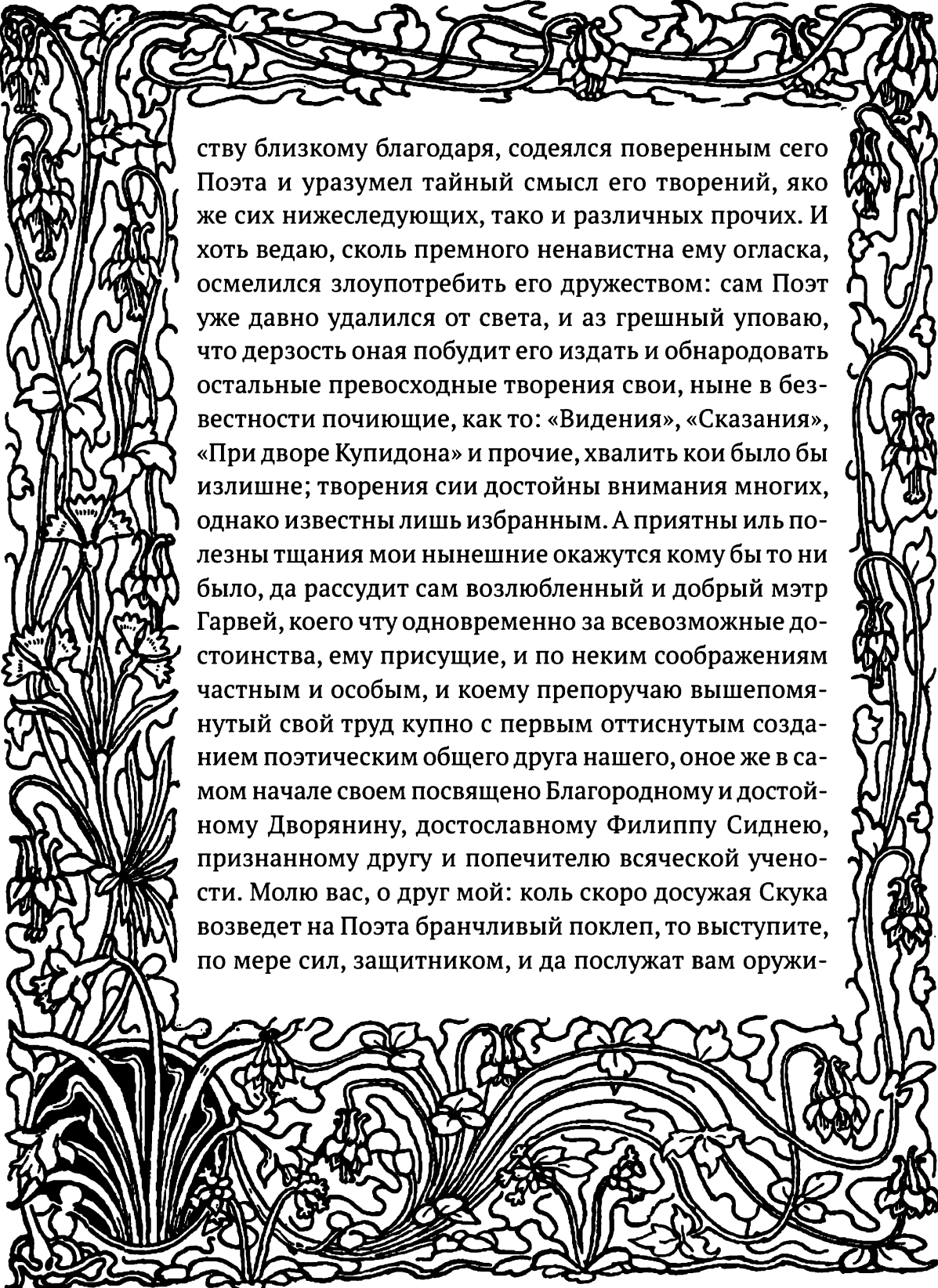

Явствует сие также из мужицкого имени его, прикрывшись коим, предпочел он постепенно разворачивать пред читателем пространный предмет изображения, и вести речь об оном, оставаясь, якобы, повествователем недостойным и пресмирненным. А подвигся он к сочинению Эклог, а не иных творений, сомневаясь, возможно, во способностях своих (коих ему, впрочем, не занимать стать), либо намереваясь обогатить язык наш, в коем сего рода поэтического недостает, либо следуя примеру пиитов наилучших и наидревнейших, иже изобрели сей род, в изображаемых предметах низменный, а в слоге выпренный, дабы впервые силы свои стихослагательские испытать, яко же птенцы-слетки, едва гнездо покидающие, понемногу пробуют слабые крылья свои прежде, нежели принимаются ширять в поднебесьи невозбранно. Так и взлетал Феокрит, хоть и оперился тогда уже явно и вполне. Так взлетал и Вергилий, крыльями своими еще владевший не всецело, так и взлетал сей Мантуанец, достигая полной зрелости. Петрарка тож. И Боккаччо тож. Тож и Маро, и Саннадзаро и многоразличные иные Италианские и Французские превосходнейшие Пииты, по чьим стопам сей Автор следует прилежно – да лишь немногие, острым чутьем наделенные, способны уследить его путь. Взмывает, наконец,

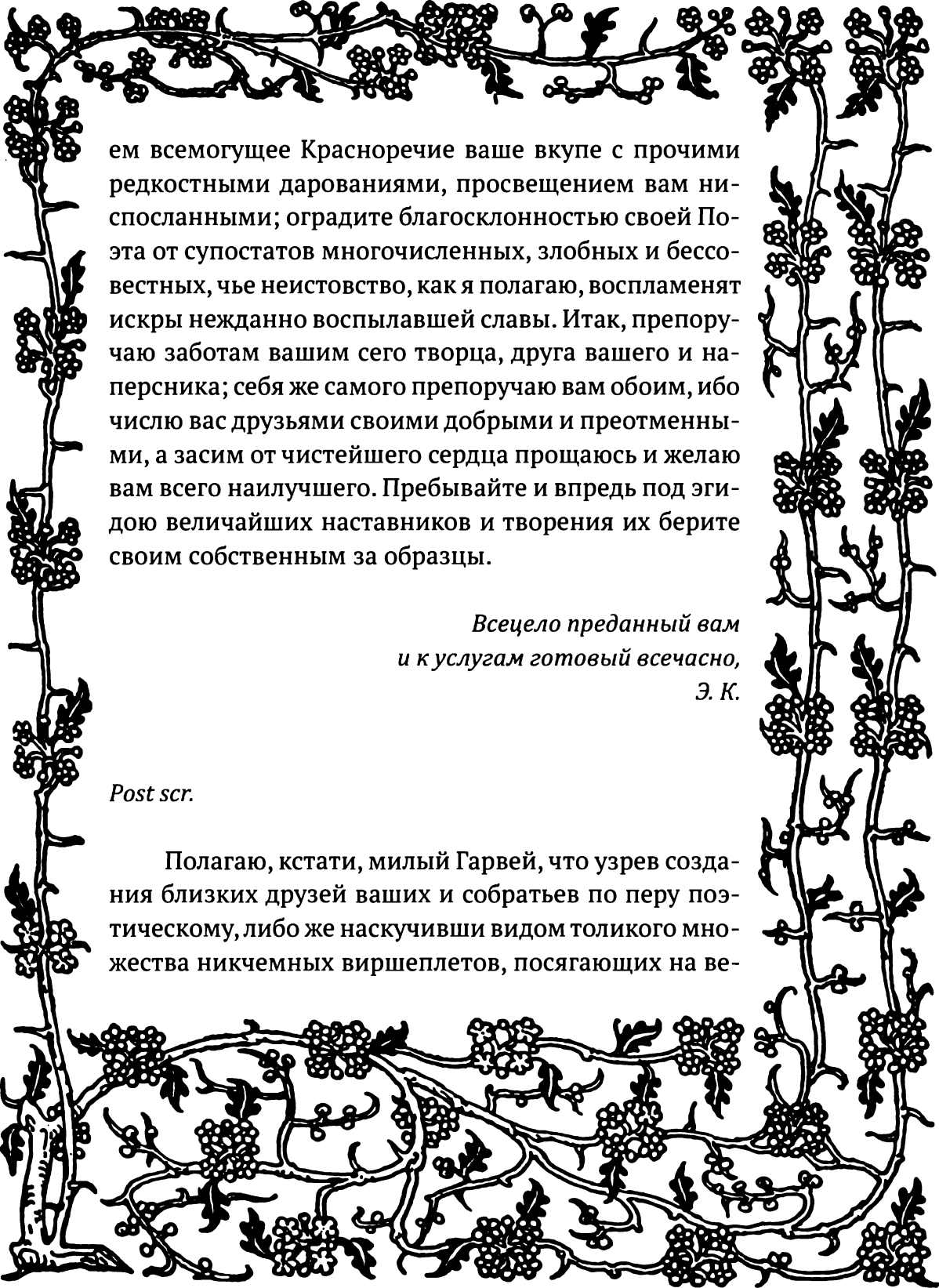

и новый сей Поэт наш, подобно птице, иже едва маховые перья отрастить успела, одначе в грядущее время возможет летать со стремительнейшими наравне.

Касаемо же общего замысла и предназначения сих Эклог я не стану рассуждать подробно, ибо сам их создатель тщится сокрыть оные. Одно лишь очевидно: бурная младость его долго скиталась в обычных Лабиринтах Любовных, пытаюсь умерить и остудить возрасту присущий страстный пыл; и дабы остеречь (так он молвит) юных пастухов, сверстников своих и братьев по безумствам, сложил наш Поэт нижеследующие XII Эклог, а поелику соответствуют оне XII месяцам, то и книга наречена «Пастушьим Календарем»: заглавие старое послужило творению новому. К сему же я присовокупил некий Глоссарий, сиречь Схолии, дабы истолковать ветхие словеса и речения темные; хорошо ведаю, что сей обычай толкований и примечаний покажется странным и нашей словесности чуждым, одначе, насколько ведаю, множество превосходных и уместных речений, а такожде упоминаний, торопливыми чтецами без должного внимания оставлены бывают либо как неизвестные, либо как незначащие; а дабы и в учености уравниаться возмогли мы с иными просвещенными народами, почел я за благо труды предпринять немалые, тем паче, что, знаком-

ству близкому благодаря, содеялся поверенным сего Поэта и уразумел тайный смысл его творений, яко же сих нижеследующих, тако и различных прочих. И хоть ведаю, сколь премного ненавистна ему огласка, осмелился злоупотребить его дружеством: сам Поэт уже давно удалился от света, и аз грешный уповаю, что дерзость она побудит его издать и обнародовать остальные превосходные творения свои, ныне в безвестности почиющие, как то: «Видения», «Сказания», «При дворе Купидона» и прочие, хвалить кои было бы излишне; творения сии достойны внимания многих, однако известны лишь избранным. А приятны иль полезны тщания мои нынешние окажутся кому бы то ни было, да рассудит сам возлюбленный и добрый мэтр Гарвей, коего чту одновременно за всевозможные достоинства, ему присущие, и по неким соображениям частным и особым, и коему препоручаю вышепомннутый свой труд купно с первым оттиснутым созданием поэтическим общего друга нашего, оное же в самом начале своем посвящено Благородному и достойному Дворянину, достославному Филиппу Сиднею, признанному другу и попечителю всяческой учености. Молю вас, о друг мой: коль скоро досужая Скука возведет на Поэта бранчливый поклеп, то выступите, по мере сил, защитником, и да послужат вам оружи-

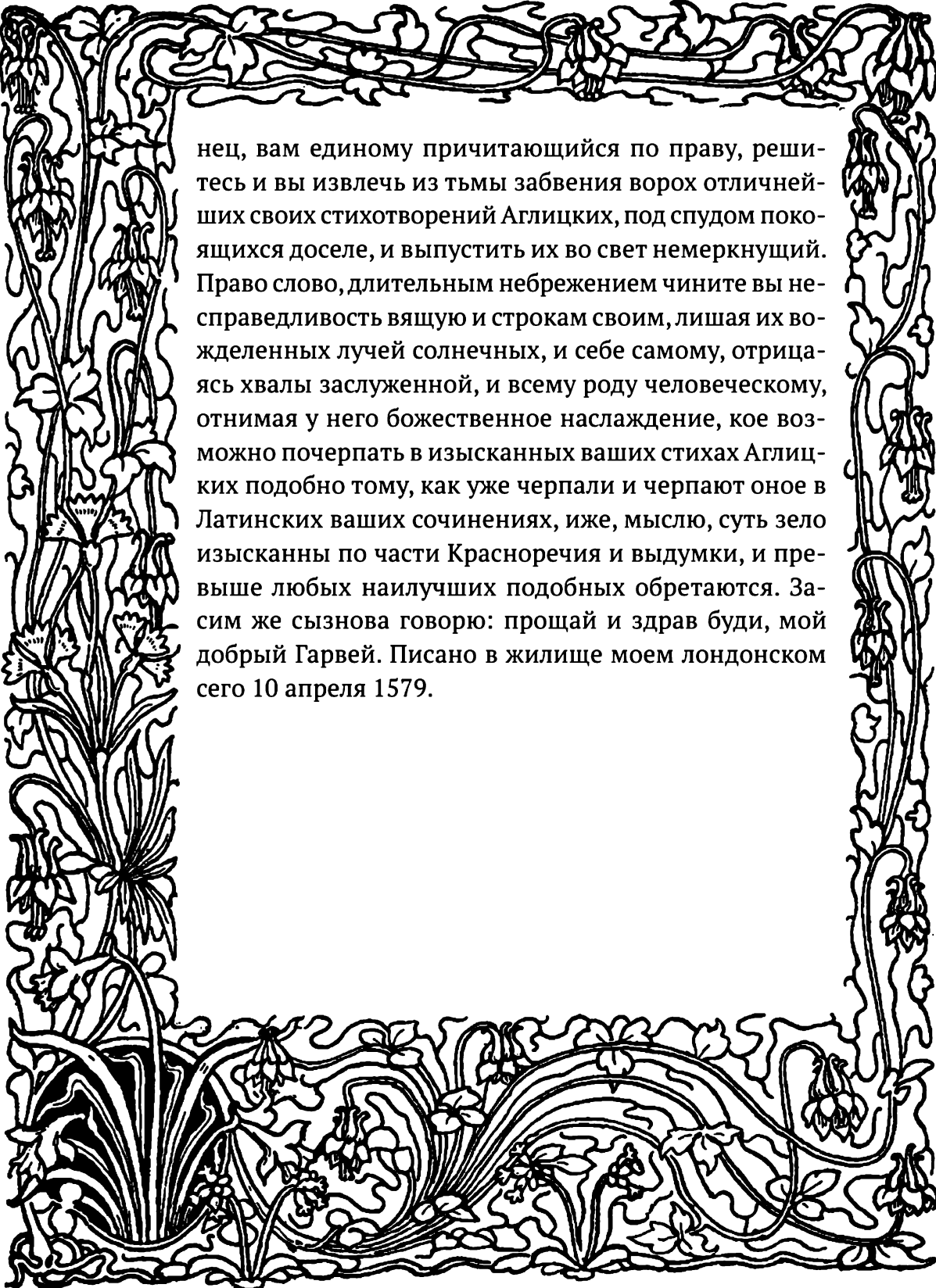

ем всемогущее Красноречие ваше вкупе с прочими редкостными дарованиями, просвещением вам ни-спосланными; оградите благосклонностью своей Поэта от супостатов многочисленных, злобных и бессовестных, чье неистовство, как я полагаю, воспламят искры нежданно воспылавшей славы. Итак, препоручаю заботам вашим сего творца, друга вашего и наперсника; себя же самого препоручаю вам обоим, ибо числю вас друзьями своими добрыми и преотменными, а засим от чистейшего сердца прощаюсь и желаю вам всего наилучшего. Пребывайте и впредь под эгидою величайших наставников и творения их берите своим собственным за образцы.

*Всецело преданный вам
и к услугам готовый всечасно,
Э. К.*

Post scr.

Полагаю, кстати, милый Гарвей, что узрев создания близких друзей ваших и собратьев по перу поэтическому, либо же наскучивши видом толикого множества никчемных виршеплетов, посягающих на ве-

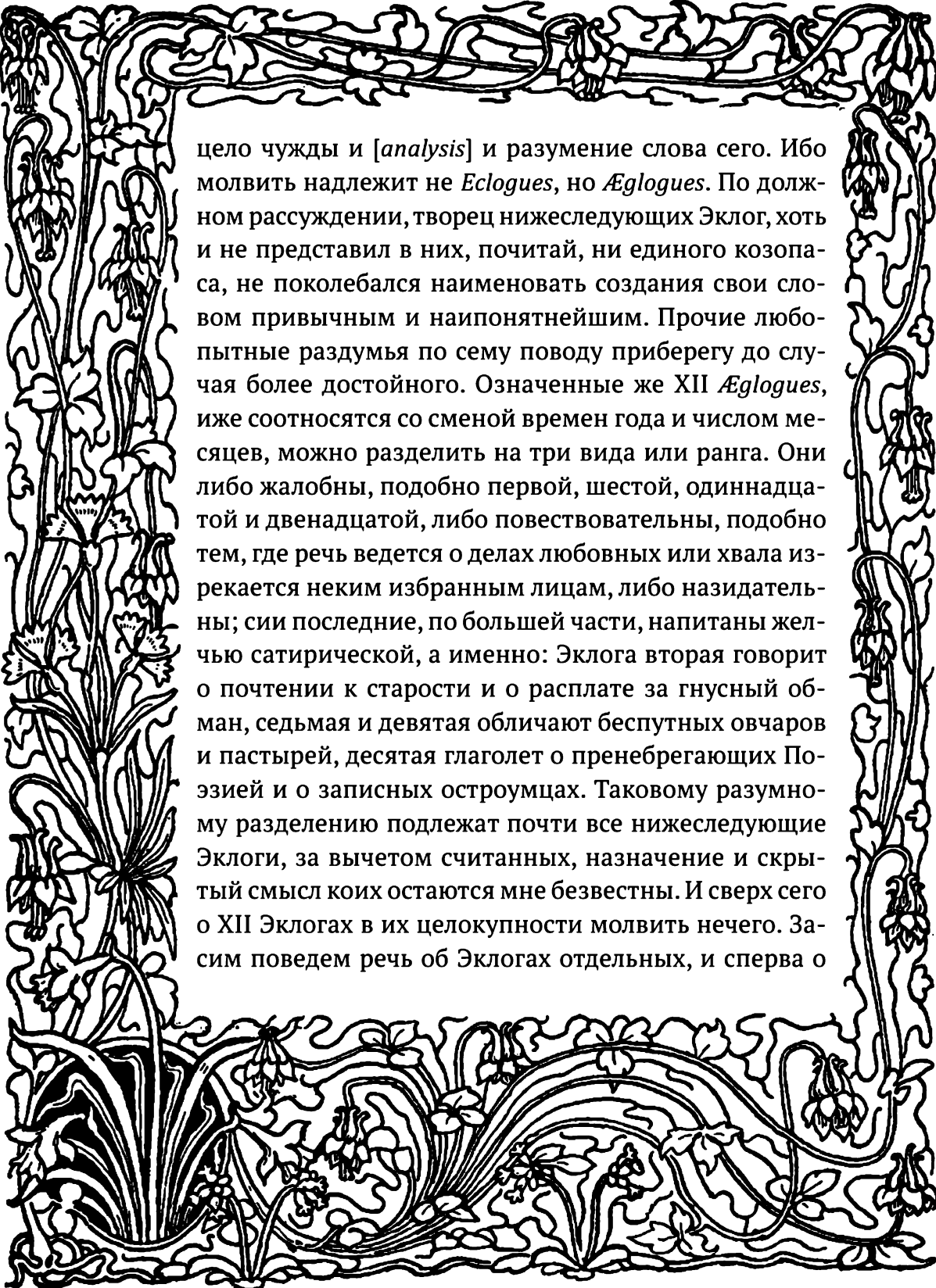
нец, вам единому причитающийся по праву, решитесь и вы извлечь из тьмы забвения ворох отличнейших своих стихотворений Аглицких, под спудом покоящихся доселе, и выпустить их во свет немеркнущий. Право слово, длительным небрежением чините вы несправедливость вящую и строкам своим, лишая их вожденных лучей солнечных, и себе самому, отрицаясь хвалы заслуженной, и всему роду человеческому, отнимая у него божественное наслаждение, кое возможно почерпать в изысканных ваших стихах Аглицких подобно тому, как уже черпали и черпают оное в Латинских ваших сочинениях, иже, мыслю, суть зело изысканны по части Красноречия и выдумки, и превыше любых наилучших подобных обретаются. Засим же сызнова говорю: прощай и здрав буди, мой добрый Гарвей. Писано в жилище моем лондонском сего 10 апреля 1579.

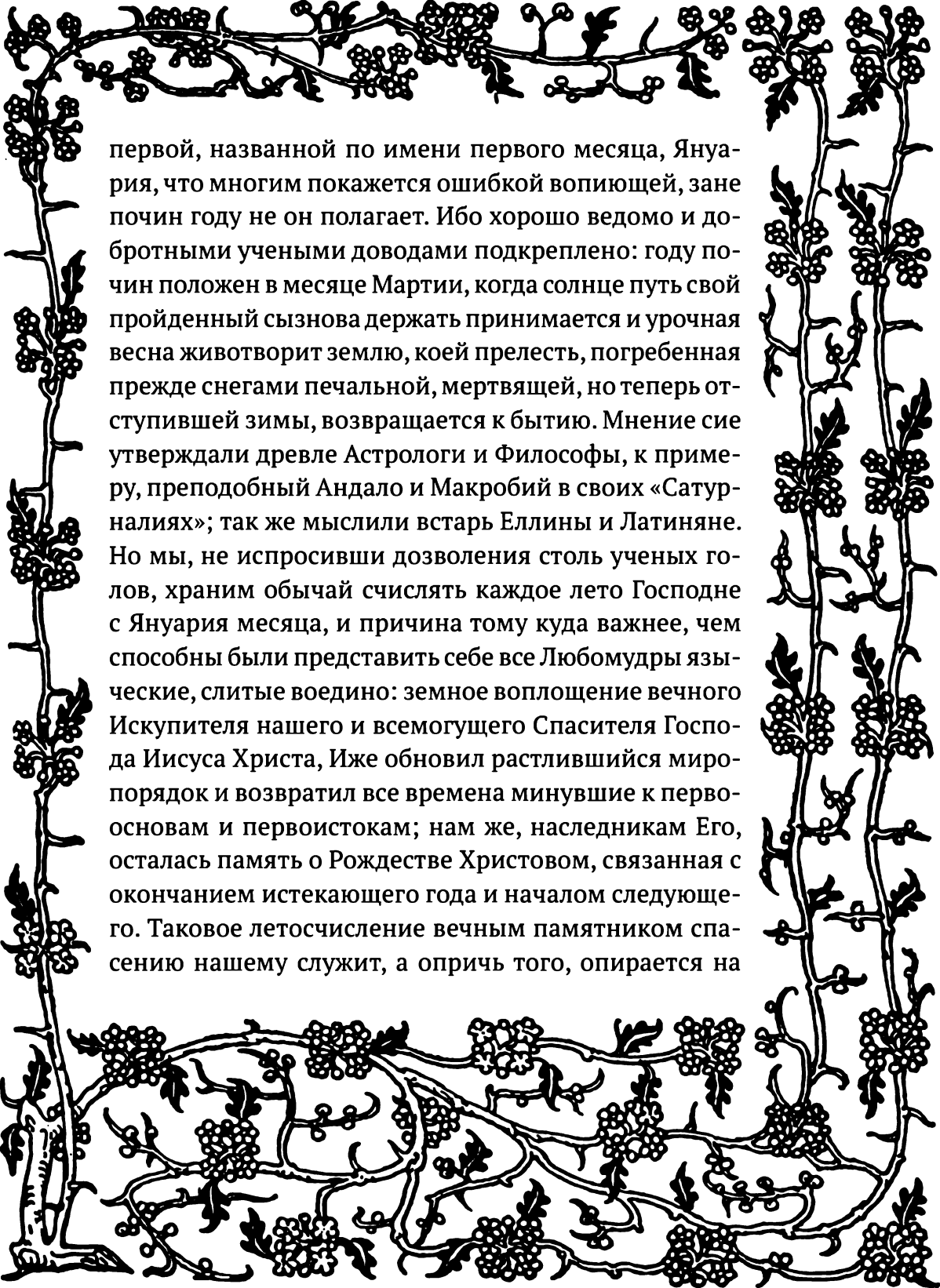
ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ ВСЕЙ КНИГИ

Нет, надеюсь, никакой особой нужды подробно повествовать о первоисточнике Эклог, понеже оный уже помянут. Но поелику ведаю, что само слово Эклога пребывает неведомым почти никому, да и кое-кем из наученейших (по собственному их суждению) мужей толкуется неверно, то надобно молвить по сему поводу нечто, имеющее известное касательство к предмету повествования моего.

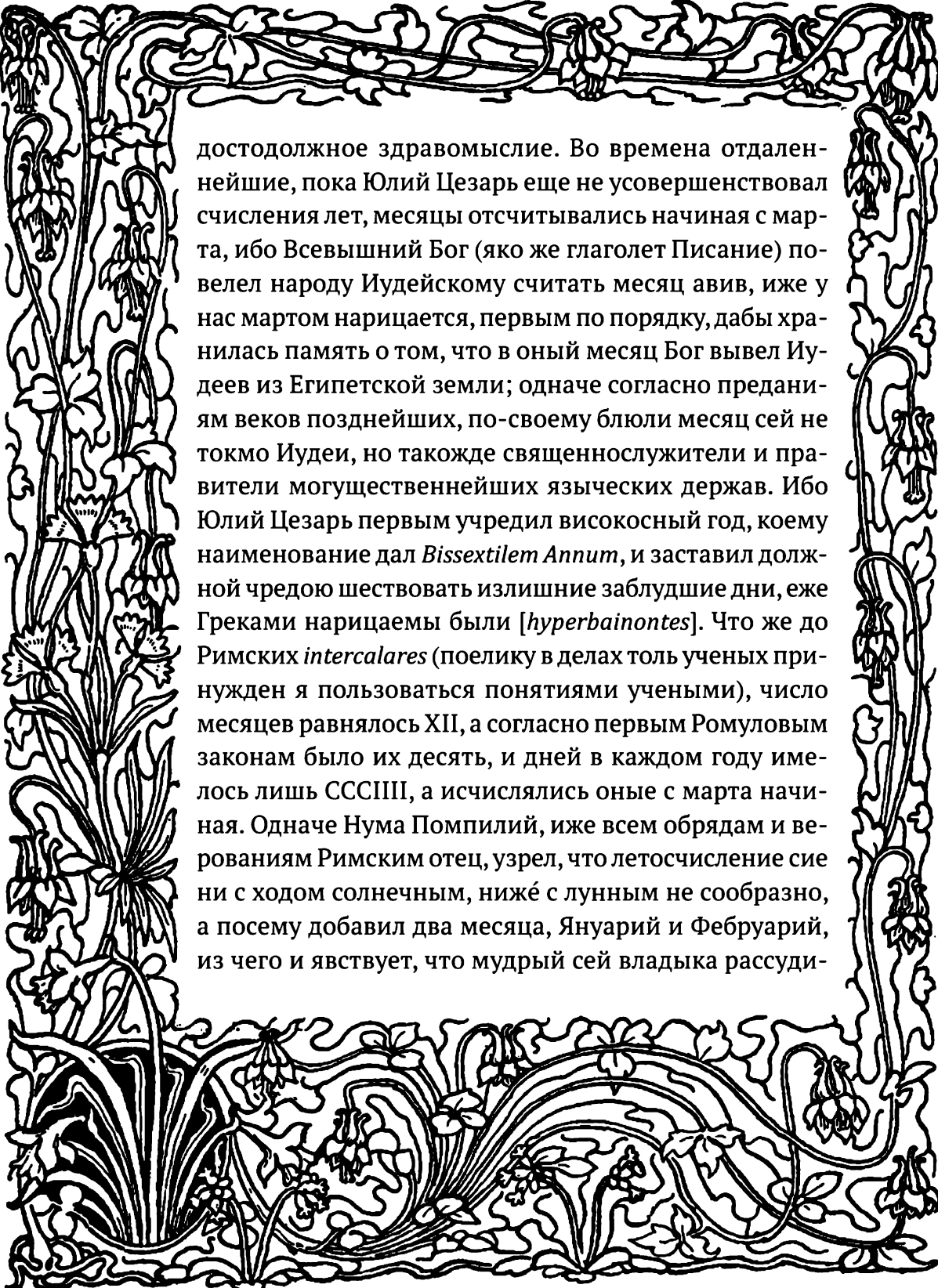
Еллины, кои оные Эклоги изобрели, наименование *Aeglogues* им дали от слов [*aigon*] или [*aigonoton*] [*logoi*], то бишь, речи козопасов. И хоть у Вергилия и других пиитов беседуют меж собою скорее овчары, нежели козопасы, нам и указом и первоисточником служит Феокрит, иже породил Эклоги на свет и прямым учителем Вергилию был, и ему веры подобает давать больше, чем ученику; а у Феокрита лица действующие и беседу ведущие суть именно козопасы. Одначе мужи, ослепляемые светом учености собственной, тщатся внушить нам, будто вернее говорить *Eclogai*, и трактуют слово сие как «необычайные рассуждения по поводам пустячным», да только оному толкованию, с природой предмета согласному смыслом своим, все-

A decorative border in a woodcut style surrounds the text. It features intricate floral and vine motifs, including what appear to be lilies and other flowers, with swirling lines connecting them. The border is thicker on the left and bottom sides, framing the text on the right and top.

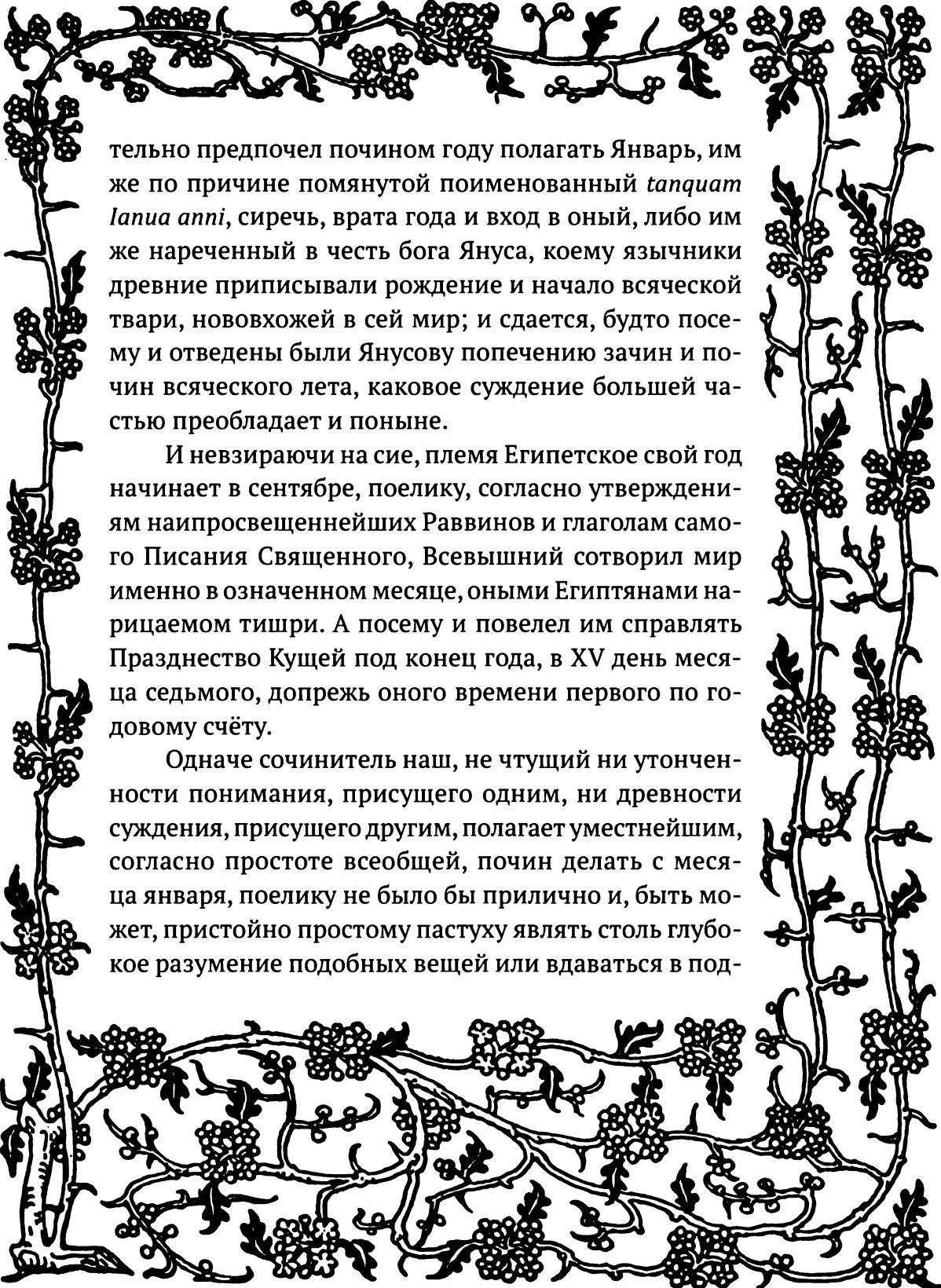
цело чужды и [analysis] и разумение слова сего. Ибо молвить надлежит не *Eclogues*, но *Æglogues*. По должном рассуждении, творец нижеследующих Эклог, хоть и не представил в них, почитай, ни единого козопаса, не поколебался наименовать создания свои словом привычным и наипонятнейшим. Прочие любопытные раздумья по сему поводу приберегу до случая более достойного. Означенные же XII *Æglogues*, иже соотносятся со сменой времен года и числом месяцев, можно разделить на три вида или ранга. Они либо жалобны, подобно первой, шестой, одиннадцатой и двенадцатой, либо повествовательны, подобно тем, где речь ведется о делах любовных или хвала изрекается неким избранным лицам, либо назидательны; сии последние, по большей части, напитаны желчью сатирической, а именно: Эклога вторая говорит о почтении к старости и о расплате за гнусный обман, седьмая и девятая обличают беспутных овчаров и пастырей, десятая глаголет о пренебрегающих Поэзией и о записных остроумцах. Таковому разумному разделению подлежат почти все нижеследующие Эклоги, за вычетом считанных, назначение и скрытый смысл коих остаются мне неизвестны. И сверх сего о XII Эклогах в их целокупности молвить нечего. Засим поведем речь об Эклогах отдельных, и сперва о

первой, названной по имени первого месяца, Января, что многим покажется ошибкой вопиющей, зане почин году не он полагает. Ибо хорошо ведомо и добротными учеными доводами подкреплено: году почин положен в месяце Мартии, когда солнце путь свой пройденный сызнова держать принимается и урочная весна животворит землю, коей прелесть, погребенная прежде снегами печальной, мертвящей, но теперь отступившей зимы, возвращается к бытию. Мнение сие утверждали древле Астрологи и Философы, к примеру, преподобный Андало и Макробий в своих «Сатурналиях»; так же мыслили встарь Еллины и Латиняне. Но мы, не испросивши дозволения столь ученых голов, храним обычай счислять каждое лето Господне с Января месяца, и причина тому куда важнее, чем способны были представить себе все Любомудры языческие, слитые воедино: земное воплощение вечного Икупителя нашего и всемогущего Спасителя Господа Иисуса Христа, Иже обновил растлившийся миропорядок и возвратил все времена минувшие к первоосновам и первоистокам; нам же, наследникам Его, осталась память о Рождестве Христовом, связанная с окончанием истекающего года и началом следующего. Таковое летосчисление вечным памятником спасению нашему служит, а опричь того, опирается на

A detailed black and white line drawing of a decorative border. It features a central vertical stem with large, pointed leaves and clusters of small flowers. This stem is flanked by two vertical columns of smaller, more delicate floral motifs. The top and bottom of the page are framed by a wide, horizontal band of intricate, swirling floral and vine patterns, creating a complete rectangular frame around the text.

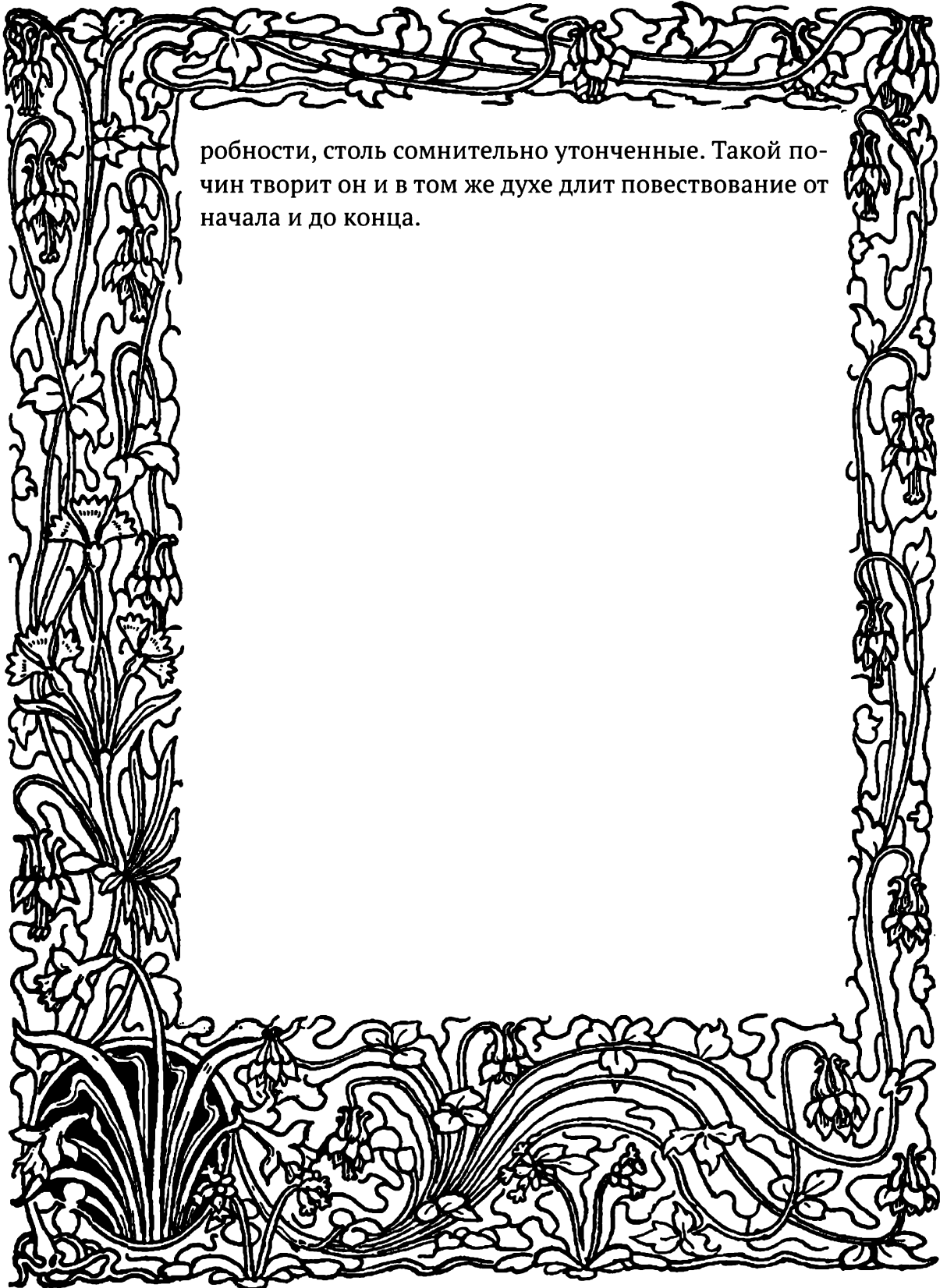
достодолжное здравомыслие. Во времена отдаленнейшие, пока Юлий Цезарь еще не усовершенствовал счисления лет, месяцы отсчитывались начиная с марта, ибо Всевышний Бог (яко же глаголет Писание) повелел народу Иудейскому считать месяц авив, иже у нас мартом нарицается, первым по порядку, дабы хранилась память о том, что в оный месяц Бог вывел Иудеев из Египетской земли; одначе согласно преданиям веков позднейших, по-своему блюли месяц сей не токмо Иудеи, но также священнослужители и правители могущественнейших языческих держав. Ибо Юлий Цезарь первым учредил високосный год, коему наименование дал *Bissextilem Annum*, и заставил должной чредою шествовать излишние заблудшие дни, еже Греками нарицаемы были [*hyperbainontes*]. Что же до Римских *intercalares* (поелику в делах толь ученых принужден я пользоваться понятиями учеными), число месяцев равнялось XII, а согласно первым Ромуловым законам было их десять, и дней в каждом году имелось лишь CCCIII, а исчислялись оные с марта начиная. Одначе Нума Помпилий, иже всем обрядам и верованиям Римским отец, узрел, что летосчисление сие ни с ходом солнечным, ниже с лунным не сообразно, а посему добавил два месяца, Януарий и Фебруарий, из чего и явствует, что мудрый сей владыка рассуди-

тельно предпочел почином году полагать Январь, им же по причине помянутой поименованный *tanquam Ianua anni*, сиречь, врата года и вход в оный, либо им же нареченный в честь бога Януса, коему язычники древние приписывали рождение и начало всяческой твари, нововхожей в сей мир; и сдается, будто посе- му и отведены были Янусову попечению зачин и по- чин всяческого лета, каковое суждение большей ча- стью преобладает и поныне.

И невзираючи на сие, племя Египетское свой год начинает в сентябре, поелику, согласно утвержде- ниям наипросвещеннейших Раввинов и глаголам само- го Писания Священного, Всевышний сотворил мир именно в означенном месяце, оными Египтянами на- рицаемом тишри. А посему и повелел им справлять Празднество Кущей под конец года, в XV день меся- ца седьмого, допрежь оногo времени первого по го- довому счёту.

Одначе сочинитель наш, не чтущий ни утончен- ности понимания, присущего одним, ни древности суждения, присущего другим, полагает уместнейшим, согласно простоте всеобщей, почин делать с меся- ца января, поелику не было бы прилично и, быть мо- жет, пристойно простому пастуху являть столь глубо- кое разумение подобных вещей или вдаваться в под-

робности, столь сомнительно утонченные. Такой почин творит он и в том же духе длит повествование от начала и до конца.

JANUARIE
ÆGLOGA
PRIMA

EMBLEME

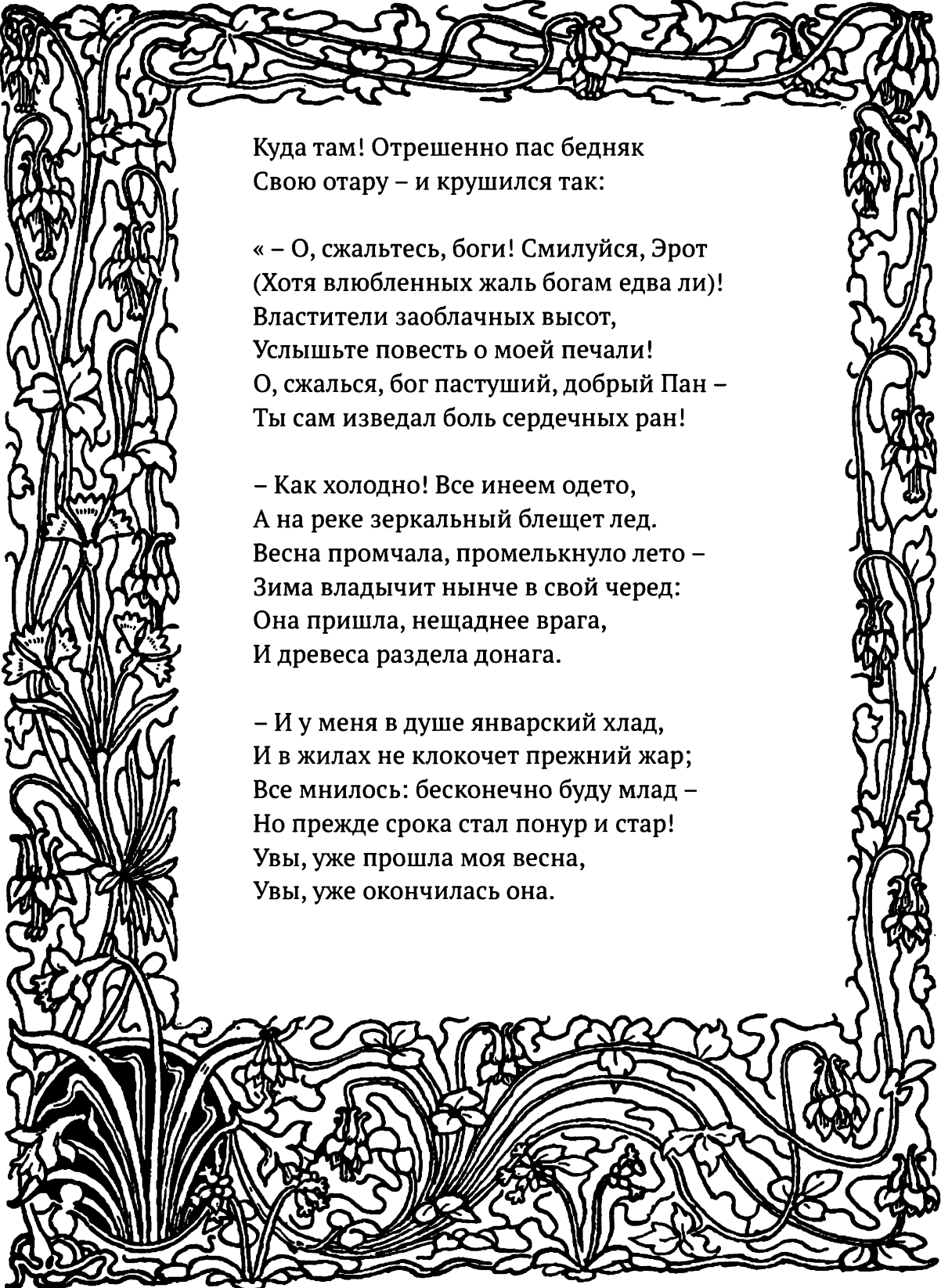
Январь ÆGLOGA PRIMA СОДЕРЖАНИЕ

В нижеследующей первой эклоге юный овчар Колин Клаут плачется на злосчастную безответную страсть, ибо совсем недавно (по видимости) влюбился в девуцу, именуемую Розалиндой; и будучи всемерно угнетаем нежной привязанностью, уподобляет он свою многострадальную участь печальному времени года, упоминая и мерзлую землю, и стынущие деревья, и собственное свое измученное холодом и голодом овечьё стадо. И в конце концов, сочтя себя лишенным любых и всяческих радостей и восторгов, он вдребезги разбивает пастушью свирель и кидается наземь.

Колин Клаут

Безвестный селянин, совсем юнец,
Когда январь окончился почти,
В погожий день повел пастись овец,
Что зиму коротали взаперти.
Худые, ослабевшие в хлеву,
Щипали овцы жухлую траву.

И с виду овцам был под стать пастух:
И слаб, и худ – не человек, а тень!
Злосчастье пригнетало юный дух;
Свирель наладить, подлатать плетень –

Куда там! Отрешенно пас бедняк
Свою отару – и крушился так:

« – О, сжальтесь, боги! Смилуйся, Эрот
(Хотя влюбленных жаль богам едва ли)!
Властители заоблачных высот,
Услышьте повесть о моей печали!
О, сжался, бог пастуший, добрый Пан –
Ты сам изведаль боль сердечных ран!

– Как холодно! Все инеем одето,
А на реке зеркальный блещет лед.
Весна промчала, промелькнуло лето –
Зима владычит нынче в свой черед:
Она пришла, нещаднее врага,
И древесна раздела донага.

– И у меня в душе январский хлад,
И в жилах не клокочет прежний жар;
Все мнилось: бесконечно буду млад –
Но прежде срока стал понур и стар!
Увы, уже прошла моя весна,
Увы, уже окончилась она.

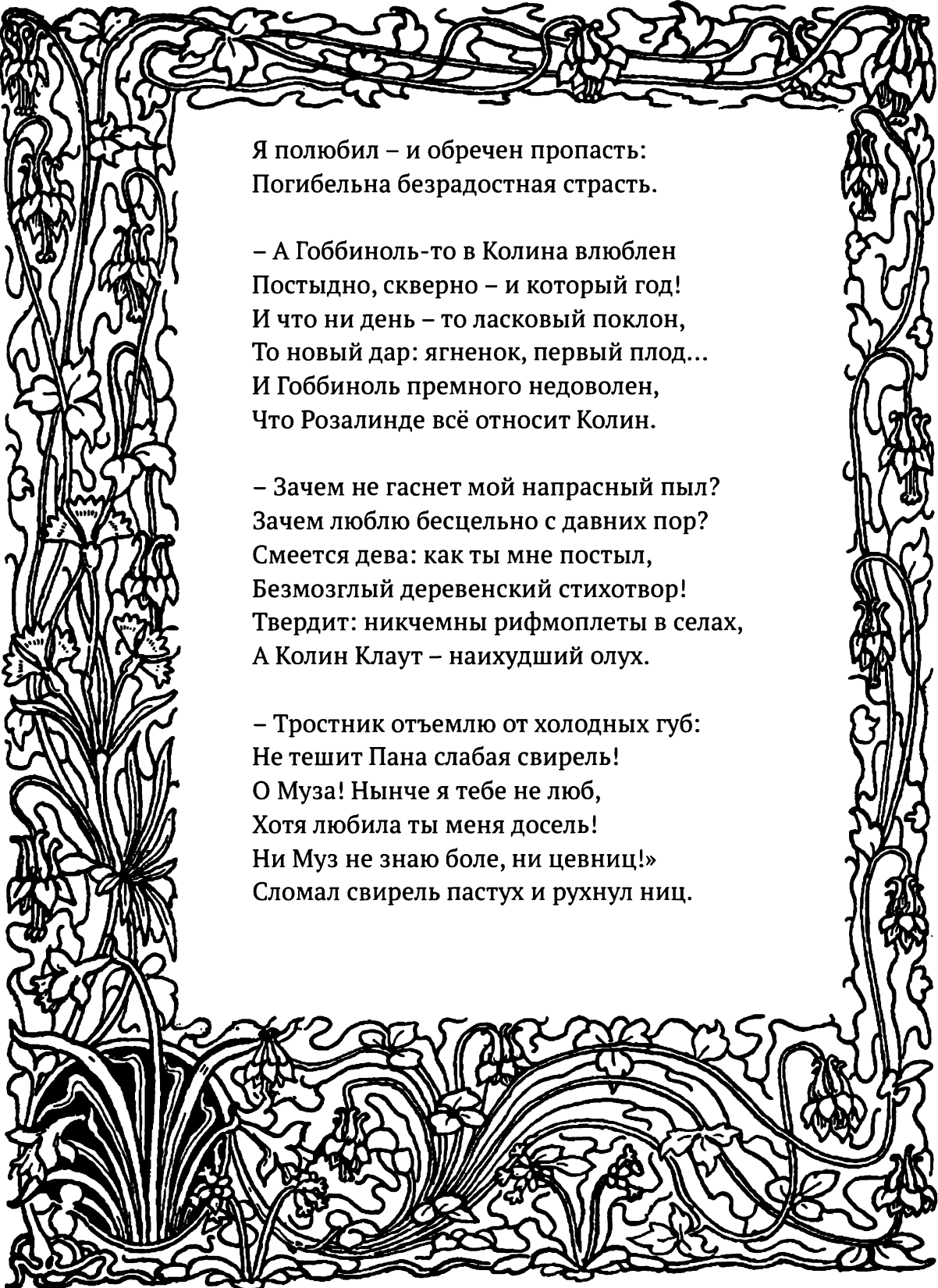

– Пустынный мир безрадостен и гол;
Нигде ни гнезд, ни песен птичьих нет.
Секло метелью всяк замшелый ствол,
Снесло со всех ветвей и лист и цвет.
Рыдали рощи – да потоки слез
Давно в сосульки обратил мороз.

– И жизнь моя отныне – мерзлый лес,
Где ни плода не сыщешь, ни листа:
Свистит метель средь стынувших древес,
Безжизненна чащоба и пуста;
И только слёз безудержный поток
Не застывает, хоть мороз жесток.

– Ох, угрязнилось овчье руно,
Свалялось! Мой голодный, бедный скот
Забит негодным пастырем давно –
Поскольку чахнет пастырь от забот!
Я слаб – и у овец не стало сил:
Хиреет стадо, если пастырь хил.

– Да будь он проклят, окаянный час,
Когда я навестил соседний град!
Но будь благословен сто тысяч раз
Нежданный миг – и мимолетный взгляд!..

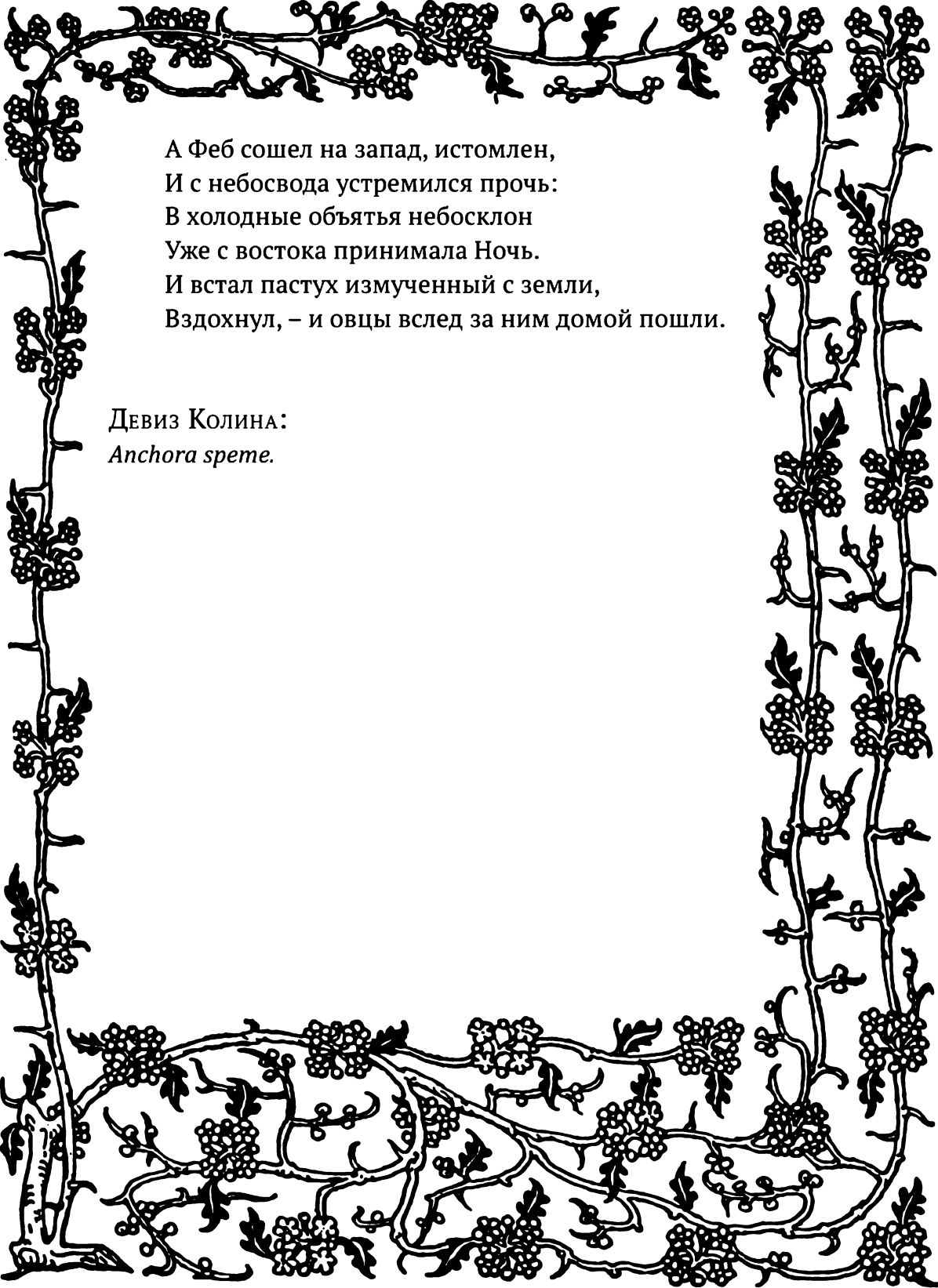

Я полюбил – и обречен пропасть:
Погибельна безрадостная страсть.

– А Гоббиноль-то в Колина влюблен
Постыдно, скверно – и который год!
И что ни день – то ласковый поклон,
То новый дар: ягненок, первый плод...
И Гоббиноль премного недоволен,
Что Розалинде всё относит Колин.

– Зачем не гаснет мой напрасный пыл?
Зачем люблю бесцельно с давних пор?
Смеется дева: как ты мне постыл,
Безмозглый деревенский стихотвор!
Твердит: никчемны рифмоплеты в селах,
А Колин Клаут – наихудший олух.

– Тростник отъемлю от холодных губ:
Не тешит Пана слабая свирель!
О Муза! Нынче я тебе не люб,
Хотя любила ты меня досель!
Ни Муз не знаю боле, ни цевниц!»
Сломал свирель пастух и рухнул ниц.

А Феб сошел на запад, истомлен,
И с небосвода устремился прочь:
В холодные объятия небосклон
Уже с востока принимала Ночь.
И встал пастух измученный с земли,
Вздыхнул, – и овцы вслед за ним домой пошли.

Девиз Колина:
Anchora speme.

FEBRUARIE
ÆGLOGA
SECUNDA

EMBLEME
S

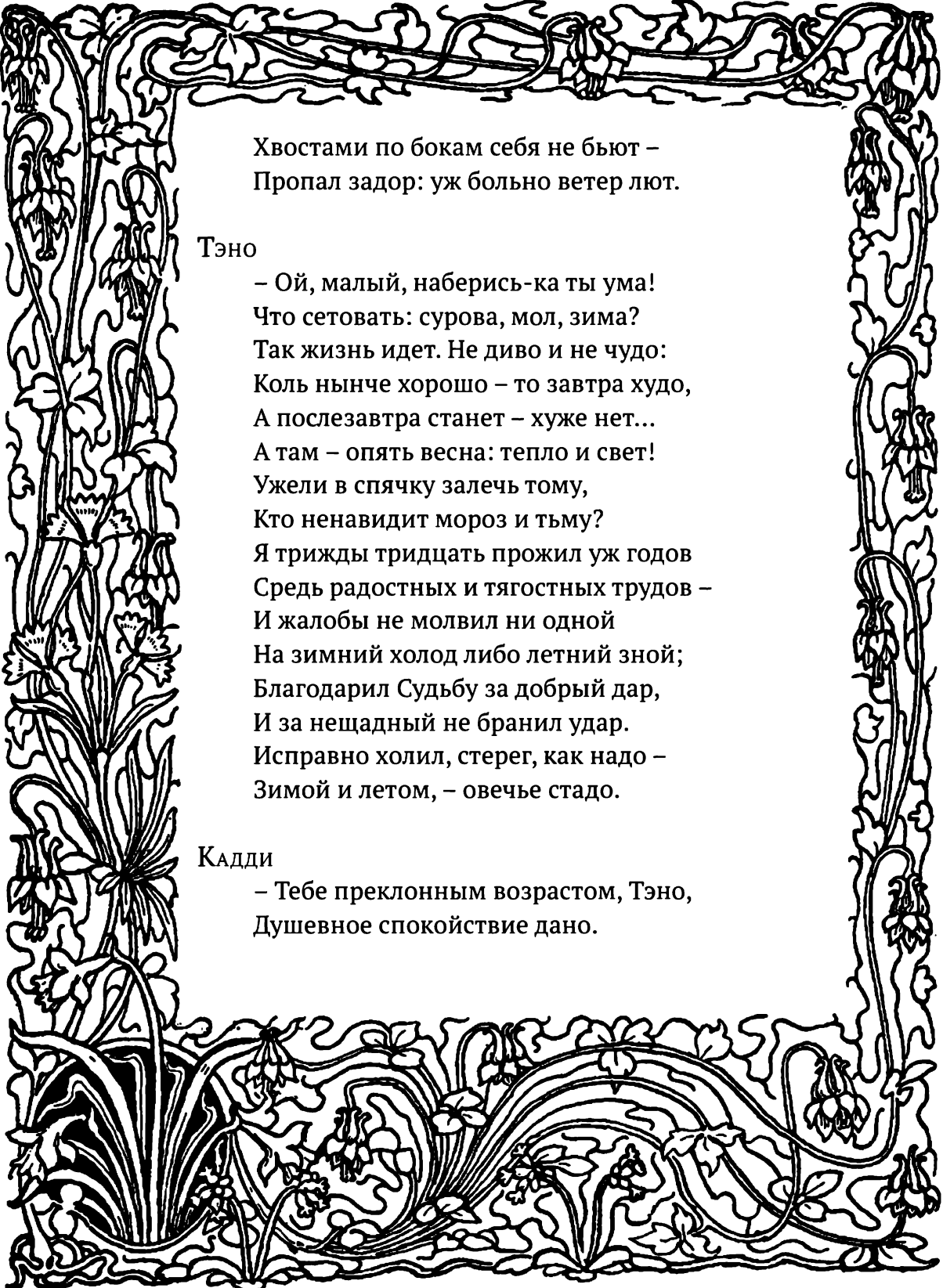
ФЕВРАЛЬ ÆGLOGA SECUNDA СОДЕРЖАНИЕ

Сия Эклога скорее общеназидательна, нежели устремлена к рассуждениям тайным либо частным. Речи преимущественно заводит Старый Век Людской, воплощенный в престарелом пастухе Тэно, чью согбенную дряхлость высмеивает Кадди, подпасок, мающийся от холода. Сам предмет беседы весьма сообразен с месяцем февралем, в коем год уже сникает и, можно молвить, уже влачится к своим последним дням. Сходным образом, на склоне лет и наши тела объемлет сухой изнурительный хлад, понуждающий сворачиваться вяло текущую по жилам кровь; а чахлую плоть заставляют коченеть бури судьбы и заморозки забот. Посему старый пастух и рассказывает повесть о Дубе и Вересковом Кусте – да с такой живостью, с таким чувством, что предстань все это нашим очам даже на расписном холсте – и то не показалось бы нагляднее.

Кадди, Тэно

Кадди

– Ужель не стихнет злобный зимний гнев,
И ветер не уймется, присмирив?
Он пронимает нынче до костей –
Как будто хлещет сотнями плетей!
Он грозен, как подземные толчки:
Шатаются, дрожат мои бычки.

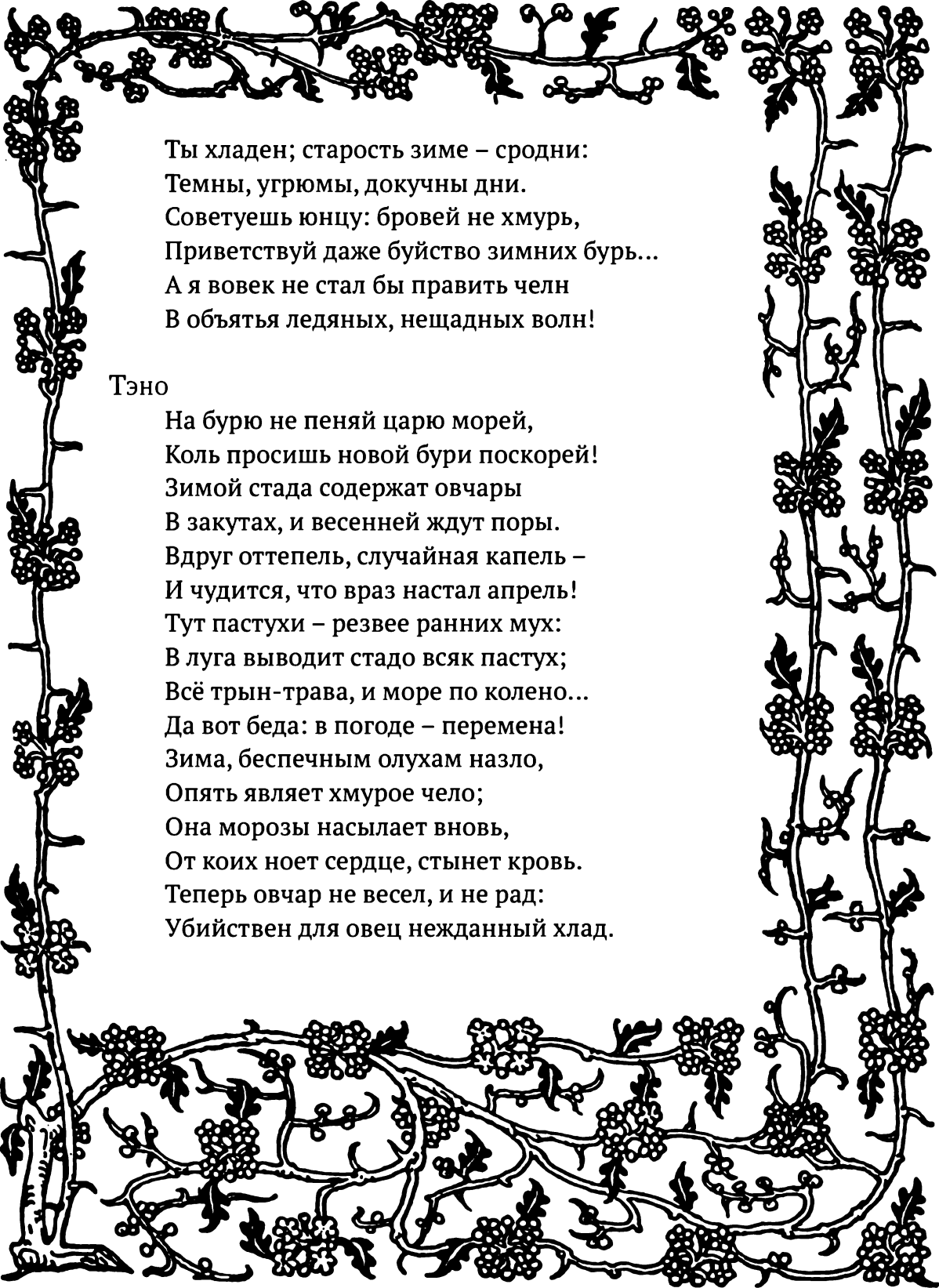
Хвостами по бокам себя не бьют –
Пропал задор: уж больно ветер лют.

Тэно

– Ой, малый, наберись-ка ты ума!
Что сетовать: сурова, мол, зима?
Так жизнь идет. Не диво и не чудо:
Коль нынче хорошо – то завтра худо,
А послезавтра станет – хуже нет...
А там – опять весна: тепло и свет!
Ужели в спячку залечь тому,
Кто ненавидит мороз и тьму?
Я трижды тридцать прожил уж годов
Средь радостных и тягостных трудов –
И жалобы не молвил ни одной
На зимний холод либо летний зной;
Благодарил Судьбу за добрый дар,
И за нещадный не бранил удар.
Исправно холил, стерег, как надо –
Зимой и летом, – овечье стадо.

Кадди

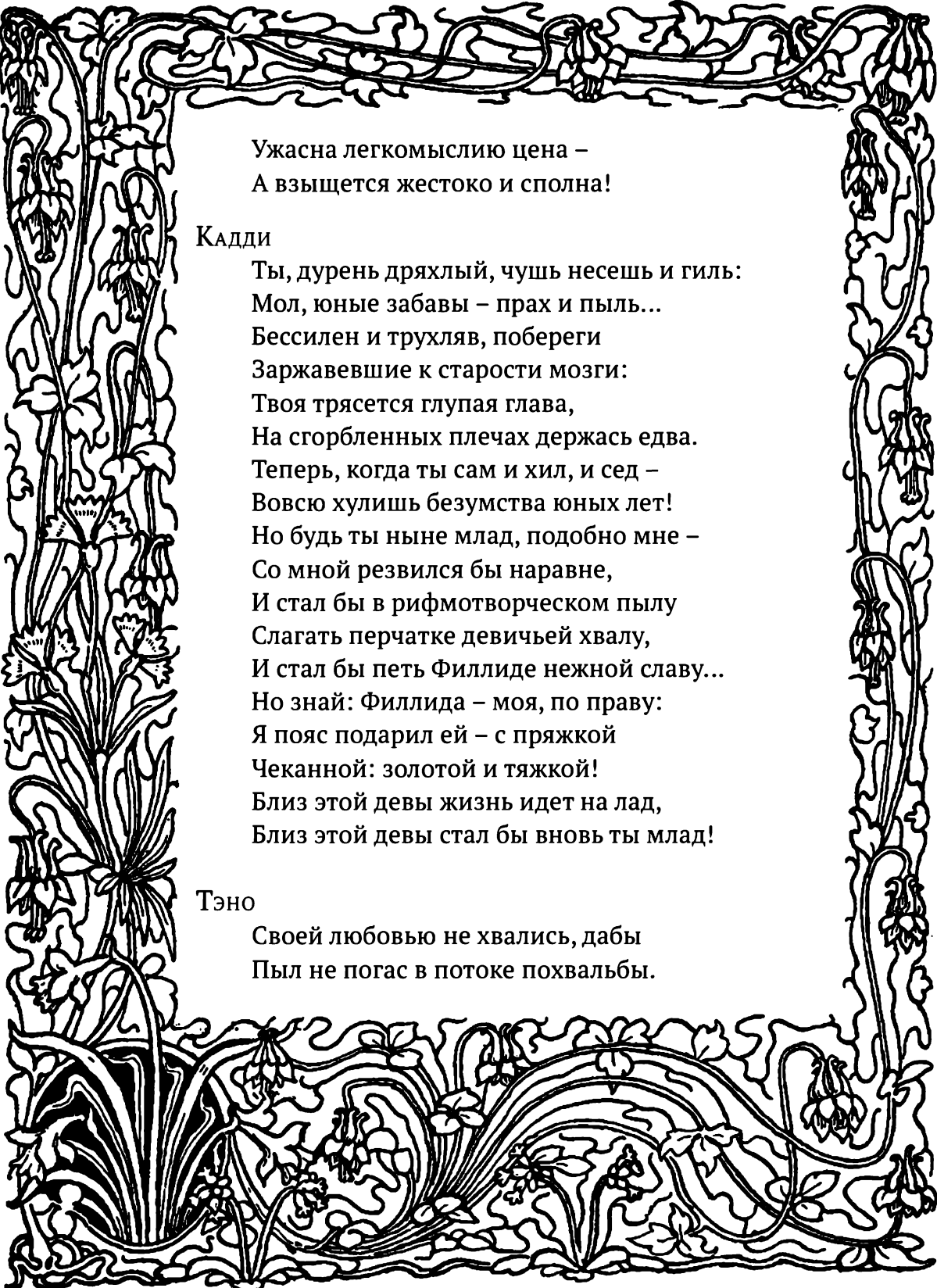
– Тебе преклонным возрастом, Тэно,
Душевное спокойствие дано.

Ты хладен; старость зиме – сродни:
Темны, угрюмы, докучны дни.
Советуешь юнцу: бровей не хмурь,
Приветствуй даже буйство зимних бурь...
А я вовек не стал бы править челн
В объяття ледяных, нещадных волн!

Тэно

На бурю не пеняй царю морей,
Коль просишь новой бури поскорей!
Зимой стада содержат овчары
В закутах, и весенней ждут поры.
Вдруг оттепель, случайная капель –
И чудится, что враз настал апрель!
Тут пастухи – резвее ранних мух:
В луга выводит стадо всяк пастух;
Всё трын-трава, и море по колено...
Да вот беда: в погоде – перемена!
Зима, беспечным олухам назло,
Опять являет хмурое чело;
Она морозы насылает вновь,
От коих ноет сердце, стынет кровь.
Теперь овчар не весел, и не рад:
Убийствен для овец нежданый хлад.

Ужасна легкомыслию цена –
А взыщется жестоко и сполна!

Кадди

Ты, дурень дряхлый, чушь несешь и гиль:
Мол, юные забавы – прах и пыль...
Бессилен и трухляв, побереги
Заржавевшие к старости мозги:
Твоя трясется глупая глава,
На сгорбленных плечах держась едва.
Теперь, когда ты сам и хил, и сед –
Вовсю хулишь безумства юных лет!
Но будь ты ныне млад, подобно мне –
Со мной резвился бы наравне,
И стал бы в рифмотворческом пылу
Слагать перчатке девичьей хвалу,
И стал бы петь Филлиде нежной славу...
Но знай: Филлида – моя, по праву:
Я пояс подарил ей – с пряжкой
Чеканной: золотой и тяжкой!
Близ этой девы жизнь идет на лад,
Близ этой девы стал бы вновь ты млад!

Тэно

Своей любовью не хвались, дабы
Пыл не погас в потоке похвальбы.

Кадди

Вот: сыт и гладок, полон сил,
Бычок мой уши наострил.
Гляди: вознесены его рога,
Гляди: бьет оземь его нога!
Он фыркнул раз, и фыркнул вновь:
Моих бычков томит любовь!
Твои же овцы – все в тебя:
Унылы, худы, немощны... Скорбя
В лугах морозных, твой скот зачах.
Что скот, что пастырь – увы и ах!
Любая из овец твоих едва
Жива – и плачет горько, что вдова.
И голод мучит мерзнущих ягнят...
Лишь дряхлый пастырь в этом виноват!

Тэно

Эх, дурень Кадди, как же ты смешон:
Ведь нет башки – а носишь капюшон!
Что юность? Мыльный выдутый пузырь!
Всяк юный путь приводит на пустырь,
Всяк юный шаг – обида иль беда...
А платим пеню мы в преклонные года!
Однажды Титир завел рассказ...
А я в то время овечек пас
На хólмах Кентских – давным-давно...

Кадди

О чем он молвил тебе, Тэно?
Рассказов равных нынче не видать:
В них мудрость, мощь – и свет, и благодать!
Молю, поведай! Буду тих и нем.

Тэно

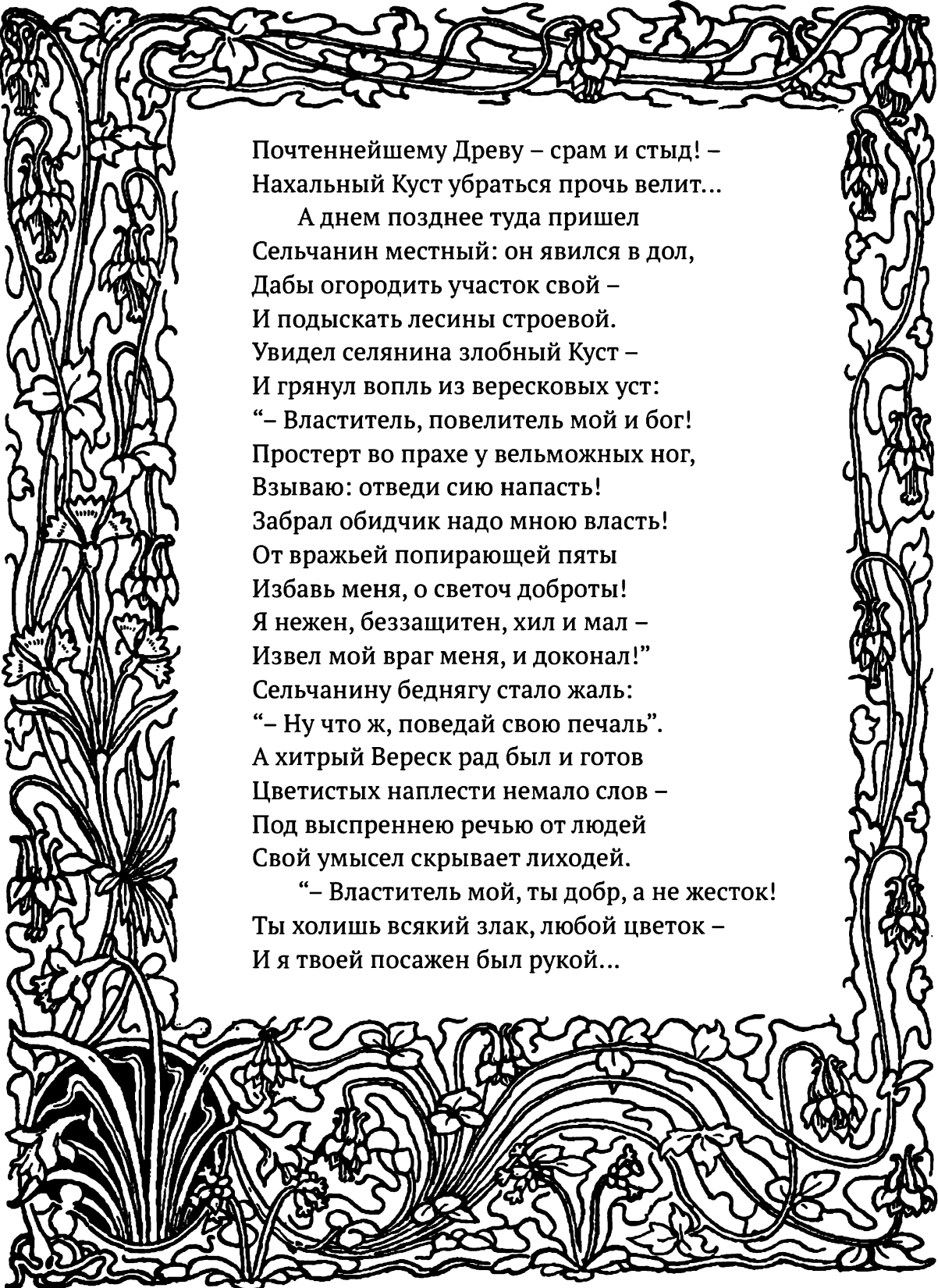
Он создал много сладостных поэм –
О подвигах, и о любви до гроба;
Но эта притча прозвучит особо.
Что ж... Помолчи, да ухо приклони:

«Стоял, шумел в долине искони
Маститый Дуб. И вот, настали дни:
Утратил Дуб листву, остался гол –
Хоть был и цел, и крепок древний ствол.
А раньше Дуб, раскидист и матер,
На исполинский смахивал шатер;
Давая древесину для досок,
Он оставался крепок и высок;
И желудями близ его корней
Всегда кормилось множество свиней...
Но пробил час, пришли урон и вред:
Терзают бури, гложет короед –
Да так, что, мнится, громкий слышен хруст!..

Поблизости рос Вересковый Куст –

Царем растений мнил себя всерьез
Надменный этот медонос,
Манивший пчел со всех лесных полян!
И дочери всех окрестных поселян
Вплетать его лиловые цветы
В венки любили ради красоты.
И соловьям, что сладостно поют,
Сей гордый Вереск даровал уют.
Что ж, он гордился, может быть, недаром –
Но как-то раз, объят кичливым жаром,
Бесстыдно молвил так о Дубе старом:
 “– Досель стоишь, колода из колод?
Где хоть единый лист, единый плод?
А я пригож чудесною обновой,
Роскошной – снежно-белой и лиловой!
Убранством эдаким гордиться
Могла бы даже юная царица.
А ты лишь тяготишь напрасно землю...
И я с тобой в соседстве – срам приемлю:
С тобою рядом лишь чертополох
Расти достоин – убог и плох!
Пора тебе уйти отсюда прочь.
А если трудно – я готов помочь”.
Так молвил Вереск, дерзостен и груб.
И растерялся изумленный Дуб:

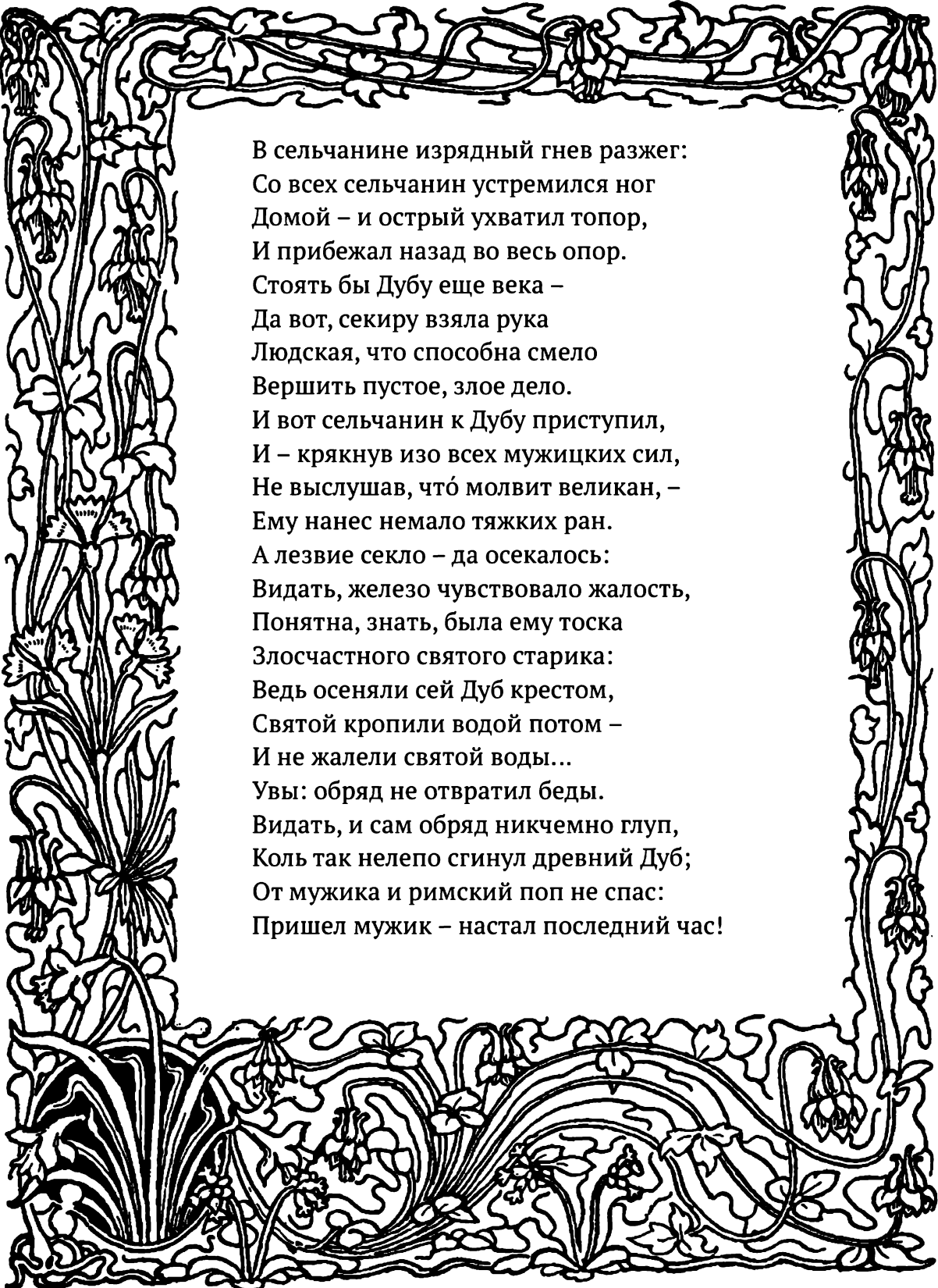

Почтеннейшему Древу – срам и стыд! –
Нахальный Куст убраться прочь велит...

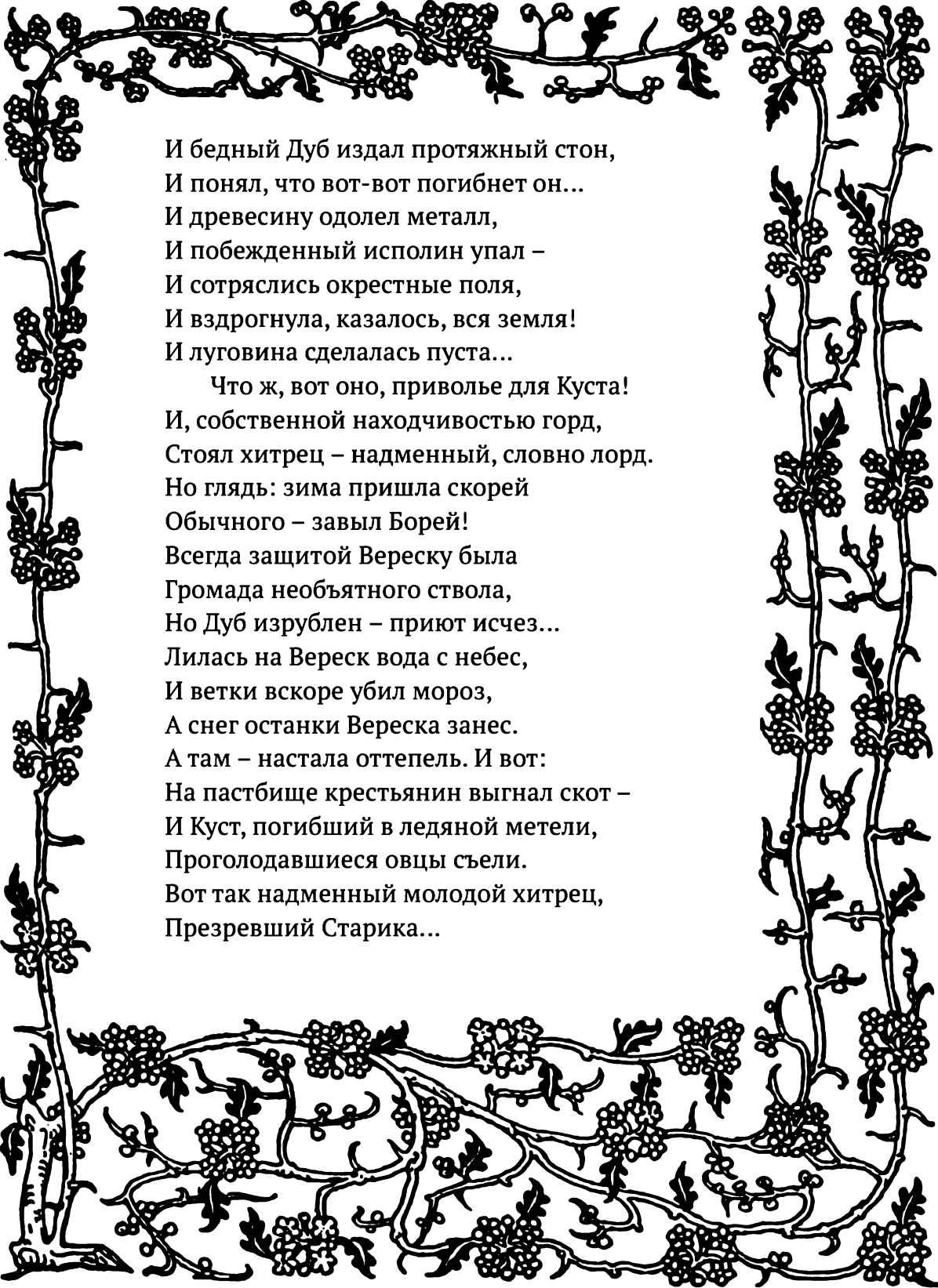
А днем позднее туда пришел
Сельчанин местный: он явился в дол,
Дабы огородить участок свой –
И подыскать лесины строевой.
Увидел селянина злобный Куст –
И грянул вопль из вересковых уст:
“– Властитель, повелитель мой и бог!
Простерт во прахе у вельможных ног,
Взываю: отведи сию напасть!
Забрал обидчик надо мною власть!
От вражьей попирающей пяты
Избавь меня, о светоч доброты!
Я нежен, беззащитен, хил и мал –
Извел мой враг меня, и доконал!”
Сельчанину беднягу стало жаль:
“– Ну что ж, поведай свою печаль”.
А хитрый Вереск рад был и готов
Цветистых наплести немало слов –
Под выпреннею речью от людей
Свой умысел скрывает лиходей.
“– Властитель мой, ты добр, а не жесток!
Ты холишь всякий злак, любой цветок –
И я твоей посажен был рукой...

Даруй же мне приволье и покой:
Цветов чудесных дам тебе весной –
И алых ягод в июльский зной.
Но дряхлый Дуб – сухого пня мертвей! –
Навес никчемных высохших ветвей
(По ним очаг тоскует, иль костер!)
Над головою моей простер –
И застит солнце, отнимает свет:
Лучом полдненным я не обогрет!
Поникшими ветвями он сечет
Меня – и кровь из ран моих течет...
Увы, теряю жизнедатный сок –
И цвет мой осыпается не в срок.
Сколь Дуб горазд на пакость иль подвох!
То прямо на меня роняет мох,
То древоточцев мечет – сущий град!
Ужасному соседству я не рад.
Молю: избавь меня от лютых зол!
О, пресеки разбой и произвол!
Молю: верни мне, рассудивши здраво,
Отобранное, попранное право
Привольно жить... О, защити – молю!
О, смилуйся, подобный королю!”
И бедный Дуб, услышав столько врак,
Пытался возразить – но хитрый враг

В сельчанине изрядный гнев разжег:
Со всех сельчанин устремился ног
Домой – и острый ухватил топор,
И прибежал назад во весь опор.
Стоять бы Дубу еще века –
Да вот, секиру взяла рука
Людская, что способна смело
Вершить пустое, злое дело.
И вот сельчанин к Дубу приступил,
И – крикнув изо всех мужицких сил,
Не выслушав, что молвит великан, –
Ему нанес немало тяжких ран.
А лезвие секло – да осекалось:
Видать, железо чувствовало жалость,
Понятна, зная, была ему тоска
Злосчастливого святого старика:
Ведь осеняли сей Дуб крестом,
Святой кропили водой потом –
И не жалели святой воды...
Увы: обряд не отвратил беды.
Видать, и сам обряд никчемно глуп,
Коль так нелепо сгинул древний Дуб;
От мужика и римский поп не спас:
Пришел мужик – настал последний час!

И бедный Дуб издал протяжный стон,
И понял, что вот-вот погибнет он...
И древесину одолел металл,
И побежденный исполин упал –
И сотряслись окрестные поля,
И вздрогнула, казалось, вся земля!
И луговина сделалась пуста...

 Что ж, вот оно, приволье для Куста!
И, собственной находчивостью горд,
Стоял хитрец – надменный, словно лорд.
Но глядь: зима пришла скорей
Обычного – завыл Борей!
Всегда защитой Вереску была
Громада необъятного ствола,
Но Дуб изрублен – приют исчез...
Лилась на Вереск вода с небес,
И ветки вскоре убил мороз,
А снег останки Вереска занес.
А там – настала оттепель. И вот:
На пастбище крестьянин выгнал скот –
И Куст, погибший в ледяной метели,
Проголодавшиеся овцы съели.
Вот так надменный молодой хитрец,
Презревший Старика...

Кадди:

Эгей, дружище! Уймись, постой!
Уж больно длинен рассказ пустой!
Я слишком долго слушал эту речь,
Ни встать не смея, ни, тем паче, лечь.
Ох, кровь уже почти застыла в жилах,
И сделать шаг я вряд ли буду в силах!
Я сказки ждал – а слушал дребедень...
Пойдем домой, пастух – окончен долгий день.

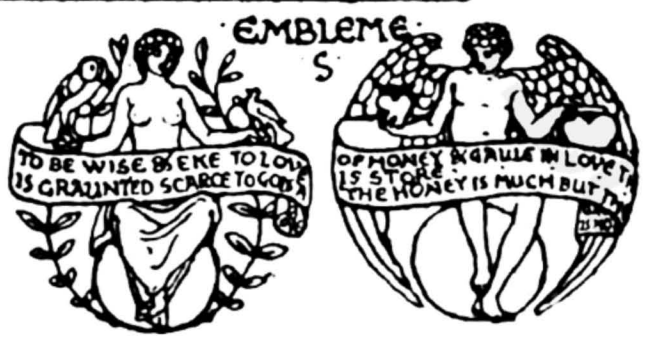
Девиз Тэно:

*Iddio perche é vecchio,
Fa suoi al suo esempio.*

Девиз Кадди:

*Niuno vecchio,
Spaventa Iddio.*

MARCH
ÆGLOGA
TERTIA

МАРТ ÆGLOGA TERTIA СОДЕРЖАНИЕ

В Эклоге нижеследующей двое молодых пастухов принимают, согласно текущему времени года, говорить о любви, а также об иных радостях и наслаждениях, наипаче весне подобающих. И сему придается особое значение тому, чтобы сообщить о неких приметах и признаках, присущих Эроте, Божку Любви. Но, сдается мне, куда важнее то, что во образе и под именем Томалена изображается некий друг, столь долгое время презиравший Эрота и паладинов его, что под конец и сам запутался в силках и сетях Эротовых, оказавшись негаданно ужален и сражен прелестным взором – сиречь, уязвлен Эротовою стрелой.

Вилли, Томален

Вилли

Постылый отступил мороз!
Почто ж сидеть, повесив нос,
И мне, и Томалену?
Близка беспечная пора:
Спешат весенние ветра
Метелям злым на смену.

ТОМАЛЕН

Ты, Вилли, верно молвишь. Да,
Уже утихли холода!

И время вешним водам
Журчат, и травам прозябать, –
И ласточки снуют опять
Под нашим небосводом!

ВИЛЛИ

Все будет зелено вокруг
По воле Флоры! – всякий луг
И лес украсит наш
Богиня россыпью цветов:
Проснется Майя – и готов
Ей праздничный шалаш!
А мы с Летицией вдвоем
Резвиться и плясать пойдем
В лугах; и в должный час
Очнется по весне Эрот,
Что спит во тьме Летейских вод, –
И наш возглавит пляс!

ТОМАЛЕН

Ты, Вилли, просто пустозвон:
Эрот уже стряхнул свой сон,
Возобновил забаву!

Вилли

Болтун! Ты что же, друг ему?
И сам прервал его дрему
По дружескому праву?

Томален

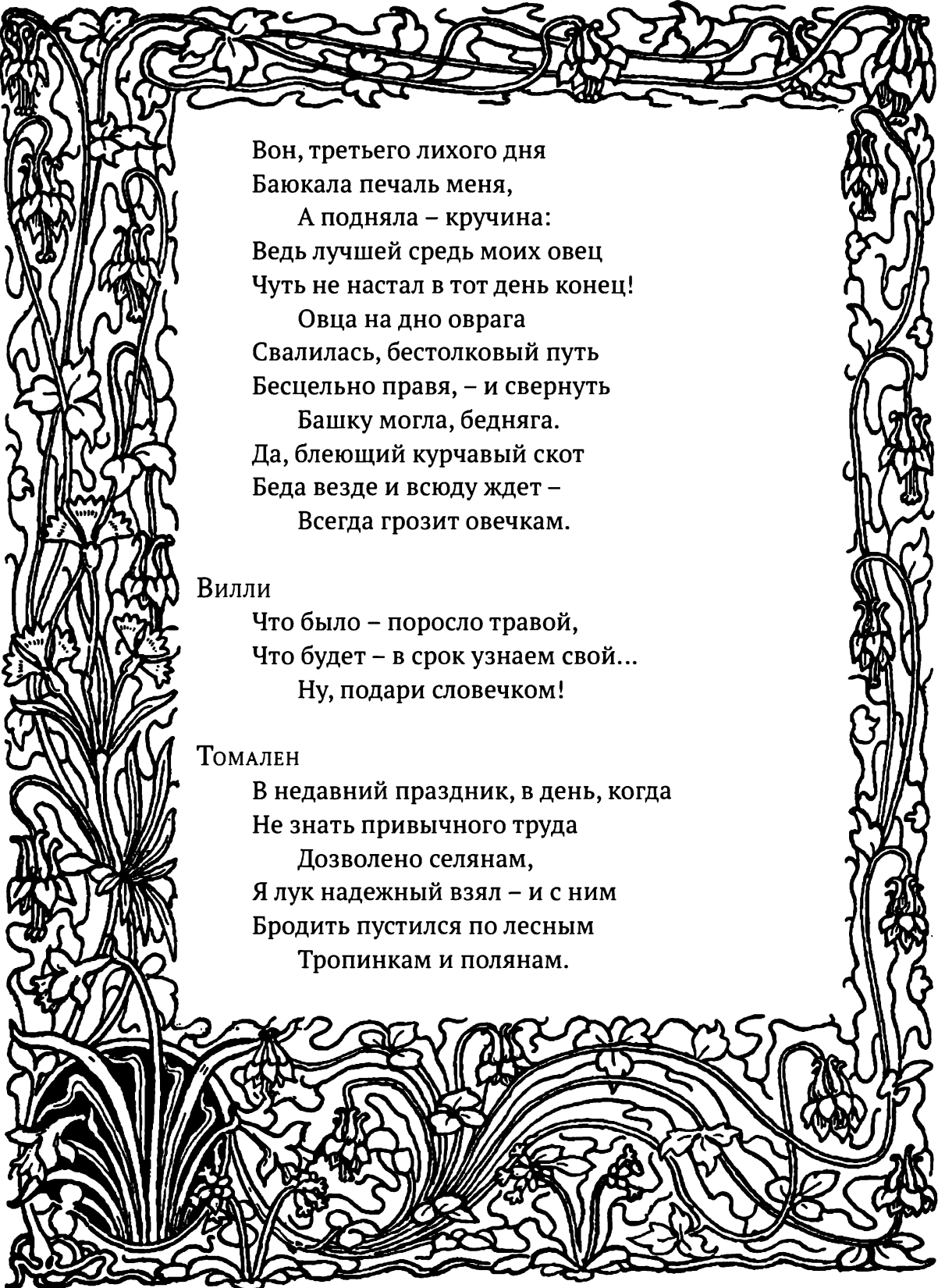
Нет, я видал его в лесу.
Боюсь, овец не упасу –
Рассказывать не стану,
Как распахнул Эрот крыла,
И как Эротова стрела
Мне причинила рану.

Вилли

О, заводи спокойно речь:
Я, глядя в оба, устеречь
Сумею оба стада.
Уж не останусь я в долгу:
Твоих овец уберегу –
Не будут без пригляда.

Томален

За ними нужен глаз да глаз!
А для беды найдутся враз
И повод и причина.

Вон, третьего лихого дня
Баюкала печаль меня,
А подняла – кручина:
Ведь лучшей средь моих овец
Чуть не настал в тот день конец!
Овца на дно оврага
Свалилась, бестолковый путь
Бесцельно правя, – и свернуть
Башку могла, бедняга.
Да, блеющий курчавый скот
Беда везде и всюду ждет –
Всегда грозит овечкам.

Вилли

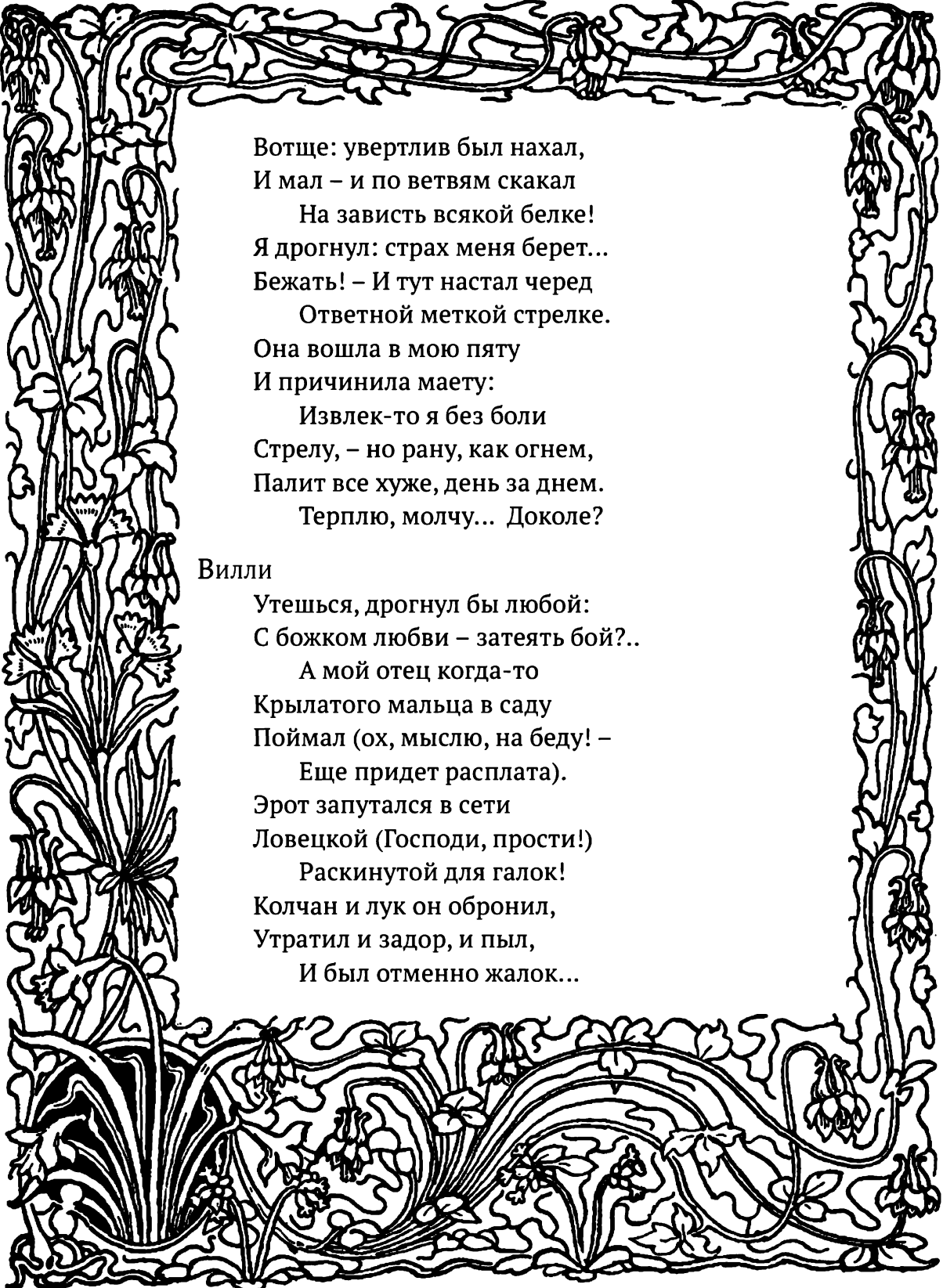
Что было – поросло травой,
Что будет – в срок узнаем свой...
Ну, подари словечком!

Томален

В недавний праздник, в день, когда
Не знать привычного труда
Дозволено селянам,
Я лук надежный взял – и с ним
Бродить пустился по лесным
Тропинкам и полянам.

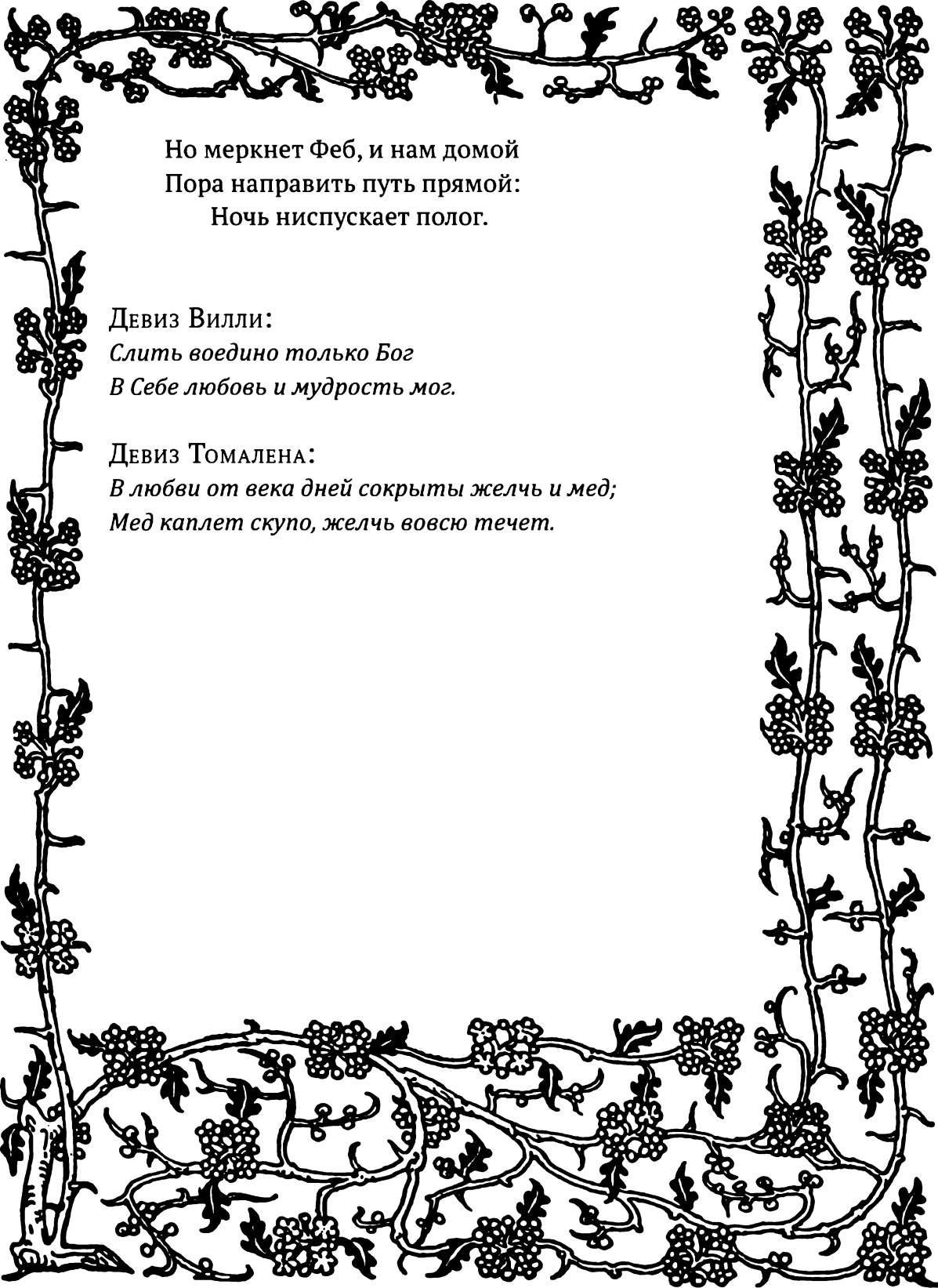
И вдруг – неясный шелест, хруст!
И тисовый сотрясся куст
 (Он приютил Эрота).
И я напряг могучий лук,
Но тут же стих нежданный звук, –
 Замедлилась охота.
Гляжу: движенье меж ветвей.
А что за живность – хоть убей,
 Никак не назову!
И леший, фея иль змея
Таились там, не ведал я,
 Спуская тетиву.
Но выскочил наружу лишь
Крылатый и нагой малыш,
 Давившийся от смеха.
Он тронул с вызовом свой тул
И лук серебряный согнул –
 И враз пошла потеха!
Забыв, что супротивник млад,
Я стрелы сыпал – сущий град! –
 Презревши передышку.
Не стало стрел; и я, сильней
Сердясь, чем прежде, град камней
 Обрушил на мальчишку.

Вотще: увертлив был нахал,
И мал – и по ветвям скакал
 На зависть всякой белке!
Я дрогнул: страх меня берет...
Бежать! – И тут настал черед
 Ответной меткой стрелке.
Она вошла в мою пяду
И причинила маету:
 Извлек-то я без боли
Стрелу, – но рану, как огнем,
Палит все хуже, день за днем.
 Терплю, молчу... Доколе?

Вилли

Утешься, дрогнул бы любой:
С божком любви – затеять бой?..
 А мой отец когда-то
Крылатого мальчика в саду
Поймал (ох, мыслью, на беду! –
 Еще придет расплата).
Эрот запутался в сети
Ловецкой (Господи, прости!)
 Раскинутой для галок!
Колчан и лук он обронил,
Утратил и задор, и пыл,
 И был отменно жалок...

Но меркнет Феб, и нам домой
Пора направить путь прямой:
Ночь непускает полог.

Девиз Вилли:

*Слить воедино только Бог
В Себе любовь и мудрость мог.*

Девиз Томалена:

*В любви от века дней сокрыты желчь и мед;
Мед каплет скупю, желчь вовсю течет.*

·APRIL·
·ÆGLOGA·
·QUARTA·

·EMBLEMES·

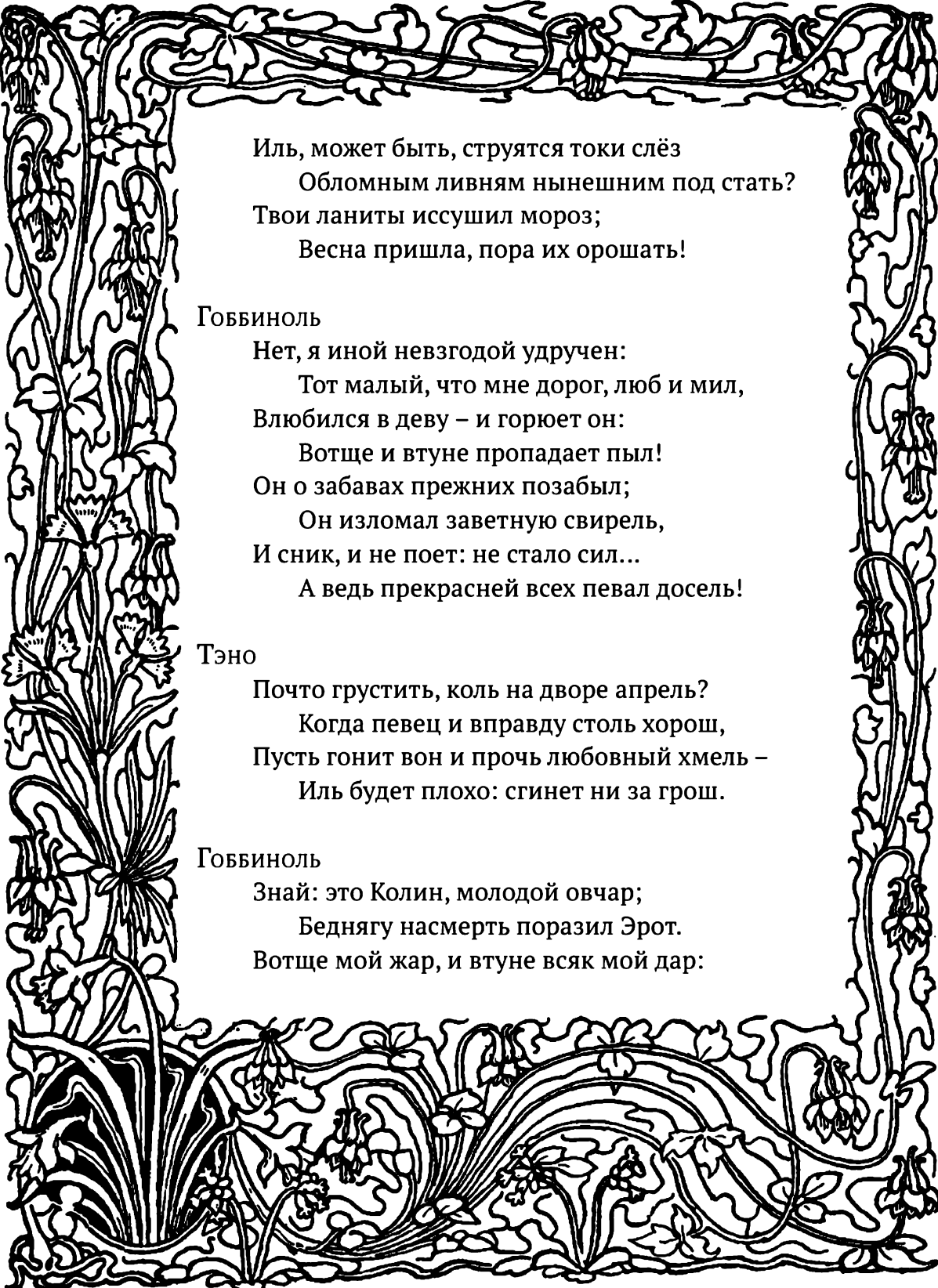
АПРЕЛЬ ÆGLOGA QUARTA СОДЕРЖАНИЕ

Сия Эклога посвящена воспеванию и восхвалению нашей добрейшей и наибогодетельнейшей государыни, королевы Елизаветы. Толкуют меж собою Гоббиноль и Тэно, двое пастухов; причем означенный Гоббиноль, уже упоминавшийся ранее – поелику он зело и вельми влюбился в Колина, – предстает читателю куда как ярче прежнего и сетует на великие невзгоды любовного свойства, кои разум его помрачили и отвратили не токмо от предмета любви, но такожде ото всех былых услаждений и занятий, как-то: приятственной игры на волынке, рифмоплетства, пения и многих иных достохвальных способов провести время. Тем не менее, он пользуется случаем, дабы доказать и подтвердить несравненное свое поэтическое искусство и превосходство, и того ради поет песню, иже вышеозначенный Колин сложил некогда в честь Ее Величества – нежданно и почти предерзостно именую оную венценосную особу Элизой.

Тэно, Гоббиноль

Тэно

Куда же, Гоббиноль, пропал твой смех?
Иль волк зарезал всех твоих ягнят?
Иль у волынки прохудился мех?
Иль с милой у тебя настал разлад?

Иль, может быть, струятся токи слёз
Обломным ливням нынешним под стать?
Твои ланиты иссушил мороз;
Весна пришла, пора их орошать!

Гоббиноль

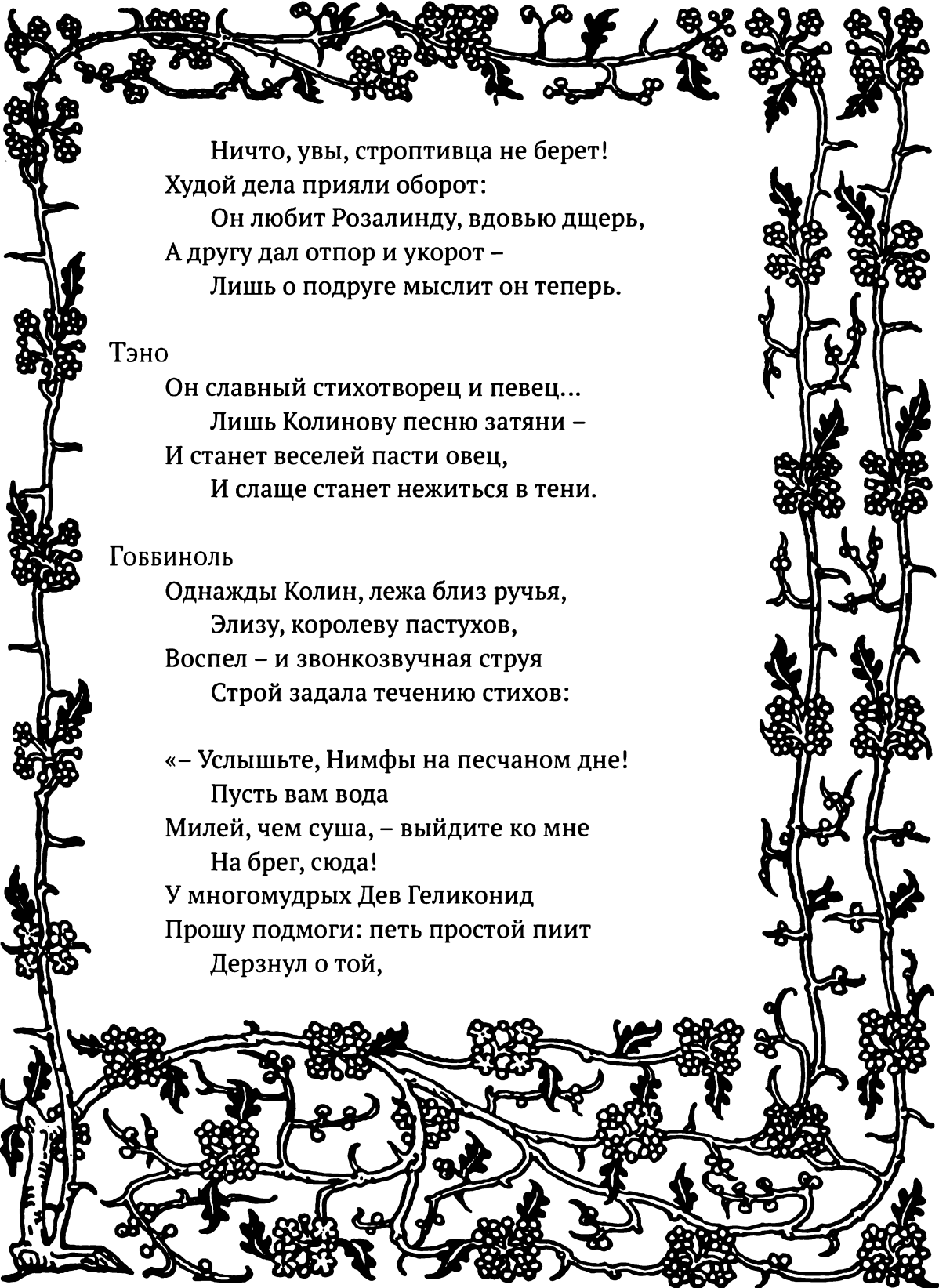
Нет, я иной невзгодой удручен:
Тот малый, что мне дорог, люб и мил,
Влюбился в деву – и горюет он:
Вотще и втуне пропадает пыл!
Он о забавах прежних позабыл;
Он изломал заветную свирель,
И сник, и не поет: не стало сил...
А ведь прекрасней всех певал досель!

Тэно

Почто грустить, коль на дворе апрель?
Когда певец и вправду столь хорош,
Пусть гонит вон и прочь любовный хмель –
Иль будет плохо: сгинет ни за грош.

Гоббиноль

Знай: это Колин, молодой овчар;
Беднягу насмерть поразил Эрот.
Вотще мой жар, и втуне всяк мой дар:

Ничто, увы, строптивца не берет!
Худой дела прияли оборот:
Он любит Розалинду, вдовью дочь,
А другу дал отпор и укорот –
Лишь о подруге мыслит он теперь.

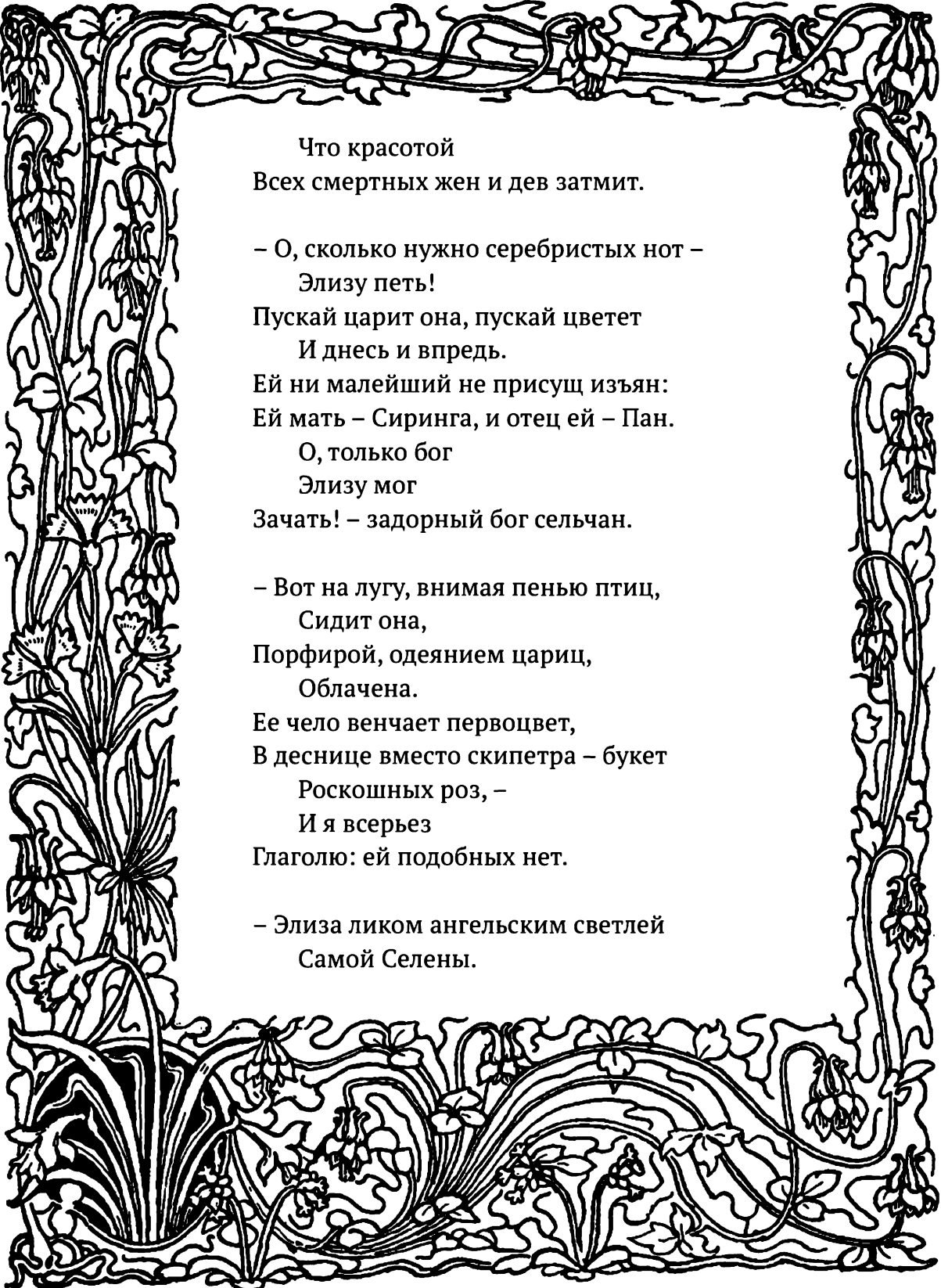
Тэно

Он славный стихотворец и певец...
Лишь Колинову песню затяни –
И станет веселей пасти овец,
И слаще станет нежиться в тени.

Гоббиноль

Однажды Колин, лежа близ ручья,
Элизу, королеву пастухов,
Воспел – и звонкозвучная струя
Строй задала течению стихов:

«– Услышьте, Нимфы на песчаном дне!
Пусть вам вода
Милей, чем суша, – выйдите ко мне
На брег, сюда!
У многомудрых Дев Геликонид
Прошу подмоги: петь простой пиит
Дерзнул о той,

Что красотой
Всех смертных жен и дев затмит.

– О, сколько нужно серебристых нот –
Элизу петь!

Пускай царит она, пускай цветет
И днесь и впредь.

Ей ни малейший не присущ изъян:
Ей мать – Сиринга, и отец ей – Пан.

О, только бог
Элизу мог
Зачать! – задорный бог сельчан.

– Вот на лугу, внимая пенью птиц,
Сидит она,
Порфирой, одеянием цариц,
Облачена.

Ее чело венчает первоцвет,
В деснице вместо скипетра – букет
Роскошных роз, –
И я всерьез
Глаголю: ей подобных нет.

– Элиза ликом ангельским светлей
Самой Селены.

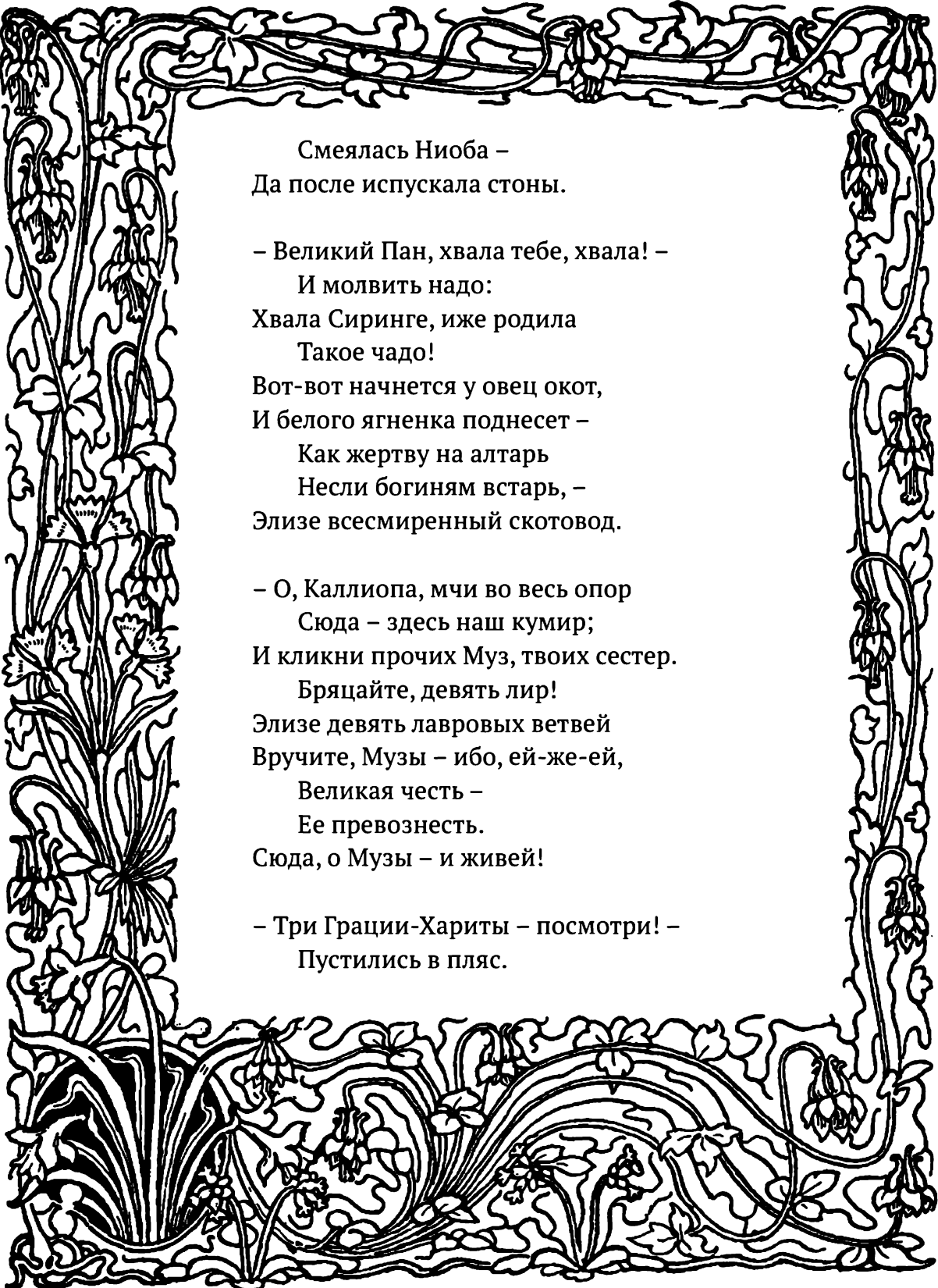
Возникла ты, владычица полей,
Из белой пены!
И обе розы цвет твоих ланит –
И алую и белую – мирит.
Покорны все
Твоей красе –
Ликуй, наперсница Харит!

– Однажды Феб, взойдя на небосклон,
Мигнул очами:
Узрев Элизу, бог был ослеплен
Ее лучами.

Земное, много лучшее светило
Небесному затмить непросто было!
Феб охнул от горя,
С Элизой не споря –
И скрылся тихо и уныло.

– Ты, Кинфия, светящая, когда
Настанет ночь,
С Элизой рядом – тусклая звезда.
Сокройся прочь!

Но... шутки плохи с чадами Латоны:
Суровы оба, оба непреклонны,
Обидчивы оба:

Смеялась Ниоба –
Да после испускала стоны.

– Великий Пан, хвала тебе, хвала! –

И молвить надо:

Хвала Сиринге, иже родила
Такое чадо!

Вот-вот начнется у овец окот,
И белого ягненка поднесет –
Как жертву на алтарь
Несли богиням встарь, –
Элизе всемирный скотовод.

– О, Каллиопа, мчи во весь опор

Сюда – здесь наш кумир;

И кликни прочих Муз, твоих сестер.

Бряцайте, девять лир!

Элизе девять лавровых ветвей
Вручите, Музы – ибо, ей-же-ей,

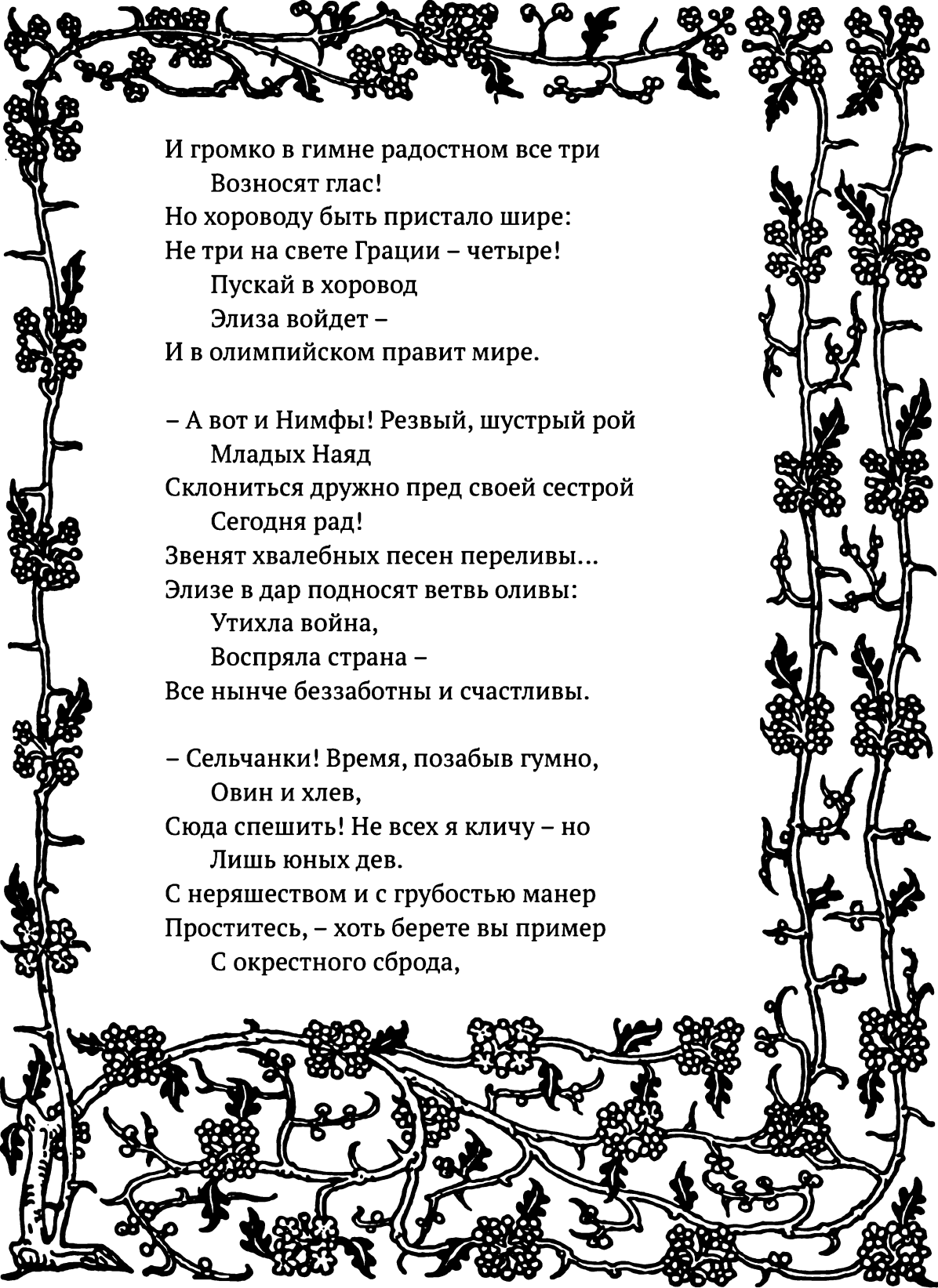
Великая честь –

Ее превознесть.

Сюда, о Музы – и живей!

– Три Грации-Хариты – посмотри! –

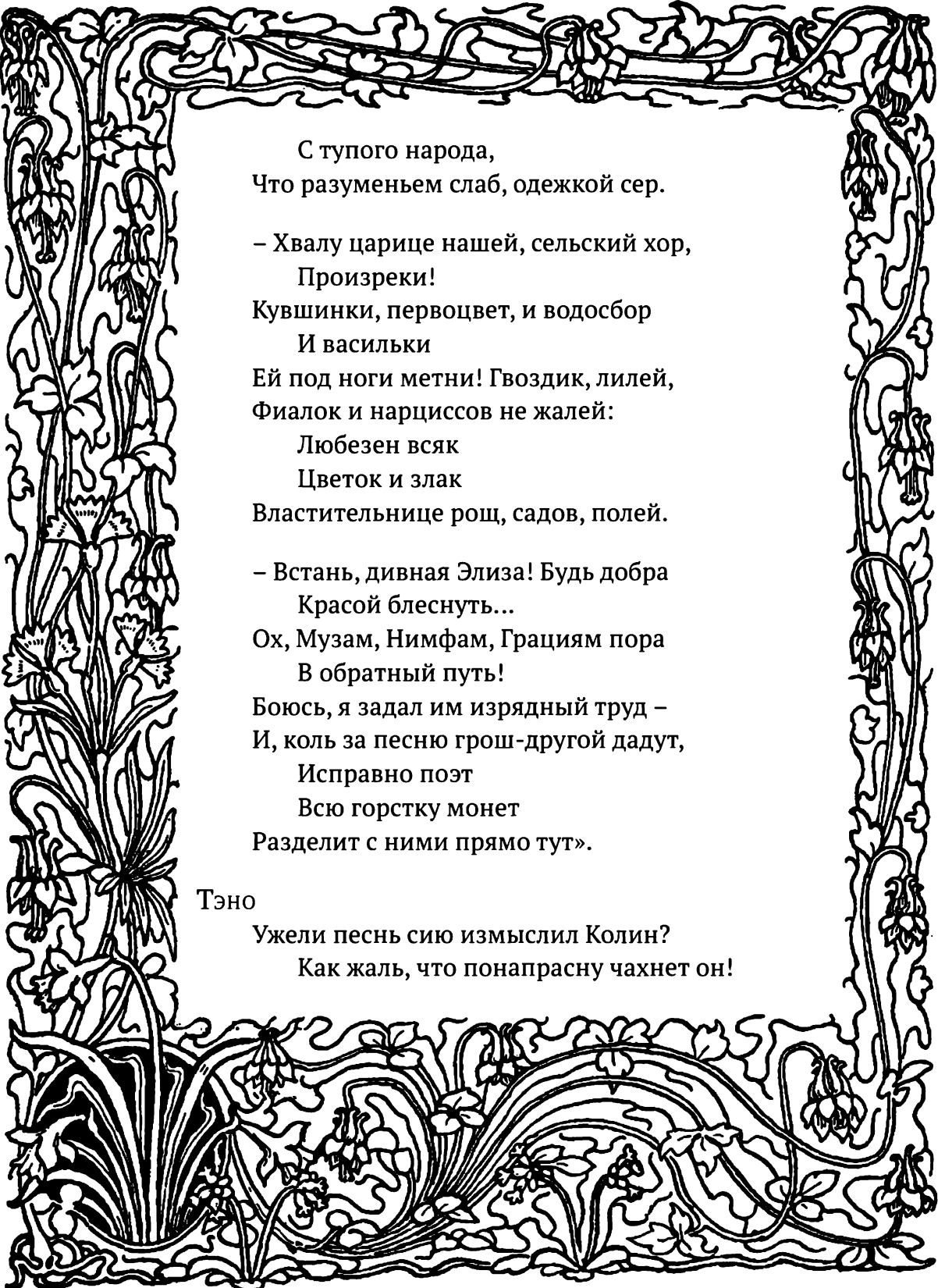
Пустились в пляс.

И громко в гимне радостном все три
Возносят глас!
Но хороводу быть пристало шире:
Не три на свете Грации – четыре!
Пусть в хоровод
Элиза войдет –
И в олимпийском правит мире.

– А вот и Нимфы! Резвый, шустрый рой
Младых Наяд
Склониться дружно пред своей сестрой
Сегодня рад!
Звонят хвалебных песен переливы...
Элизе в дар подносят ветвь оливы:
Утихла война,
Воспряла страна –
Все нынче беззаботны и счастливы.

– Сельчанки! Время, позабыв гумно,
Овин и хлев,
Сюда спешить! Не всех я кличу – но
Лишь юных дев.
С неряшеством и с грубостью манер
Проститесь, – хоть берете вы пример
С окрестного сброда,

С тупого народа,
Что разуменьем слаб, одежкой сер.

– Хвалу царице нашей, сельский хор,
Произреки!

Кувшинки, первоцвет, и водосбор
И васильки

Ей под ноги метни! Гвоздик, лилей,
Фиалок и нарциссов не желей:

Любезен всяк

Цветок и злак

Властительнице рощ, садов, полей.

– Встань, дивная Элиза! Будь добра
Красой блеснуть...

Ох, Музам, Нимфам, Грациям пора
В обратный путь!

Боюсь, я задал им изрядный труд –
И, коль за песню грош-другой дадут,

Исправно поэт

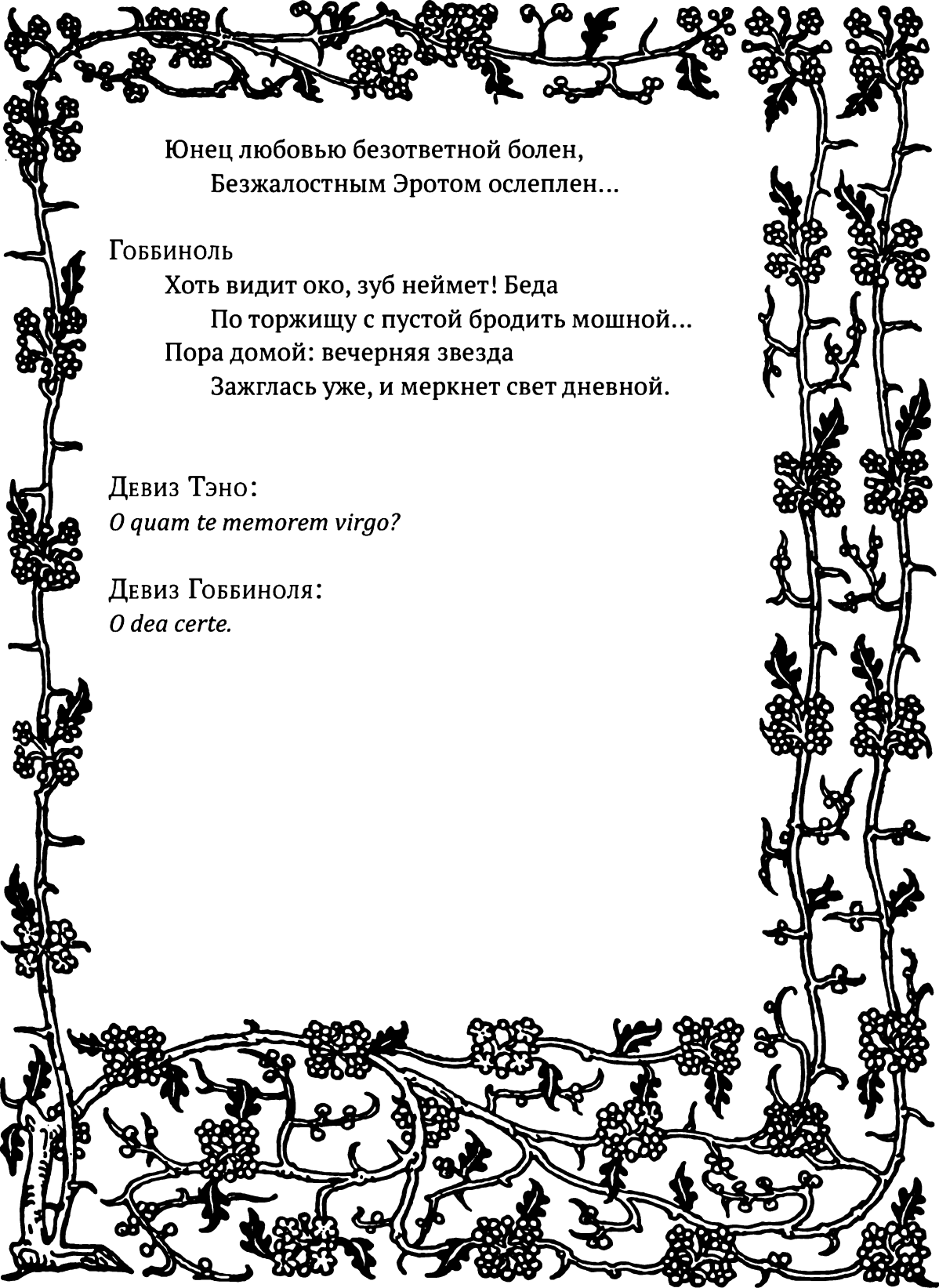
Всю горстку монет

Разделит с ними прямо тут».

Тэно

Ужели песнь сию измыслил Колин?

Как жаль, что понапрасну чахнет он!

Юнец любовью безответной болен,
Безжалостным Эротом ослеплен...

Гоббиноль

Хоть видит око, зуб неймет! Беда
По торжищу с пустой бродить мошной...
Пора домой: вечерняя звезда
Зажглась уже, и меркнет свет дневной.

Девиз Тэно:

O quam te memorem virgo?

Девиз Гоббиноля:

O dea certe.

MAY 7.
ÆGLOGA
QUINTA.

EMBLEM
ES

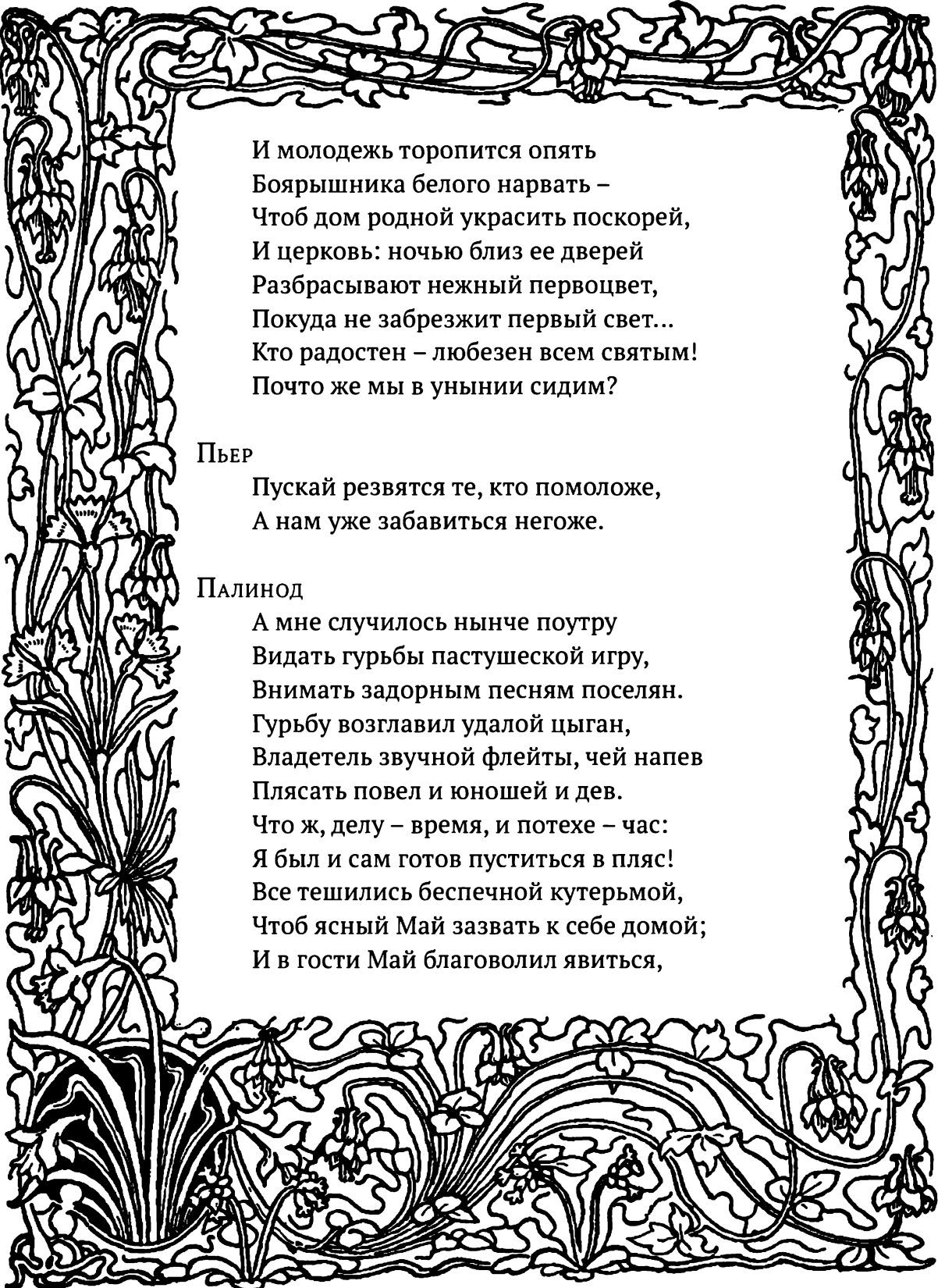
МАЙ ÆGLOGA QUINTA СОДЕРЖАНИЕ

Сия (пятая) Эклога являет в образах двоих пастухов, Пьера и Палинода, две разновидности пастырей или священнослужителей; сиречь, протестанта и католика; беседа же оных преимущественно сводится к рассуждениям: надлежит ли одному из них вести жизнь, подобную жизни другого, чьи речи вскорости обнаруживают, что приятельствовать с ним, а наипаче слишком доверяться его цветистым и притворно благожелательным словесам весьма опасно; посему первый пастух излагает повесть о Лисе, иже многообразными хитроумными уловками обманул чересчур доверчивого Козленка, дабы затем пожрать его.

Палинод, ПЬЕР

Палинод

Иль не пришел веселый месяц май?
Люби, гуляй, обновкой щеголяй!
Не грех надеть, с юнцами наравне,
Кафтан зеленый и тебе и мне.
Средь радостной, сияющей весны
Мы в серые досель облачены
Плащи пастушьи! Друг мой, глянь округ:
Листвой покрылся лес, травую – луг,

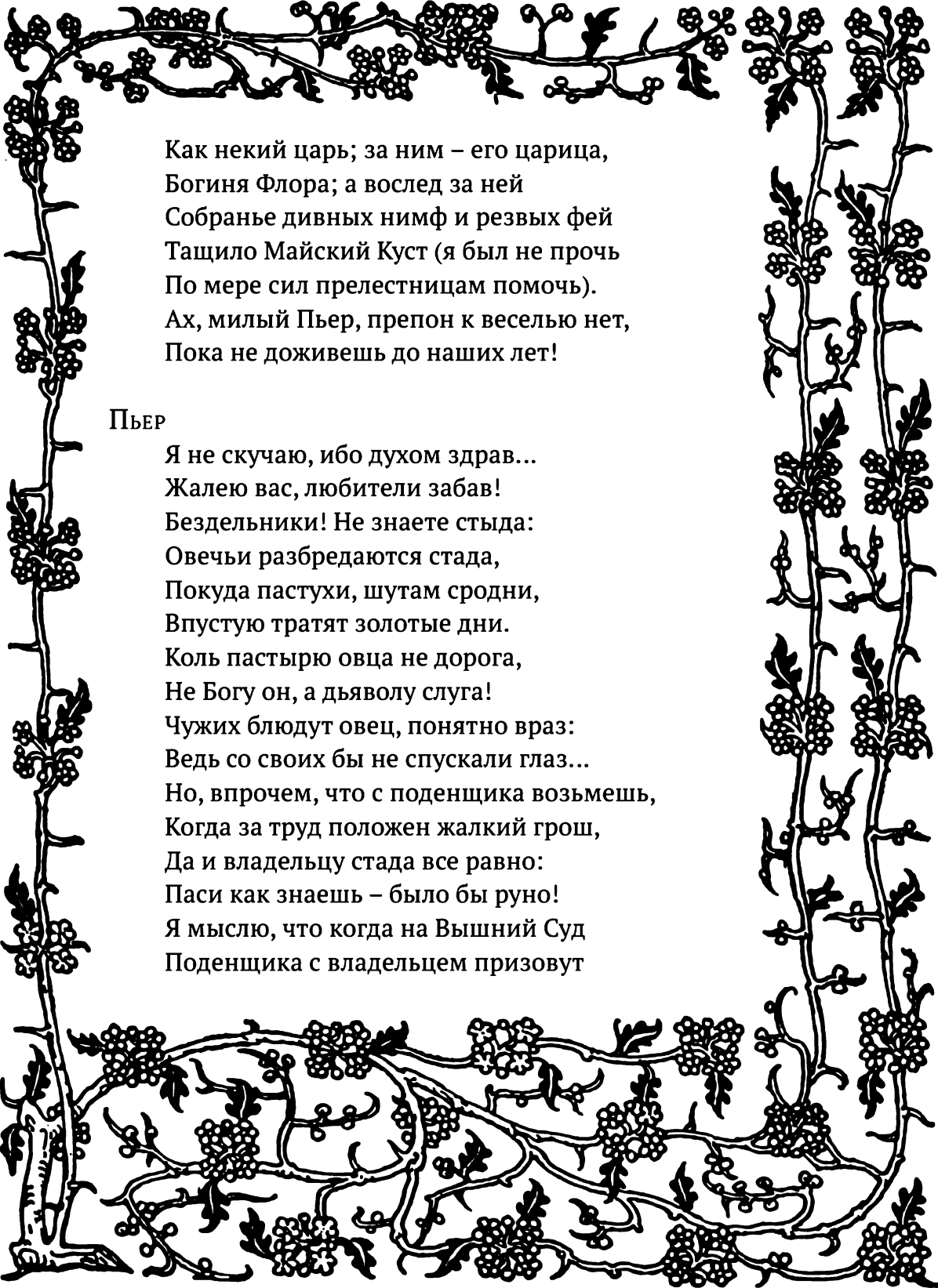
И молодежь торопится опять
Боярышника белого нарвать –
Чтоб дом родной украсить поскорей,
И церковь: ночью близ ее дверей
Разбрасывают нежный первоцвет,
Покуда не забрезжит первый свет...
Кто радостен – любезен всем святым!
Почто же мы в унынии сидим?

ПЬЕР

Пускай резвятся те, кто помоложе,
А нам уже забавиться негоже.

ПАЛИНОД

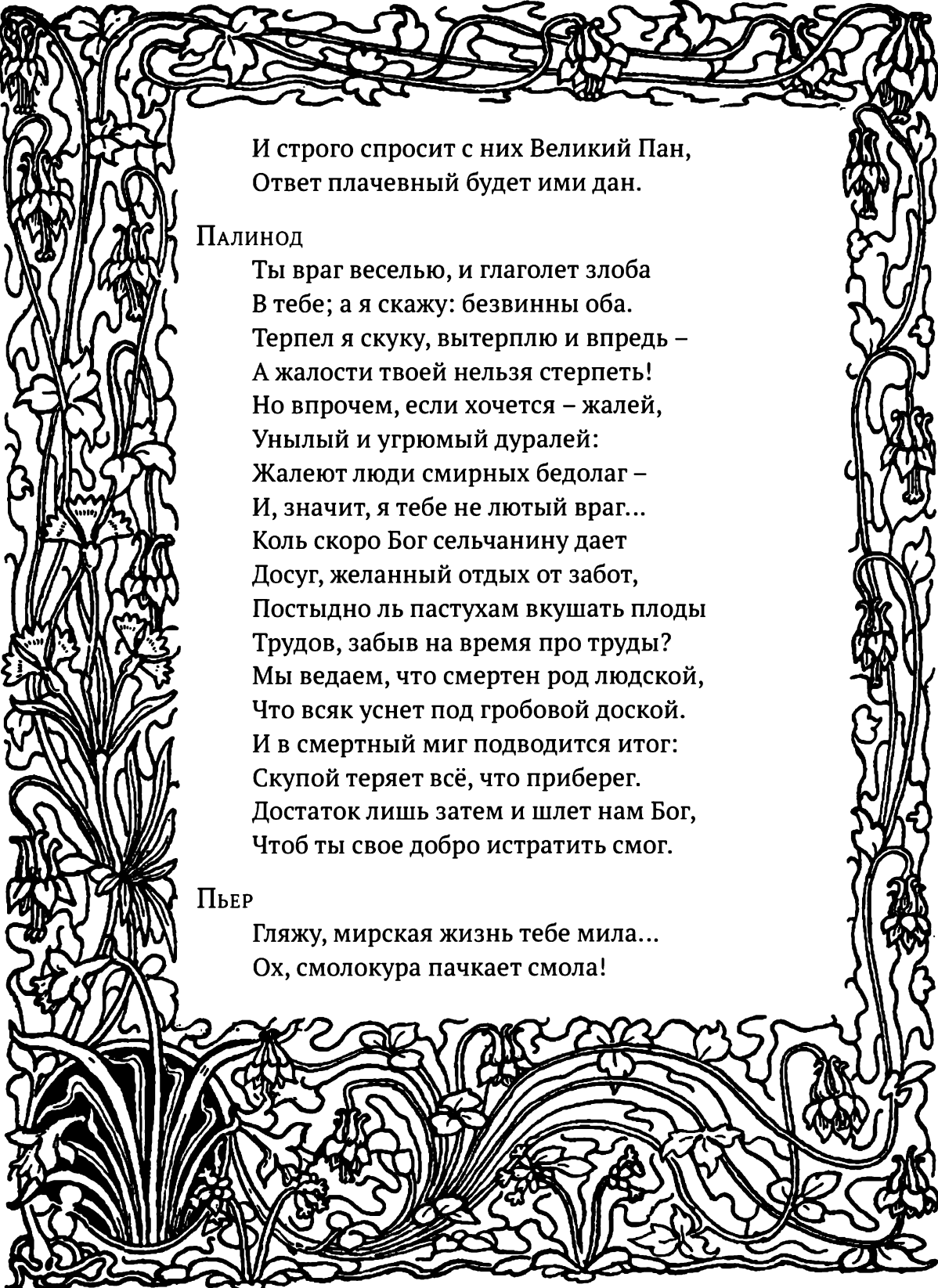
А мне случилось нынче поутру
Видать гурьбы пастушеской игру,
Внимать задорным песням поселян.
Гурьбу возглавил удалой цыган,
Владелец звучной флейты, чей напев
Плясать повел и юношей и дев.
Что ж, делу – время, и потехе – час:
Я был и сам готов пуститься в пляс!
Все тешились беспечной кутерьмой,
Чтоб ясный Май позвать к себе домой;
И в гости Май благоволил явиться,

Как некий царь; за ним – его царица,
Богиня Флора; а вослед за ней
Собранье дивных нимф и резвых фей
Тащило Майский Куст (я был не прочь
По мере сил прелестницам помочь).
Ах, милый Пьер, препон к веселью нет,
Пока не доживешь до наших лет!

ПЬЕР

Я не скучаю, ибо духом здрав...
Жалею вас, любители забав!
Бездельники! Не знаете стыда:
Овечьи разбредаются стада,
Покуда пастухи, шутам сродни,
Впустую тратят золотые дни.
Коль пастырю овца не дорога,
Не Богу он, а дьяволу слуга!
Чужих блюдут овец, понятно враз:
Ведь со своих бы не спускали глаз...
Но, впрочем, что с поденщика возьмешь,
Когда за труд положен жалкий грош,
Да и владельцу стада все равно:
Паси как знаешь – было бы руно!
Я мыслю, что когда на Вышний Суд
Поденщика с владельцем призовут

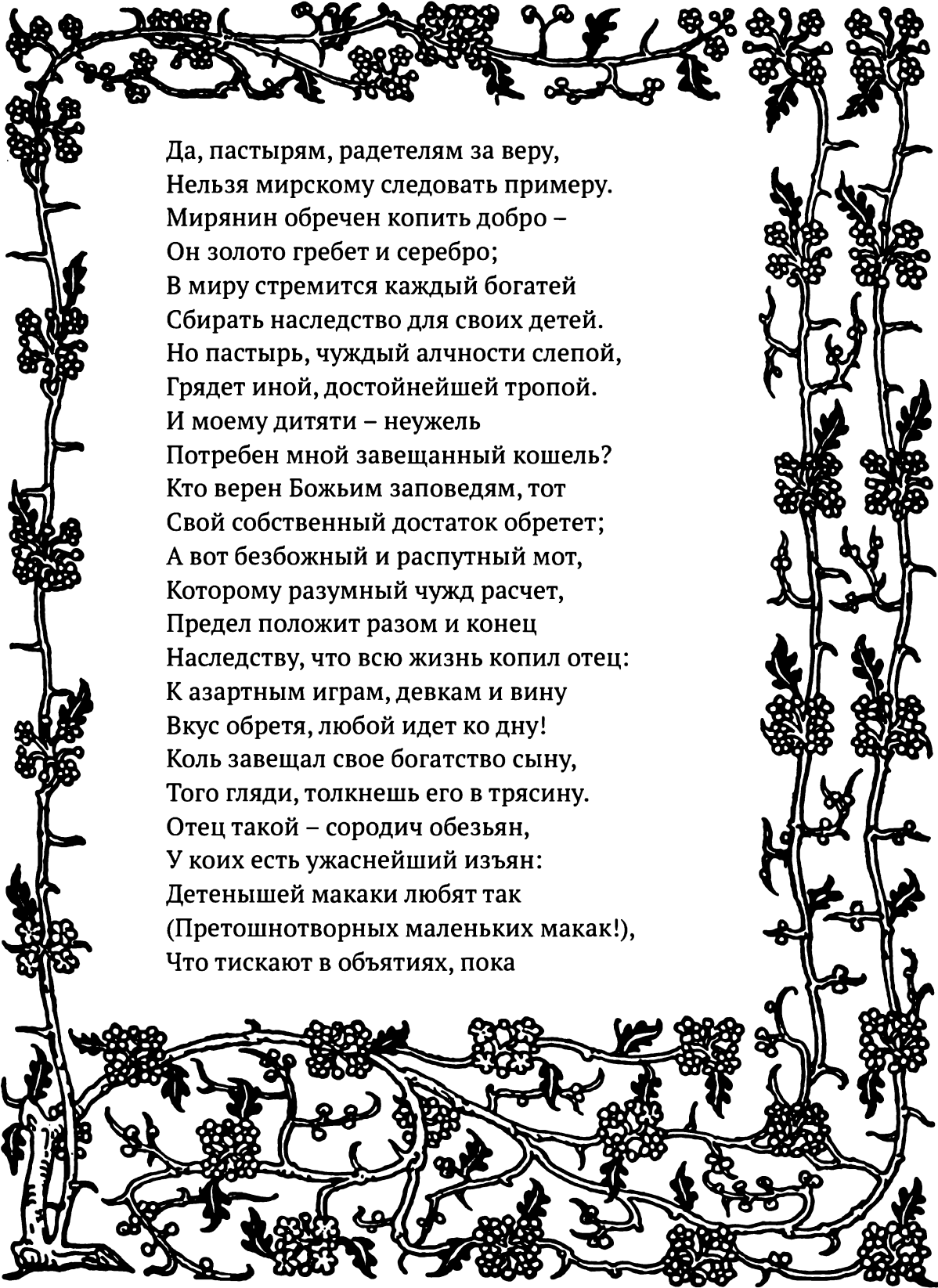
И строго спросит с них Великий Пан,
Ответ плачевный будет ими дан.

Палинод

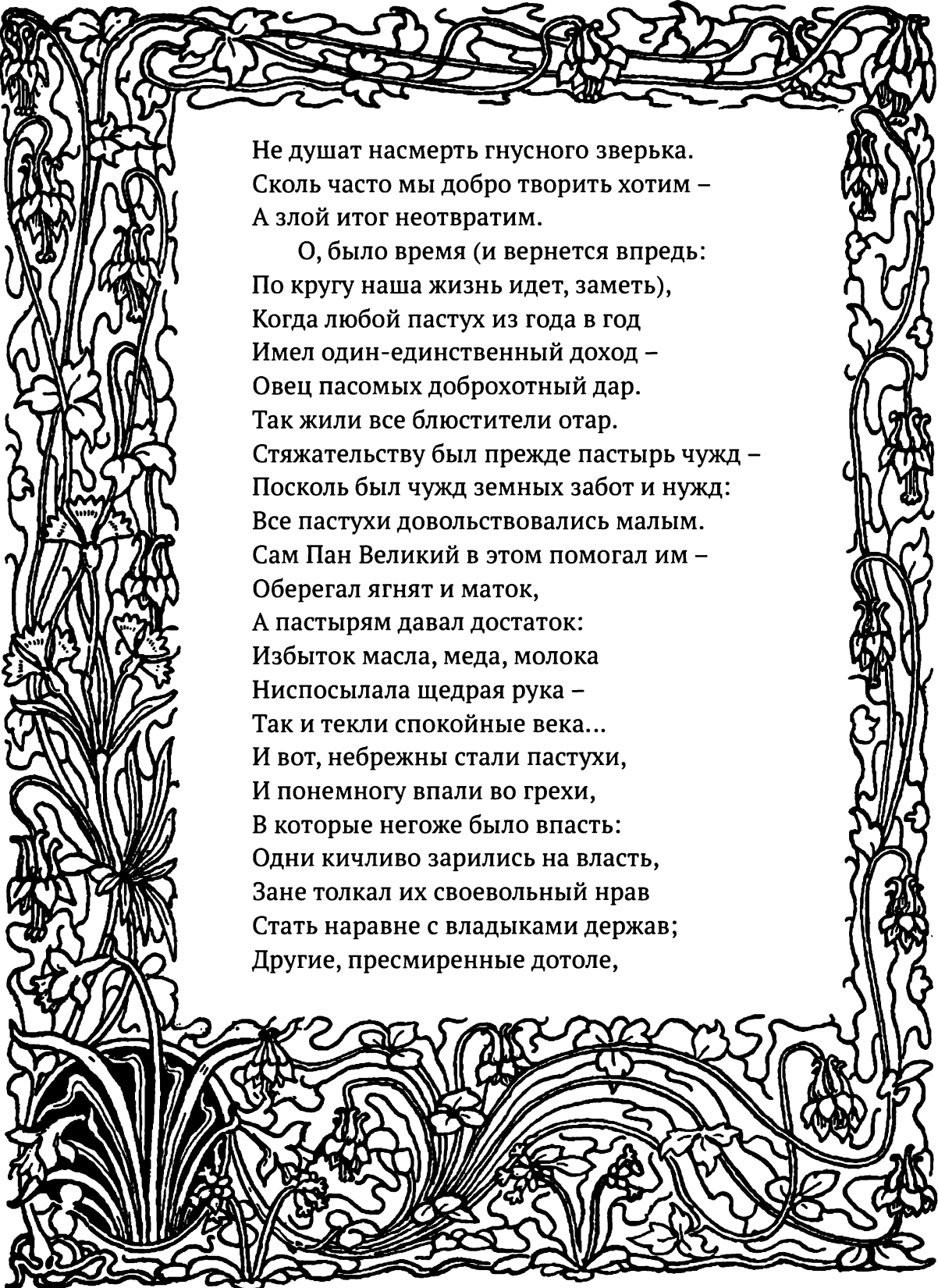
Ты враг веселью, и глаголет злоба
В тебе; а я скажу: безвинны оба.
Терпел я скуку, вытерплю и впредь –
А жалости твоей нельзя стерпеть!
Но впрочем, если хочется – жалею,
Унылый и угрюмый дуралей:
Жалеют люди смиренных бедолаг –
И, значит, я тебе не лютый враг...
Коль скоро Бог сельчанину дает
Досуг, желанный отдых от забот,
Постыдно ль пастухам вкушать плоды
Трудов, забыв на время про труды?
Мы ведаем, что смертен род людской,
Что всяк уснет под гробовой доской.
И в смертный миг подводятся итоги:
Скупой теряет всё, что приберег.
Достаток лишь затем и шлет нам Бог,
Чтоб ты свое добро истратить смог.

ПЬЕР

Гляжу, мирская жизнь тебе мила...
Ох, смолокура пачкает смола!

Да, пастырям, радетелям за веру,
Нельзя мирскому следовать примеру.
Мирянин обречен копить добро –
Он золото гребет и серебро;
В миру стремится каждый богатеи
Сбирать наследство для своих детей.
Но пастырь, чуждый алчности слепой,
Грядет иной, достойнейшей тропой.
И моему дитяти – неужель
Потребен мной завещанный кошель?
Кто верен Божиим заповедям, тот
Свой собственный достаток обретет;
А вот безбожный и распутный мот,
Которому разумный чужд расчет,
Предел положит разом и конец
Наследству, что всю жизнь копил отец:
К азартным играм, девкам и вину
Вкус обрета, любой идет ко дну!
Коль завещал свое богатство сыну,
Того гляди, толкнешь его в трясиноу.
Отец такой – сородич обезьян,
У коих есть ужаснейший изъян:
Детенышей макаки любят так
(Претошнотворных маленьких макак!),
Что тискают в объятиях, пока

Не душат насмерть гнусного зверька.
Сколь часто мы добро творить хотим –
А злой итог неотвратим.

О, было время (и вернется впредь:
По кругу наша жизнь идет, заметь),
Когда любой пастух из года в год
Имел один-единственный доход –
Овец пасомых доброхотный дар.
Так жили все блюстители отар.
Стяжательству был прежде пастырь чужд –
Посколь был чужд земных забот и нужд:
Все пастухи довольствовались малым.
Сам Пан Великий в этом помогал им –
Оберегал ягнят и маток,
А пастырям давал достаток:
Избыток масла, меда, молока
Ниспосылала щедрая рука –
Так и текли спокойные века...
И вот, небрежны стали пастухи,
И понемногу впали во грехи,
В которые негоже было впасть:
Одни кичливо зарились на власть,
Зане толкал их своевольный нрав
Стать наравне с владыками держав;
Другие, пресмиренные дотоле,

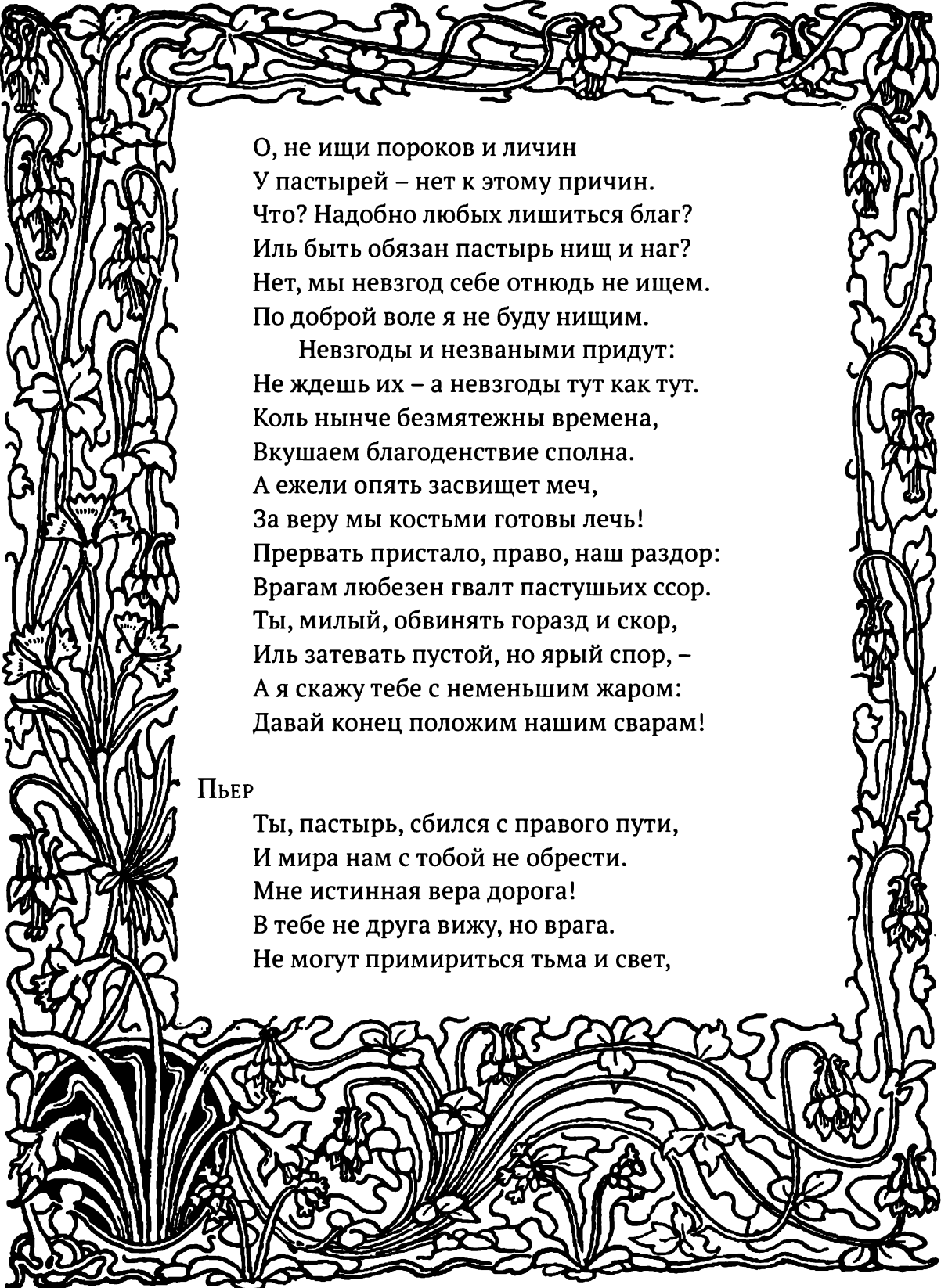

Стремилась жить и в роскоши, и в холе.
И оборотни-волки иногда
Брались блюсти злосчастные стада, –
Уж тут и овцам приходил конец,
И людям, что дотоль пасли овец...
Да, причиненный древле страшный вред –
Первоисточник всех пастушьих бед.

Палинод

От трех земля трясется, четырех
Носить не может*! Лишь и молвишь «ох»...
Коль женщине познать пришлось любовь,
То мучит вожделенье вновь и вновь;
Коль буйствуешь, от гнева побелев,
То самого же и сжигает гнев;
А коль тебя грызет лютейший глад,
То умереть, пожалуй, будешь рад...
Но горшая из мук наверняка –
Внимать речам шута и дурака!
Лишь Атласу, что держит свод небес,
Такого бремени по силам вес...
Тебе, мой друг, мерещатся химеры,
Ты на песке возвел твердыню веры.

* Притч 30:21 (Здесь и далее – подстрочные примечания переводчика).

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, leaves, and scrolling vines, creating a classic, ornate frame.

О, не ищи пороков и личин
У пастырей – нет к этому причин.
Что? Надобно любых лишиться благ?
Иль быть обязан пастырь нищ и наг?
Нет, мы невзгод себе отнюдь не ищем.
По доброй воле я не буду нищим.

Невзгоды и незваными придут:
Не ждешь их – а невзгоды тут как тут.
Коль нынче безмятежны времена,
Вкушаем благоденствие сполна.
А ежели опять засвищет меч,
За веру мы костями готовы лечь!
Прервать пристало, право, наш раздор:
Врагам любезен гвалт пастушьих ссор.
Ты, милый, обвинять горазд и скор,
Иль затевать пустой, но ярый спор, –
А я скажу тебе с неменьшим жаром:
Давай конец положим нашим сварам!

ПЬЕР

Ты, пастырь, сбился с правого пути,
И мира нам с тобой не обрести.
Мне истинная вера дорога!
В тебе не друга вижу, но врага.
Не могут примириться тьма и свет,

И между львом и агнцем дружбы нет...
Ты, словно Лис, плетешь за ложью ложь –
Но я не Козлик, рассказней не множь.

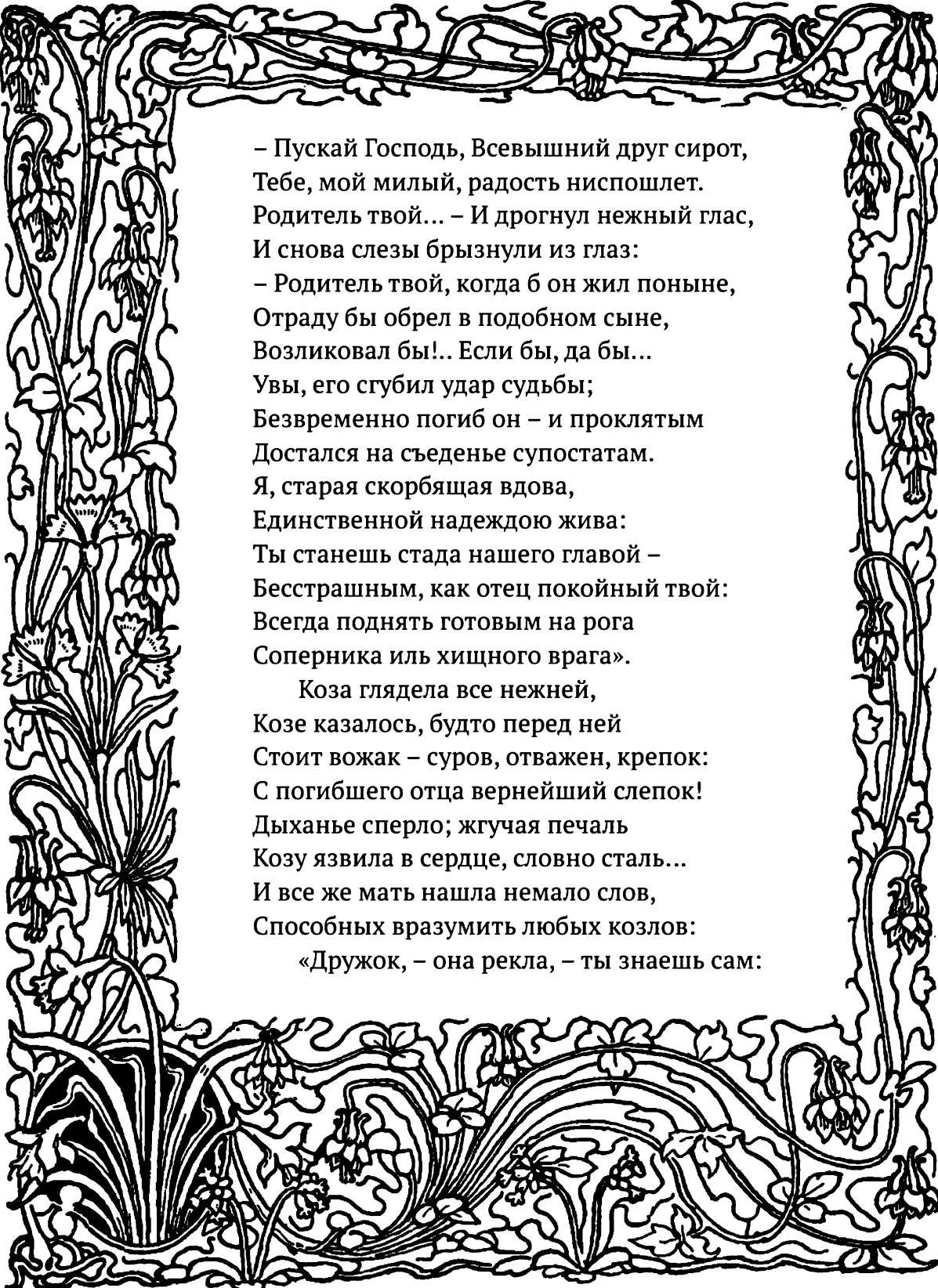
ПАЛИНОД

Прошу, поведай мне сию побаску, –
А стадо поручи пока подпаску.

ПЬЕР

Козленок некий не блистал умом –
Нет, вовсе был умишком хром.
Коза однажды, в летний зной,
Ушла – бродить пустилась по лесной
Чащобе, листья сочные щипать.
Коза, весьма заботливая мать,
Добра, предусмотрительна, мудра,
Сочла, что сына остеречь пора.
А сей Козленок неразумный был
Не очень мал, но очень-очень мил:
Проказлив, прыток, свежих полон сил.
Точеные уже окрепли ножки,
И понемножку отрастали рожки,
И, пусть коротковата и худа,
Но все же намечалась борода!

«– О сын мой! – грустно молвила Коза,
И по ее щеке стекла слеза:

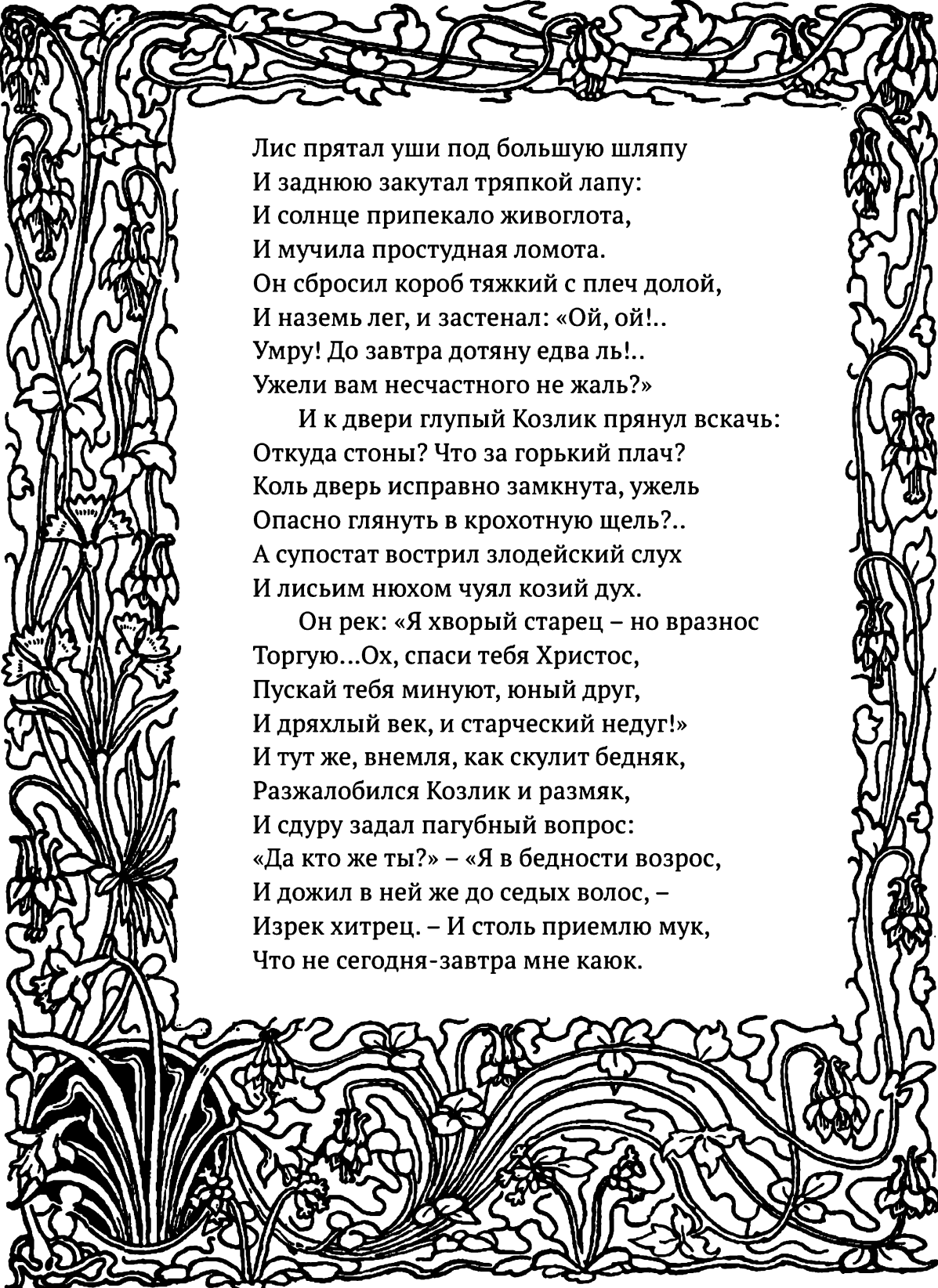
– Пускай Господь, Всевышний друг сирот,
Тебе, мой милый, радость ниспошлет.
Родитель твой... – И дрогнул нежный глас,
И снова слезы брызнули из глаз:
– Родитель твой, когда б он жил понине,
Отраду бы обрел в подобном сыне,
Возликовал бы!.. Если бы, да бы...
Увы, его сгубил удар судьбы;
Безвременно погиб он – и проклятым
Достался на съеденье супостатам.
Я, старая скорбящая вдова,
Единственной надеждою жива:
Ты станешь стада нашего главой –
Бесстрашным, как отец покойный твой:
Всегда поднять готовым на рога
Соперника иль хищного врага».

Коза глядела все нежней,
Козе казалось, будто перед ней
Стоит вожак – суров, отважен, крепок:
С погибшего отца вернейший слепок!
Дыханье сперло; жгучая печаль
Козу язвила в сердце, словно сталь...
И все же мать нашла немало слов,
Способных вразумить любых козлов:
«Дружок, – она рекла, – ты знаешь сам:

Я жизнь охотно за тебя отдам...
Увы, мой милый: множество зверей
Тебя пожрать хотят – и поскорей.
Но всех опасней Лис: хитер, смышлен,
Обманом подлым жертву губит он.
Так помни мой спасительный наказ:
Не верь ему, пролазе из пролаз!
Я в лес должна отправиться теперь,
А ты запри покрепче нашу дверь –
И ни за что ее не отворяй,
Коль постучится рыжий негодяй».

Усердно мать остерегала сына:
Убойся кознодея-лисовина!
И слушаться Козленок дал зарок...
И вышла мать, запнувшись о порог
(А всякому давно известно: это –
Недобрая, зловещая примета).
И дверь замкнул Козленок на запор,
Чтоб не вломился жадный рыжий вор.
И тот же час, откуда ни возьмись,
У двери объявился гнусный Лис.
Безвредным коробейником одет,
Он предвкушал роскошнейший обед.
А в коробе – стекляшки, безделушки,
Бубенчики, свистульки да игрушки.

Лис прятал уши под большую шляпу
И заднюю закутал тряпкой лапу:
И солнце припекало живоглота,
И мучила простудная ломота.
Он сбросил короб тяжкий с плеч долой,
И наземь лег, и застонал: «Ой, ой!..
Умру! До завтра дотяну едва ль!..
Ужели вам несчастного не жаль?»

И к двери глупый Козлик прынул вскачь:
Откуда стоны? Что за горький плач?
Коль дверь исправно замкнута, ужель
Опасно глянуть в крохотную щель?..
А супостат вострил злодейский слух
И лисьим нюхом чуял козий дух.

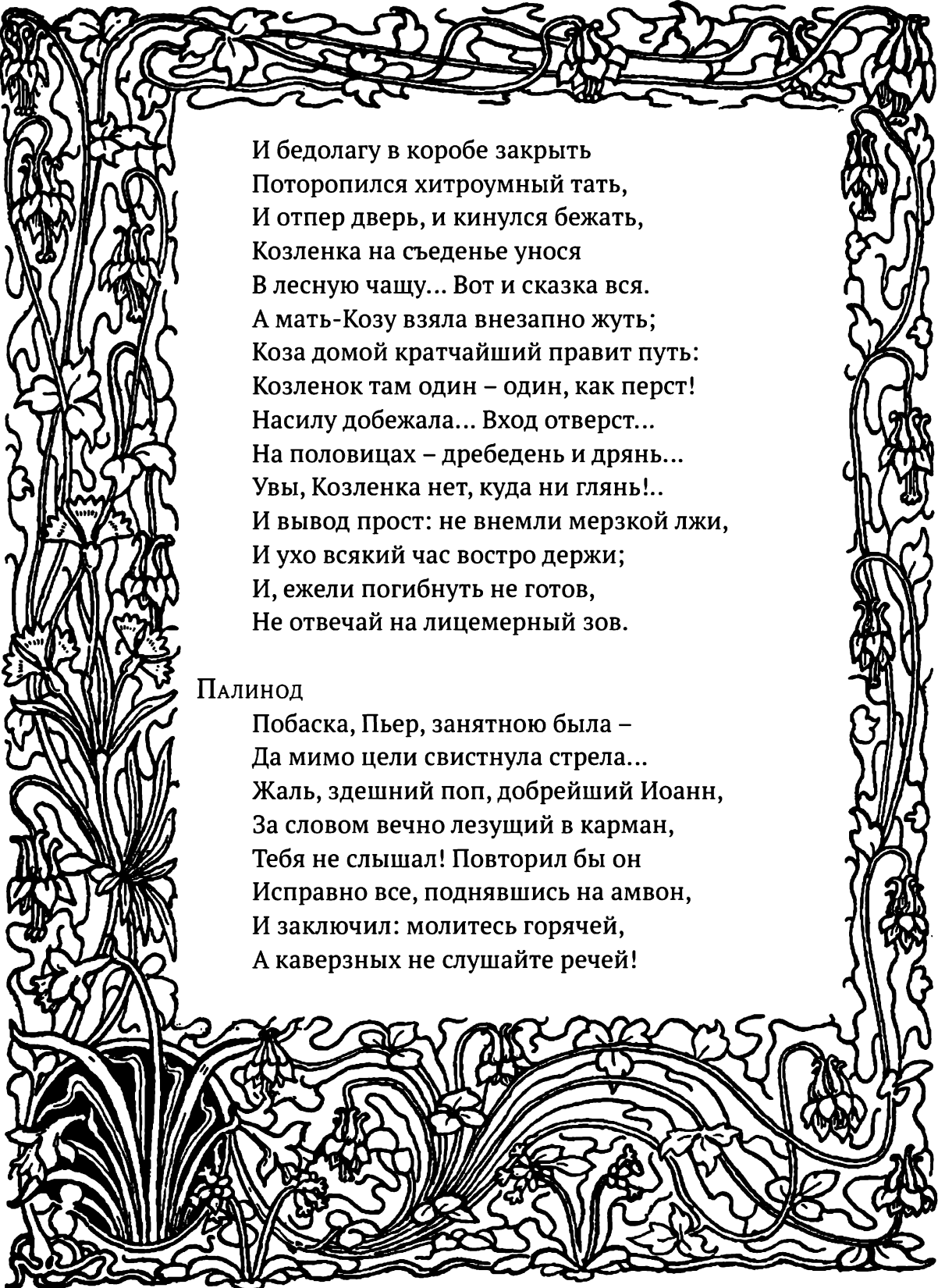
Он рек: «Я хворый старец – но вразнос
Торгую...Ох, спаси тебя Христос,
Пускай тебя минуют, юный друг,
И дряхлый век, и старческий недуг!»
И тут же, внемля, как скулит бедняк,
Разжалобился Козлик и размяк,
И сдуру задал пагубный вопрос:
«Да кто же ты?» – «Я в бедности возрос,
И дожил в ней же до седых волос, –
Изрек хитрец. – И столь приемлю мук,
Что не сегодня-завтра мне каюк.

Аз есмь баран убогий, чье руно
Обветрено, и солнцем сожжено,
И порыжело... Мы с тобой родня,
Добрейший Козлик! Пожалей меня.
Молю: не отвергай, не презирай,
Впусти страдальца в дом – и увидешь в рай!
Дозволь передохнуть немного: ведь
Я так устал, что впору помереть!»

Из короба стекляшку он достал,
Блиставшую, как крохотный кристалл;
И, потеряв умишко скудный враз,
Решил Козленок, что сие – алмаз!
Он тут же дверь открыл для палача,
И тот ввалился, лапу волоча –
Но, даже видя, сколь Козленок прост,
Поджал и спрятал свой пушистый хвост.

И, дверь замкнув надежно изнутри,
Велел Козленку глупому: «Смотри!»
И ворох безделушек на полу
Нагромоздил в палаческом пыли.
И в коробе плетеном, наконец,
Остался только медный бубенец –
На дне катался он, блестящ и звонок, –
И глупый соблазнился им Козленок,
И прыгнул в короб – эдакая прыть!

И бедолагу в коробе закрыть
Поторопился хитроумный тать,
И отпер дверь, и кинулся бежать,
Козленка на съеденье унося
В лесную чашу... Вот и сказка вся.
А мать-Козу взяла внезапно жуть;
Коза домой кратчайший правит путь:
Козленок там один – один, как перст!
Насилу добежала... Вход отверст...
На половицах – дребедень и дрянь...
Увы, Козленка нет, куда ни глянь!..
И вывод прост: не внемли мерзкой лжи,
И ухо всякий час остро держи;
И, ежели погибнуть не готов,
Не отвечай на лицемерный зов.

Палинод

Побаска, Пьер, занятною была –
Да мимо цели свистнула стрела...
Жаль, здешний поп, добрейший Иоанн,
За словом вечно лезущий в карман,
Тебя не слышал! Повторил бы он
Исправно все, поднявшись на амвон,
И заключил: молитесь горячей,
А каверзных не слушайте речей!

ПЬЕР

О лисах я поведал бы немало,
Да время для рассказов миновало.
Пора домой: померкли небеса
И выпала вечерняя роса.

ДЕВИЗ ПАЛИНОДА:

[Pas men apiotos apistei]

ДЕВИЗ ПЬЕРА:

[Tis d'ara piotis apisto]

IUNE
ÆGLOGA
SEXTA

COLINS
EMBLEME

Июнь ÆGLOGA SEXTA СОДЕРЖАНИЕ

Эклога сия всецело посвящена сетованиям Колина, удрученного любовным своим злосчастьем – поелику, будучи (как уже повествовалось выше) очарован сельскою красоткой Розалиндой и (как ему чудилось) отыскав себе уголок в девичьем сердце, потерпел он от коварства означенной изменницы, коей соделался любезен другой пастух, Меналк, – и ныне плачется Колин дорогому другу своему, Гоббинолю, на одиночество и горькую участь. И сим исчерпывается содержание шестой Эклоги.

Гоббиноль, Колин Клаут

Гоббиноль

Здесь, Колин, и приволье и приют.
Не сыщется другой такой долины!
Ручей рокочет, зяблики поют,
Вовсю цветут кусты лесной малины,
Тенистые деревья-исполины
Прохладу вожденную дают,
А ветер нежно гладит их вершины.
Скажи: чего для счастья мало тут?

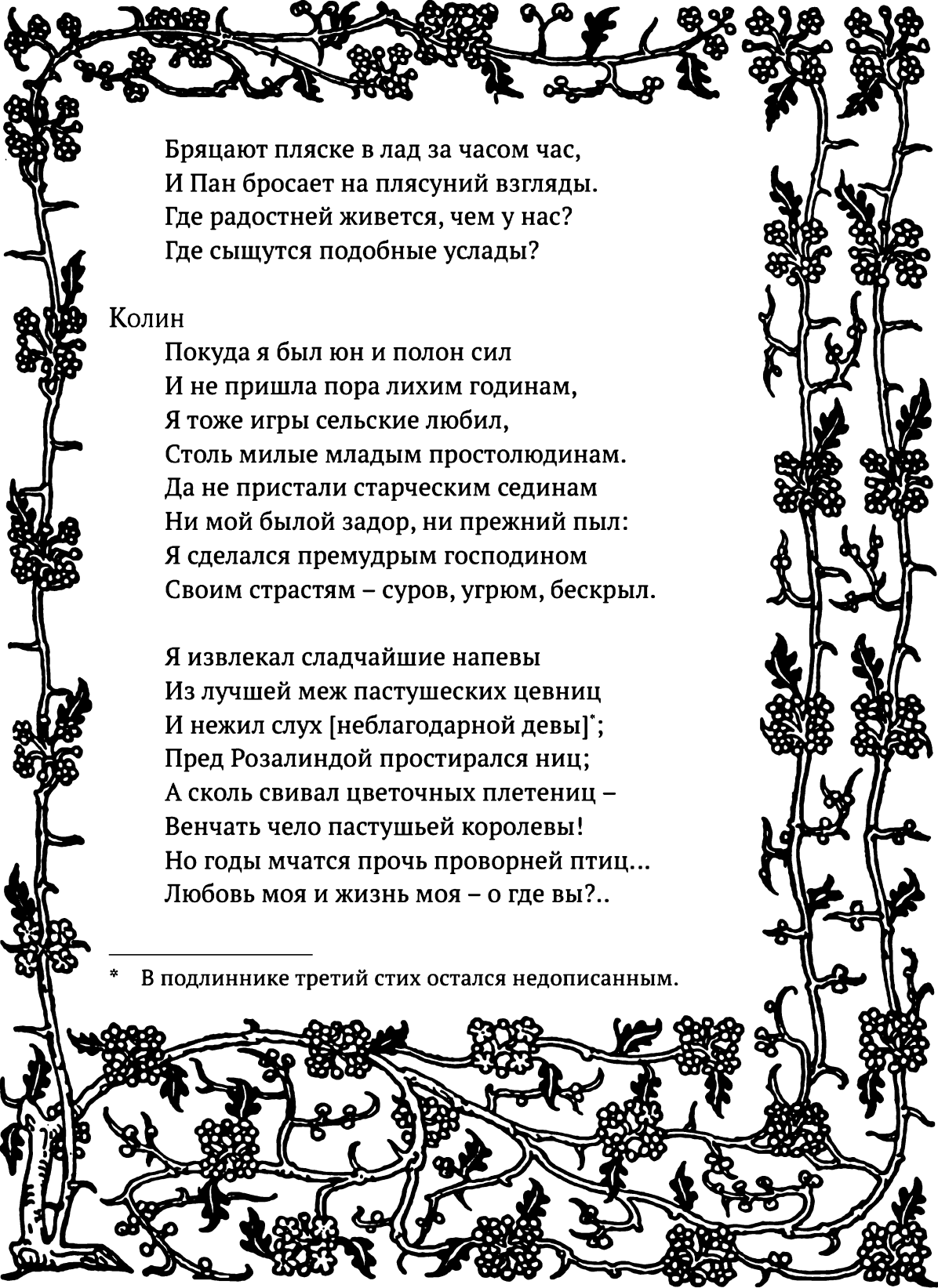
Колин

Счастливец! Ты сыскал себе отраду –
Покой и тишину – в земном раю.
Вольготно здесь и пастуху и стаду:
Здесь волк не унесет овцу твою.
Пой радостные гимны бытию!..
Мои же песни стали чужды ладу
Веселому – все горше слезы лью,
Все чаще жизнь моя подобна аду.

Гоббиноль

Позволь, я добрый дам тебе совет:
Переберись навек сюда, на юг.
На севере отвратен белый свет:
Лишь вереск да чертополох вокруг,
И спасу нет зимой от лютых вьюг.
А тут луга, леса – тут бересклет,
Рябина, ясень, вяз... И тут, мой друг,
Ни злобных духов, ни кикимор нет, –

Лишь Феи, да Хариты и Дриады
Пускаются при лунном свете в пляс –
Игривы, легконоги, вечно млады, –
И лиры Муз, покинувших Парнас,

Бряцают пляске в лад за часом час,
И Пан бросает на плясуний взгляды.
Где радостней живется, чем у нас?
Где сыщутся подобные услады?

Колин

Покуда я был юн и полон сил
И не пришла пора лихим годинам,
Я тоже игры сельские любил,
Столь милые младым простолюдинам.
Да не пристали старческим седидам
Ни мой былой задор, ни прежний пыл:
Я сделался премудрым господином
Своим страстям – суров, угрюм, бескрыл.

Я извлекал сладчайшие напевы
Из лучшей меж пастушеских цевниц
И нежил слух [неблагодарной девы]';
Пред Розалиндой простирался ниц;
А сколь свивал цветочных плетениц –
Венчать чело пастушьей королевы!
Но годы мчатся прочь проворней птиц...
Любовь моя и жизнь моя – о где вы?..

* В подлиннике третий стих остался недописанным.

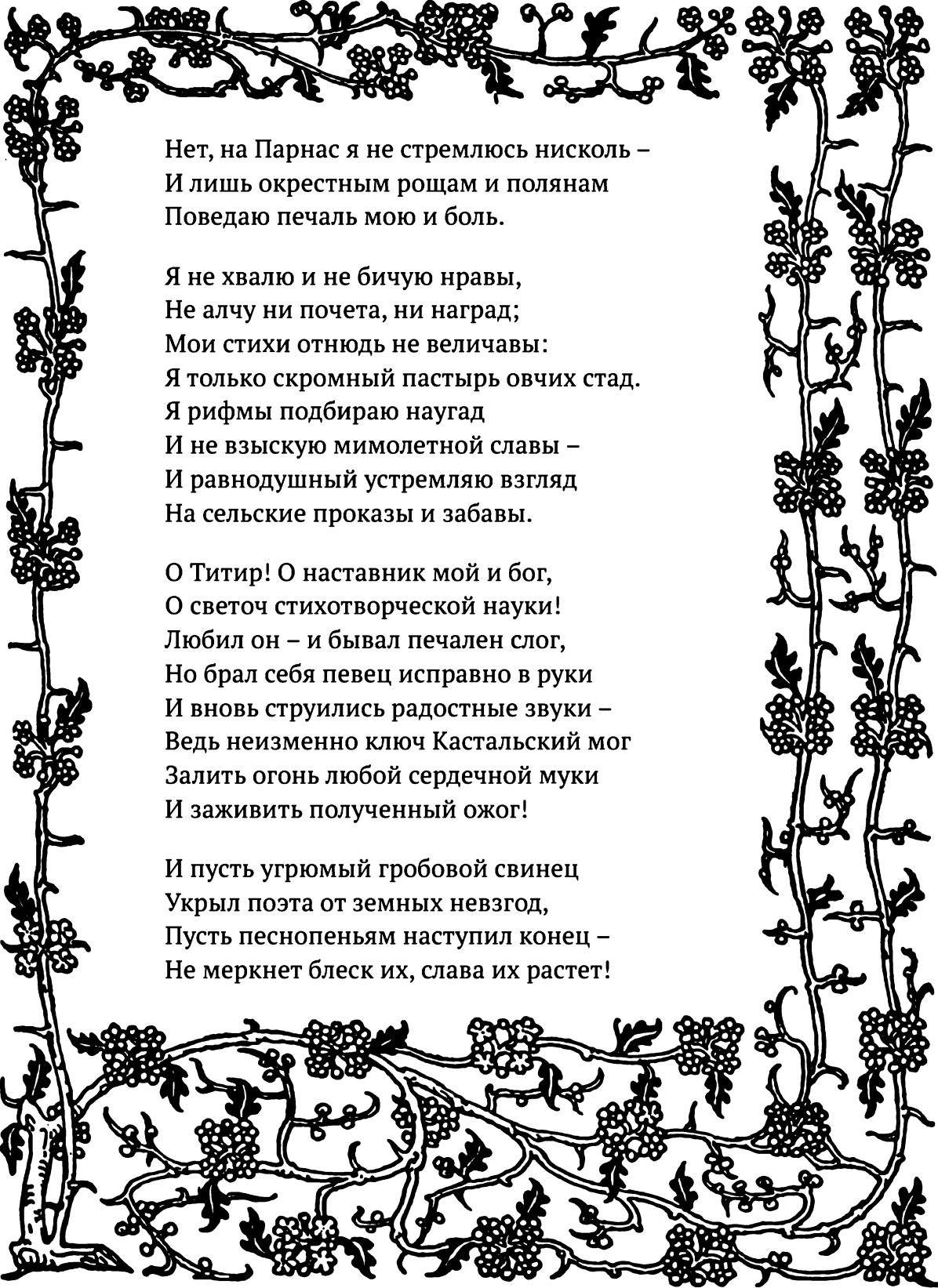
Гоббиноль

О милый Колин, каждая рондель,
Что на холмах была тобою спета,
Милее мне, чем жаворонка трель
Средь ласкового солнечного лета.
И чудится: у сельского поэта
Пичуги обучаются досель
Руладам звонким – встарь из очерета
Ты ладил бесподобную свирель!

Она ласкала девяти Каменам
Непогрешимый, безупречный слух;
И, внемля переливам и коленам,
Сюда во весь летели Музы дух –
Так по ветру летит легчайший пух –
И огорченно говорили: «Где нам
Равняться с ним?» – Увы, простой пастух
Их превзошел в искусстве несравненном!

Колин

Над Музами не смейся, Гоббиноль,
Оставь сие невеждам да болванам.
А состязаться с Музами? Уволь:
Припомни, как в самодовольстве рьяном
Был Фебу древле брошен вызов Паном!

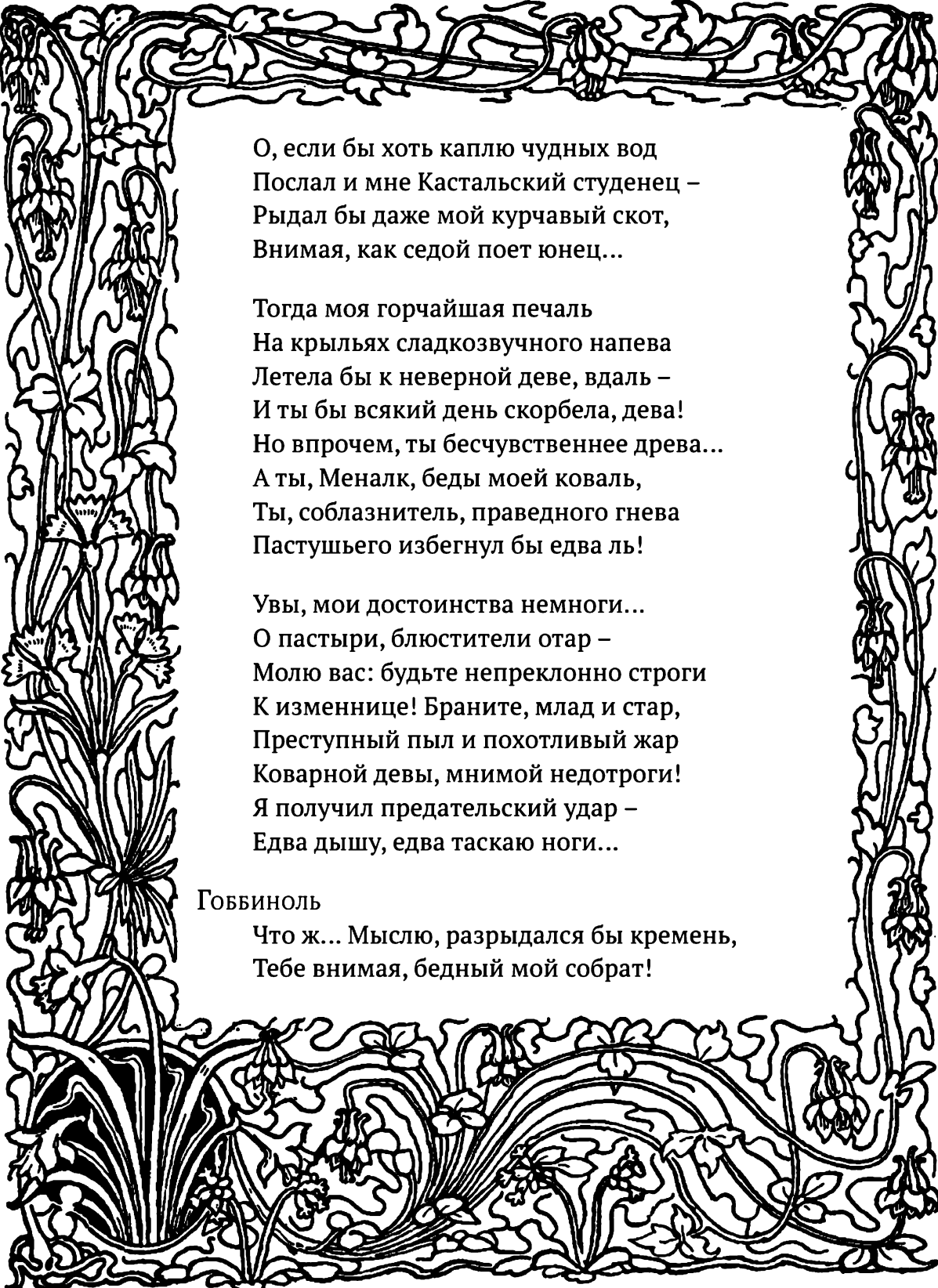

Нет, на Парнас я не стремлюсь нисколь –
И лишь окрестным рощам и полянам
Поведаю печаль мою и боль.

Я не хвалю и не бичую нравы,
Не алчу ни почета, ни наград;
Мои стихи отнюдь не величавы:
Я только скромный пастырь овчих стад.
Я рифмы подбираю наугад
И не взыскую мимолетной славы –
И равнодушный устремляю взгляд
На сельские проказы и забавы.

О Титир! О наставник мой и бог,
О светоч стихотворческой науки!
Любил он – и бывал печален слог,
Но брал себя певец исправно в руки
И вновь струились радостные звуки –
Ведь неизменно ключ Кастальский мог
Залить огонь любой сердечной муки
И заживить полученный ожог!

И пусть угрюмый гробовой свинец
Укрыл поэта от земных невзгод,
Пусть песнопеньям наступил конец –
Не меркнет блеск их, слава их растет!

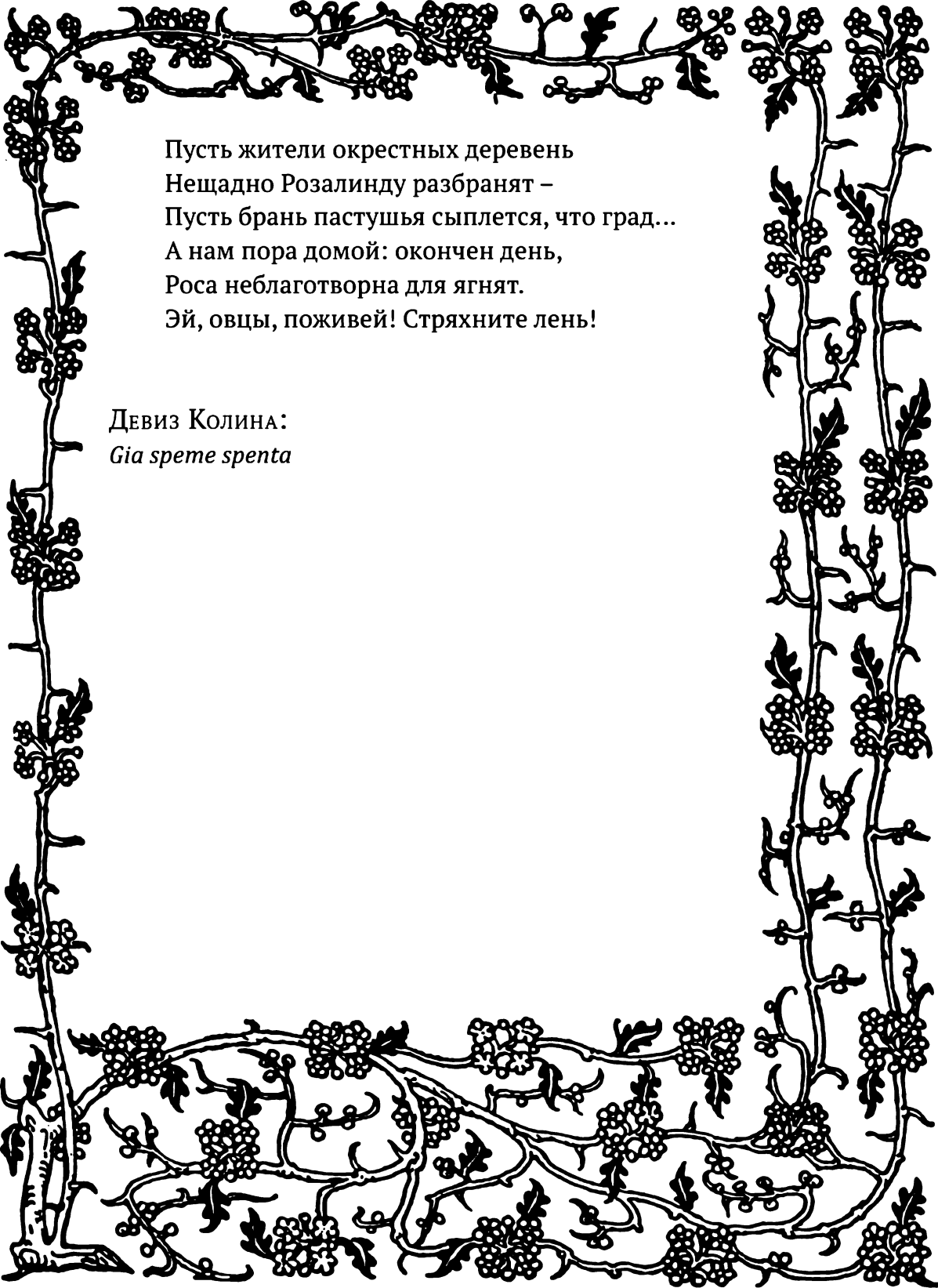
О, если бы хоть каплю чудных вод
Послал и мне Кастальский студенец –
Рыдал бы даже мой курчавый скот,
Внимая, как седой поет юнец...

Тогда моя горчайшая печаль
На крыльях сладкозвучного напева
Летела бы к неверной деве, вдаль –
И ты бы всякий день скорбела, дева!
Но впрочем, ты бесчувственнее древа...
А ты, Меналк, беды моей коваль,
Ты, соблазнитель, праведного гнева
Пастушьего избегнул бы едва ль!

Увы, мои достоинства немноги...
О пастыри, блюстители отар –
Молю вас: будьте непреклонно строги
К изменнице! Браните, млад и стар,
Преступный пыл и похотливый жар
Коварной девы, мнимой недотроги!
Я получил предательский удар –
Едва дышу, едва таскаю ноги...

Гоббиноль

Что ж... Мыслью, разрыдался бы кремень,
Тебе внимая, бедный мой собрат!

Пусть жители окрестных деревень
Нещадно Розалинду разбранят –
Пусть брань пастушья сыплется, что град...
А нам пора домой: окончен день,
Роса неблагоприятна для ягнят.
Эй, овцы, поживей! Стряхните лень!

Девиз Колина:
Gia speme spenta

IULY
ÆGLOGA
SEPTIMA

EMBLEME
S

Июль ÆGLOGA SEPTIMA СОДЕРЖАНИЕ

Сия Эклога сочинена в честь пастухов добродетельных и во славу им, а гордым и чванливым Пастырям, кои подобны Морреллу, семо изображенному, в позор и поношение.

ТОМАЛЕН, МОРРЕЛЛ

ТОМАЛЕН

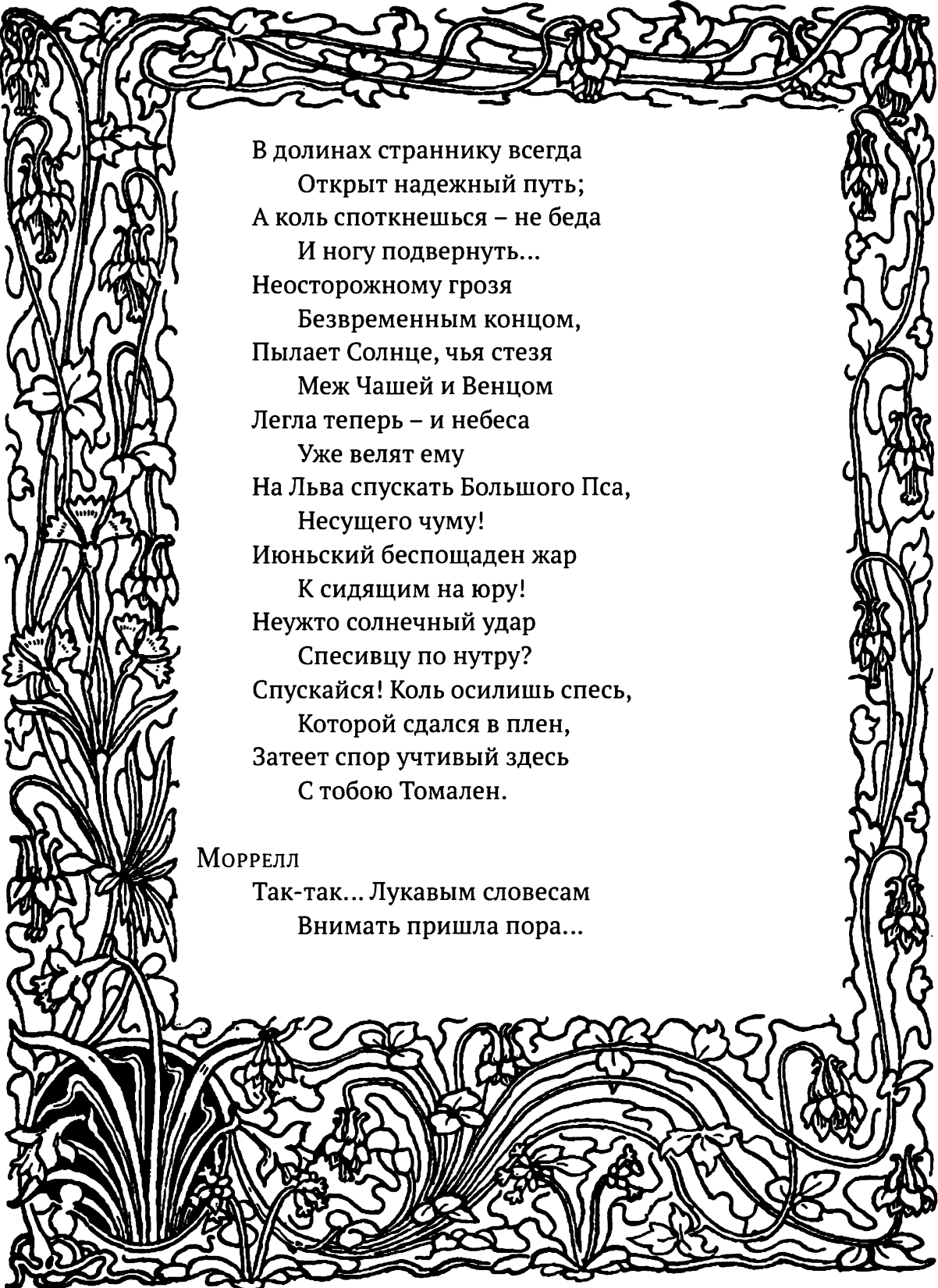
Гляжу, опять пастух-гордец
Воссел на берегу –
И позабыл своих овец,
Бродящих на лугу.

МОРРЕЛЛ

А ты взберись, не поленись,
На крутизну, сюда:
Коль пастыри стремятся ввысь,
То ввысь идут стада!

ТОМАЛЕН

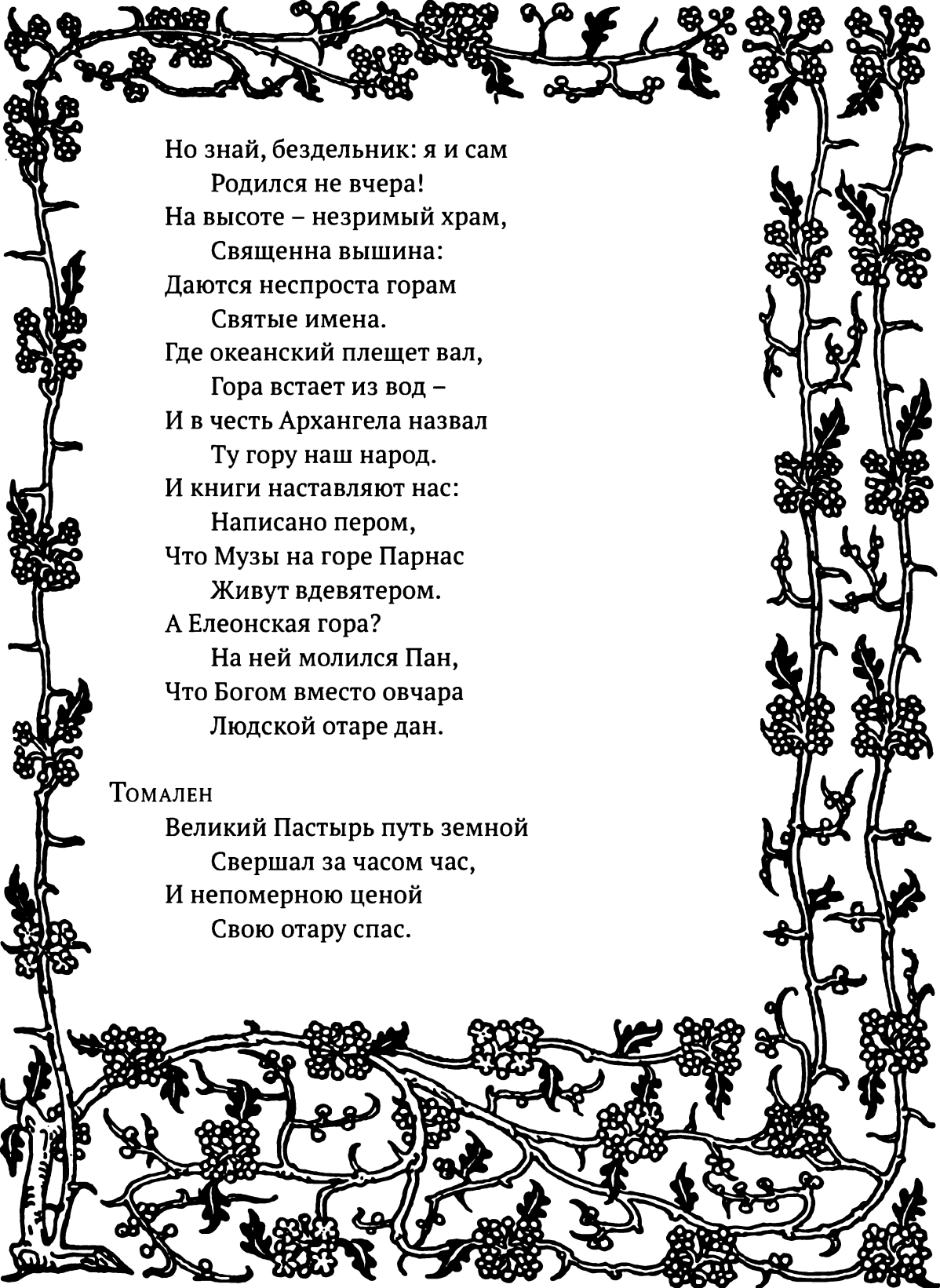
Внимать пословице не грех,
Пословица – не ложь:
Коль ты вознесся выше всех –
Всех ниже упадешь.

В долинах страннику всегда
Открыт надежный путь;
А коль споткнешься – не беда
И ногу подвернуть...
Неосторожному грозя
Безвременным концом,
Пылает Солнце, чья стезя
Меж Чашей и Венцом
Легла теперь – и небеса
Уже велят ему
На Льва спускать Большого Пса,
Несущего чуму!
Июньский беспощаден жар
К сидящим на юру!
Неужто солнечный удар
Спесивцу по нутру?
Спускайся! Коль осилишь спесь,
Которой сдался в плен,
Затеет спор учтивый здесь
С тобою Томален.

МОРРЕЛЛ

Так-так... Лукавым словесам
Внимать пришла пора...

Но знай, бездельник: я и сам
Родился не вчера!
На высоте – незримый храм,
Священна вышина:
Даются неспроста горам
Святые имена.
Где океанский плещет вал,
Гора встает из вод –
И в честь Архангела назвал
Ту гору наш народ.
И книги наставляют нас:
Написано пером,
Что Музы на горе Парнас
Живут вдевятером.
А Елеонская гора?
На ней молился Пан,
Что Богом вместо овчара
Людской отаре дан.

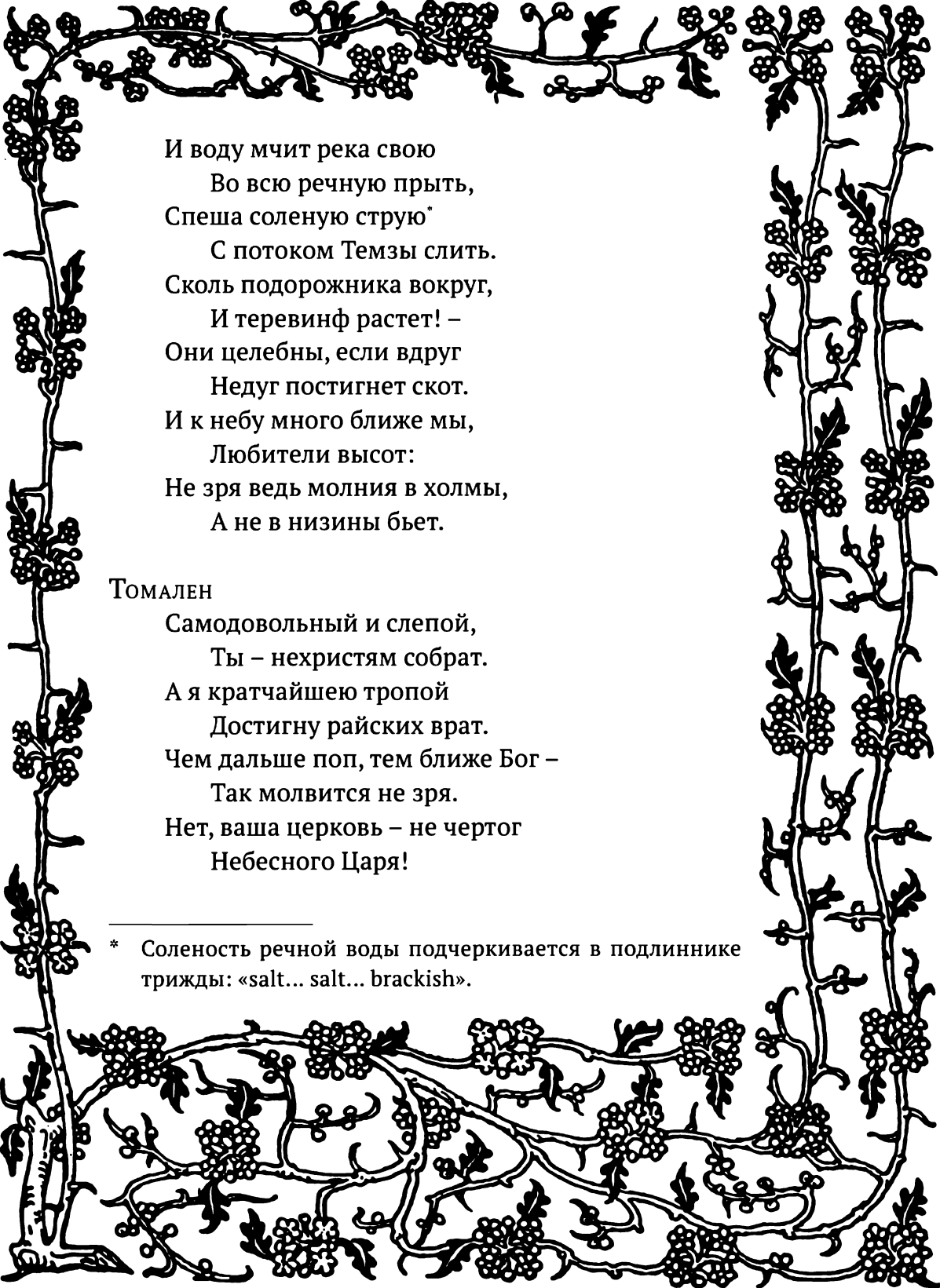
ТОМАЛЕН

Великий Пастырь путь земной
Свершал за часом час,
И непомерною ценой
Свою отару спас.

МОРРЕЛЛ

Где поутру Гиперион
Подъемлет ясный лик,
Над океаном вознесен
Громадный горный пик:
Он подпирает небосвод
И россыпи светил;
Эндимиона темный грот
Там древле приютил.
Доселе в мире да в тиши
Мы все бы жили там,
В раю земном – не согреши
Наш Праотец Адам.
Адам низвержен был в юдоль –
И ты, Адамов сын,
Терпеть навывший страх и боль,
Чураешься вершин.
А ты подумай про Синай
И вспомни про Фавор...
Но брег высокий – так и знай –
Ничем не хуже гор.
Вовсю резвятся фавны тут –
Рогатые божки,
И нимфы нежные живут
Внизу, на дне реки.

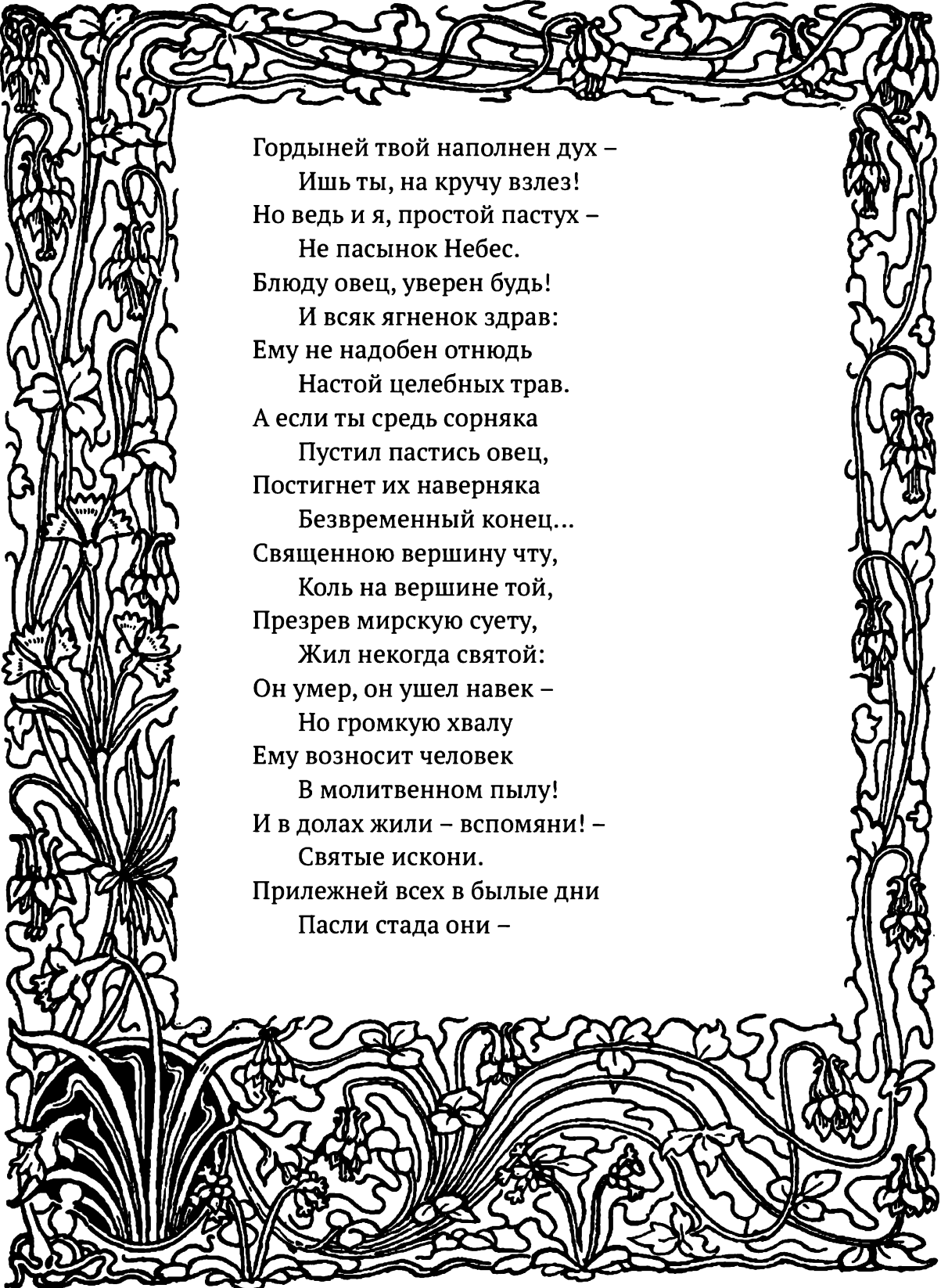

И воду мчит река свою
Во всю речную пруть,
Спеша соленую струю*
С потоком Темзы слить.
Сколь подорожника вокруг,
И теревинф растет! –
Они целебны, если вдруг
Недуг постигнет скот.
И к небу много ближе мы,
Любители высот:
Не зря ведь молния в холмы,
А не в низины бьет.

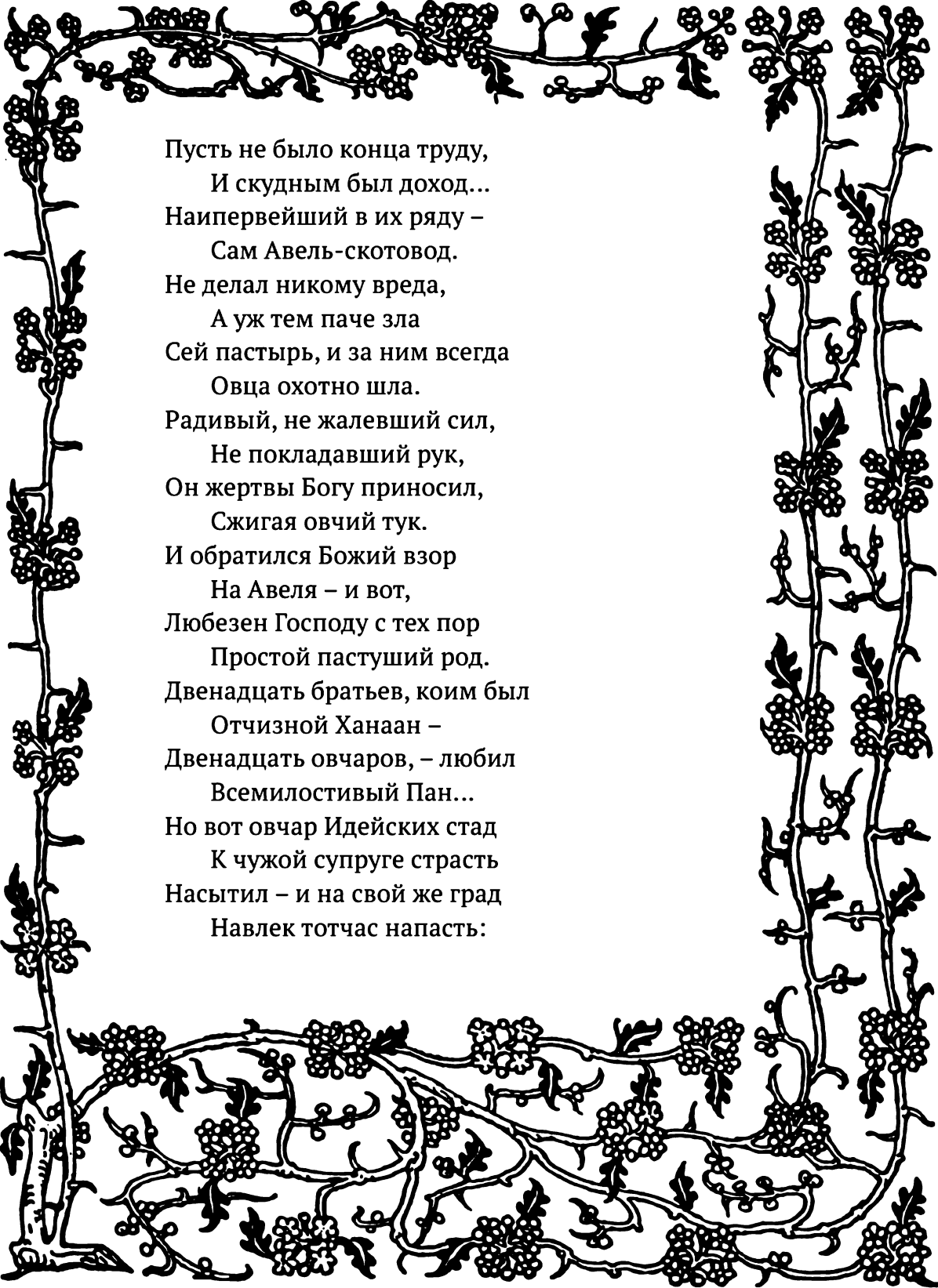
ТОМАЛЕН

Самодовольный и слепой,
Ты – нехристям собрат.
А я кратчайшею тропой
Достигну райских врат.
Чем дальше поп, тем ближе Бог –
Так молвится не зря.
Нет, ваша церковь – не чертог
Небесного Царя!

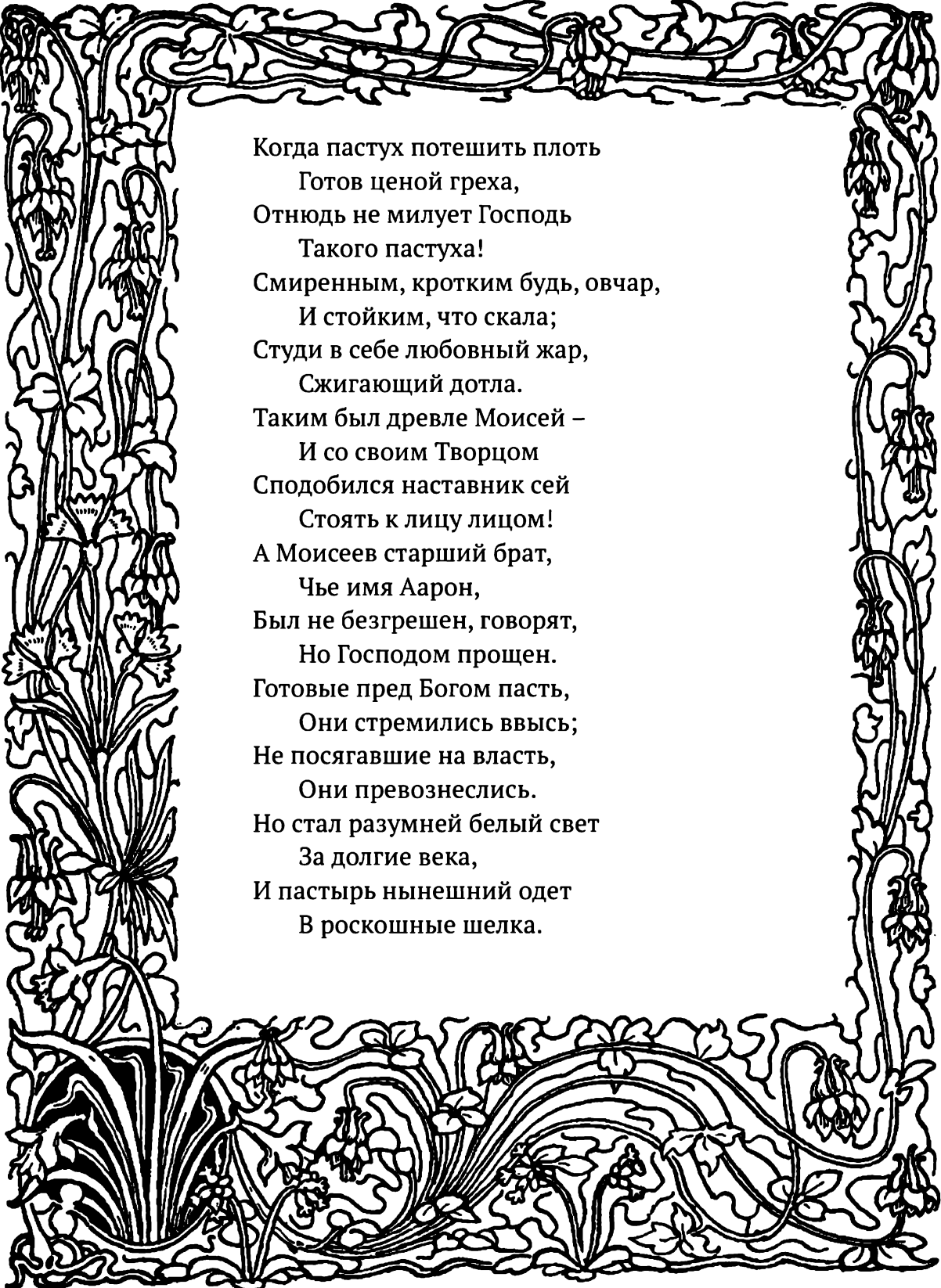
* Соленость речной воды подчеркивается в подлиннике трижды: «salt... salt... brackish».

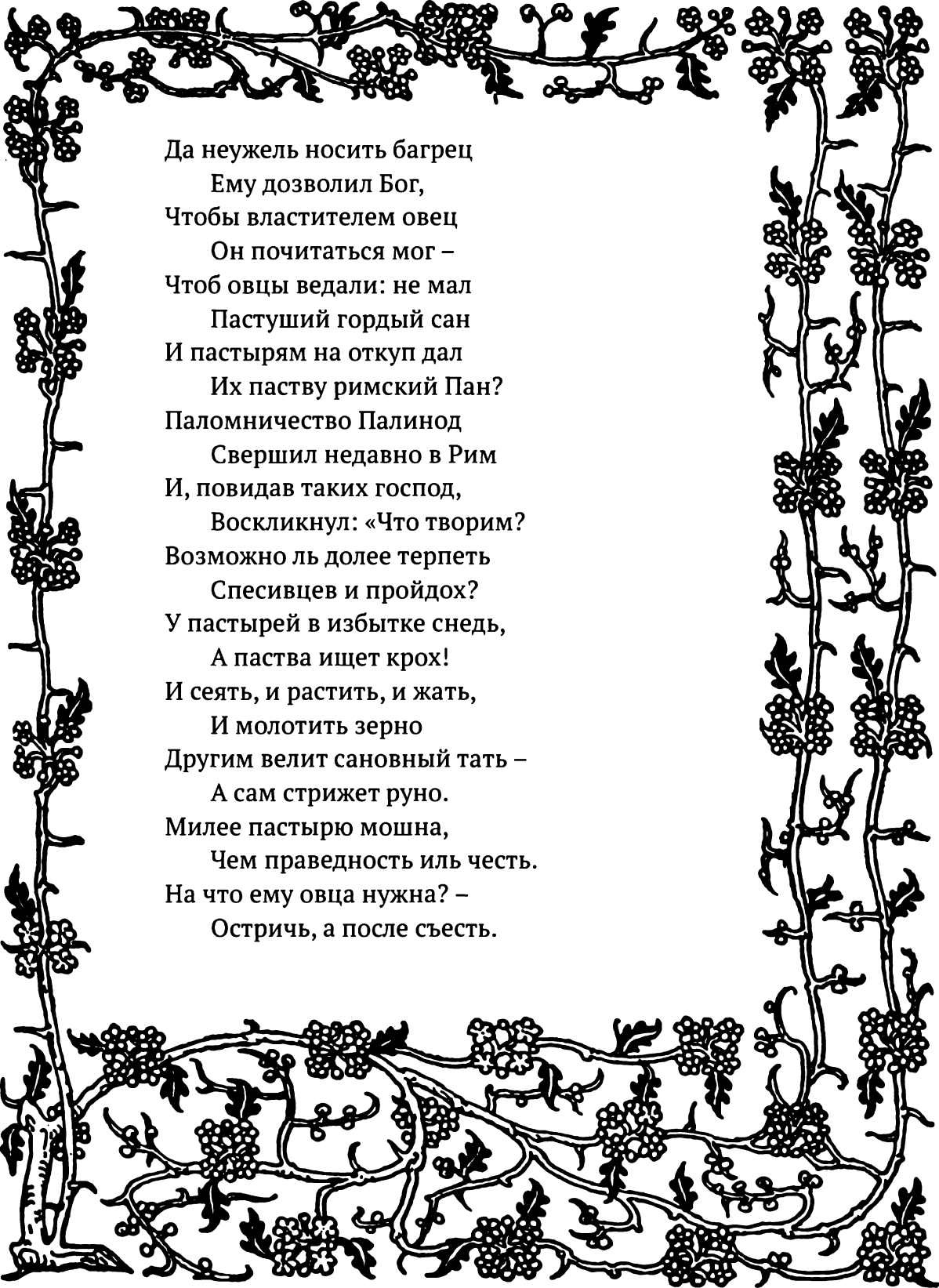
Гордыней твой наполнен дух –
Ишь ты, на кручу взлез!
Но ведь и я, простой пастух –
Не пасынок Небес.
Блуду овец, уверен будь!
И всяк ягненок здрав:
Ему не надобен отнюдь
Настой целебных трав.
А если ты средь сорняка
Пустил пастись овец,
Постигнет их наверняка
Безвременный конец...
Священную вершину чту,
Коль на вершине той,
Презрев мирскую суету,
Жил некогда святой:
Он умер, он ушел навек –
Но громкую хвалу
Ему возносит человек
В молитвенном пылу!
И в долах жили – вспомяни! –
Святые искони.
Прилежней всех в былые дни
Пасли стада они –

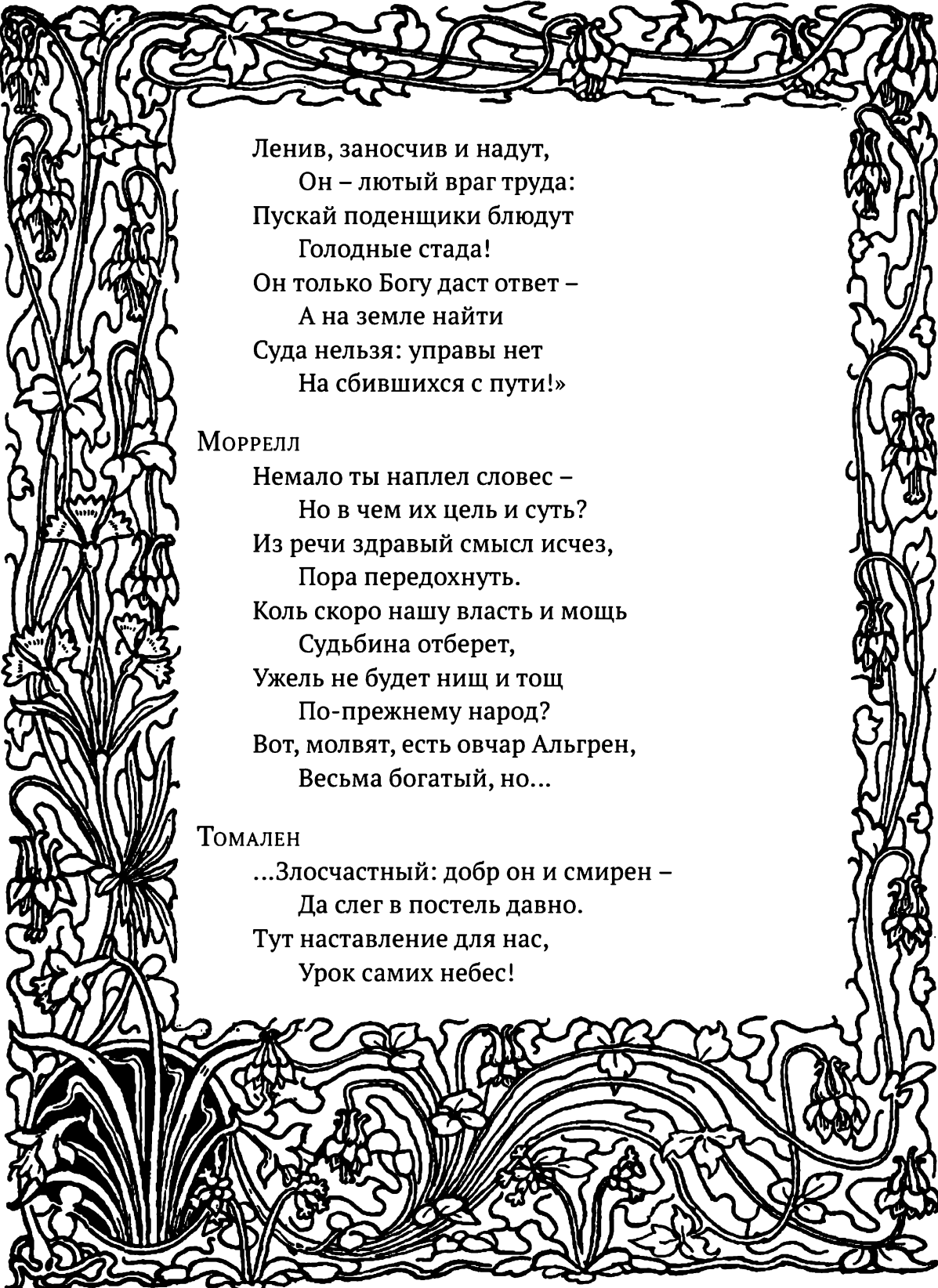
Пусть не было конца труду,
И скудным был доход...
Наипервейший в их ряду –
Сам Авель-скотовод.
Не делал никому вреда,
А уж тем паче зла
Сей пастырь, и за ним всегда
Овца охотно шла.
Радивый, не жалевший сил,
Не покладавший рук,
Он жертвы Богу приносил,
Сжигая овчий тук.
И обратился Божий взор
На Авеля – и вот,
Любезен Господу с тех пор
Простой пастуший род.
Двенадцать братьев, коим был
Отчизной Ханаан –
Двенадцать овчаров, – любил
Всемиловитый Пан...
Но вот овчар Идейских стад
К чужой супруге страсть
Насытил – и на свой же град
Навлек тотчас напасть:

Когда пастух потешить плоть
Готов ценой греха,
Отнюдь не милует Господь
Такого пастуха!
Смирненным, кротким будь, овчар,
И стойким, что скала;
Студи в себе любовный жар,
Сжигающий дотла.
Таким был древле Моисей –
И со своим Творцом
Сподобился наставник сей
Стоять к лицу лицом!
А Моисеев старший брат,
Чье имя Аарон,
Был не безгрешен, говорят,
Но Господом прощен.
Готовые пред Богом пасть,
Они стремились ввысь;
Не посягавшие на власть,
Они превознеслись.
Но стал разумней белый свет
За долгие века,
И пастырь нынешний одет
В роскошные шелка.

Да неужель носить багрец
Ему дозволил Бог,
Чтобы властителем овец
Он почитаться мог –
Чтоб овцы ведали: не мал
Пастуший гордый сан
И пастырям на откуп дал
Их паству римский Пан?
Паломничество Палинод
Свершил недавно в Рим
И, повидав таких господ,
Воскликнул: «Что творим?
Возможно ль долее терпеть
Спесивцев и пройдох?
У пастырей в избытке снедь,
А паства ищет крох!
И сеять, и растить, и жать,
И молотить зерно
Другим велит сановный тать –
А сам стрижет руно.
Милее пастырю мошна,
Чем праведность иль честь.
На что ему овца нужна? –
Остричь, а после съесть.

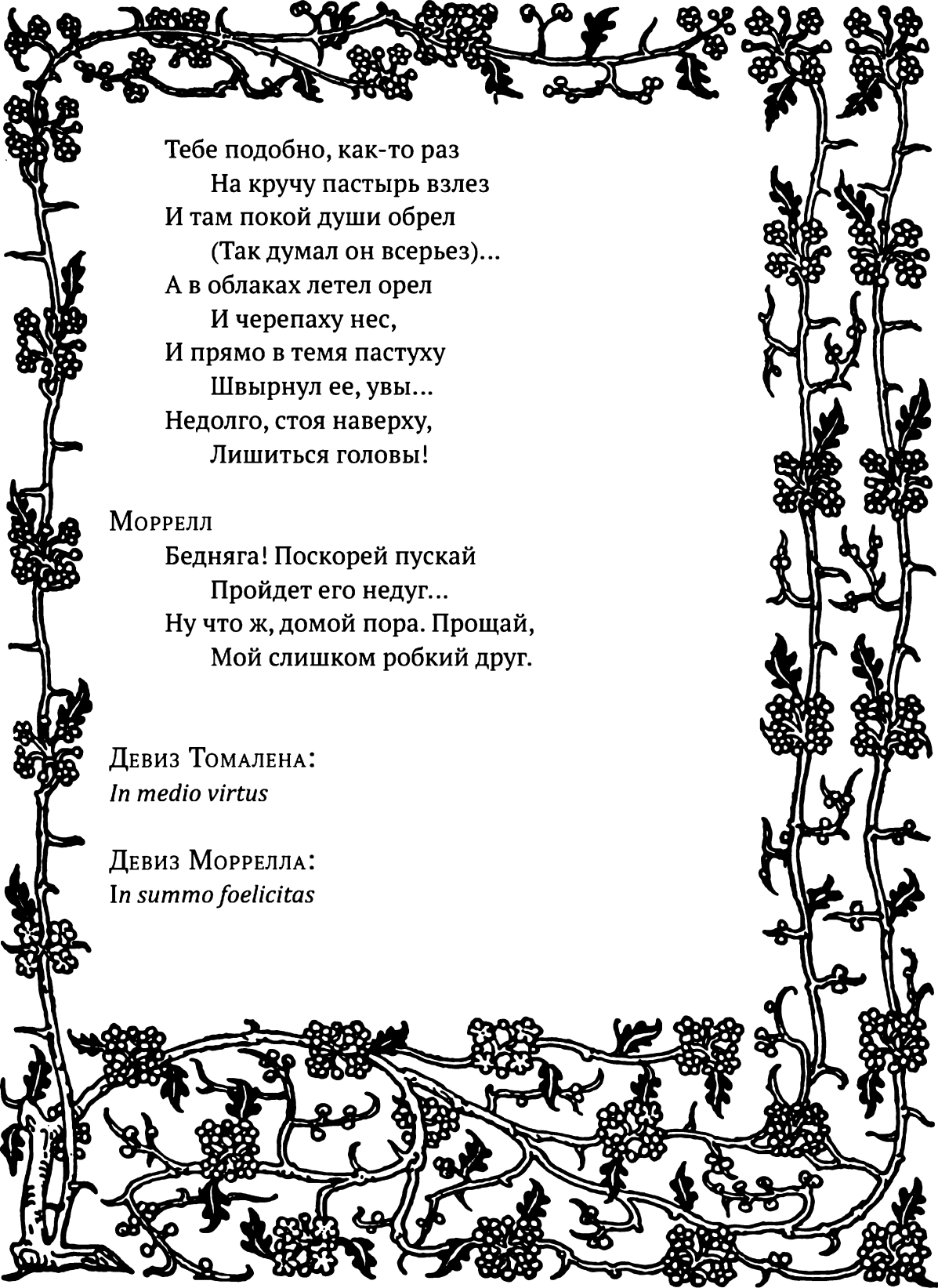
Ленив, заносчив и надут,
Он – лютый враг труда:
Пускай поденщики блюдут
Голодные стада!
Он только Богу даст ответ –
А на земле найти
Суда нельзя: управы нет
На сбившихся с пути!»

МОРРЕЛЛ

Немало ты наплел словес –
Но в чем их цель и суть?
Из речи здравый смысл исчез,
Пора передохнуть.
Коль скоро нашу власть и мощь
Судьбина отберет,
Ужель не будет нищ и тощ
По-прежнему народ?
Вот, молвят, есть овчар Альгрэн,
Весьма богатый, но...

ТОМАЛЕН

...Злосчастный: добр он и смирен –
Да слег в постель давно.
Тут наставление для нас,
Урок самих небес!

Тебе подобно, как-то раз
На кручу пастырь взлез
И там покой души обрел
(Так думал он всерьез)...
А в облаках летел орел
И черепаху нес,
И прямо в темя пастуху
Швырнул ее, увы...
Недолго, стоя наверху,
Лишится головы!

МОРРЕЛЛ

Бедняга! Поскорей пускай
Пройдет его недуг...
Ну что ж, домой пора. Прощай,
Мой слишком робкий друг.

ДЕВИЗ ТОМАЛЕНА:
In medio virtus

ДЕВИЗ МОРРЕЛЛА:
In summo foelicitas

AUGUST
ÆGLOGA
OCTAVA

CUDDIE · WILLYE · PERIGOT ·

EMBLEME
S

АВГУСТ ÆGLOGA ОСТАВА СОДЕРЖАНИЕ

Сия Эклога повествует о восхитительном состязании певческом, иже подобно описываемым у Феокрита, подражая коему, такожде и Вергилий сложил третью и седьмую эклоги свои. В судьи себе соперники избирают Кадди, подпaska; оный же сперва разрешает их спор, а после читает наизусть многоскорбное творение, сочиненное, по словам его, Колином.

Вилли, Периго, Кадди.

Вилли

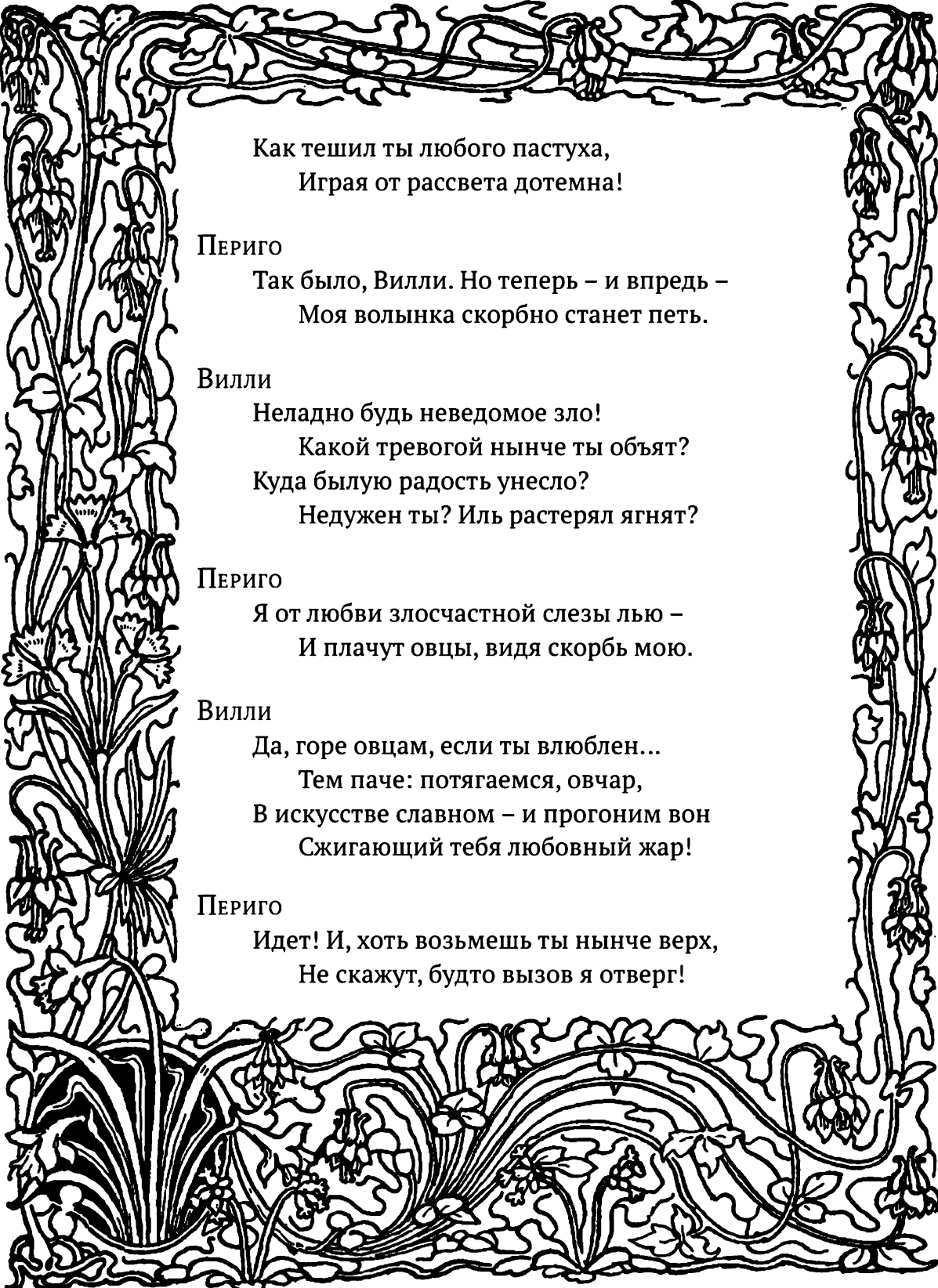
Неужто, Периго, стряслась беда?
Со мной, ничтожным, состязаться ты
Не хочешь? Иль волынка столь худа?
Иль непослушны сделались персты?

Периго

Ах, Вилли, не сочту сердечных мук –
И у волынки стал неверным звук.

Вилли

Вот горе! Чем теперь она плоха?
Ведь редкая волынка ей равна!

Как тешил ты любого пастуха,
Играя от рассвета дотемна!

ПЕРИГО

Так было, Вилли. Но теперь – и впредь –
Моя волынка скорбно станет петь.

ВИЛЛИ

Неладно будь неведомое зло!
Какой тревогой нынче ты объят?
Куда былую радость унесло?
Недужен ты? Иль растерял ягнят?

ПЕРИГО

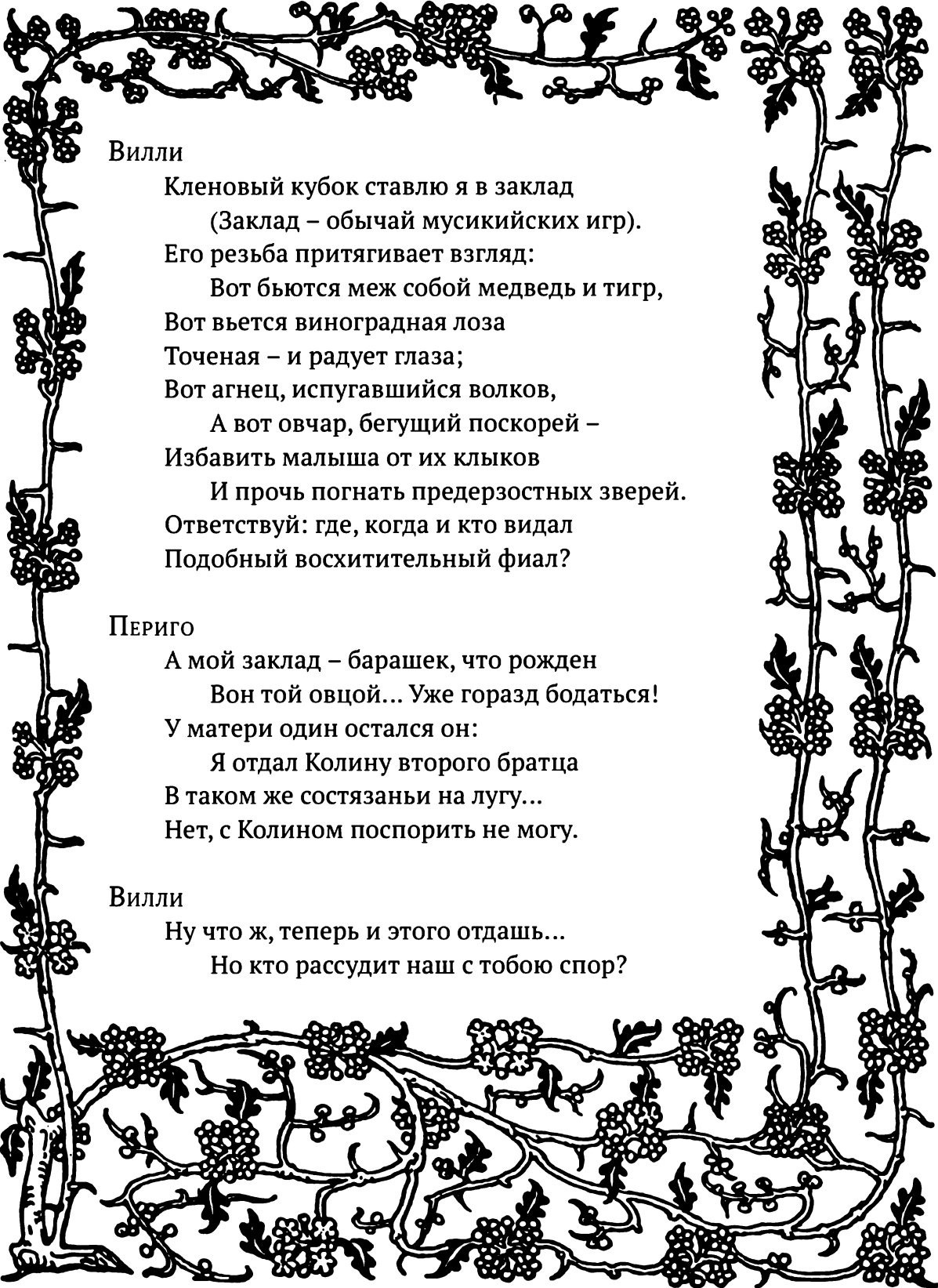
Я от любви злосчастной слезы лью –
И плачут овцы, видя скорбь мою.

ВИЛЛИ

Да, горе овцам, если ты влюблен...
Тем паче: потягаемся, овчар,
В искусстве славном – и прогоним вон
Сжигающий тебя любовный жар!

ПЕРИГО

Идет! И, хоть возьмешь ты нынче верх,
Не скажут, будто вызов я отверг!

Вилли

Кленовый кубок ставлю я в заклад
(Заклад – обычай мусикийских игр).
Его резьба притягивает взгляд:
Вот бьются меж собой медведь и тигр,
Вот вьется виноградная лоза
Точеная – и радует глаза;
Вот агнец, испугавшийся волков,
А вот овчар, бегущий поскорей –
Избавить малыша от их клыков
И прочь погнать предерзостных зверей.
Ответствуй: где, когда и кто видал
Подобный восхитительный фиал?

Периго

А мой заклад – барашек, что рожден
Вон той овцой... Уже горазд бодаться!
У матери один остался он:
Я отдал Колину второго братца
В таком же состязаньи на лугу...
Нет, с Колином поспорить не могу.

Вилли

Ну что ж, теперь и этого отдашь...
Но кто рассудит наш с тобою спор?

ПЕРИГО

Вон тот юнец, приятель старый наш:
Он вынесет разумный приговор.

ВИЛЛИ

А зной-то нынче – Боже сохрани!..
Давай-ка сядем где-нибудь в тени.

ПЕРИГО

Давай... А ты решай, кто верх берет.
Ей-ей, не хуже Колина споем!

КАДДИ

Держайте, братцы. С Богом, и вперед! –
Мы славно время проведем втроем.

ПЕРИГО. «На исповедь народ пошел –
Вилли. Эхма! И как не лень? –

П. Ко всем попам окрестных сел

В. В погожий летний день.

П. А я, беспечный молодец,

В. Безгрешен был, видать,

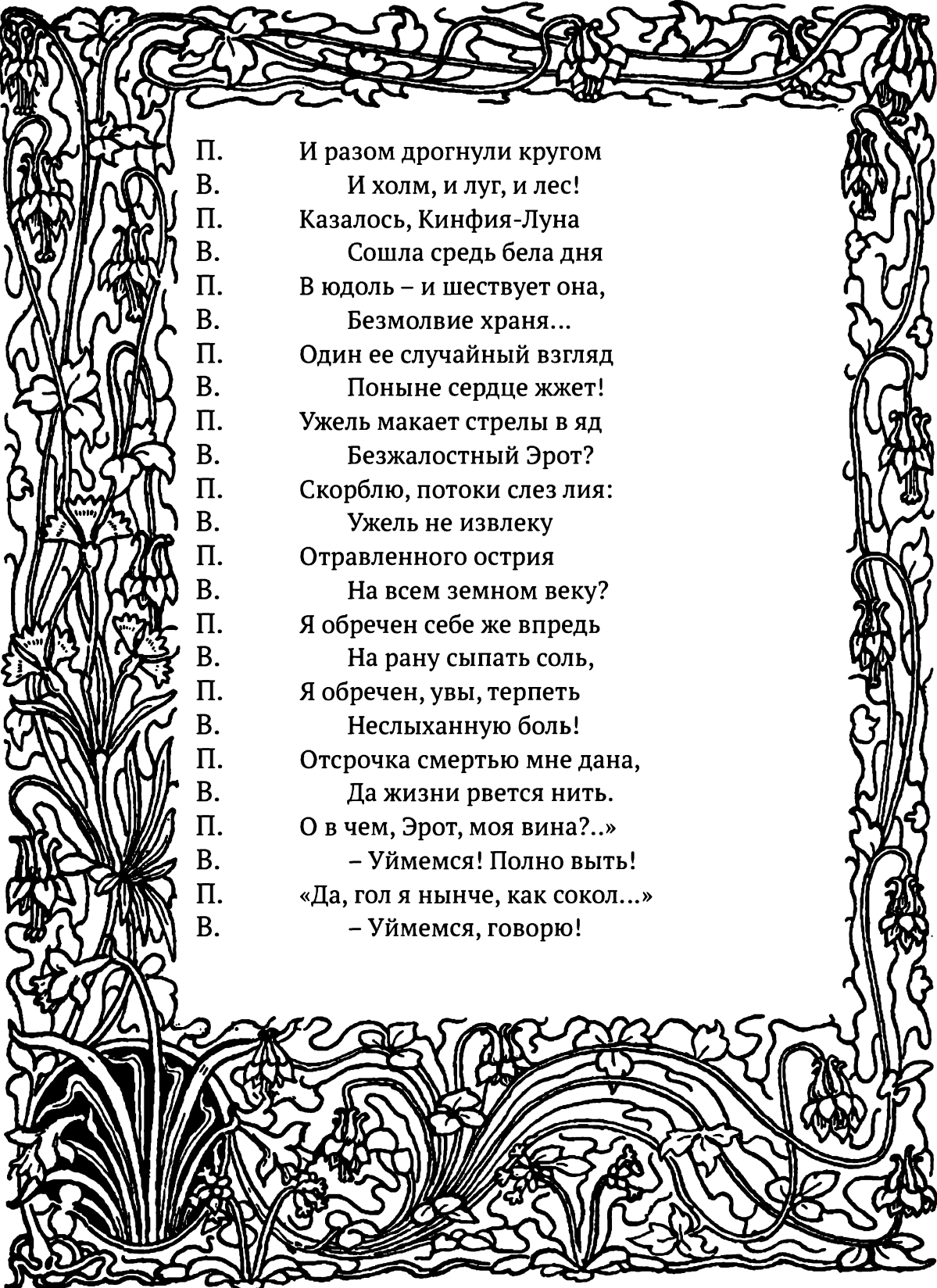
П. И на пригорке пас овец:

В. Ужель не благодать?

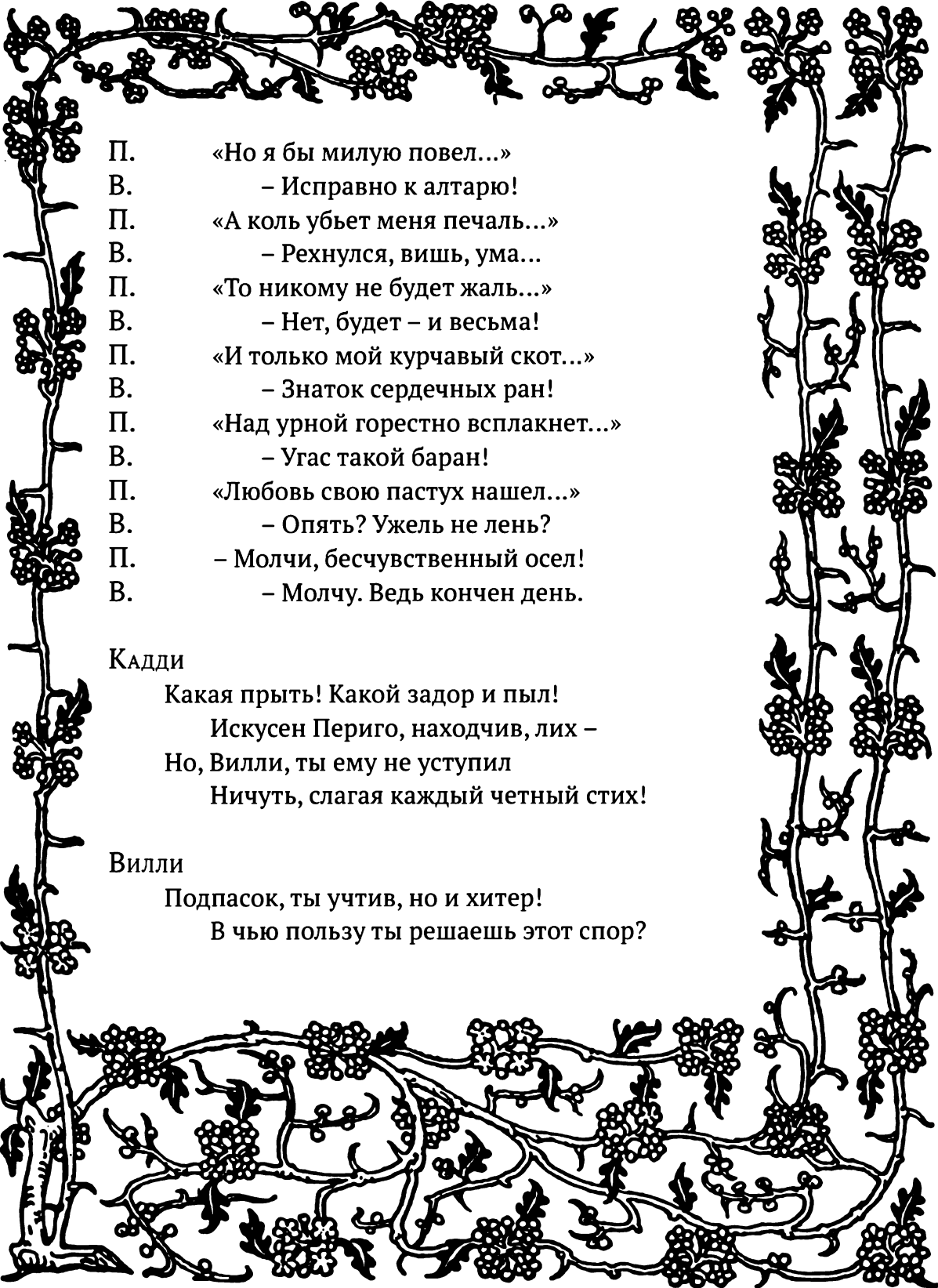
П. Гляжу, красотка через луг –

В. Эхма, наедине,
П. Без провожатых и подруг! –
В. Направилась ко мне.
П. В накидке серой шла она –
В. Эхма, унылый цвет!
П. Но юбка, вижу, зелена:
В. Милее цвета нет!
П. Пригожа девушка была
В. От головы до ног,
П. И вился вокруг ее чела
В. Прелестнейший венок.
П. И я застыл, и овцы враз
В. Про клевер и шалфей
П. Забыли... Боже, мимо нас
В. Идет царица фей!
П. Прошла, безмолвие храня,
В. Безвестный правя путь,
П. И взор лукавый на меня
В. Изволила метнуть.
П. Почудилось, полдневный жар
В. Спалил меня дотла...
П. Игривый взгляд! – Ожог! – Удар! –
В. Эротова стрела!
П. Почудилось, низверглись гром
В. И молния с небес –

П. И разом дрогнули кругом
В. И холм, и луг, и лес!
П. Казалось, Кинфия-Луна
В. Сошла средь бела дня
П. В юдоль – и шествует она,
В. Безмолвие храня...
П. Один ее случайный взгляд
В. Поныне сердце жжет!
П. Ужель макает стрелы в яд
В. Безжалостный Эрот?
П. Скорблю, потоки слез лия:
В. Ужель не извлеку
П. Отравленного остря
В. На всем земном веку?
П. Я обречен себе же впредь
В. На рану сыпать соль,
П. Я обречен, увы, терпеть
В. Неслыханную боль!
П. Отсрочка смертью мне дана,
В. Да жизни рвется нить.
П. О в чем, Эрот, моя вина?..»
В. – Уйдемся! Полно выть!
П. «Да, гол я нынче, как сокол...»
В. – Уйдемся, говорю!

П. «Но я бы милую повел...»
В. – Исправно к алтарю!
П. «А коль убьет меня печаль...»
В. – Рехнулся, вишь, ума...
П. «То никому не будет жаль...»
В. – Нет, будет – и весьма!
П. «И только мой курчавый скот...»
В. – Знаток сердечных ран!
П. «Над урной горестно всплакнет...»
В. – Угас такой баран!
П. «Любовь свою пастух нашел...»
В. – Опять? Ужель не лень?
П. – Молчи, бесчувственный осел!
В. – Молчу. Ведь кончен день.

Кадди

Какая прыть! Какой задор и пыл!
Искусен Периго, находчив, лих –
Но, Вилли, ты ему не уступил
Ничуть, слагая каждый четный стих!

Вилли

Подпасок, ты учтив, но и хитер!
В чью пользу ты решаешь этот спор?

Кадди

Клянусь, был равным ваш словесный бой!
Вы досыта поспорили. Шабаш.
Ягненок нынче, Вилли, за тобой,
А кубок ты сопернику отдашь.

Периго

Решением таким доволен я.
Да, Кадди – справедливейший судья!

Вилли

Ты, Кадди – мудрый змий и хитрый лис,
И беспристрастней судишь, чем Парис!

Кадди

Задорной ваша песенка была.
А Колиновы скорбные стихи
О Розалинде (срам ей и хула!)
Желаете послушать, пастухи?

Периго

Ну что же, прочитай их наизусть:
Веселью пусть идет на смену грусть.

Вилли

Когда творенье Колина для нас
Не запинаясь, пропоешь, юнец,
Возложим на чело твое тотчас
Тобой вполне заслуженный венец!

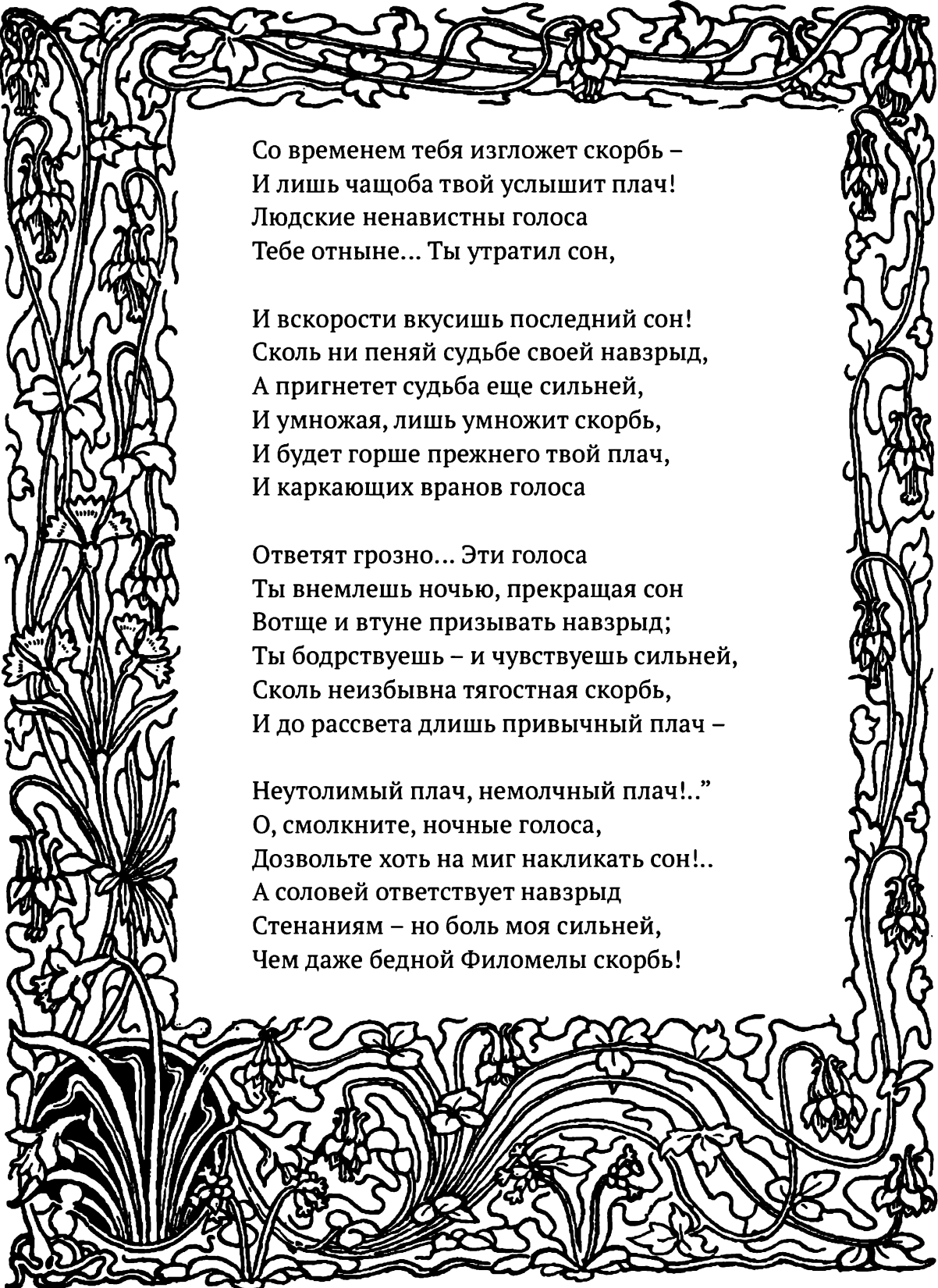
Кадди

Я не спою ни слова невпопад...
Волынки стройте на печальный лад:

«Дремучий лес, мою ты видел скорбь,
Слышал мои стенания, мой плач!
Ты помнишь, как смолкали голоса
Пичуг, когда, забыв покой и сон
Я непрестанно сетовал навзрыд...
Скажи: возможно ли страдать сильнее?

А среди людей томлюсь еще сильнее;
На стогнах городских острее скорбь!
Я в лес бегу – и вновь горчайший плач
Лесные заглушает голоса!
Листва лепечет, навеивает сон –
А я, как прежде, сетую навзрыд.

И вторит эхо, говорит навзрыд:
“Больней гораздо и куда сильнее

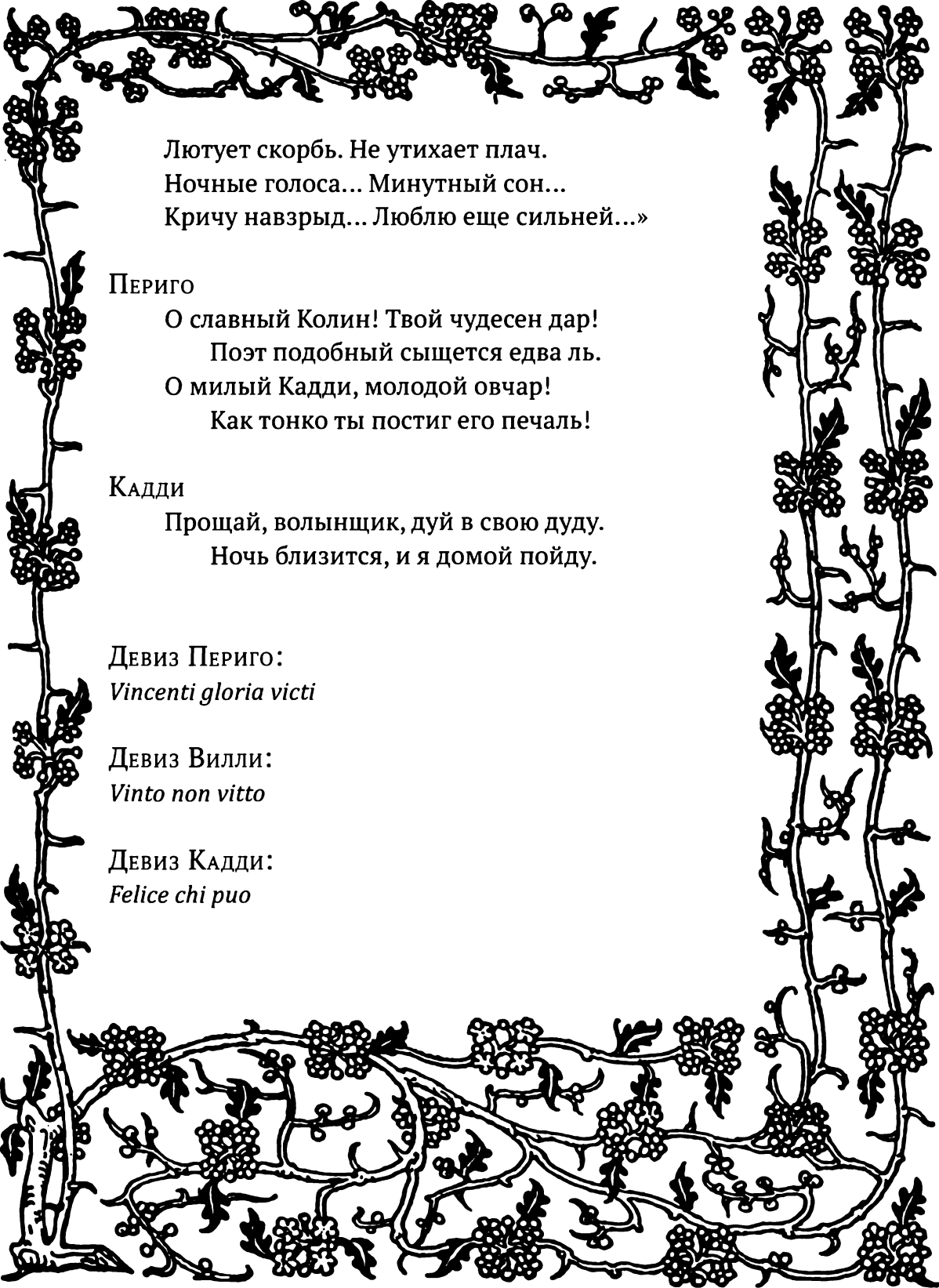

Со временем тебя изложет скорбь –
И лишь чащоба твой услышит плач!
Людские ненавистны голоса
Тебе отныне... Ты утратил сон,

И вскорости вкусишь последний сон!
Сколь ни пеняй судьбе своей навзрыд,
А пригнетет судьба еще сильнее,
И умножая, лишь умножит скорбь,
И будет горше прежнего твой плач,
И каркающих вранов голоса

Ответят грозно... Эти голоса
Ты внемлешь ночью, прекращая сон
Вотще и втуне призывать навзрыд;
Ты бодрствуешь – и чувствуешь сильнее,
Сколь неизбывна тягостная скорбь,
И до рассвета длишь привычный плач –

Неутолимый плач, немолчный плач!..”
О, смолкните, ночные голоса,
Дозвольте хоть на миг накликать сон!..
А соловей ответствует навзрыд
Стенаниям – но боль моя сильнее,
Чем даже бедной Филомелы скорбь!

Лютует скорбь. Не утихает плач.
Ночные голоса... Минутный сон...
Кричу навзрыд... Люблю еще сильнее...»

ПЕРИГО

О славный Колин! Твой чудесен дар!
Поэт подобный сыщется едва ль.
О милый Кадди, молодой овчар!
Как тонко ты постиг его печаль!

КАДДИ

Прощай, волынщик, дуй в свою дуду.
Ночь близится, и я домой пойду.

ДЕВИЗ ПЕРИГО:

Vincenti gloria victi

ДЕВИЗ ВИЛЛИ:

Vinto non vitto

ДЕВИЗ КАДДИ:

Felice chi puo

SEPTEMBER
ÆGLOGA
NONA 27

·DIGGONS·
·EMBLEME·

СЕНТЯБРЬ ÆGLOGA NONA СОДЕРЖАНИЕ

Семо Диггон Дэви представлен яко пастух, иже, уповая на выгоды изряднейшие, нежели дотоле имевшиеся, погнал своих овец в отдаленные пределы. О бесчинствах тамошних, а также о разнузданном житье прелатов папских он, вопрошаемый Гоббинолем, и повествует в подробностях.

Гоббиноль, Диггон Дэви

Гоббиноль

Ужели Диггон Дэви снова здесь –
Былой и прежний, целиком и весь?

Диггон

Нет, больше прежним не зови меня:
Я был совсем иным при свете дня –
Да быстро меркнет свет, подходит ночь...
Увы, кромешной тьмы не превозмочь.

Гоббиноль

Да я тебя не видел никогда
Настоль поникшим! Что, стряслась беда?
Где овцы? Ты берег их до сих пор.
Ужели продал? Иль случился мор?

Диггон

Молю и заклинаю, Гоббиноль:
Не наступай на старую мозоль!
Неосторожный задал ты вопрос –
И гнев мой горький ожил и возрос.

Гоббиноль

О нет, обиду не таи в груди.
Расшевели печаль, разбереди,
Поведай мне, чтоб сделалась легка:
Прольется дождь – растают облака.
Ты покидал пределы сей страны
Давно: минуло трижды три луны.
Ты, мыслю, много исходил земель,
Свою отару выведя отсель,
И нынче можешь рассказать немало.
Но прежде молви: что со стадом стало?

Диггон

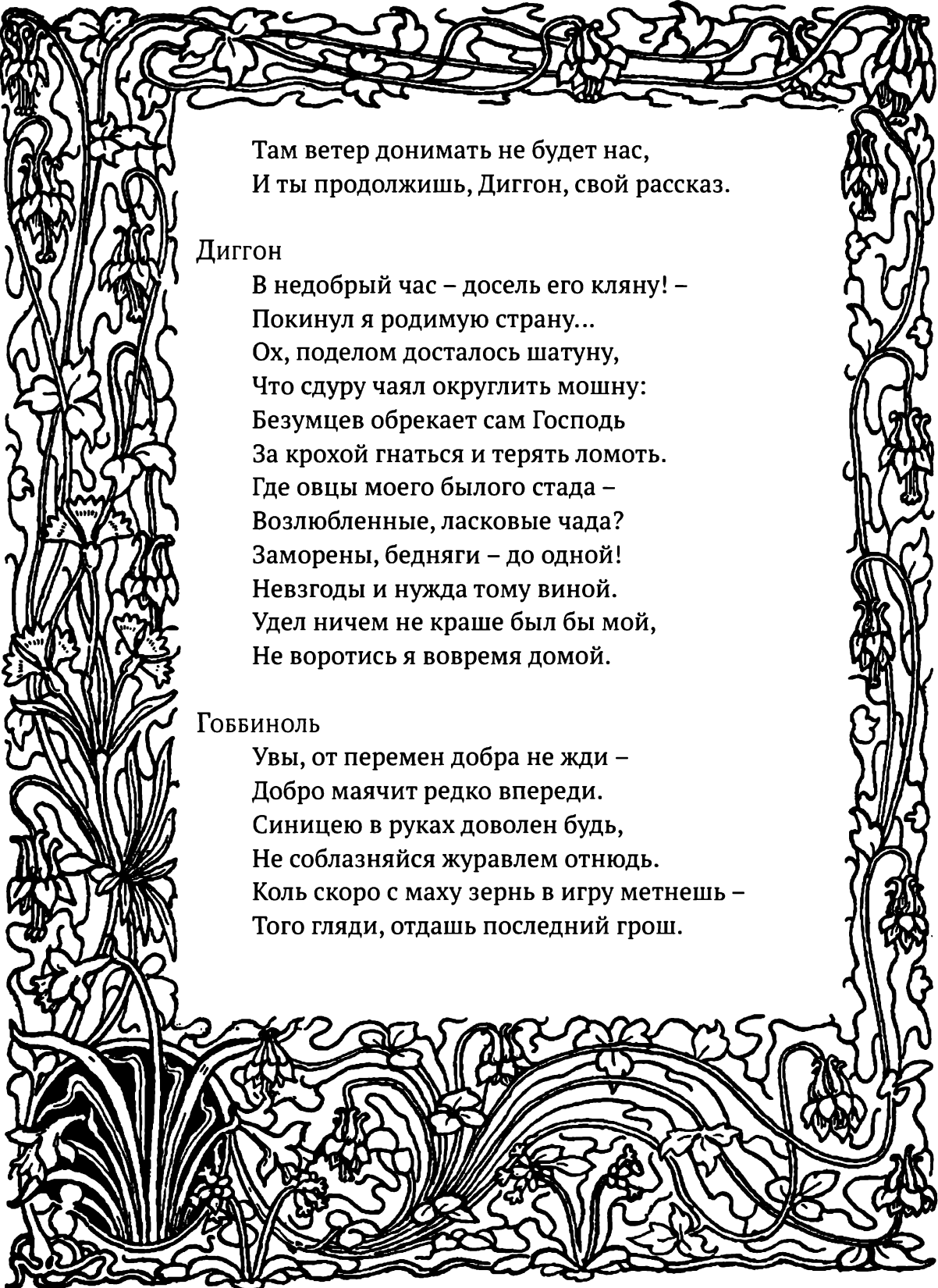
Пропали овцы, испустили дух...
Виною тому беспечный их пастух –
Дурной пастух, достойный оплеух.
Все молвят: на чужбине много благ! –
А ты не верь, коль сам себе не враг.
Имеv достаток, я искал избытка...

И что же вышло? Истинная пытка.
Я в окаянных землях побывал.
Там ложь царит, и кривда правит бал,
И тамошних обычаев не снести,
Коль совесть не отверг, не продал честь.
Давно забыли там и стыд и срам,
И в дом торговли превратили храм.
Там пастуху пастух – и волк, и вор,
И враг, и живоглот, и живодер.
Друг друга, беспощадны и хитры,
Сжить со свету стремятся овчары.
Подпаска узнаёшь издалека:
Откормленный, похожий на быка,
Безмозглый, он вельми собою горд –
С души воротит от подобных морд!
Он пыжится, паршивец, как петух...

Гоббиноль

Помилосердствуй, пощади, пастух:
Устал я, на ногах держусь едва.
Гляди, с деревьев жухлая листва
Слетает – ибо рвет ее Борей.
Давай затишье сыщем поскорей.
Есть место у подножия холма –
Укромное, уютное весьма.

Там ветер донимать не будет нас,
И ты продолжишь, Диггон, свой рассказ.

Диггон

В недобрый час – досель его клянц! –
Покинул я родимую страну...
Ох, поделом досталось шатуну,
Что сдуру чаял округлить мошну:
Безумцев обрекает сам Господь
За крохой гнаться и терять ломоть.
Где овцы моего бывшего стада –
Возлюбленные, ласковые чада?
Заморены, бедняги – до одной!
Невзгоды и нужда тому виной.
Удел ничем не краше был бы мой,
Не воротись я вовремя домой.

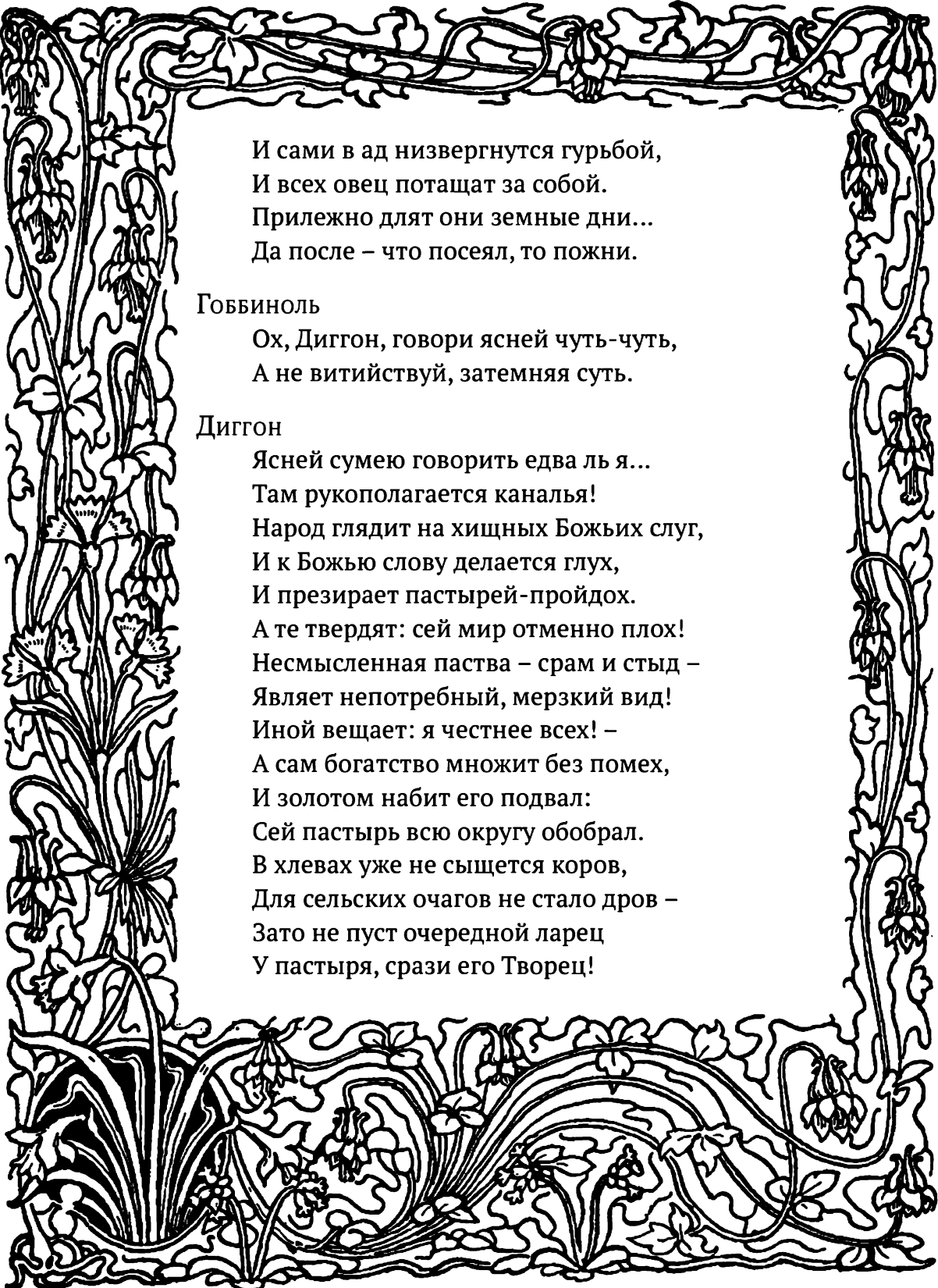
Гобвиноль

Увы, от перемен добра не жди –
Добро маячит редко впереди.
Синицею в руках доволен будь,
Не соблазняйся журавлем отнюдь.
Коль скоро с маху зернь в игру метнешь –
Того гляди, отдашь последний грош.

Диггон

Да, братец, верно. Знать, попутал бес...
Не ведаю, отколь я ждал чудес.
Уж так, видать, устроен белый свет:
Лишь там и лучше, мнится, где нас нет.
Казалось, почва там жирней, чем тут –
На ней червонцы, что цветы, растут!
А там в закон пастуший лень и ложь
Поставлены... Меня объяла дрожь,
Когда я вящий осознал урон,
Что пастырями овцам нанесен!
Там честность пастухам не по нутру,
И добродетель им не ко двору;
Там сеют смуту и растят раздор,
Там праведным выносят приговор,
Там жгут живьем за мысль, а не за речь! –
И целый мир готовятся поджечь.
И к небу, мол, прилежно правят путь...
Самих себя желают обмануть?
Ужель их нечестивые стопы
Касались верной, истинной тропы?
И дьяволу, мол, властны укорот
Они давать... Помилуй, смех берет!
Загонят ли врага назад, во тьму,
Коль скоро души продали ему?

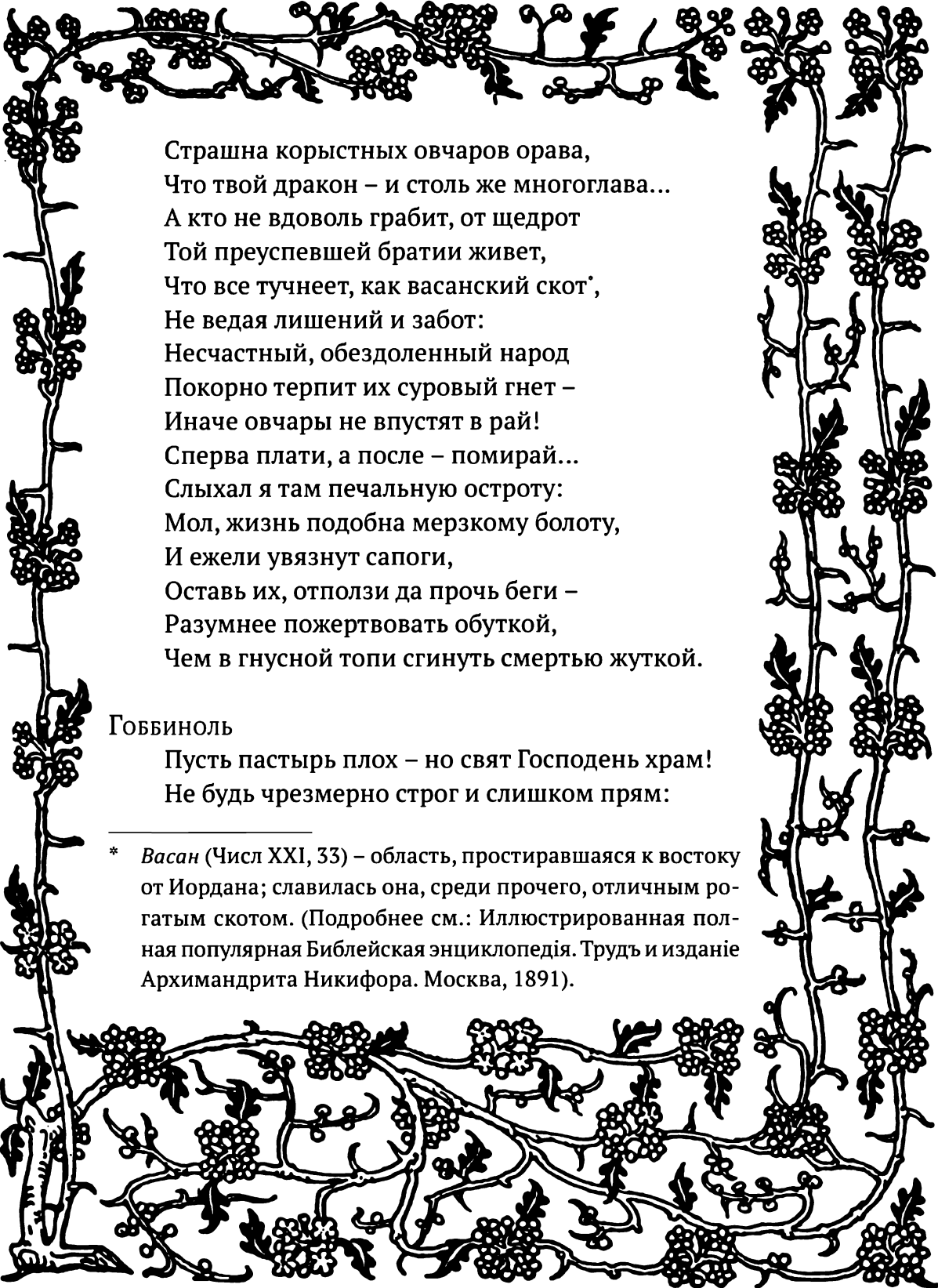
И сами в ад низвергнутся гурьбой,
И всех овец потащат за собой.
Прилежно длят они земные дни...
Да после – что посеял, то пожни.

Говбиноль

Ох, Диггон, говори ясней чуть-чуть,
А не витийствуй, затемняя суть.

Диггон

Ясней сумею говорить едва ль я...
Там рукополагается каналья!
Народ глядит на хищных Божьих слуг,
И к Божью слову делается глух,
И презирает пастырей-пройдох.
А те твердят: сей мир отменно плох!
Несмысленная паства – срам и стыд –
Являет непотребный, мерзкий вид!
Иной вещает: я честнее всех! –
А сам богатство множит без помех,
И золотом набит его подвал:
Сей пастырь всю округу обобрал.
В хлевах уже не сыщется коров,
Для сельских очагов не стало дров –
Зато не пуст очередной ларец
У пастыря, срази его Творец!

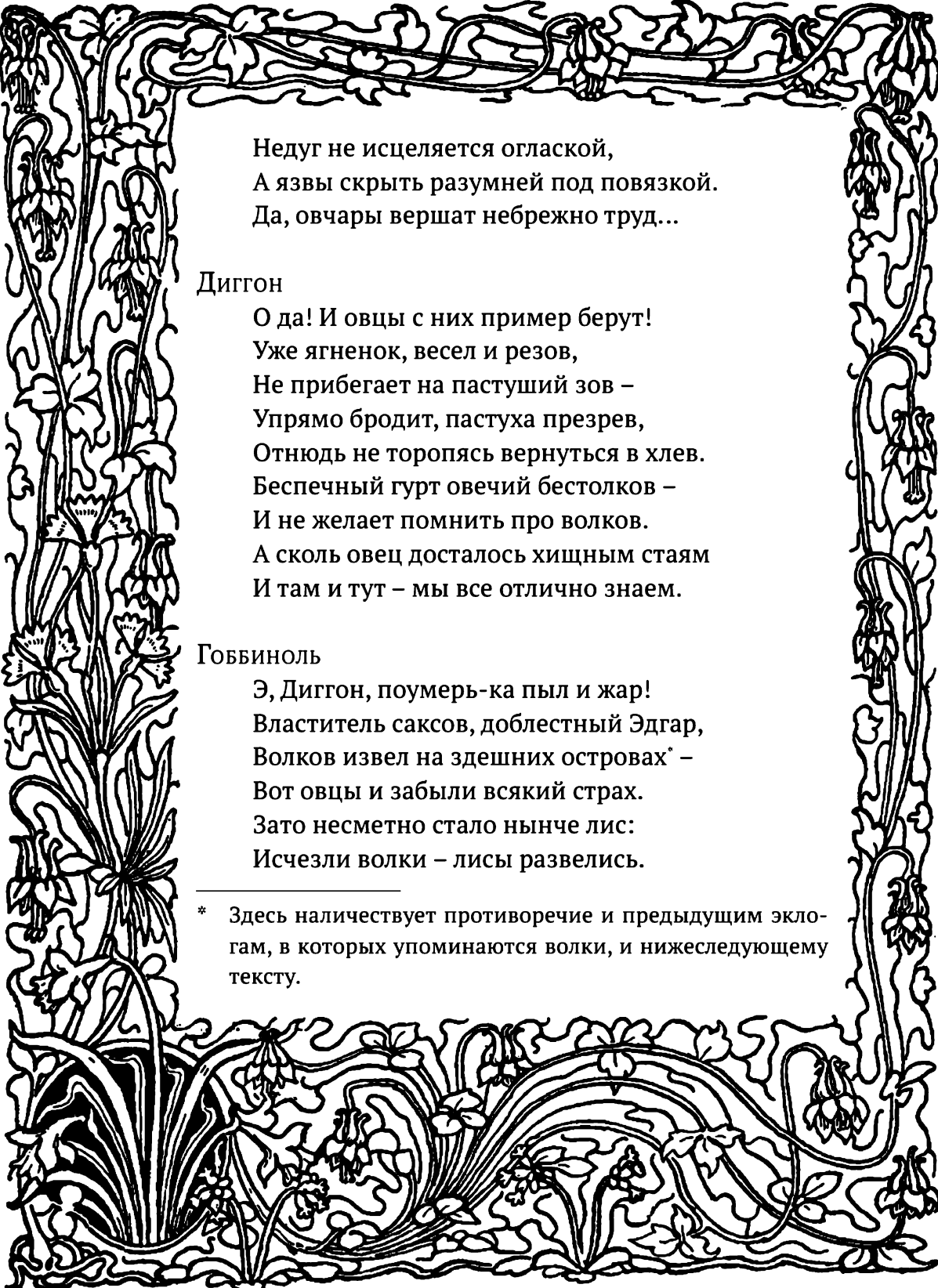

Страшна корыстных овчаров орава,
Что твой дракон – и столь же многоглава...
А кто не вдоволь грабит, от щедрот
Той преуспевшей братии живет,
Что все тучнеет, как васанский скот*,
Не ведая лишений и забот:
Несчастный, обездоленный народ
Покорно терпит их суровый гнет –
Иначе овчары не впустят в рай!
Сперва плати, а после – помирай...
Слышал я там печальную остроту:
Мол, жизнь подобна мерзкому болоту,
И ежели увязнут сапоги,
Оставь их, отползи да прочь беги –
Разумнее пожертвовать обуткой,
Чем в гнусной топи сгнить смертью жуткой.

Говбиноль

Пусть пастырь плох – но свят Господень храм!
Не будь чрезмерно строг и слишком прям:

* *Васан* (Числ XXI, 33) – область, простиравшаяся к востоку от Иордана; славилась она, среди прочего, отличным рогатым скотом. (Подробнее см.: Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия. Трудь и издание Архимандрита Никифора. Москва, 1891).

Недуг не исцеляется оглаской,
А язвы скрыть разумней под повязкой.
Да, овчары вершат небрежно труд...

Диггон

О да! И овцы с них пример берут!
Уже ягненок, весел и резов,
Не прибегает на пастуший зов –
Упрямо бродит, пастуха презрев,
Отнюдь не торопясь вернуться в хлев.
Беспечный гурт овечий бестолков –
И не желает помнить про волков.
А сколь овец досталось хищным стаям
И там и тут – мы все отлично знаем.

Говбиноль

Э, Диггон, поумерь-ка пыл и жар!
Властитель саксов, доблестный Эдгар,
Волков извел на здешних островах* –
Вот овцы и забыли всякий страх.
Зато несметно стало нынче лис:
Исчезли волки – лисы развелись.

* Здесь наличествует противоречие и предыдущим эклогам, в которых упоминаются волки, и нижеследующему тексту.

Диггон

Да, только лисы, видишь ли, не дуры
И прячутся теперь в овечьи шкуры –
Дабы не растерзал пастуший пес
Иль на плече охотник не унес, –
И рыщут, зыряка пугливым оком:
А ну, как их узнают ненароком?

Гоббиноль

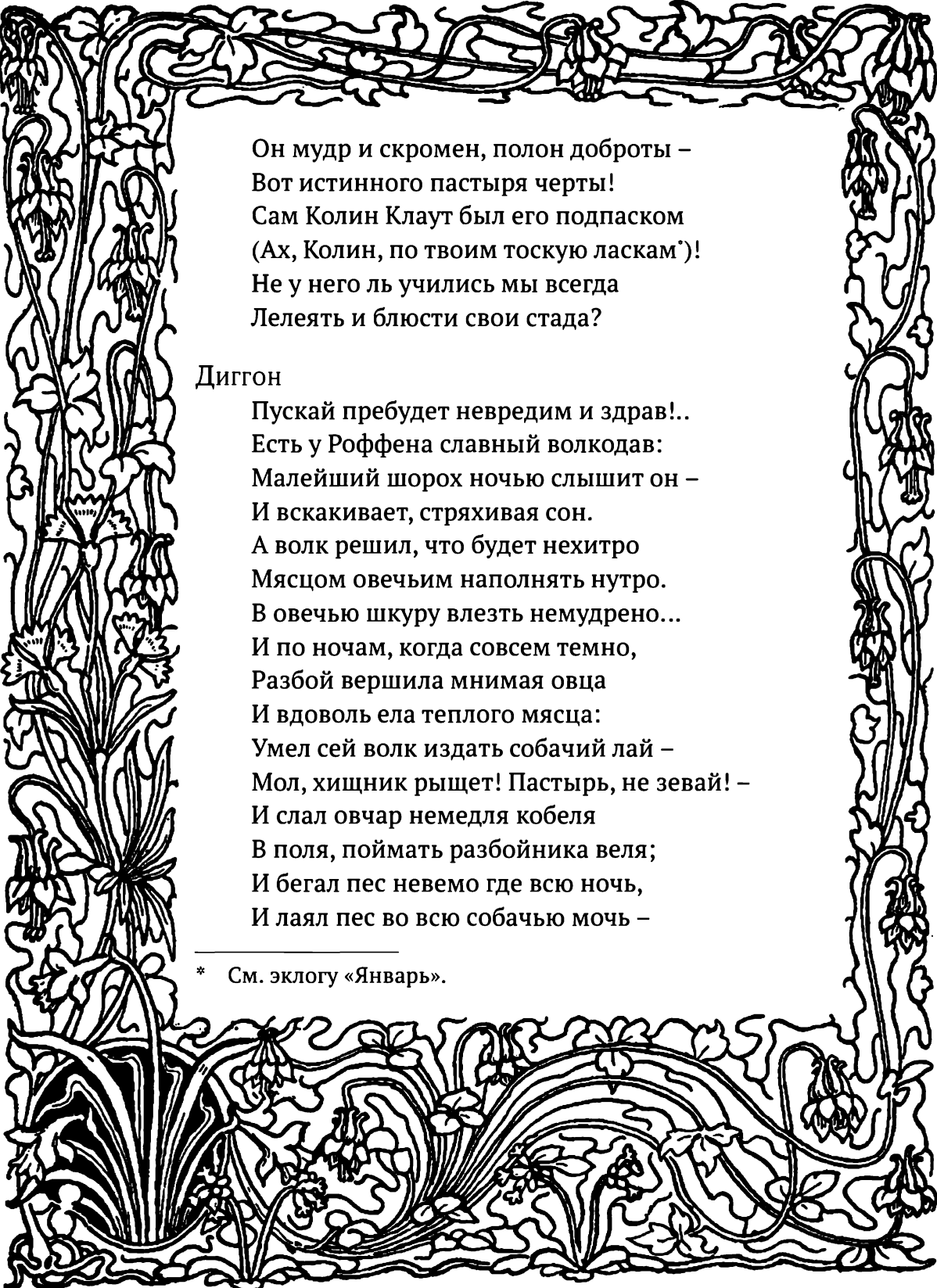
Рядиться можно, Диггон, так и сяк –
Но трудно сельских обмануть собак.

Диггон

Да, твой кобель хорош. Такая псина
Возьмет, я чай, любого лисовина...
Но, право, за коварным рыжим вором
Гоняться нужды нет собачьим сворам –
Поскольку сразу видно пастуху,
Что рыльце у овечки-то в пуху.
А наш Роффен и волка покарать
Сумел, хоть был искусен серый тать.

Гоббиноль

Поведай: как злодея обороть
Возмог Роффен? Храни его Господь:

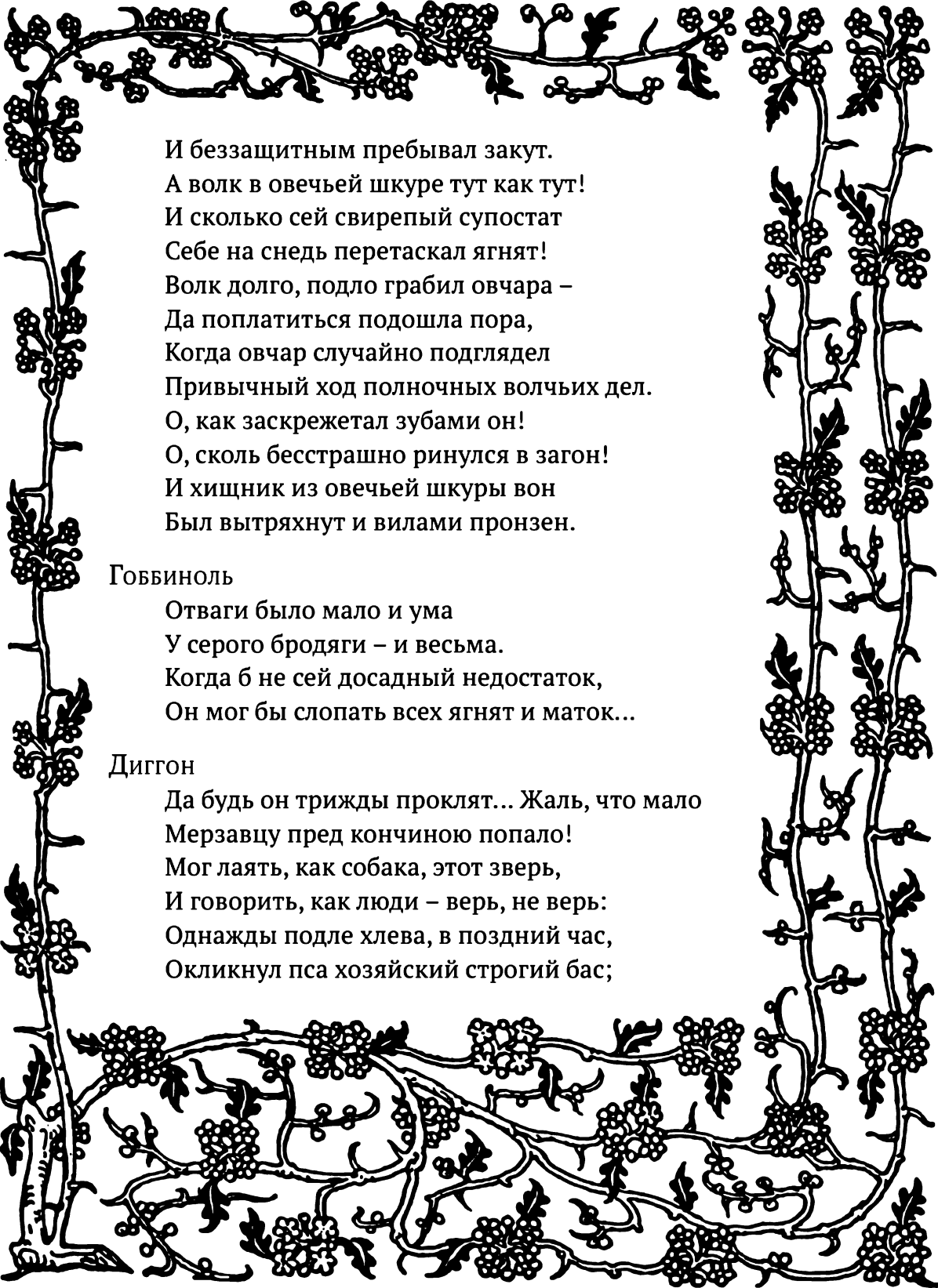

Он мудр и скромн, полон доброты –
Вот истинного пастыря черты!
Сам Колин Клаут был его подпаском
(Ах, Колин, по твоим тоскую ласкам*)!
Не у него ль учились мы всегда
Лелеять и блюсти свои стада?

Диггон

Пускай пребудет невредим и здрав!..
Есть у Роффена славный волкодав:
Малейший шорох ночью слышит он –
И вскакивает, стряхивая сон.
А волк решил, что будет нехитро
Мясцом овечьим наполнять нутро.
В овечью шкуру влезть немудрено...
И по ночам, когда совсем темно,
Разбой вершила мнимая овца
И вдоволь ела теплого мясца:
Умел сей волк издать собачий лай –
Мол, хищник рыщет! Пастырь, не зевай! –
И слал овчар немедля кобеля
В поля, поймать разбойника веля;
И бегал пес неведомо где всю ночь,
И лаял пес во всю собачью мочь –

* См. эклогу «Январь».

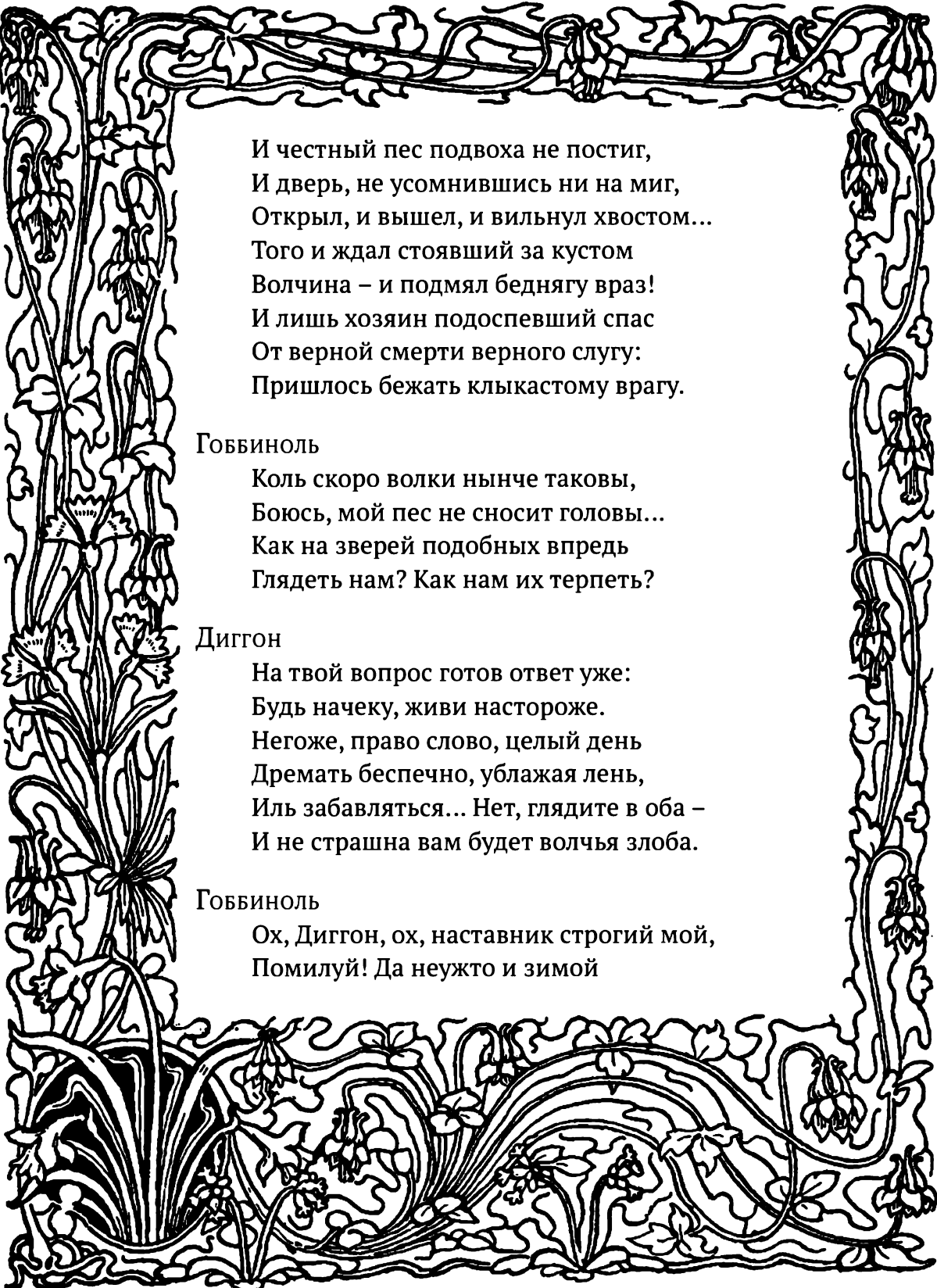
И беззащитным пребывал закут.
А волк в овечьей шкуре тут как тут!
И сколько сей свирепый супостат
Себе на снедь перетаскал ягнят!
Волк долго, подло грабил овчара –
Да поплатиться подошла пора,
Когда овчар случайно подглядел
Привычный ход полночных волчьих дел.
О, как заскрежетал зубами он!
О, сколь бесстрашно ринулся в загон!
И хищник из овечьей шкуры вон
Был вытряхнут и вилами пронзен.

Гоббиноль

Отваги было мало и ума
У серого бродяги – и весьма.
Когда б не сей досадный недостаток,
Он мог бы слопать всех ягнят и маток...

Диггон

Да будь он трижды проклят... Жаль, что мало
Мерзавцу пред кончиною попало!
Мог лаять, как собака, этот зверь,
И говорить, как люди – верь, не верь:
Однажды подле хлева, в поздний час,
Окликнул пса хозяйский строгий бас;

И честный пес подвоха не постиг,
И дверь, не усомнившись ни на миг,
Открыл, и вышел, и вильнул хвостом...
Того и ждал стоявший за кустом
Волчина – и подмял беднягу враз!
И лишь хозяин подоспевший спас
От верной смерти верного слугу:
Пришлось бежать клыкастому врагу.

Гоббиноль

Коль скоро волки нынче таковы,
Боюсь, мой пес не сносит головы...
Как на зверей подобных впредь
Глядеть нам? Как нам их терпеть?

Диггон

На твой вопрос готов ответ уже:
Будь начеку, живи настороже.
Негоже, право слово, целый день
Дремать беспечно, ублажая лень,
Иль забавляться... Нет, глядите в оба –
И не страшна вам будет волчья злоба.

Гоббиноль

Ох, Диггон, ох, наставник строгий мой,
Помилуй! Да неужто и зимой

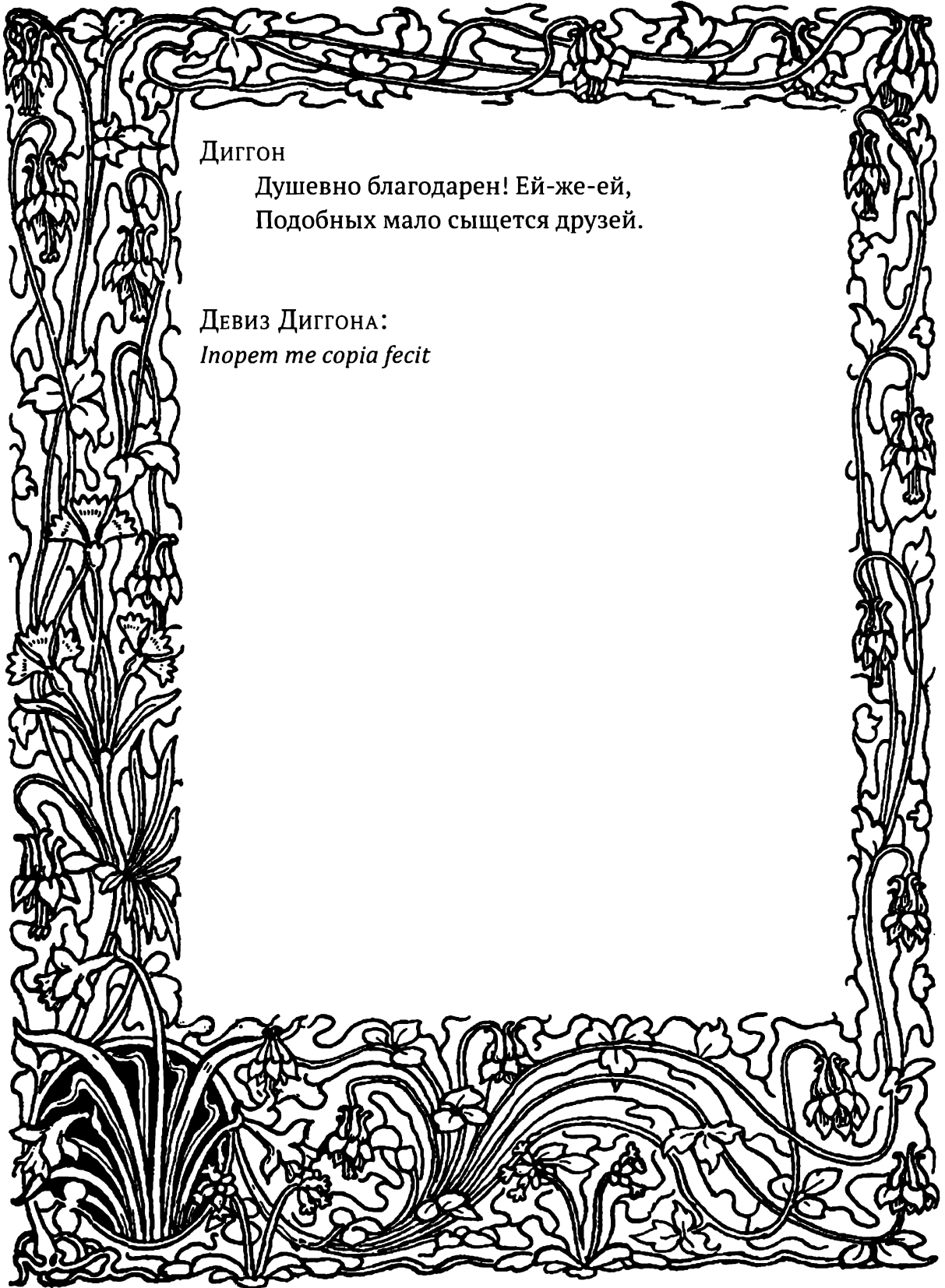
Настороже нам быть и начеку –
Нейти домой, к родному камельку?
Без отдыха и сна любая плоть
Исчахнет, разрази меня Господь!

Диггон

Ох, Гоббиноль, мне кажется, ты прав...
Ночь близится, и меж росистых трав,
Похоже, спать я лягу до утра...
Я нищий: ни кола и ни двора!
Овец не стало, и приюта нет...
О, пособи мне, иль подай совет!

Гоббиноль

Вконец ты, вижу, Диггон, изнемог!
Тебя согнула жизнь в бараний рог.
Когда б я чуть любезней был Фортуне,
Ты, право же, не сетовал бы втуне:
О, я по-царски одарил бы друга,
Которому пришлось настолько туго!
Да я живу пастушеским трудом...
Пойдем же в мой убогий сельский дом!
Набью тебе соломою тюфяк –
И спи на нем до лучших дней, бедняк.

Диггон

Душевно благодарен! Ей-же-ей,
Подобных мало сыщется друзей.

Девиз Диггона:

Inopem me copia fecit

OCTOBER.
ÆGLOGA.
DECIMA.

· CUDDIE'S
· EMBLEME:

ОКТАБРЬ ÆGLOGA DECIMA СОДЕРЖАНИЕ

Кадди являет собою законченный образ поэта, иже, не обретая подспорья своим трудам стихотворческим и ученым, сетует на всеобщее презрение к Поэзии, а также на причины, оное порождающие. Зане во все века предшествующие безмерно чтили Поэзию даже варвары несмысленные и славили ее как искусство благороднейшее и похвал достойнейшее; паче того, как дар божественный, сиречь, умение, свыше ниспосылаемое, а не обретаемое посредством трудов либо учености, однако же чрез оные обогащающееся и вливающееся в разум посредством некоего [*enthusiasmos*] и вдохновения небесного, о чем Сочинитель сей эклоги весьма пространно повествует инде, в труде своем, нарицаемом «Аглицкий поэт»; рукопись же оной книги в руках моих очутилась недавно, и уповаю тщанием дальнейшим, с помощью Божией, вручить ее вскорости печатному станку.

ПЬЕР, Кадди

ПЬЕР

Возьми себя, дружище Кадди, в руки:
Уныние стряхни, отвергни лень –
И славно скоротаем долгий день.
Твоих задорных песен милы звуки
Всем жителям окрестных деревень...
Иль ты отрекся певческой науки?

Кадди

Не смейся, Пьер. Берет меня дрема,
И смолкла семиствольная цевница.
Увы, пастушья Муза-баловница
Свои поистощила закрома.
Ведь и кузнечик прекратит резвиться,
Когда придет нещадная зима!

Доколь творить единой славы ради?
Наш добрый люд, монетами звеня,
С восторгом вящим слушает меня –
И хоть бы раз помыслил о награде!
Ни для других каштаны из огня
Таскать, ни даром петь не хочет Кадди.

ПЬЕР

Хвала, дружище, лучше серебра,
И золото вовсе не милее славы!
Певец – наставник юных, ибо нравы
Смягчает, сеет семена добра,
Взывает: брось беспутные забавы –
На путь вернуться истинный пора!

Тебе ль не внемлют нивы с жатвой хлеба,
Луга и доли, реки и леса?

О, музыка способна чудеса
Великие творить по воле неба:
Треглавого завороживши пса,
Орфей подругу вывел из Эреба!

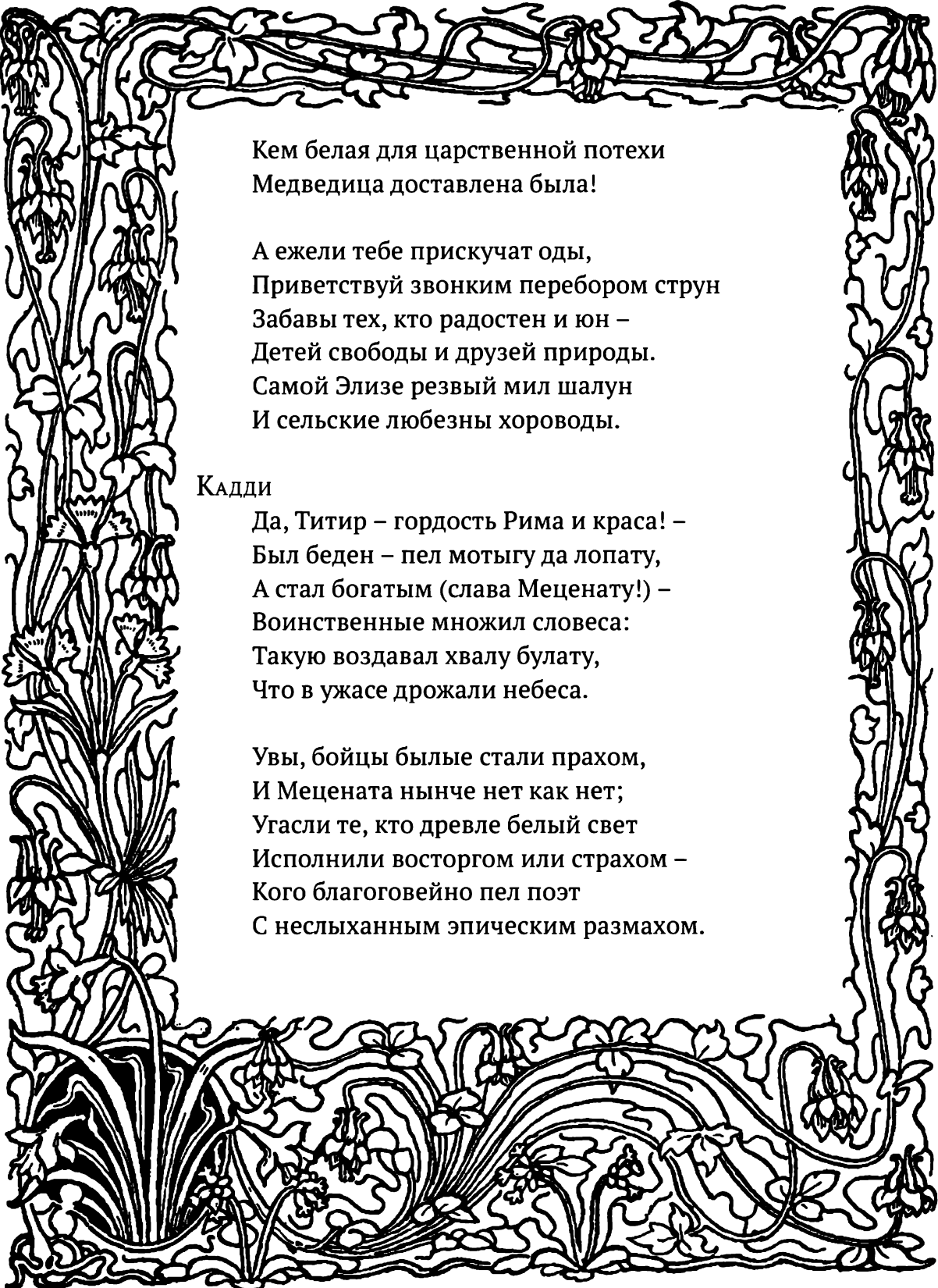
Кадди

О да, многоочитым, расписным
Хвостом пленяет наши взоры пава.
О да, она прекрасна, величава –
И тем охотней мы ее съедем...
Как ветер, прочь летит мирская слава,
И лесь мирская тает, словно дым.

ПЬЕР

А ты не забавляй тупого сброда,
Не для тебя пустая болтовня.
Пой рыцаря, и доброго коня,
И трудности военного похода –
И порицай вояку, чья броня
Ему все реже служит год от года.

Тогда-то Муза распахнет крыла,
Дабы витать повсюду без помехи!
Воспой придворных витязей успехи:
Пускай тому из них гремит хвала,

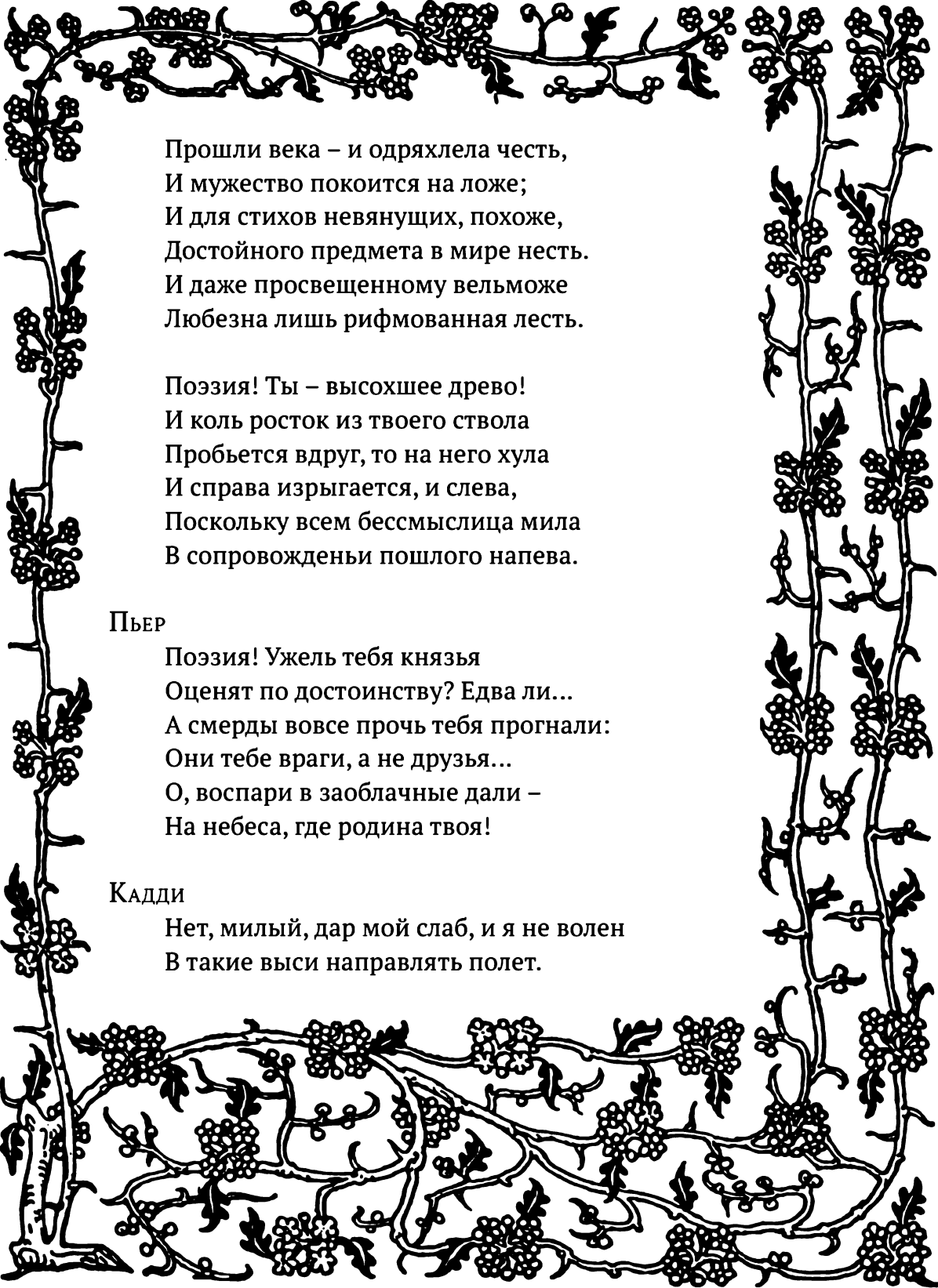
Кем белая для царственной потехи
Медведица доставлена была!

А ежели тебе прискучат оды,
Приветствуй звонким перебором струн
Забавы тех, кто радостен и юн –
Детей свободы и друзей природы.
Самой Элизе резвый мил шалун
И сельские любезны хороводы.

Кадди

Да, Титир – гордость Рима и краса! –
Был беден – пел мотыгу да лопату,
А стал богатым (слава Меценату!) –
Воинственные множил словеса:
Такую воздавал хвалу булату,
Что в ужасе дрожали небеса.

Увы, бойцы бывлые стали прахом,
И Мецената нынче нет как нет;
Угасли те, кто древле белый свет
Исполнили восторгом или страхом –
Кого благоговейно пел поэт
С неслыханным эпическим размахом.

Прошли века – и одряхла честь,
И мужество покоится на ложе;
И для стихов невянущих, похоже,
Достойного предмета в мире несть.
И даже просвещенному вельможе
Любезна лишь рифмованная лесть.

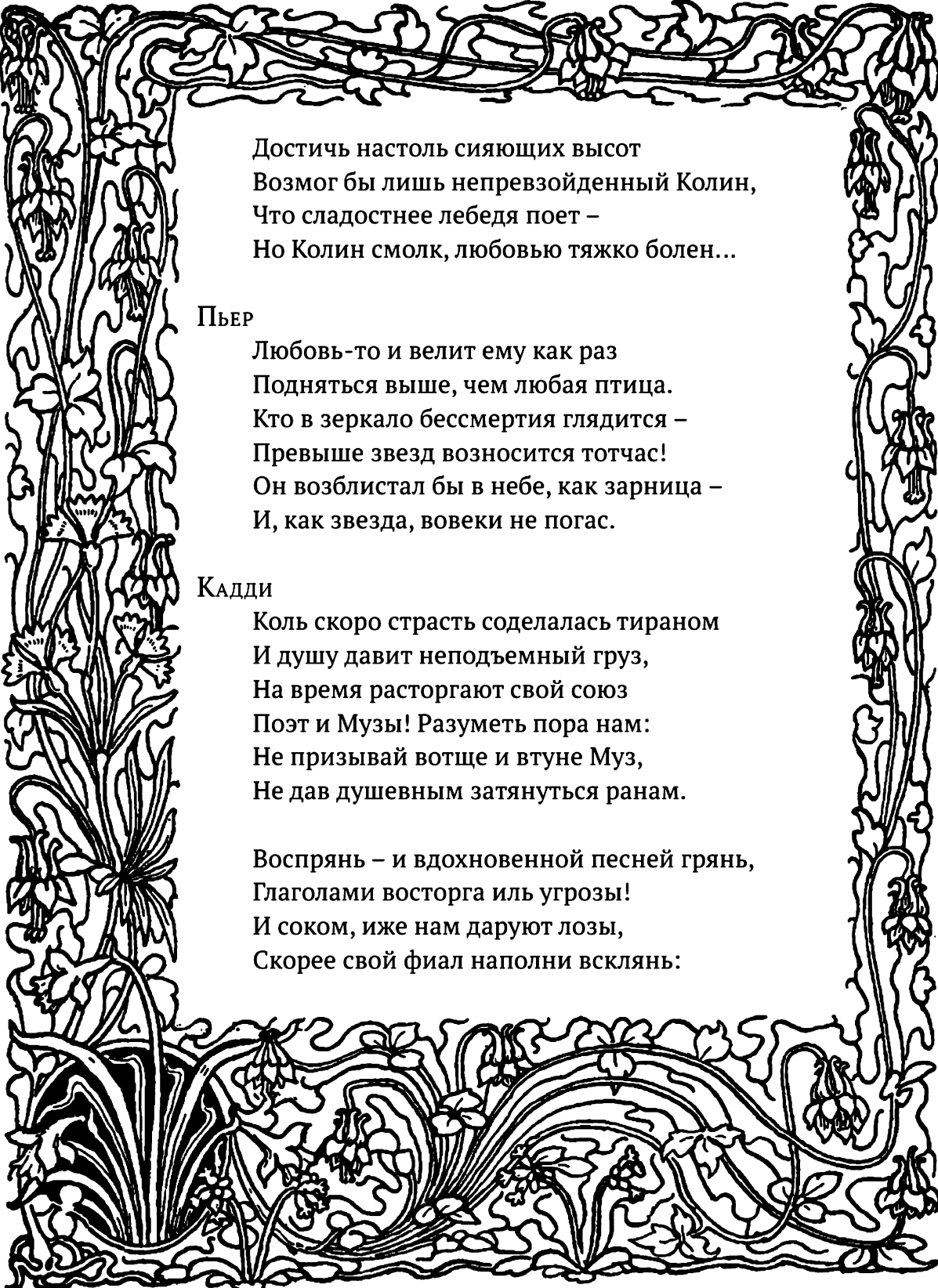
Поэзия! Ты – высохшее древо!
И коль росток из твоего ствола
Пробьется вдруг, то на него хула
И справа изрыгается, и слева,
Поскольку всем бессмыслица мила
В сопровожденьи пошлого напева.

ПЬЕР

Поэзия! Ужель тебя князья
Оценят по достоинству? Едва ли...
А смерды вовсе прочь тебя прогнали:
Они тебе враги, а не друзья...
О, воспари в заоблачные дали –
На небеса, где родина твоя!

КАДДИ

Нет, милый, дар мой слаб, и я не волен
В такие выси направлять полет.

Достичь настоль сияющих высот
Возмог бы лишь непревзойденный Колин,
Что сластнее лебеда поет –
Но Колин смолк, любовью тяжело болен...

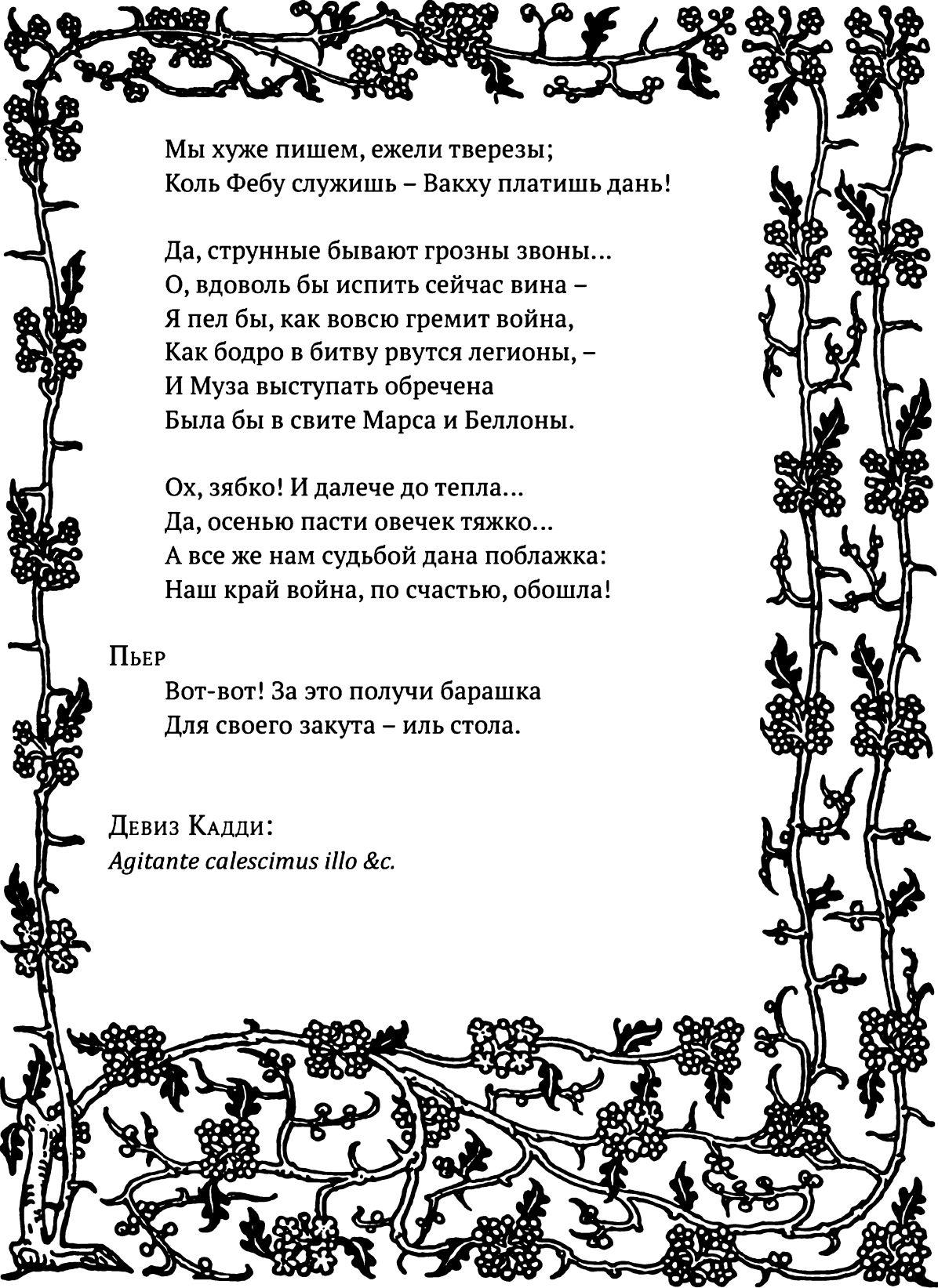
ПЬЕР

Любовь-то и велит ему как раз
Подняться выше, чем любая птица.
Кто в зеркало бессмертия глядится –
Превыше звезд возносится тотчас!
Он возблистал бы в небе, как зарница –
И, как звезда, вовеки не погас.

КАДДИ

Коль скоро страсть соделалась тираном
И душу давит неподъемный груз,
На время расторгают свой союз
Поэт и Музы! Разуметь пора нам:
Не призывай вотще и втуне Муз,
Не дав душевным затянуться ранам.

Воспрянь – и вдохновенной песней грянь,
Глаголами восторга иль угрозы!
И соком, иже нам даруют лозы,
Скорее свой фиал наполни всклянью:

Мы хуже пишем, ежели тверезы;
Коль Фебу служишь – Вакху платишь дань!

Да, струнные бывают грозны звоны...
О, вдоволь бы испить сейчас вина –
Я пел бы, как всю гремит война,
Как бодро в битву рвутся легионы, –
И Муза выступать обречена
Была бы в свите Марса и Беллоны.

Ох, зябко! И далече до тепла...
Да, осенью пасти овец тяжко...
А все же нам судьбой дана побряжка:
Наш край война, по счастью, обошла!

ПЬЕР

Вот-вот! За это получи барашка
Для своего закута – иль стола.

ДЕВИЗ КАДДИ:

Agitante calescimus illo &c.

·NOVEMBER·
·ÆGLOGA·
·UNDECIMA·

·COLIN'S·
·EMBLEME·

Ноябрь ÆGLOGA VNDECIMA СОДЕРЖАНИЕ

Во Эклоге XI оплакивает Колин Клаут смерть некой высоко-роднейшей девы, кою именует он Дидоной. Особа сия остается для нас безвестна всецело, хоть и часто вопрошали мы Колина об истинном ее имени. А сложена Эклога в подражание песнопению Маро, сочиненному на смерть государыни Французской, однако же достоинствами своими намного превосходит оное, равно как, по нашему суждению, и все прочие Эклоги, сию книгу составляющие.

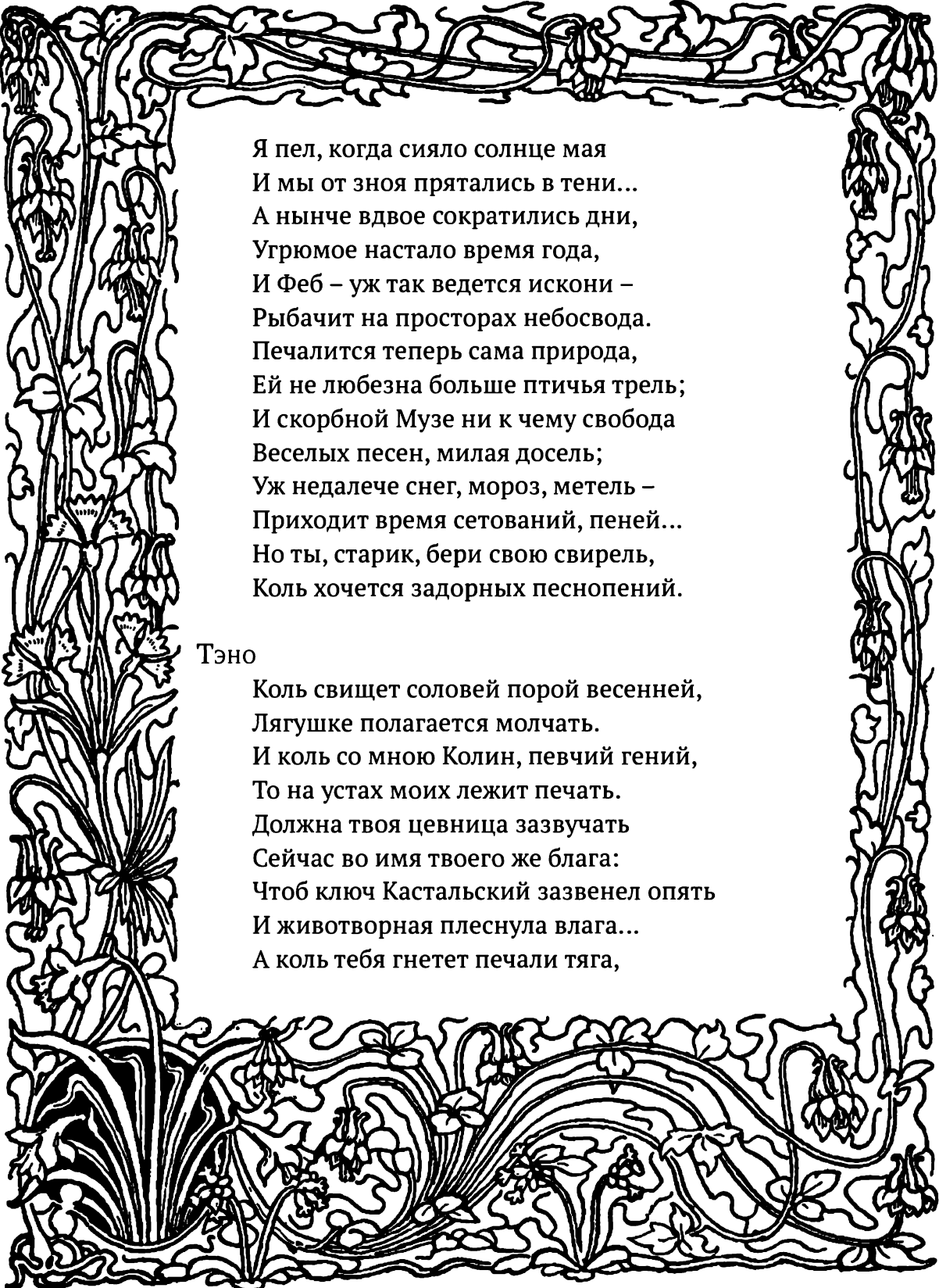
Тэно, Колин

Тэно

Почто, мой милый, не желаешь петь
С былою силой и былым задором?
Сколь долго Муза спит! Иль ты и впредь
Останешься ленивым рифмотвором?
Даруй нам песнь о деве с нежным взором –
Навек слова запомнят пастухи! –
Иль гимн во славу Пана, о котором
Слагал ты встарь чудесные стихи!

Колин

Отвечу так, Тэно, тебе внимая:
Не порицай поэта, не вини.

Я пел, когда сияло солнце мая
И мы от зноя прятались в тени...
А нынче вдвое сократились дни,
Угрюмое настало время года,
И Феб – уж так ведется искони –
Рыбачит на просторах небосвода.
Печалится теперь сама природа,
Ей не любезна больше птичья трель;
И скорбной Музе ни к чему свобода
Веселых песен, милая досель;
Уж недалече снег, мороз, метель –
Приходит время сетований, пеней...
Но ты, старик, бери свою свирель,
Коль хочется задорных песнопений.

Тэно

Коль свищет соловей порой весенней,
Лягушке полагается молчать.
И коль со мною Колин, певчий гений,
То на устах моих лежит печать.
Должна твоя цевница зазвучать
Сейчас во имя твоего же блага:
Чтоб ключ Кастальский зазвенел опять
И животворная плеснула влага...
А коль тебя гнетет печали тяга,

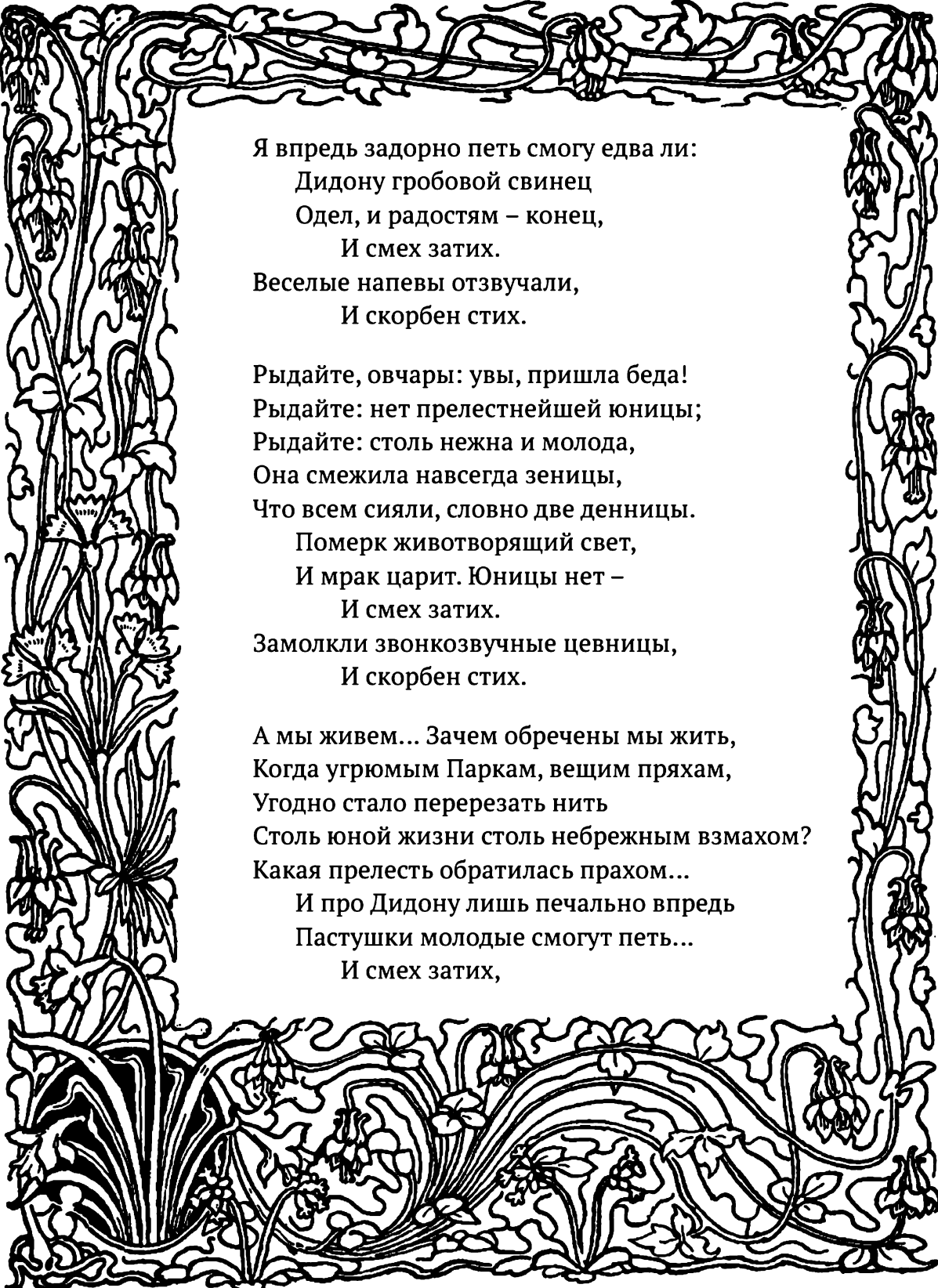

То пусть и песня будет ей под стать:
Увы, Дидона умерла, бедняга –
Дидону смерть похитила, как тать.
О, жить бы юной деве, расцветать
Столь славного отца прекрасной дщери!
Жена была бы дивная и мать –
Но рано гробовой достигла двери...
Рыдают люди и стенают звери:
О, злая участь, горестный удел!
Пой, Колин, в том изысканном размере,
В котором прежде Розалинду пел,
И будь находчив, изощрен и смел;
Ягненка, лучше прочих в этом стаде, –
Гляди, какой проказник и пострел! –
Вручу тебе, твоих стараний ради.

Колин

О, я отнюдь не мыслю о награде,
Но вижу щедрость вящую твою –
И, хоть несладко петь в осеннем хладе,
А все же, как сумею, так спою...

«– О Мельпомена! Ты суровой прочих Муз
И громче всех глаголешь о печали –
Дозволь же мне вступить с тобой в союз,
Явись к поэту из нездешней дали!

Я впредь задорно петь смогу едва ли:
Дидону гробовой свинец
Одел, и радостям – конец,
И смех затих.
Веселые напевы отзвучали,
И скорбен стих.

Рыдайте, овчары: увы, пришла беда!
Рыдайте: нет прелестнейшей юницы;
Рыдайте: столь нежна и молода,
Она смежила навсегда зеницы,
Что всем сияли, словно две денницы.
Померк животворящий свет,
И мрак царит. Юницы нет –
И смех затих.
Замолкли звонкозвучные цевницы,
И скорбен стих.

А мы живем... Зачем обречены мы жить,
Когда угрюмым Паркам, вещим пряхам,
Угодно стало перерезать нить
Столь юной жизни столь небрежным взмахом?
Какая прелесть обратилась прахом...
И про Дидону лишь печально впредь
Пастушки молодые смогут петь...
И смех затих,

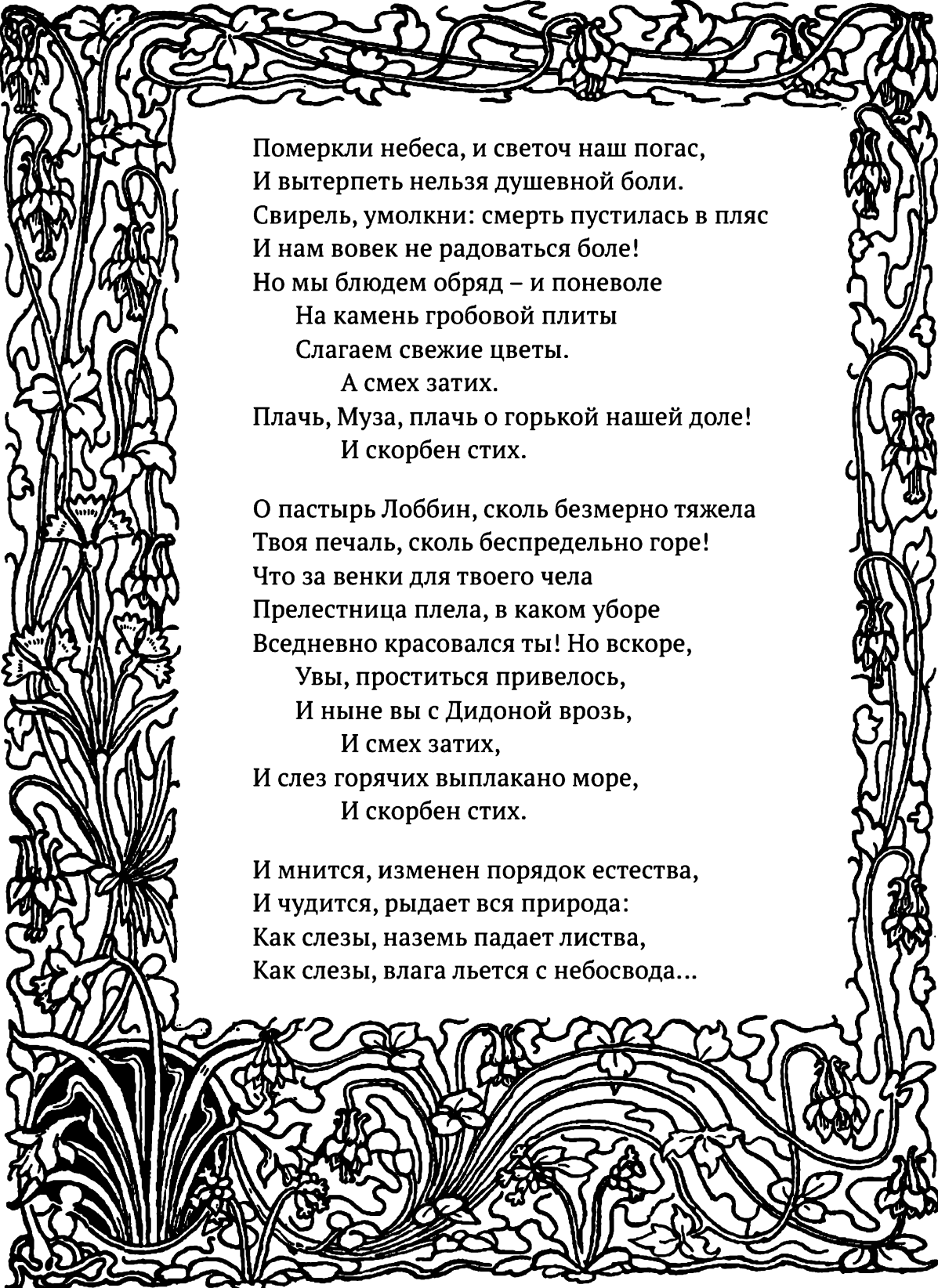

И смерти ждем с надеждой, а не страхом,
И скорбен стих!

Цветок счастливей: смерть ему не суждена,
Он погребен в снегу, пока метели
Свирепствуют; но вот придет весна –
И встанет он из ледяной постели.

А дева расцветавшая – ужели
Не ведать ей весенних дней,
Ужели не воскреснуть ей?
Нет, смех затих,
Мы радостью навеки оскудели,
И скорбен стих.

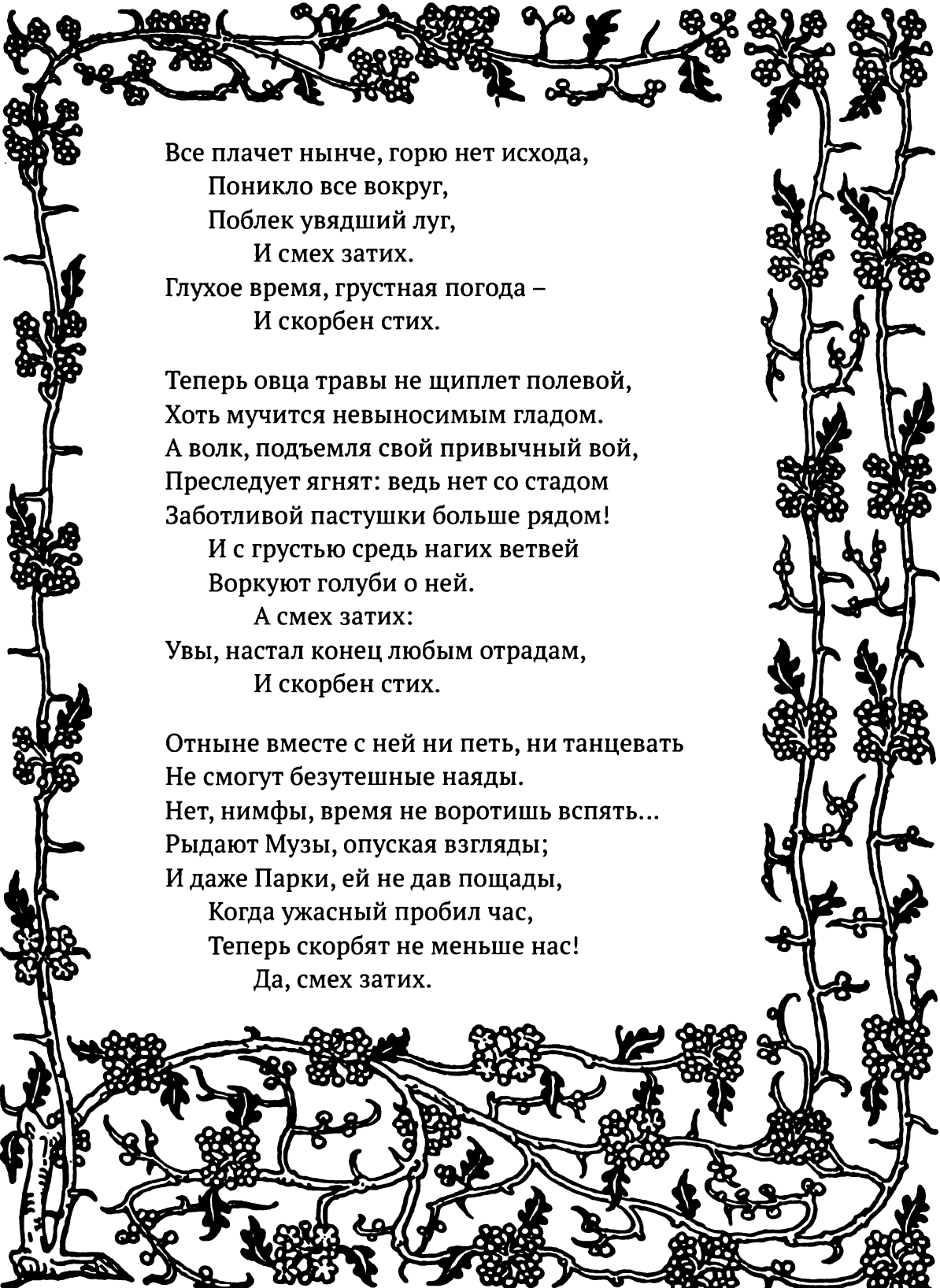
Она была («была»! – сколь горестный глагол!)
Щедра, учтива, ласкова, мила;
Открыт был дом ее, накрыт был стол
И для друзей из нашего села,
И для знакомцев из окрестных сел:
Шумели славные пиры
До горькой нынешней поры –
Но смех затих,
И ныне дом Дидоны пуст и гол.
И скорбен стих.

Померкли небеса, и светоч наш погас,
И вытерпеть нельзя душевной боли.
Свирель, умолкни: смерть пустилась в пляс
И нам вовек не радоваться боле!
Но мы блюдем обряд – и поневоле
На камень гробовой плиты
Слагаем свежие цветы.
А смех затих.
Плачь, Муза, плачь о горькой нашей доле!
И скорбен стих.

О пастырь Лоббин, сколь безмерно тяжела
Твоя печаль, сколь беспредельно горе!
Что за венки для твоего чела
Прелестница плела, в каком уборе
Вседневно красовался ты! Но вскоре,
Увы, проститься привелось,
И ныне вы с Дидоной врозь,
И смех затих,
И слез горячих выплакано море,
И скорбен стих.

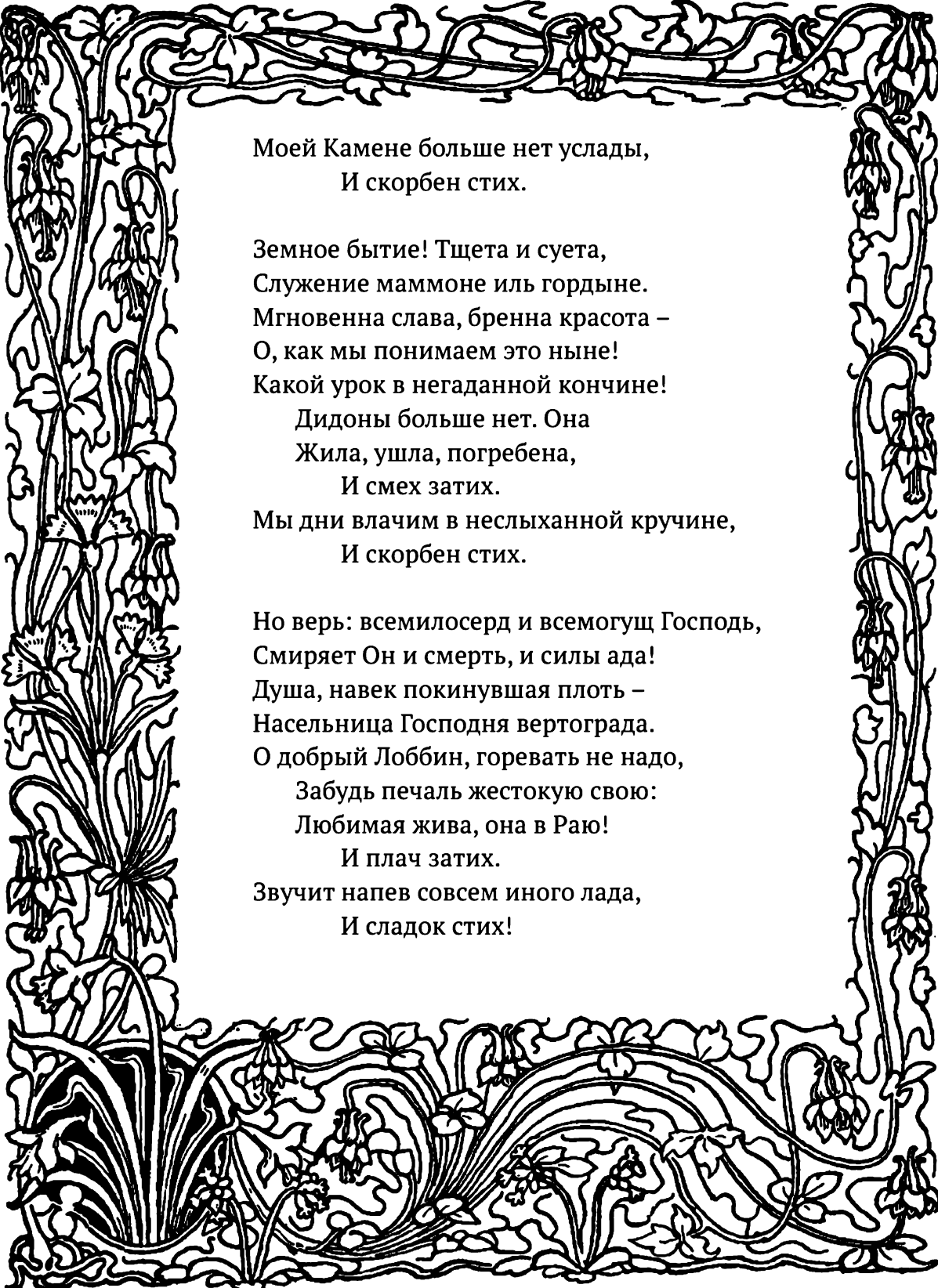
И мнится, изменен порядок естества,
И чудится, рыдает вся природа:
Как слезы, наземь падает листва,
Как слезы, влага льется с небосвода...

Все плачет нынче, горю нет исхода,
Поникло все вокруг,
Поблек увядший луг,
И смех затих.
Глухое время, грустная погода –
И скорбен стих.

Теперь овца травы не щиплет полевой,
Хоть мучится невыносимым голодом.
А волк, подъявля свой привычный вой,
Преследует ягнят: ведь нет со стадом
Заботливой пастушки больше рядом!
И с грустью средь нагих ветвей
Воркуют голуби о ней.
А смех затих:
Увы, настал конец любим отрадам,
И скорбен стих.

Отныне вместе с ней ни петь, ни танцевать
Не смогут безутешные наяды.
Нет, нимфы, время не воротить вспять...
Рыдают Музы, опуская взгляды;
И даже Парки, ей не дав пощады,
Когда ужасный пробил час,
Теперь скорбят не меньше нас!
Да, смех затих.

Моей Камене больше нет улады,
И скорбен стих.

Земное бытие! Тщета и суета,
Служение маммоне иль гордыне.
Мгновенна слава, брэнна красота –
О, как мы понимаем это ныне!
Какой урок в негаданной кончине!
Дидоны больше нет. Она
Жила, ушла, погребена,
И смех затих.

Мы дни влачим в неслыханной кручине,
И скорбен стих.

Но верь: всемилосерд и всемогущ Господь,
Смирят Он и смерть, и силы ада!
Душа, навек покинувшая плоть –
Насельница Господня вертограда.
О добрый Лоббин, горевать не надо,
Забудь печаль жестокою свою:
Любимая жива, она в Раю!
И плач затих.

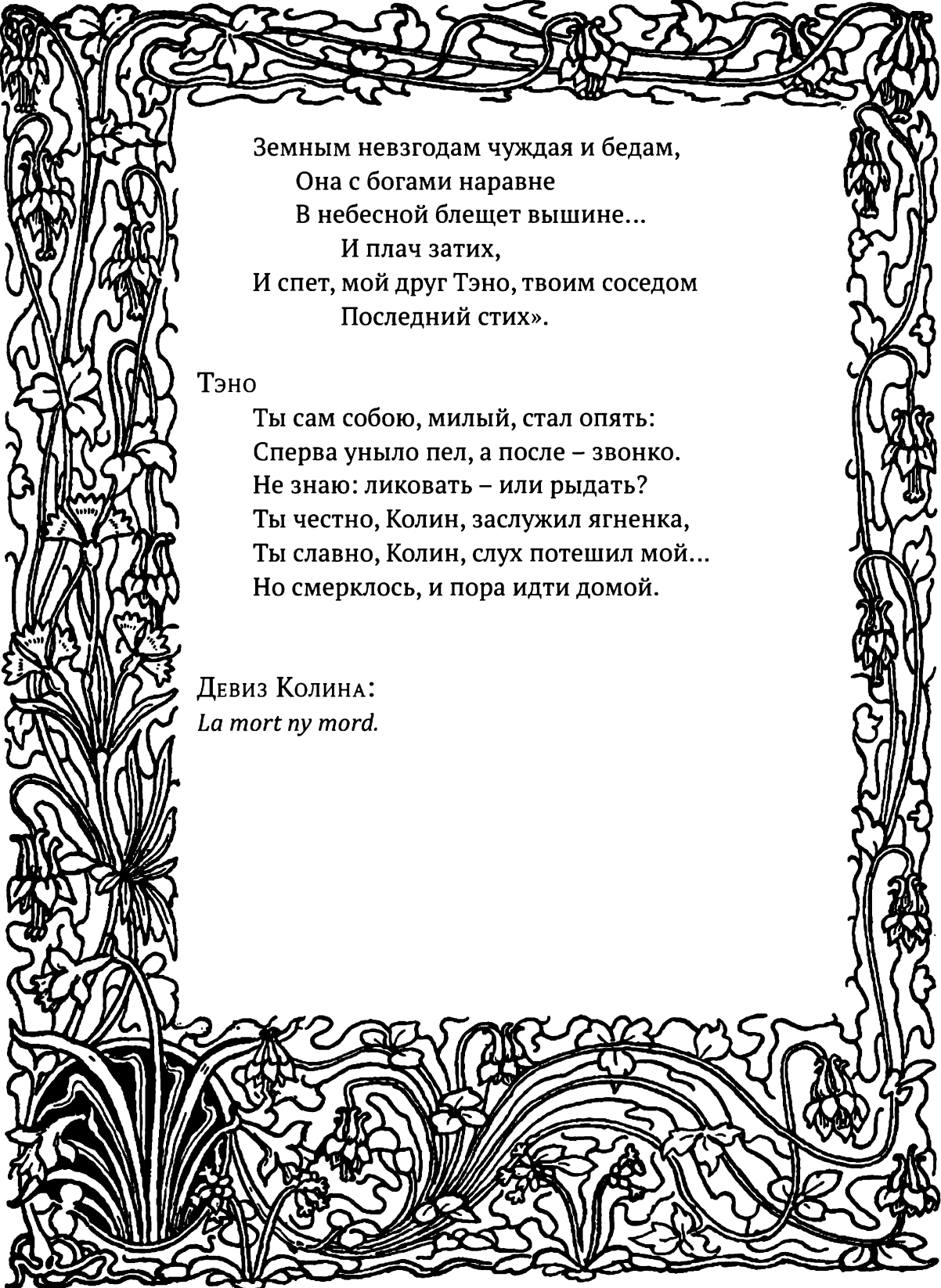
Звучит напев совсем иного лада,
И сладок стих!

Дидона, средь святых достойна ты воссесть,
Ты, бывшая прекраснее богинь!
Я правду изрекаю, а не лесть,
И потому сомнения отринь.
Ты вознеслась в заоблачную синь,
Твоя обитель – не земля,
Но Елисейские поля.
И плач затих:
Пробьет мой час – приду к тебе. Аминь.
Сколь сладок стих!

Не различает род людской добра и зла.
Глупцы! Глядим на Смерть, как на врага –
А Смерть издревле благо нам несла,
Она мила, желанна, дорога,
Она уводит в райские луга,
Где столь свежа и столь нежна
Вечнозеленая весна.
Мой плач затих.
О Смерть, мой друг, мой ласковый слуга,
Услышь мой стих!

Дидона в Небесах (и все мы в свой черед
Отправимся туда, за нею следом)
Амброзию вкушает, нектар пьет,
И ей теперь восторг нездешний вedom.

Земным невзгодам чуждая и бедам,
Она с богами наравне
В небесной блещет вышине...
И плач затих,
И спет, мой друг Тэно, твоим соседом
Последний стих».

Тэно

Ты сам собою, милый, стал опять:
Сперва уныло пел, а после – звонко.
Не знаю: ликовать – или рыдать?
Ты честно, Колин, заслужил ягненка,
Ты славно, Колин, слух потешил мой...
Но смерклось, и пора идти домой.

Девиз Колина:
La mort ny mord.

DECEMBER,
ÆGLOGA X
DUODECIMA

COLIN'S
EMBLEME

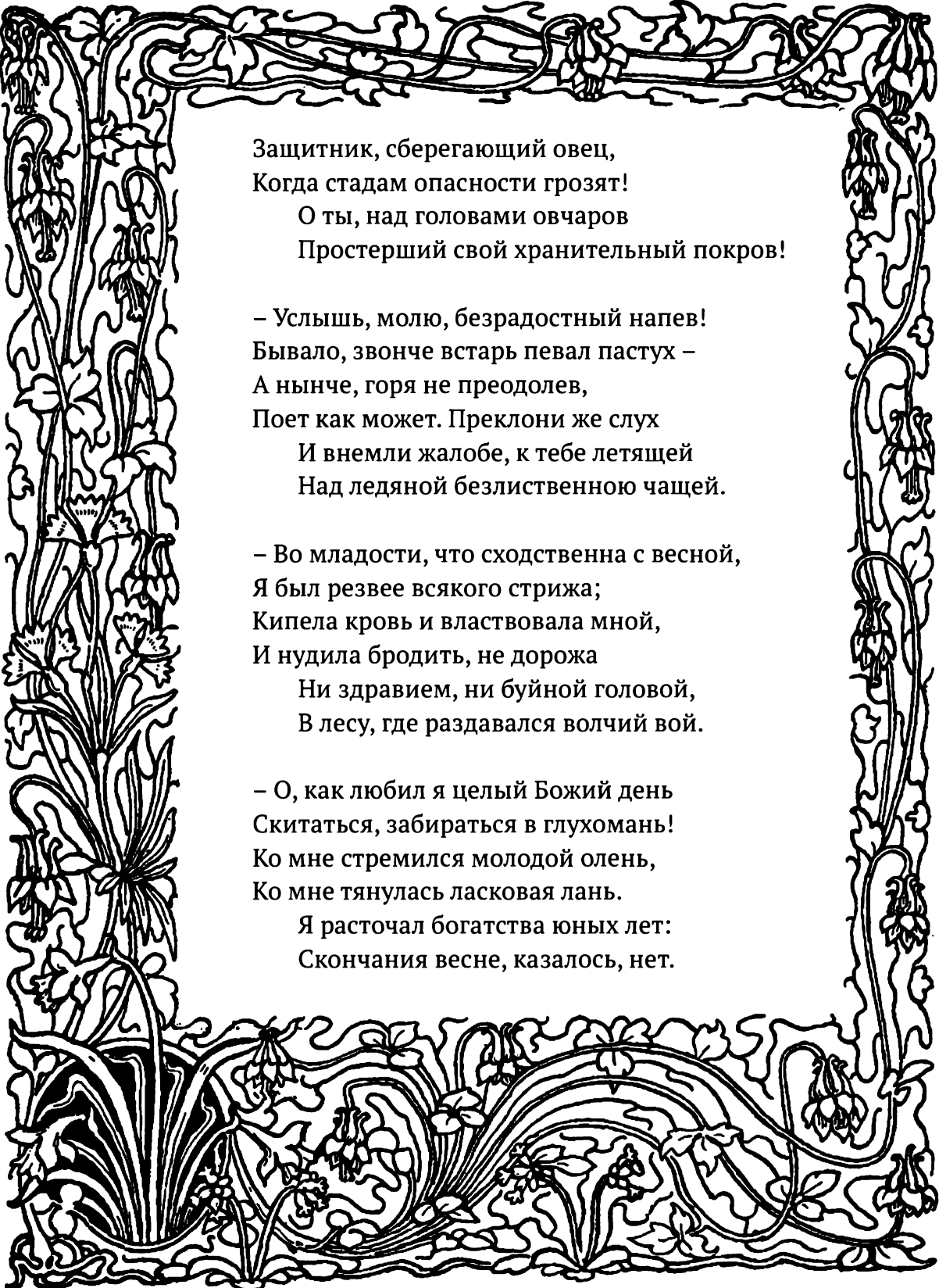

ДЕКАБРЬ ÆGLOGA DUODECIMA СОДЕРЖАНИЕ

Сия Эклога завершается (яко же первая зачиналась) жалобой Колина, обращаемой к божеству Пану. В коем стенании, утомленный былыми невзгодами, сопоставляет Колин собственную жизнь с четырьмя временами года, младость уподобляя весне, ибо свежа была и чужда безумствам любовным; а зрелость – лету, изнуренному великим зноем и сухостью, иже чинит Комета, сиречь звезда пылающая, сиречь любовь, каковую страсть уместно сравнить с оным пламенем и жаром неумеренным. В позднейшем возрасте грядет пора преждевременного урожая, зане свергаются плоды наземь, не вызревши сполна. Преклонные же лета подобны зиме, стужу и метели несущей; в то время близится год к завершению и скончанию своему.

Где бьет незамерзающий родник,
Сел Колин Клаут под ветвями ели.
Он, Титира усердный ученик,
Искусно песни пел и на свирели
Играл. Теперь, в уединеньи, вновь
Он проклял злополучную любовь:

«– Великий Пан, заботливый отец,
Наш добрый Бог, спасающий ягнят,

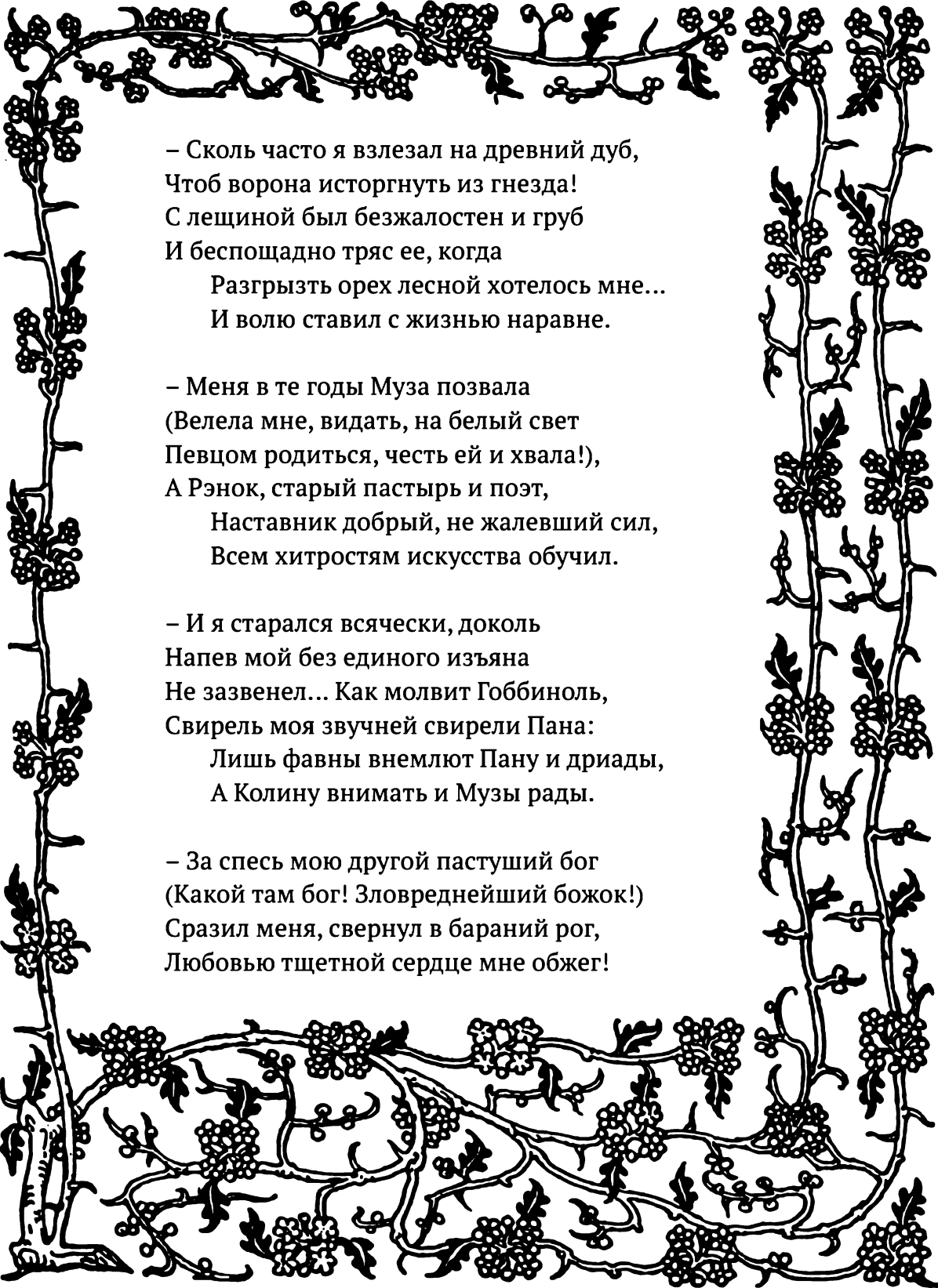

Защитник, сберегающий овец,
Когда стадам опасности грозят!
О ты, над головами овчаров
Простерший свой хранительный покров!

– Услышь, молю, безрадостный напев!
Бывало, звонче встарь певал пастух –
А нынче, горя не преодолев,
Поет как может. Преклони же слух
И внимли жалобе, к тебе летящей
Над ледяной безлиственной чащей.

– Во младости, что сходственна с весной,
Я был резвее всякого стрижа;
Кипела кровь и властвовала мной,
И нудила бродить, не дорожа
Ни здравием, ни буйной головой,
В лесу, где раздавался волчий вой.

– О, как любил я целый Божий день
Скитаться, забираться в глухомань!
Ко мне стремился молодой олень,
Ко мне тянулась ласковая лань.
Я расточал богатства юных лет:
Скончания весне, казалось, нет.

– Сколь часто я взлезал на древний дуб,
Чтоб ворона исторгнуть из гнезда!
С лещиной был безжалостен и груб
И беспощадно тряс ее, когда
 Разгрызть орех лесной хотелось мне...
 И волю ставил с жизнью наравне.

– Меня в те годы Муза позвала
(Велела мне, видать, на белый свет
Певцом родиться, честь ей и хвала!),
А Рэнок, старый пастырь и поэт,
 Наставник добрый, не жалевший сил,
 Всем хитростям искусства обучил.

– И я старался всячески, доколь
Напев мой без единого изъяна
Не зазвенел... Как молвит Гоббиноль,
Свирель моя звучней свирели Пана:
 Лишь фавны внемлют Пану и дриады,
 А Колину внимать и Музы рады.

– За спесь мою другой пастуший бог
(Какой там бог! Зловреднейший божок!)
Сразил меня, свернул в бараний рог,
Любовью тщетной сердце мне обжег!

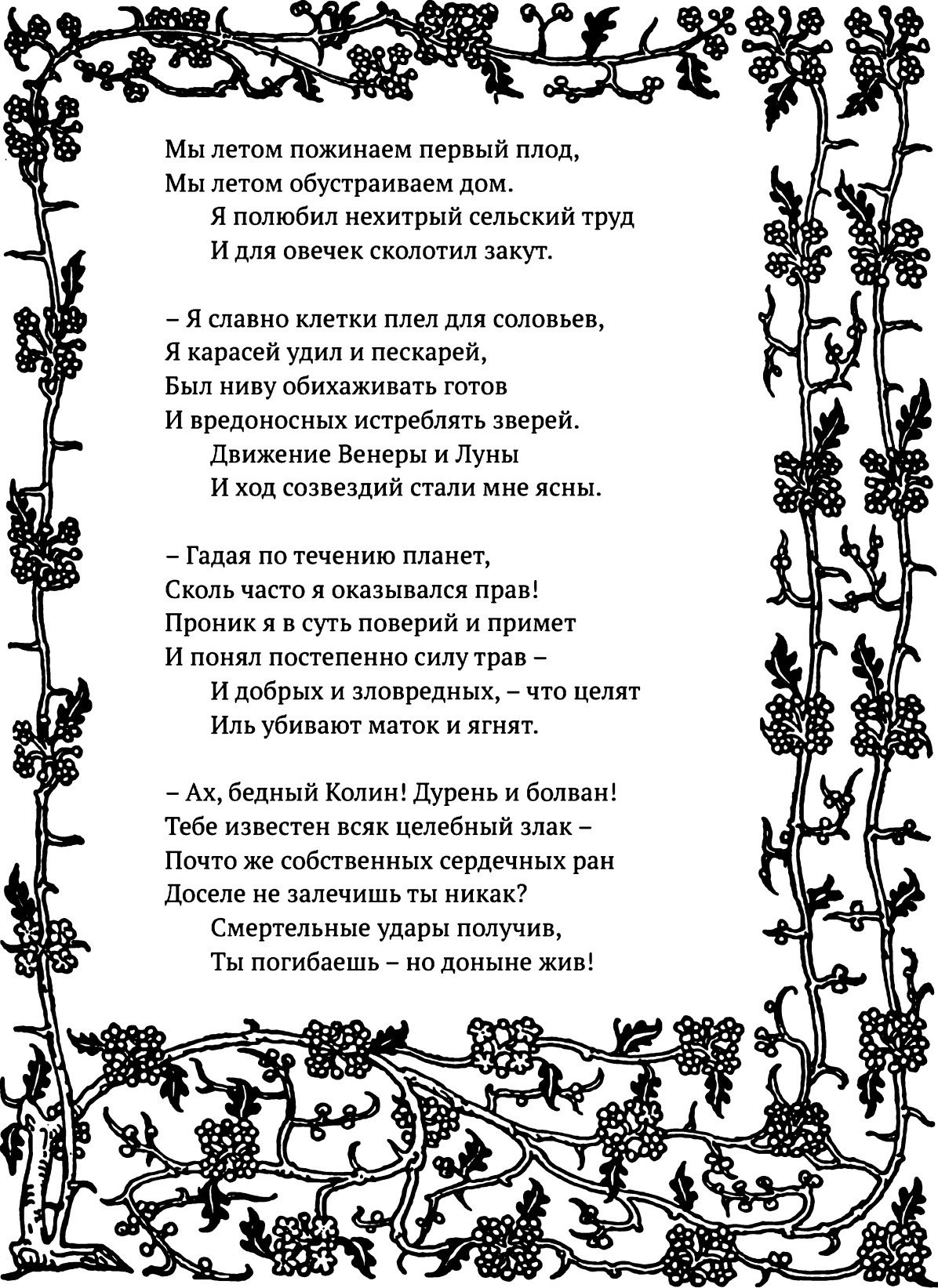
Божка Эротом кличет всяк народ,
Хоть он скорее ирод, чем Эрот.

– Прошла моя весна; в свои права
Вступило огнедышащее лето.
Эрот сиял тогда под знаком Льва,
Как жуткая, недобрая комета,
И лютый зной ниспосылал без меры
Сюда, в юдоль, пылая близ Венеры.

– И злой Эрот повлек меня вперед,
Как встарь вела счастливая звезда:
Коль сей божок берет нас в оборот,
Безжалостна всегда его узда.
И в глушь лесную вновь я правил путь –
Не властен воротиться иль свернуть.

– И где я видел до тогдашних пор
Лесной цветок, манивший диких пчел,
Встречался лишь багровый мухомор,
Надутой жабы мерзостный престол.
А где я слушал нежную пичугу,
Лишь филин тяжело ухал: «Пу-гу, пу-гу!».

– Весну сменяет лето, ибо год
Своим идет урочным чередом.

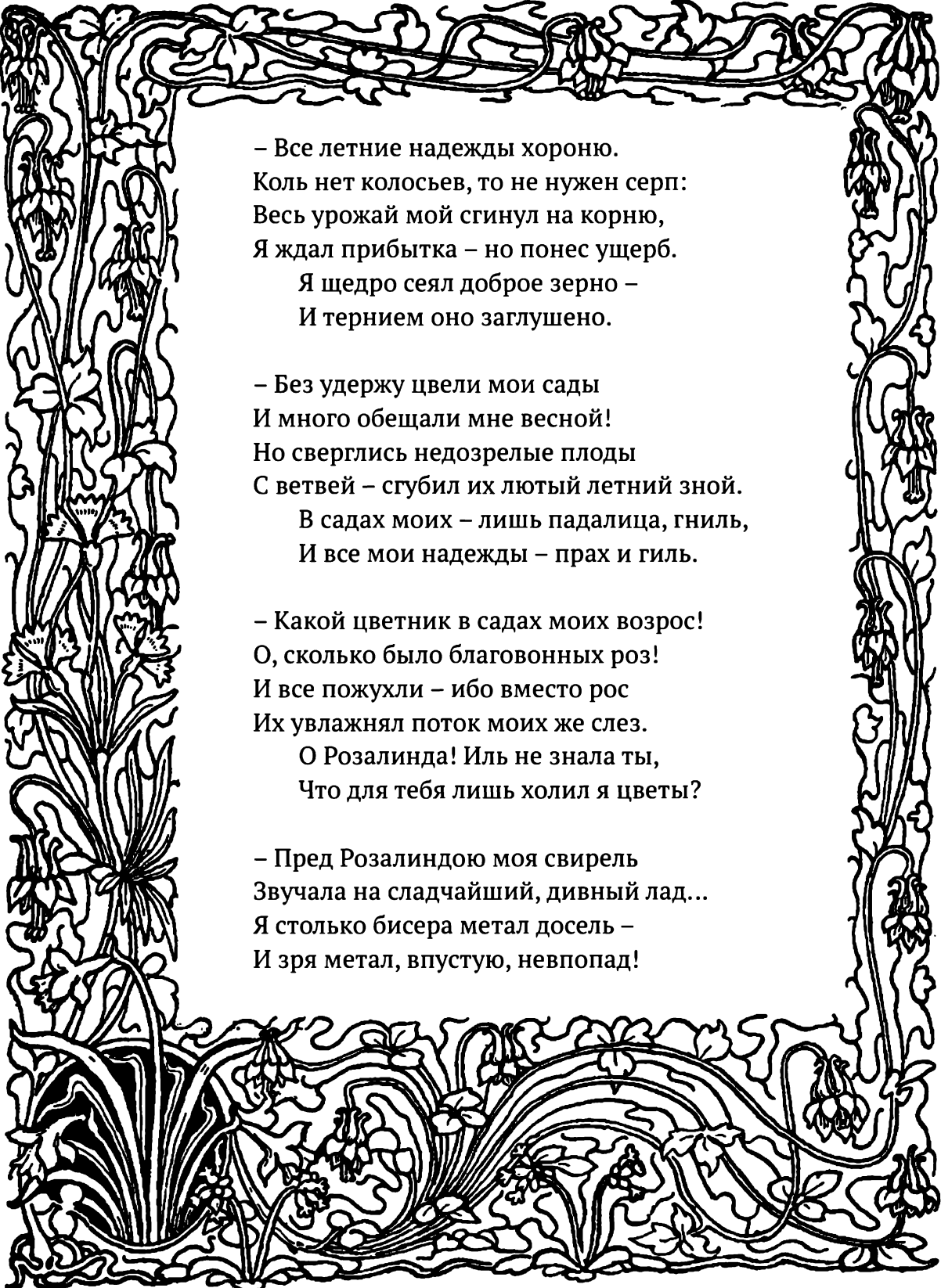

Мы летом пожинаем первый плод,
Мы летом обустроиваем дом.
Я полюбил нехитрый сельский труд
И для овечек сколотил закут.

– Я славно клетки плел для соловьев,
Я карасей удил и пескарей,
Был ниву обихаживать готов
И вредоносных истреблять зверей.
Движение Венеры и Луны
И ход созвездий стали мне ясны.

– Гадая по течению планет,
Сколь часто я оказывался прав!
Проник я в суть поверий и примет
И понял постепенно силу трав –
И добрых и зловредных, – что целят
Иль убивают маток и ягнят.

– Ах, бедный Колин! Дурень и болван!
Тебе известен всяк целебный знак –
Почто же собственных сердечных ран
Доселе не залечишь ты никак?
Смертельные удары получив,
Ты погибаешь – но донине жив!

– Все летние надежды хороню.
Коль нет колосьев, то не нужен серп:
Весь урожай мой сгинул на корню,
Я ждал прибýtка – но понес ущерб.
 Я щедро сеял доброе зерно –
 И тернием оно заглушено.

– Без удержи цвели мои сады
И много обещали мне весной!
Но сверглись недозрелые плоды
С ветвей – сгубил их лютый летний зной.
 В садах моих – лишь падалица, гниль,
 И все мои надежды – прах и гиль.

– Какой цветник в садах моих возрос!
О, сколько было благовонных роз!
И все пожухли – ибо вместо рос
Их увлажнял поток моих же слез.
 О Розалинда! Иль не знала ты,
 Что для тебя лишь холил я цветы?

– Пред Розалиндою моя свирель
Звучала на сладчайший, дивный лад...
Я столько бисера метал досель –
И зря метал, впустую, невпопад!

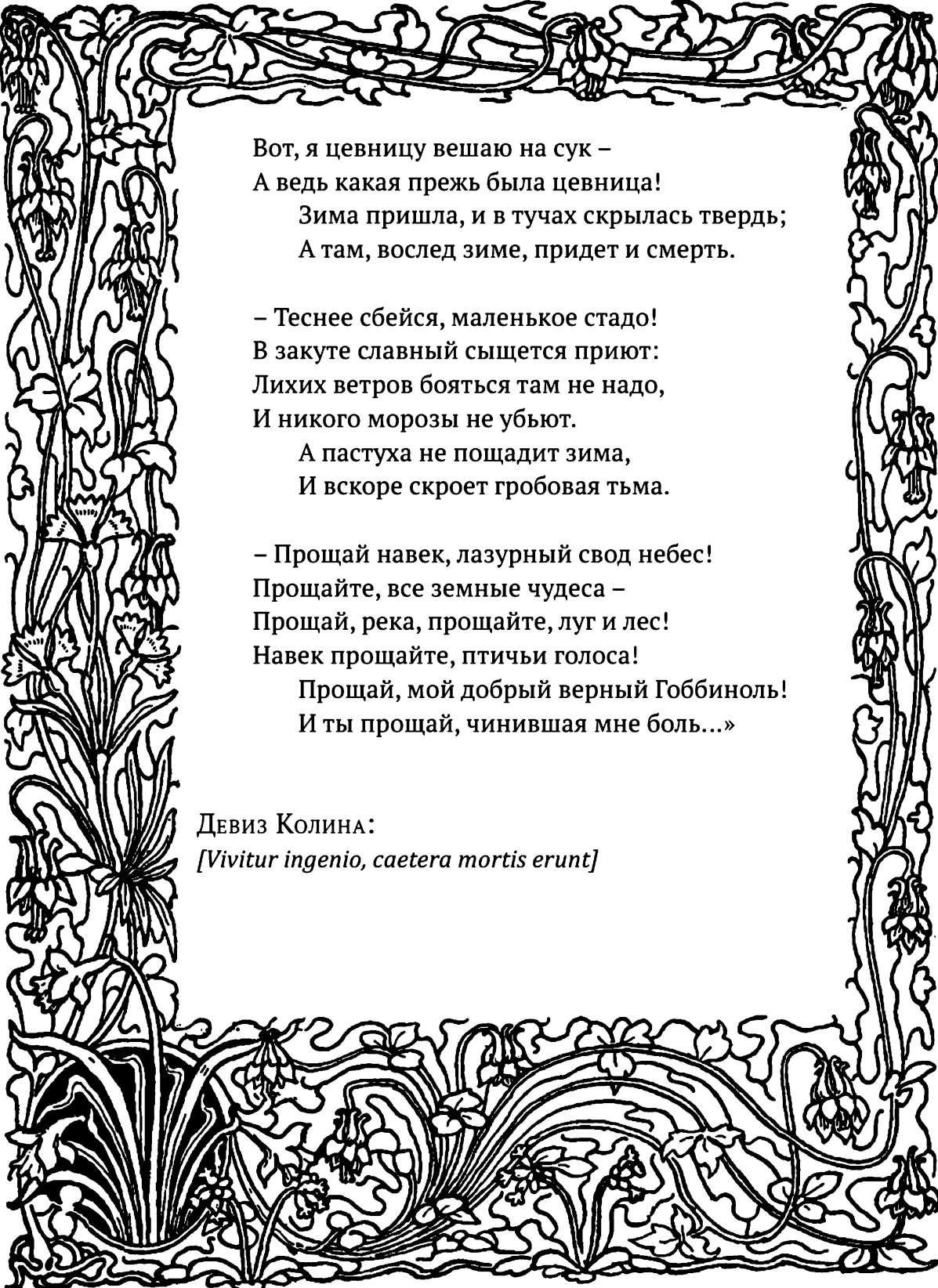
Отныне предназначен мой напев
Для слуха добрых, благодарных дев.

– Все летние надежды – прах и ложь.
Поля сгубила страшная сухмень:
Взошел волчец, где я посеял рожь,
И терн возрос, где я растил ячмень.
 Не молотить, не веять на току...
 Не ведать счастья на земном веку!

– Мои весна и лето – позади,
И осени, как видно, вышел срок.
Ну что ж, зима нещадная, гряди
Угрюмой гостьей через мой порог,
 Вступай в свои законные права...
 Седей, моя лихая голова.

– И студит кровь мою великий хлад,
И сковывает плоть жестокий мраз;
Уже морщины возле губ лежат,
И возле некогда задорных глаз.
 Ушло веселье, радость умерла,
 И солнце навсегда сокрыла мгла.

– Смолкай, напева сладостного звук,
Прощай навеки, Муза-баловница!

Вот, я цевницу вешаю на сук –
А ведь какая прежь была цевница!
Зима пришла, и в тучах скрылась твердь;
А там, вослед зиме, придет и смерть.

– Теснее сбейся, маленькое стадо!
В закуте славный сыщется приют:
Лихих ветров бояться там не надо,
И никого морозы не убьют.
А пастуха не пощадит зима,
И вскоре скроет гробовая тьма.

– Прощай навек, лазурный свод небес!
Прощайте, все земные чудеса –
Прощай, река, прощайте, луг и лес!
Навек прощайте, птичьи голоса!
Прощай, мой добрый верный Гоббиноль!
И ты прощай, чинившая мне боль...»

Девиз Колина:
[Vivitur ingenio, caetera mortis erunt]

* * *

Составлен Календарь на всякий Божий год.
Он крепче стали, он века переживет.
Подсказывает мне течение планет:
Пребудет он, доколь пребудет белый свет.
Обучит, мыслью, он любого пастуха
Блюсти стада и жить, не ведая греха.

Держись, о Календарь, подале от болванов –
Иль потеряешь блеск, во тьму забвенья канув.
Создатель твой равнять себя (помилуй Бог!)
Ни с Титиром не смел, ни с Лэнглендом не мог –
Но шел по их стопам, что смиренная овца,
И тешил мудреца, и раздражал глупца.

MERCE NON MERCEDE.

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. It features various flowers, leaves, and scrolling vines, creating a classic, ornate frame.

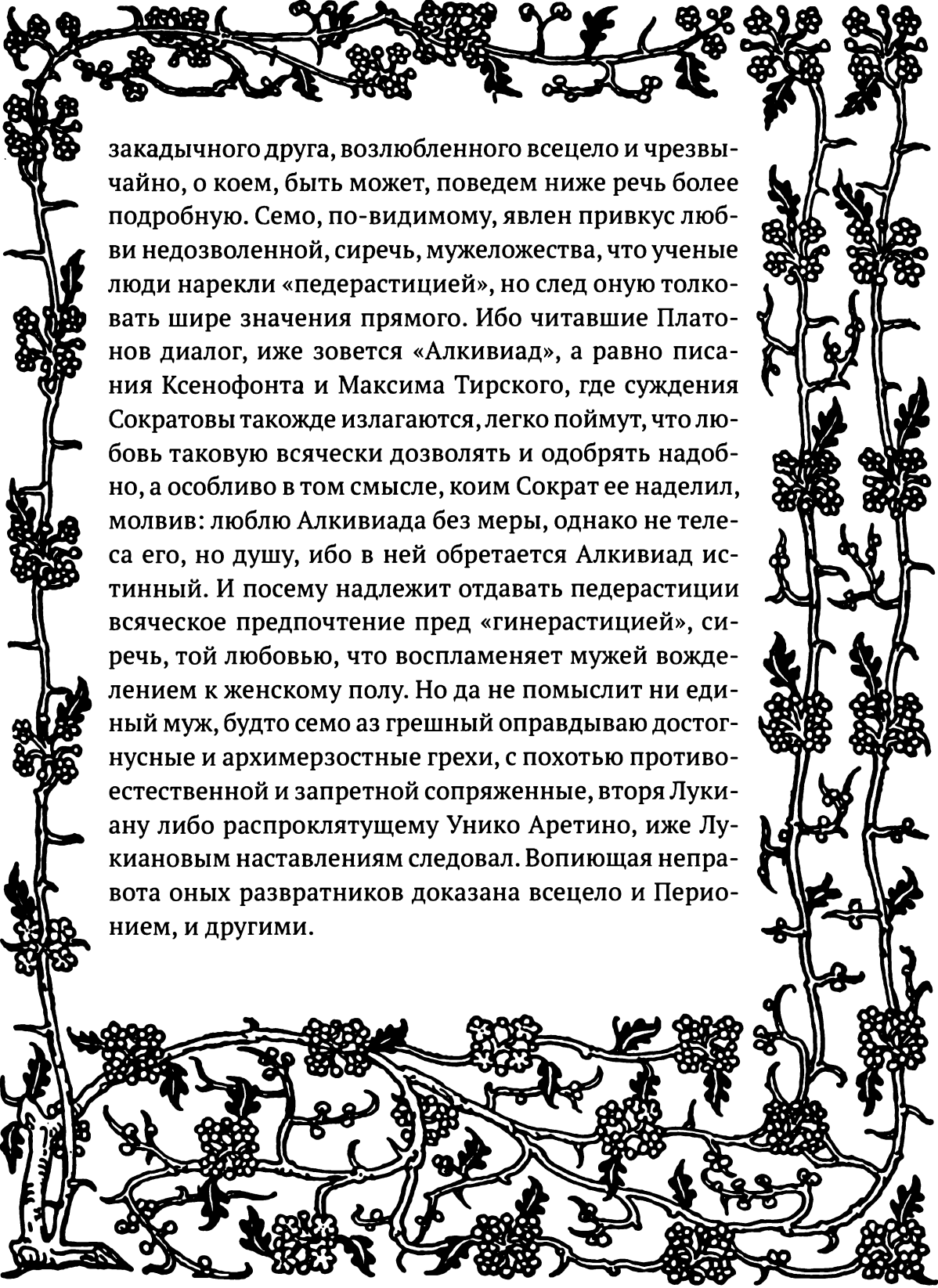
ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ Э. К.*

ЯНВАРЬ

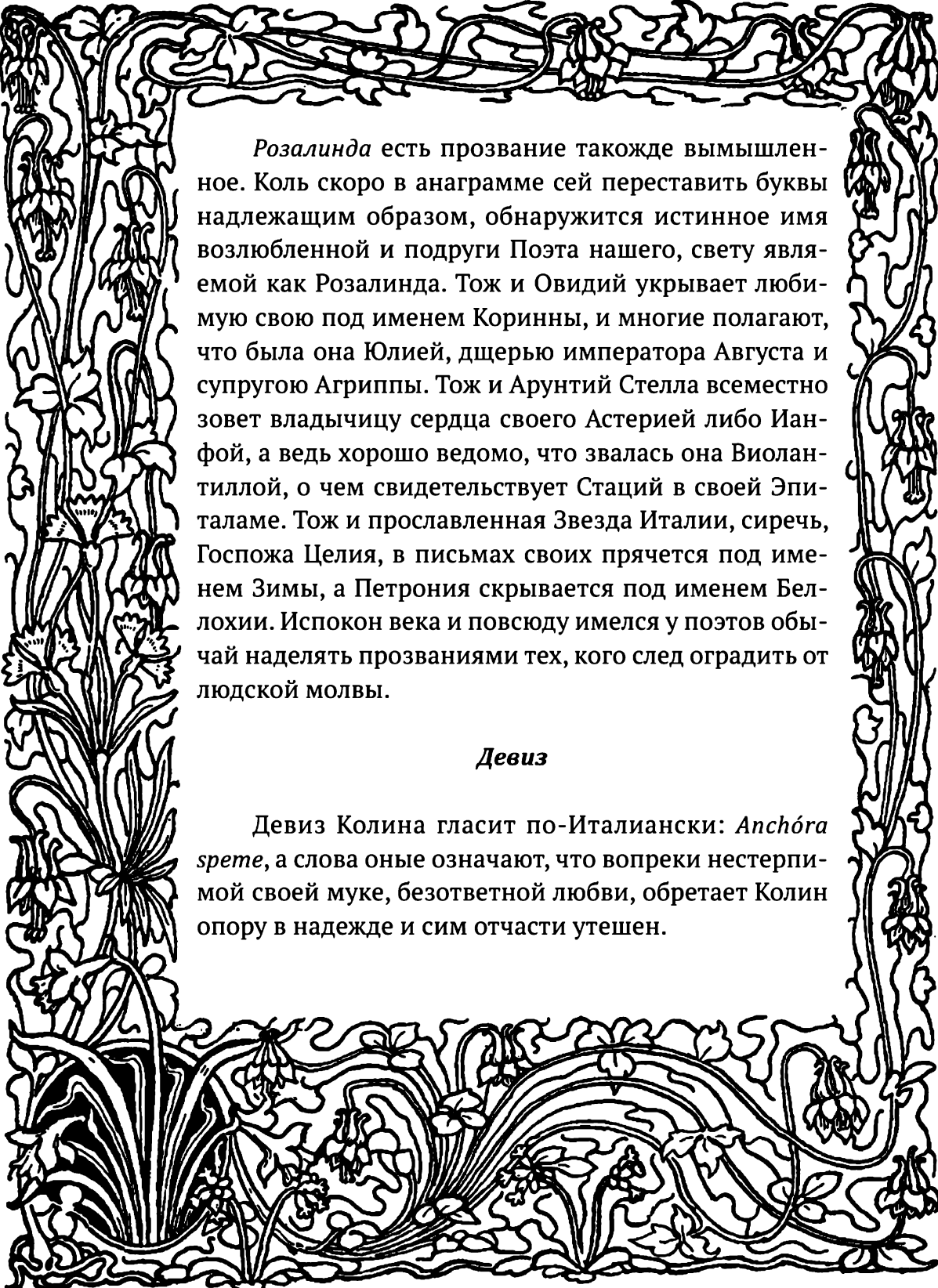
Имя *Колин Клаут* не числится обычным, однако видал я некие стихи Джона Скелтона, над коими стояло сие заглавие. Колин, или Колэн (Colin), есть имя Французское и встречается у Французского поэта Маро (ежели оный вообще зваться поэтом достоин), в некоей Эклоге. Подобно Вергилию, что иногда нарицал себя Титиром, означенный Маро укрывается под сим прозвищем, полагая Французское имя куда более уместным, нежели какое-либо Латинское, поелику языки меж собою разнятся преизрядно.

Гоббиноль есть имя, излюбленное сельчанами, а посему под ним, столь общепринятым и обычным, Поэт, по-видимому, скрывает некоего ближайшего и

* Многие толкования отдельных слов и речевых оборотов, составляющие в подлиннике весьма значительную долю «Примечаний Э. К.», из русского текста исключены по естественным причинам. Ошибки, допускаемые «Э. К.» по воле Спенсера, без особой нужды не отмечаются. (Здесь и далее – подстрочные примечания переводчика.).

закадычного друга, возлюбленного всецело и чрезвычайно, о коем, быть может, поведем ниже речь более подробную. Семо, по-видимому, явлен привкус любви недозволенной, сиречь, мужеложества, что ученые люди нарекли «педерастией», но след оную толковать шире значения прямого. Ибо читавшие Платонов диалог, иже зовется «Алкивиад», а равно писания Ксенофонта и Максима Тирского, где суждения Сократовы такожде излагаются, легко поймут, что любовь таковую всячески дозволять и одобрять надобно, а особливо в том смысле, коим Сократ ее наделил, молвив: люблю Алкивиада без меры, однако не тела его, но душу, ибо в ней обретается Алкивиад истинный. И посему надлежит отдавать педерастии всяческое предпочтение пред «гинерастией», сиречь, той любовью, что воспламеняет мужей вождением к женскому полу. Но да не помыслит ни единый муж, будто семо аз грешный оправдываю достогнусные и архимерзостные грехи, с похотью противоестественной и запретной сопряженные, вторя Лукиану либо распроклятому Унико Аретино, иже Лукиановым наставлениям следовал. Вопиющая неправота оных развратников доказана всецело и Периием, и другими.

Розалинда есть прозвание такожде вымышленное. Коль скоро в анаграмме сей переставить буквы надлежащим образом, обнаружится истинное имя возлюбленной и подруги Поэта нашего, свету являемой как *Розалинда*. Тож и *Овидий* укрывает любимую свою под именем *Коринны*, и многие полагают, что была она *Юлией*, дочерью императора *Августа* и супругою *Агриппы*. Тож и *Арунтий Стелла* всеместно зовет владычицу сердца своего *Астерией* либо *Ианфой*, а ведь хорошо ведомо, что звалась она *Виолантиллой*, о чем свидетельствует *Стаций* в своей *Эпиталаме*. Тож и прославленная *Звезда Италии*, сиречь, *Госпожа Целия*, в письмах своих прячется под именем *Зимы*, а *Петрония* скрывается под именем *Беллохии*. Испокон века и повсюду имелся у поэтов обычай наделять прозваниями тех, кого след оградить от людской молвы.

Девиз

Девиз *Колина* гласит по-Италиански: *Anchóra spete*, а слова оные означают, что вопреки нестерпимой своей муке, безответной любви, обретает *Колин* опору в надежде и сим отчасти утешен.

ФЕВРАЛЬ

Тэно: в эклогах, Маро сочиненных, именем сим зовется один из пастухов.

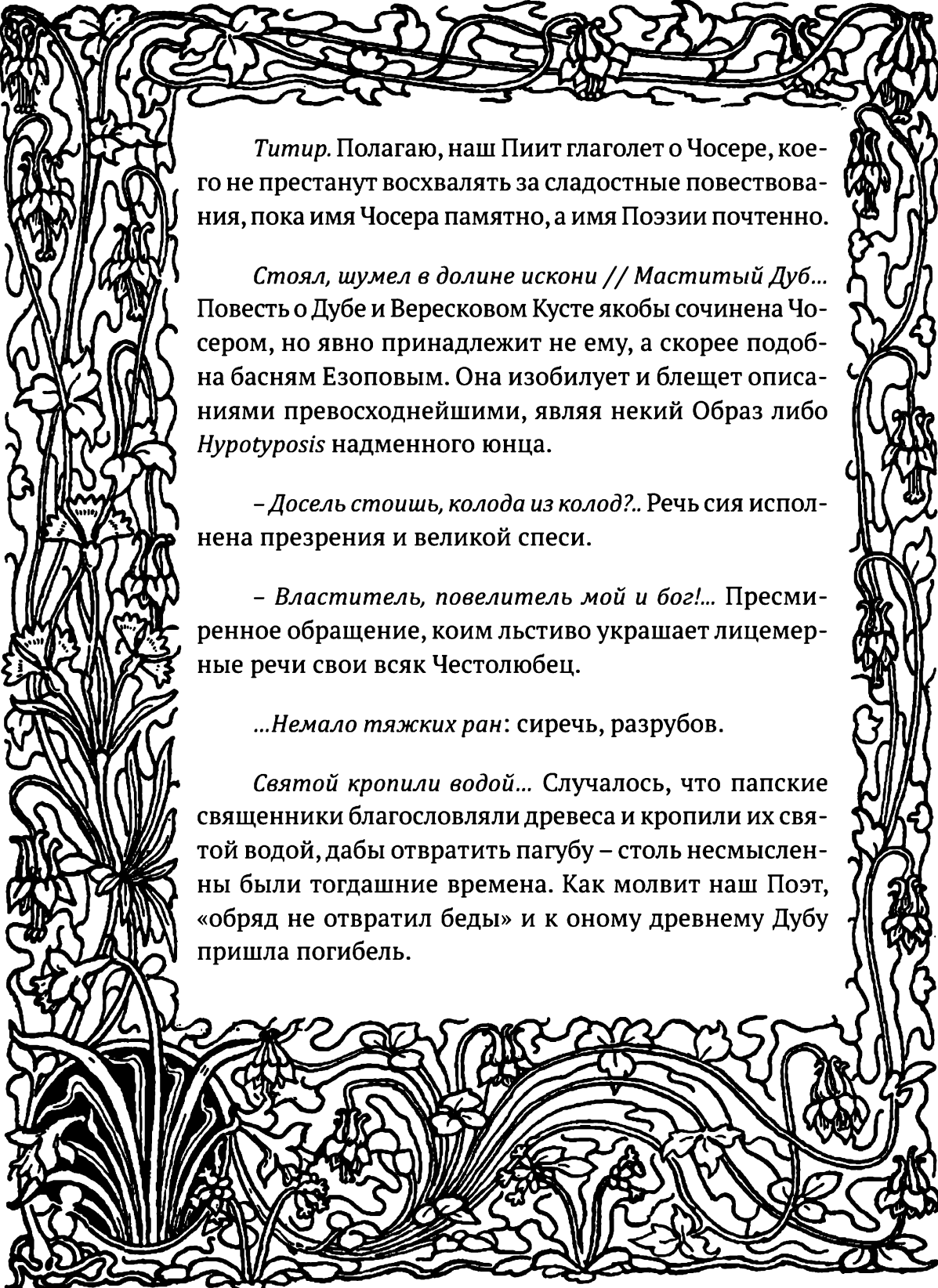
На бурю не пеняй царю морей... Сиречь, Нептуну, морскому божеству. Вся же поговорка оная заимствована у Мима Публиана, коему принадлежит нижеследующий стих:

Improbe Neptunum accusat, qui iterum naufragium facit.

Тут пастухи – резвее ранних мух... Пиит уподобляет легкомысленных лентяев и скверных скотоводов мухам, иже принимаются витать овамо и семо, едва лишь вешнее солнце выглянет ненадолго и чуток обогреет всякую вещь и тварь, но затем гибнут, убитые незапным хладом.

Филлидой именуется некая дева, любезная сердцу Кадди, подпaska, чье истинное прозвание неизвестно. Имя сие часто встречается у Феокрита, Вергилия и Мантуанца.

Что юность?.. Весьма нравоучительное и содержательное Иносказание, где юность и все похоти ея сравниваются с изнурительным странническим путем.

Титир. Полагаю, наш Пиит глаголет о Чосере, коего не престанут восхвалять за сладостные повествования, пока имя Чосера памятно, а имя Поэзии почтенно.

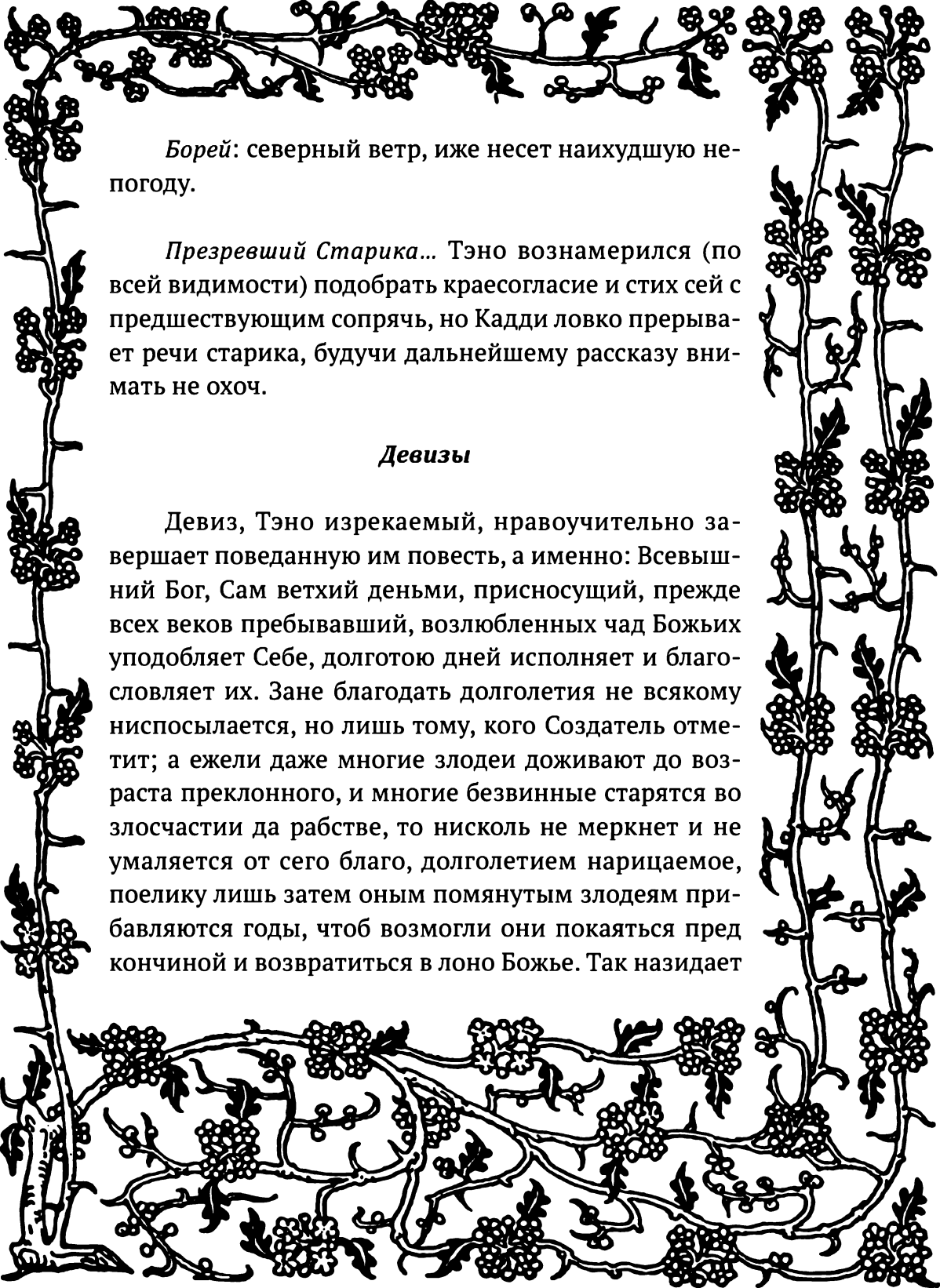
Стоял, шумел в долине искони // Маститый Дуб... Повесть о Дубе и Вересковом Кусте якобы сочинена Чосером, но явно принадлежит не ему, а скорее подобна басням Езоповым. Она изобилует и блещет описаниями превосходнейшими, являя некий Образ либо *Hypotyposis* надменного юнца.

– *Досель стоишь, колода из колод?..* Речь сия исполнена презрения и великой спеси.

– *Властитель, повелитель мой и бог!...* Пресмиренное обращение, коим льстиво украшает лицемерные речи свои всяк Честолюбец.

...Немало тяжких ран: сиречь, разубов.

Святой кропили водой... Случалось, что папские священники благословляли деревья и кропили их святой водой, дабы отвратить пагубу – столь несмысленны были тогдашние времена. Как молвит наш Поэт, «обряд не отвратил беды» и к оному древнему Дубу пришла погибель.

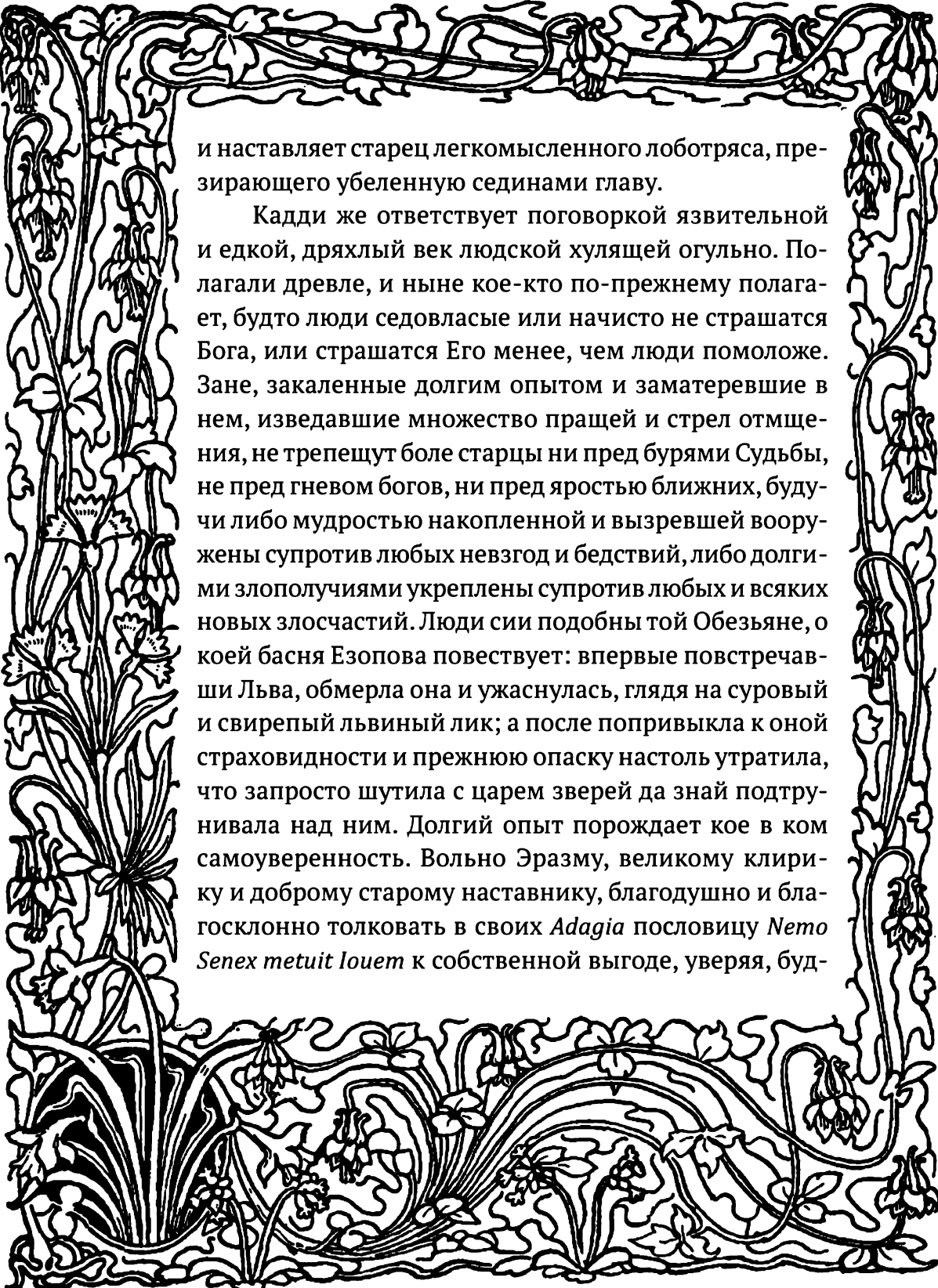

Борей: северный ветер, иже несет наихудшую непогоду.

Презревший Старика... Тэно вознамерился (по всей видимости) подобрать краесогласие и стих сей с предшествующим сопрячь, но Кадди ловко прерывает речи старика, будучи дальнейшему рассказу внимать не охоч.

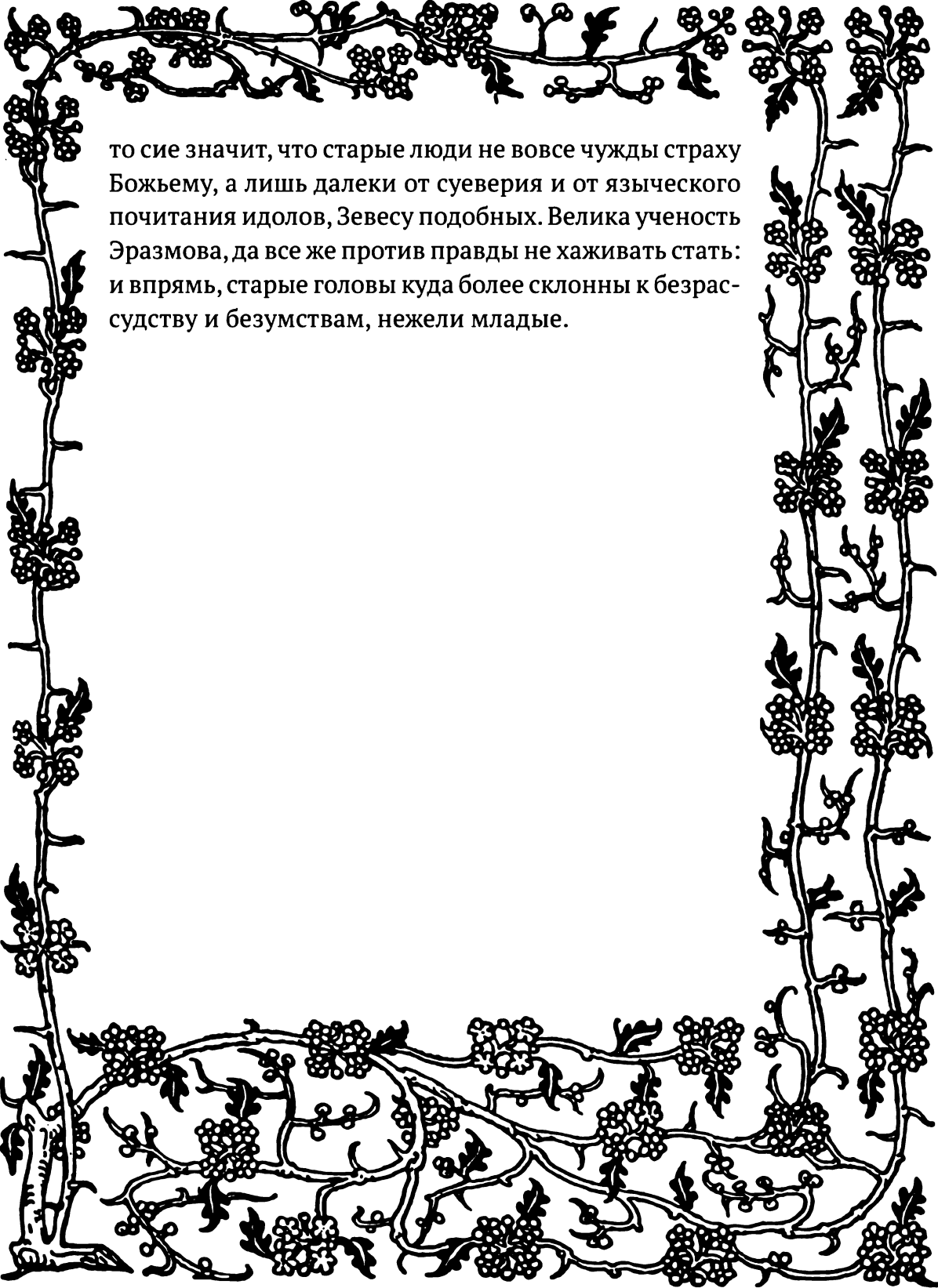
Девизы

Девиз, Тэно изрекаемый, нравоучительно завершает поведанную им повесть, а именно: Всевышний Бог, Сам ветхий деньми, присносущий, прежде всех веков пребывавший, возлюбленных чад Божьих уподобляет Себе, долгою дней исполняет и благословляет их. Зане благодать долголетия не всякому ниспосылается, но лишь тому, кого Создатель отметит; а ежели даже многие злодеи доживают до возраста преклонного, и многие безвинные старятся во злосчастии да рабстве, то нисколько не меркнет и не умаляется от сего благо, долголетием нарицаемое, поелику лишь затем оным помянутым злодеям прибавляются годы, чтоб возмогли они покаяться пред кончиной и возвратиться в лоно Божье. Так назидает

A detailed black and white line drawing of a decorative border. It features a central floral motif, possibly a lily or iris, surrounded by intricate, swirling vine-like patterns and smaller flowers. The border frames the text on the page.

и наставляет старец легкомысленного лоботряса, презирающего убеленную сединами главу.

Кадди же отвечает поговоркой язвительной и едкой, дряхлый век людской хулящей огульно. Полагали древле, и ныне кое-кто по-прежнему полагает, будто люди седовласые или начисто не страшатся Бога, или страшатся Его менее, чем люди помоложе. Зане, закаленные долгим опытом и заматеревшие в нем, изведавшие множество пращей и стрел отмщения, не трепещут боле старцы ни пред бурями Судьбы, не пред гневом богов, ни пред яростью ближних, будучи либо мудростью накопленной и вызревшей вооружены супротив любых невзгод и бедствий, либо долгими злополучиями укреплены супротив любых и всяких новых злосчастий. Люди сии подобны той Обезьяне, о коей басня Езопова повествует: впервые повстречавши Льва, обмерла она и ужаснулась, глядя на суровый и свирепый львиный лик; а после попривыкла к оной страховидности и прежнюю опаску настоль утратила, что запросто шутила с царем зверей да знай подтрунивала над ним. Долгий опыт порождает кое в ком самоуверенность. Вольно Эразму, великому клирику и доброму старому наставнику, благодушно и благосклонно толковать в своих *Adagia* пословицу *Nemo Senex metuit louem* к собственной выгоде, уверяя, буд-

то сие значит, что старые люди не вовсе чужды страху Божьему, а лишь далеки от суеверия и от языческого почитания идолов, Зевесу подобных. Велика ученость Эразмова, да все же против правды не хаживать стать: и впрямь, старые головы куда более склонны к безрассудству и безумствам, нежели молодые.

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, leaves, and scrolling vines, creating a classic, ornate frame for the page.

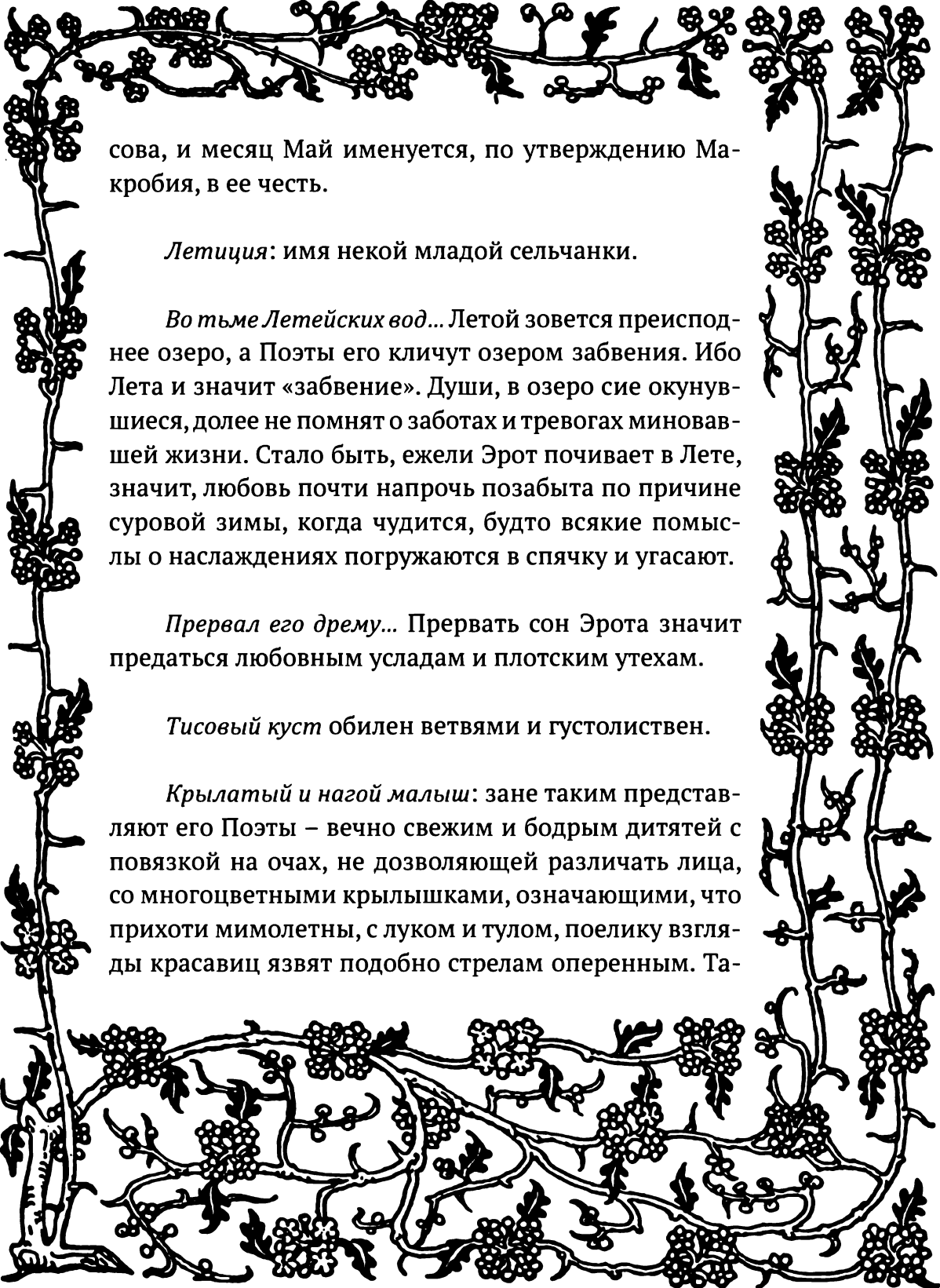
МАРТ

Сия Эклога обнаруживает некое сходство с Феокритовой, где юный пастух повествует собрату своему старшему о том, как метал стрелы в крылатое дитя, восседавшее на древе, и слышит в ответ: берегись, как бы не вышло тебе из того беды.

И ласточки снуют опять... Оные пернатые считаются вестниками, или точнее, гонцами весны.

Флора: богиня цветов, а на деле (согласно Тациту) пресловутая блудница, иже, телесами своими торгуя, стяжала богатства несметные, а после народ Римский содеяла своим наследником; Римляне же, памятуя о столь великом благодеянии, учредили в память оной распутницы ежегодное празднество и стали ее нарицать не истинным именем, и не Андроникой (ибо мыслят некоторые, что звалась она так), но Флорой; и чтили ее богиней всех цветов на свете, и всякий год приносили ей торжественно жертвы.

Проснется Майя – и готов // Ей праздничный шалаш: сиречь, поле, усыпанное цветами, а еще скорее, Майский Куст. Майей зовется богиня, мать Герме-

сова, и месяц Май именуется, по утверждению Макробия, в ее честь.

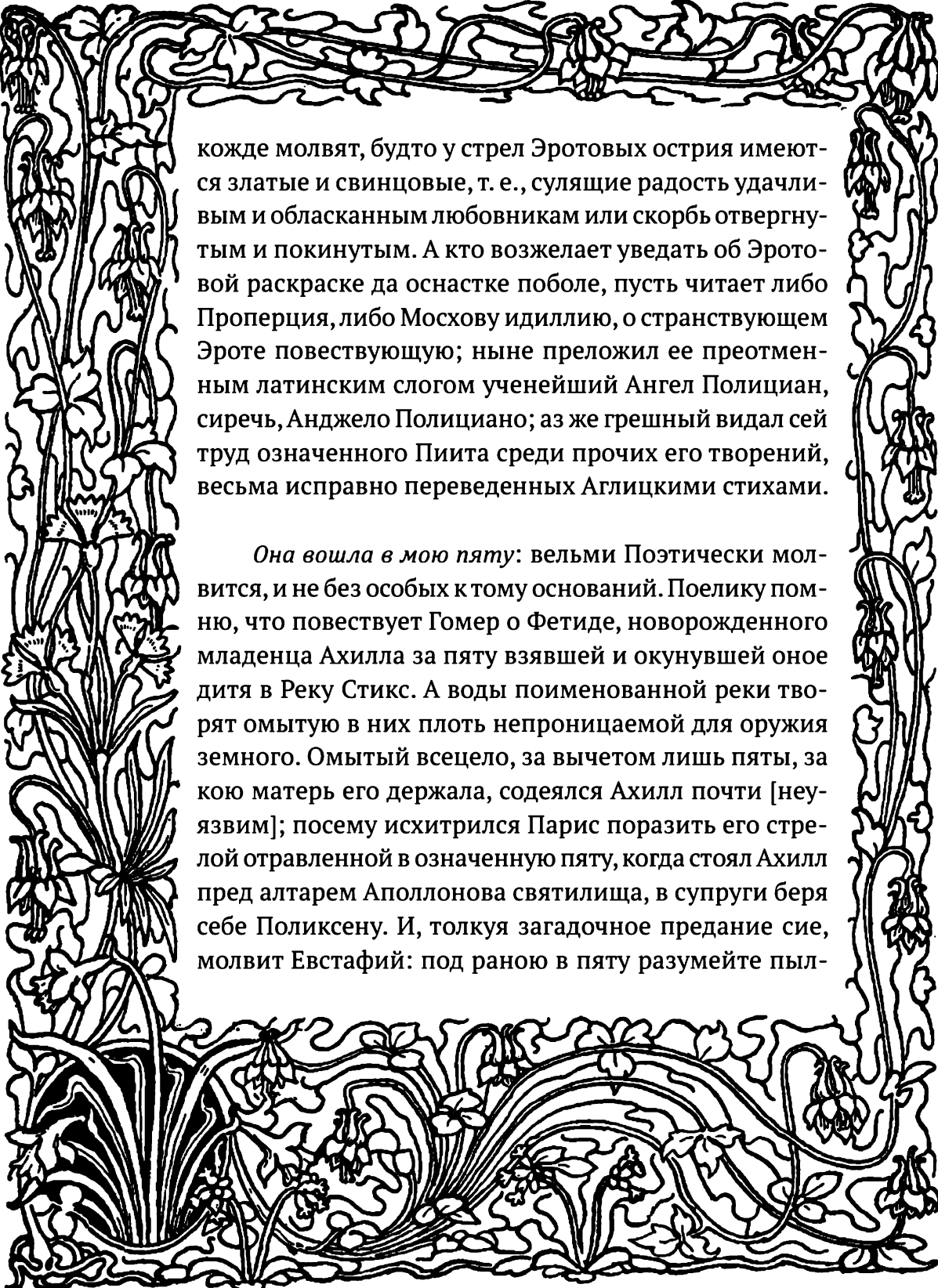
Летиция: имя некой молодой сельчанки.

Во тьме Летейских вод... Летой зовется преисподнее озеро, а Поэты его кличут озером забвения. Ибо Лета и значит «забвение». Души, в озеро сие окунувшись, долее не помнят о заботах и тревогах миновавшей жизни. Стало быть, ежели Эрот почивает в Лете, значит, любовь почти напрочь позабыта по причине суровой зимы, когда чудится, будто всякие помыслы о наслаждениях погружаются в спячку и угасают.

Прервал его дрему... Прервать сон Эрота значит предаться любовным уладам и плотским утехам.

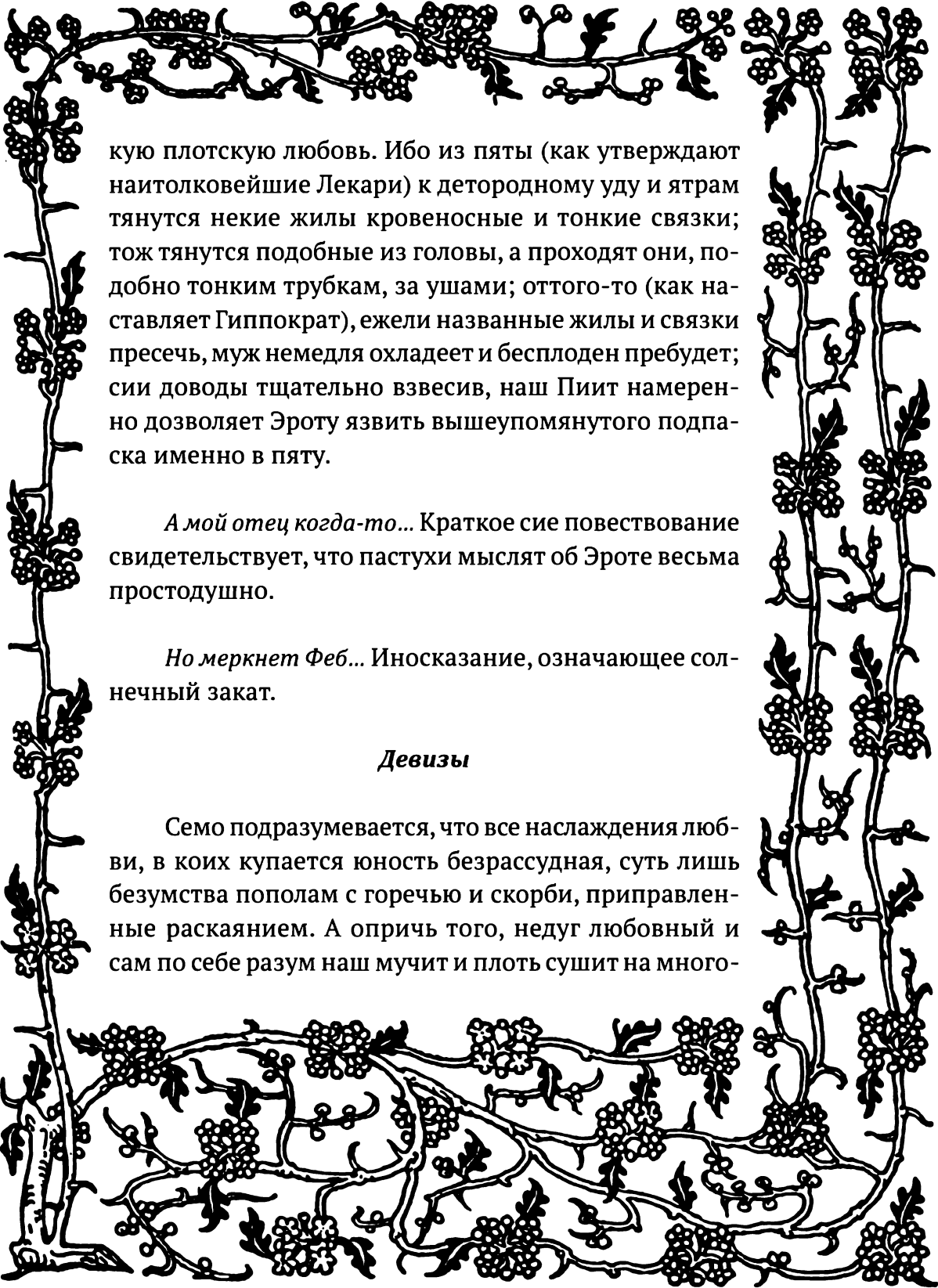
Тисовый куст обилен ветвями и густолиствен.

Крылатый и нагой малыш: зане таким представляют его Поэты – вечно свежим и бодрым дитятей с повязкой на очах, не позволяющей различать лица, со многоцветными крылышками, означающими, что прихоти мимолетны, с луком и тулом, поелику взгляды красавиц язвят подобно стрелам оперенным. Та-

A decorative border in a black and white line-art style, featuring intricate floral and vine motifs. The border frames the text on the top, bottom, and sides of the page. It includes various flowers, leaves, and scrolling vines, creating a classic, ornate frame.

кожде молвят, будто у стрел Эротовых острия имеют-
ся золотые и свинцовые, т. е., сулящие радость удачли-
вым и обласканным любовникам или скорбь отвергну-
тым и покинутым. А кто возжелает уведать об Эрото-
вой раскраске да оснастке поболее, пусть читает либо
Проперция, либо Мосхову идиллию, о странствующем
Эроте повествующую; ныне преложил ее преотмен-
ным латинским слогом ученейший Ангел Полициан,
сиречь, Анджело Полициано; аз же грешный видал сей
труд означенного Пиита среди прочих его творений,
весьма исправно переведенных Аглицкими стихами.

Она вошла в мою пяту: вельми Поэтически мол-
вится, и не без особых к тому оснований. Поелику пом-
ню, что повествует Гомер о Фетиде, новорожденного
младенца Ахилла за пяту взявшей и окунувшей оное
дитя в Реку Стикс. А воды поименованной реки тво-
рят омытую в них плоть непроницаемой для оружия
земного. Омытый всецело, за вычетом лишь пяты, за
кою мать его держала, содеялся Ахилл почти [неу-
язвим]; посему исхитрился Парис поразить его стре-
лой отравленной в означенную пяту, когда стоял Ахилл
пред алтарем Аполлонова святилища, в супруги беря
себе Поликсену. И, толкуя загадочное предание сие,
молвит Евстафий: под раною в пяту разумеите пыл-

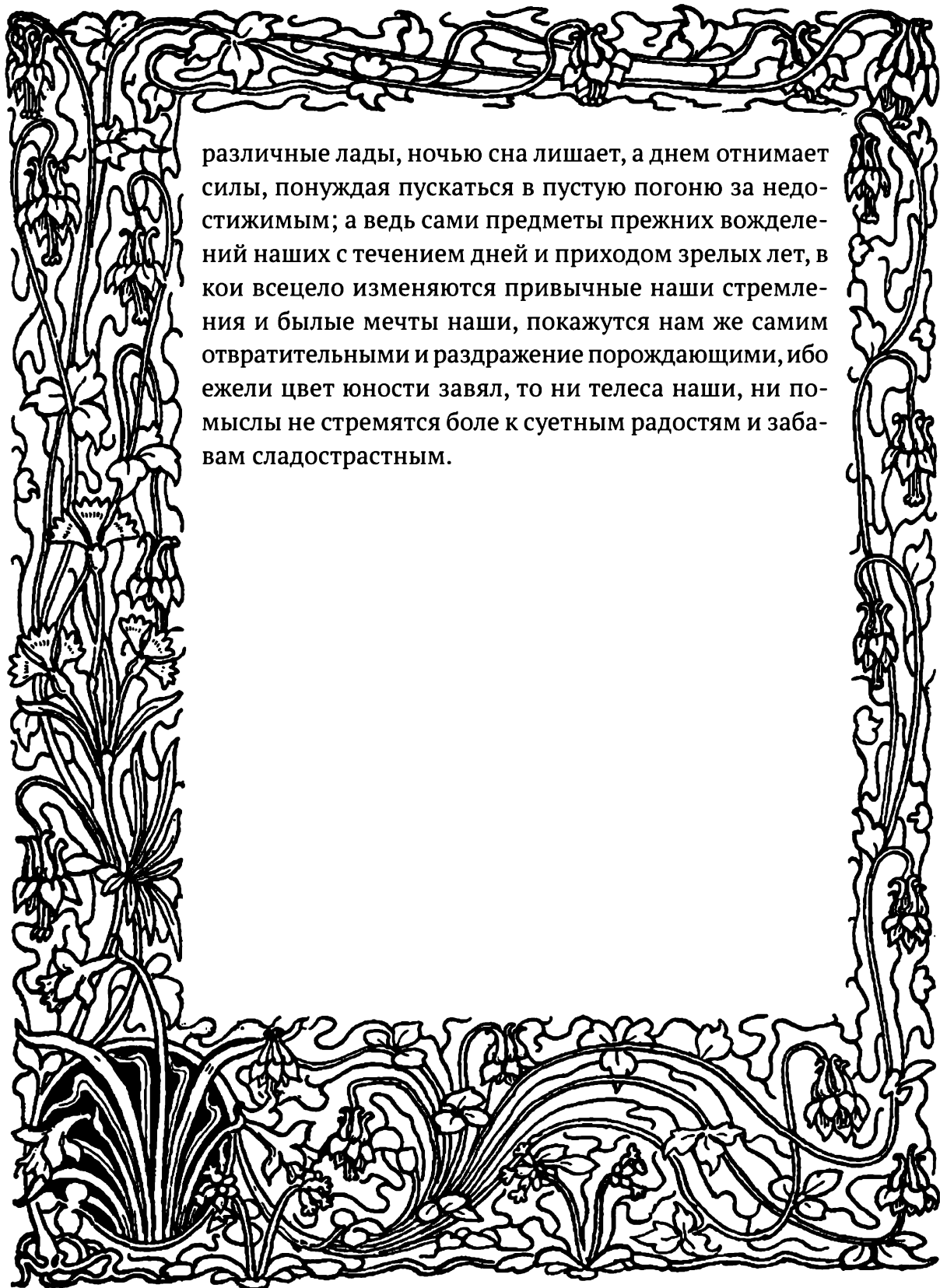
кую плотскую любовь. Ибо из пяты (как утверждают наитолковейшие Лекари) к детородному уду и ятрам тянутся некие жилы кровеносные и тонкие связки; тож тянутся подобные из головы, а проходят они, подобно тонким трубкам, за ушами; оттого-то (как наставляет Гиппократ), ежели названные жилы и связки пресечь, муж немедля охладет и бесплоден пребудет; сии доводы тщательно взвесив, наш Пиит намеренно дозволяет Эроту язвить вышеупомянутого подпaska именно в пяту.

А мой отец когда-то... Краткое сие повествование свидетельствует, что пастухи мыслят об Эроте весьма простодушно.

Но меркнет Феб... Иносказание, означающее солнечный закат.

Девизы

Семо подразумевается, что все наслаждения любви, в коих купается юность безрассудная, суть лишь безумства пополам с горечью и скорби, приправленные раскаянием. А опричь того, недуг любовный и сам по себе разум наш мучит и плоть сушит на много-

различные лады, ночью сна лишает, а днем отнимает силы, понуждая пускаться в пустую погоню за недостижимым; а ведь сами предметы прежних вожделий наших с течением дней и приходом зрелых лет, в кои всецело изменяются привычные наши стремления и бывшие мечты наши, покажутся нам же самим отвратительными и раздражение порождающими, ибо ежели цвет юности завял, то ни тела наши, ни помыслы не стремятся боле к суетным радостям и забавам сладострастным.

АПРЕЛЬ

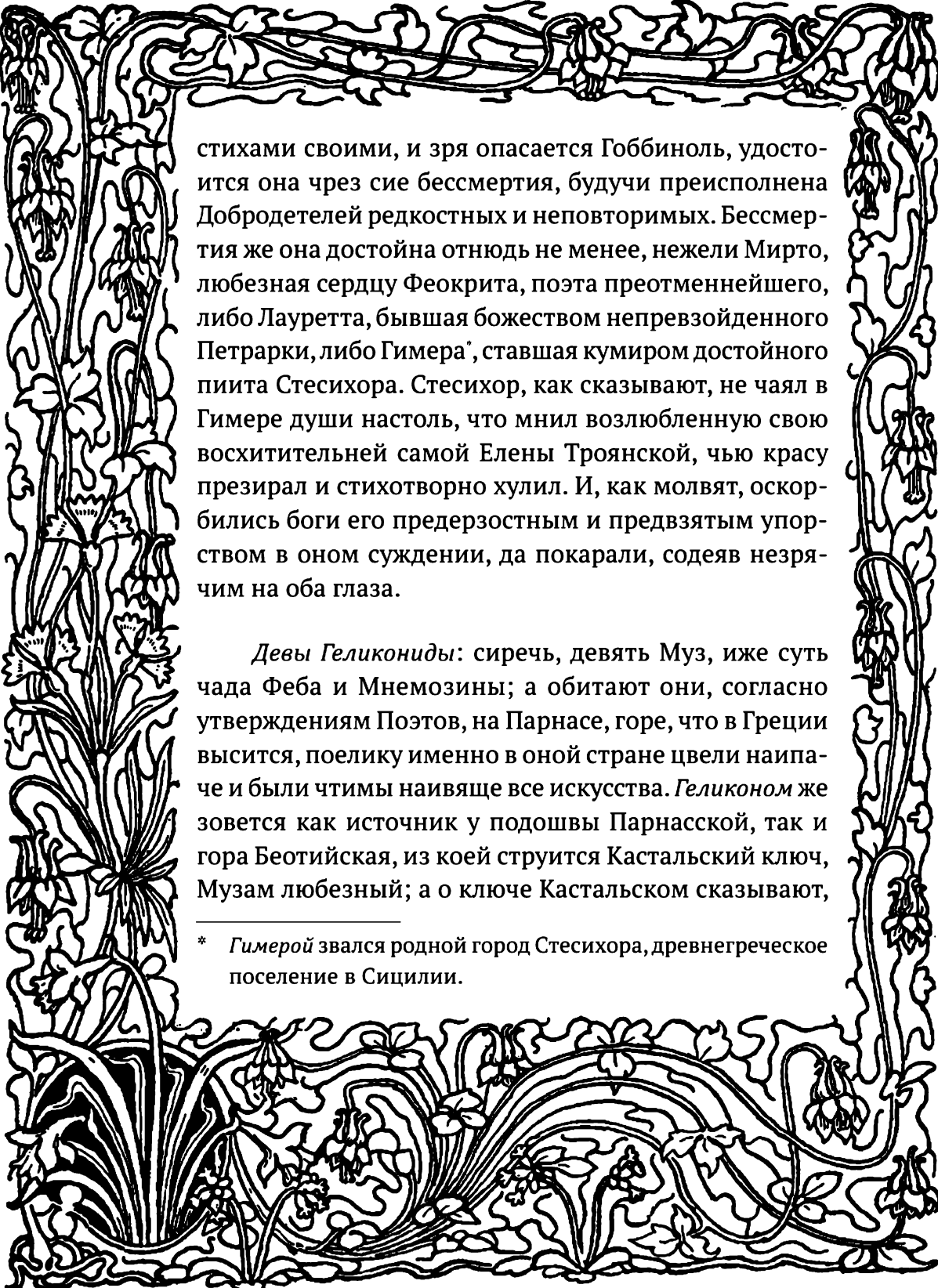
Обломным ливням нынешним под стать: сообразно времени года, т. е., апрелю месяцу, каковой изобилует проливными дождями. Орошать: сиречь, смягчать сухмень, порождаемую мартовскими ветрами.

Тот малый: Колин Клаут.

Влюбился в деву: в Розалинду.

Знай: это Колин, молодой овчар... Надобно полагать, Колин принадлежит к некоему знатному южному роду, возможно, суррейскому либо кентскому, и оттого не единожды упоминает он о хólмах Кентских.

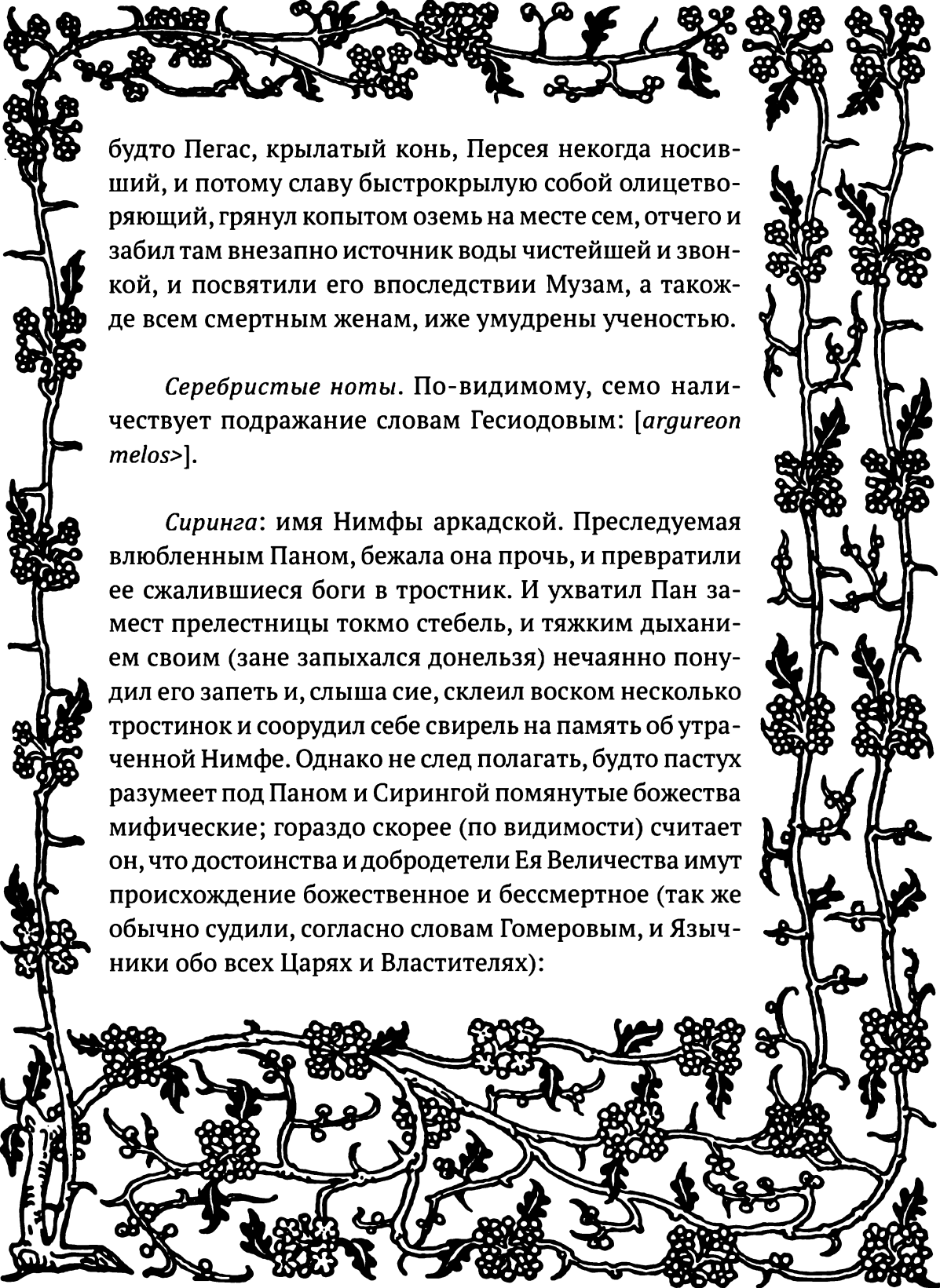
Вдовью дочь... Гоббиноль неучтиво зовет Розалинду «вдовьей дочерью», словно говоря о худородной сельчанке, обитательнице захолустья; и сдается мне, сказано сие неспроста, с умыслом, дабы скрыть истинное происхождение девицы. Общеизвестно, вопреки ухищрениям Колина и Гоббиноля, что повадкам и замашкам простолюдинов чужда Розалинда напрочь, ибо принадлежит к весьма почтенной фамилии дворянской. И напрасно страшится Колин прославить ее

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, including what appear to be lilies and roses, intertwined with scrolling vines and leaves. The style is reminiscent of Art Nouveau or similar early 20th-century decorative art.

стихами своими, и зря опасается Гоббиноль, удостоится она чрез сие бессмертия, будучи преисполнена Добродетелей редкостных и неповторимых. Бессмертия же она достойна отнюдь не менее, нежели Мирто, любезная сердцу Феокрита, поэта преотменнейшего, либо Лауретта, бывшая божеством непревзойденного Петрарки, либо Гимера*, ставшая кумиром достойного пиита Стесихора. Стесихор, как сказывают, не чаял в Гимере души настоль, что мнил возлюбленную свою восхитительней самой Елены Троянской, чью красу презирал и стихотворно хулил. И, как молвят, оскорбились боги его предерзостным и предвзятым упорством в оном суждении, да покарали, содеяв незрячим на оба глаза.

Девы Геликониды: сиречь, девять Муз, иже суть чада Феба и Мнемозины; а обитают они, согласно утверждениям Поэтов, на Парнасе, горе, что в Греции высится, поелику именно в оной стране цвели наипаче и были чтимы наивяще все искусства. *Геликоном* же зовется как источник у подошвы Парнасской, так и гора Беотийская, из коей струится Кастальский ключ, Музам любезный; а о ключе Кастальском сказывают,

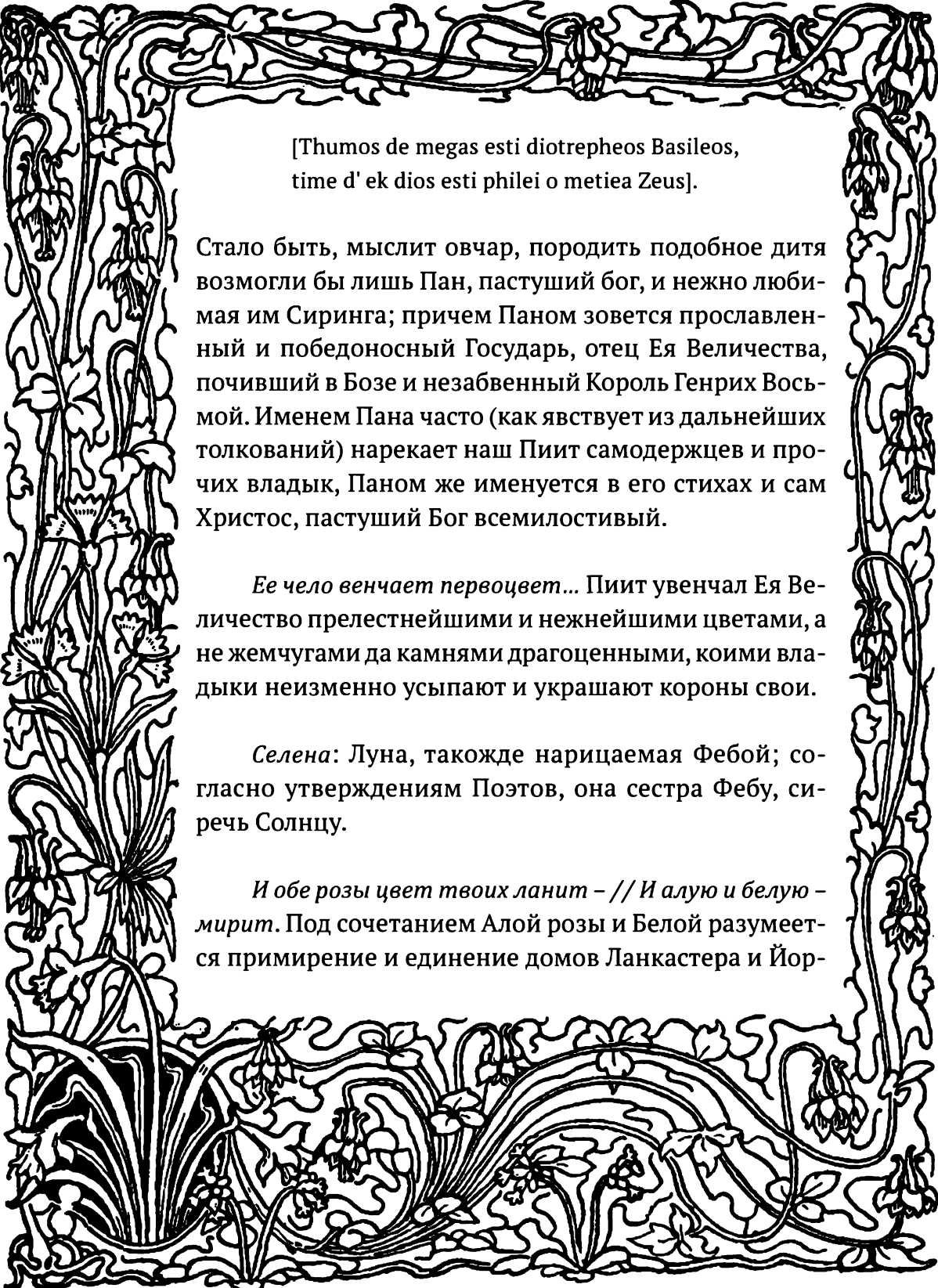
* *Гимерой* звался родной город Стесихора, древнегреческое поселение в Сицилии.

будто Пегас, крылатый конь, Персея некогда носивший, и потому славу быстрокрылую собой олицетворяющий, грянул копытом оземь на месте сем, отчего и забил там внезапно источник воды чистейшей и звонкой, и посвятили его впоследствии Музам, а также и всем смертным женам, иже умудрены ученостью.

Серебристые ноты. По-видимому, семо наличествует подражание словам Гесиодовым: [*argureon melos*>].

Сиринга: имя Нимфы аркадской. Преследуемая влюбленным Паном, бежала она прочь, и превратили ее сжалившиеся боги в тростник. И ухватил Пан замест прелестницы токмо стебель, и тяжким дыханием своим (зане запыхался донельзя) нечаянно понудил его запеть и, слыша сие, склеил воском несколько тростинок и соорудил себе свирель на память об утраченной Нимфе. Однако не след полагать, будто пастух понимает под Паном и Сирингой помянутые божества мифические; гораздо скорее (по видимости) считает он, что достоинства и добродетели Ея Величества имут происхождение божественное и бессмертное (так же обычно судили, согласно словам Гомеровым, и Язычники обо всех Царях и Властителях):

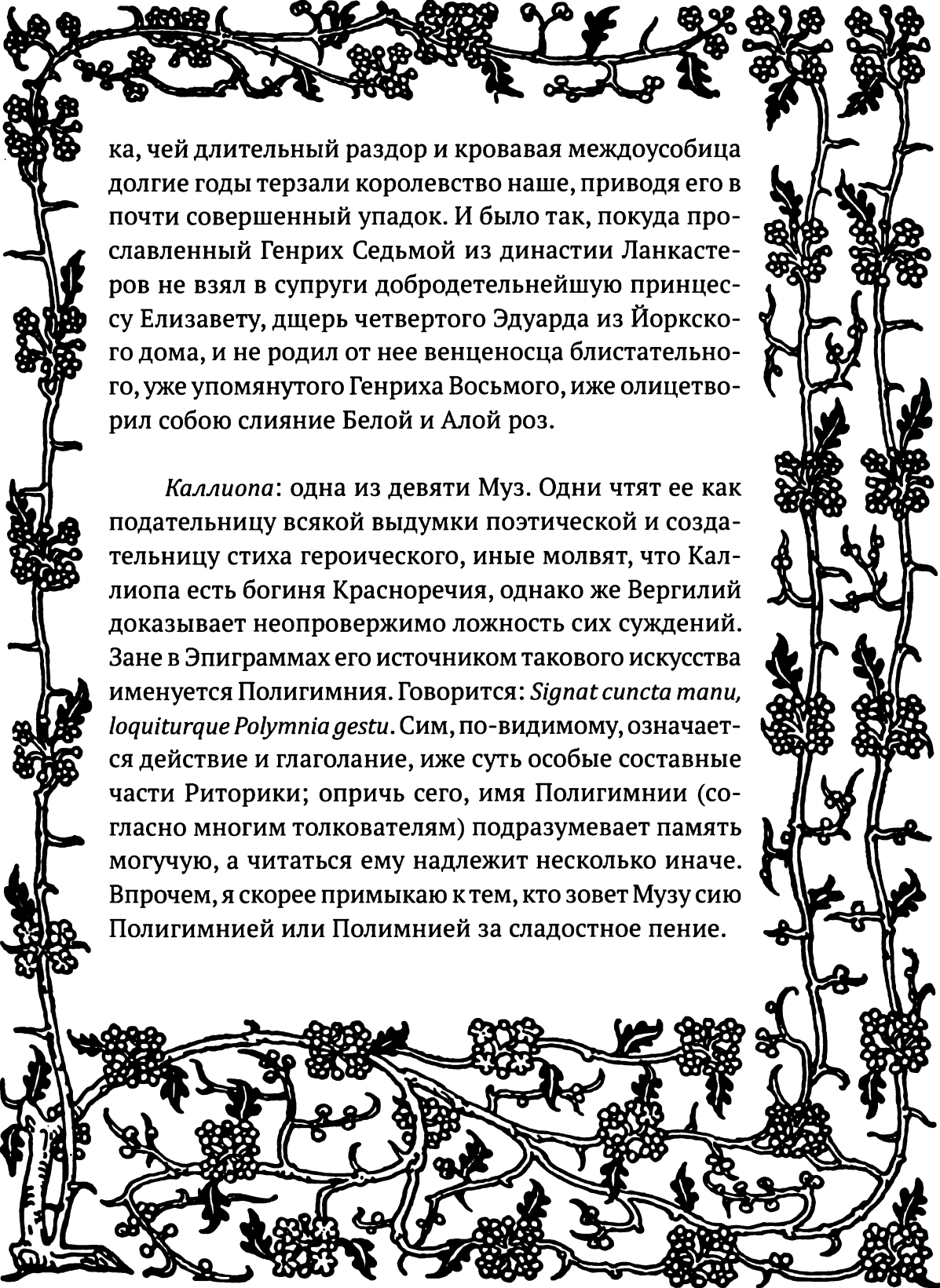
[Thumos de megas esti diotrepheos Basileos,
time d' ek dios esti philei o metiea Zeus].

Стало быть, мыслит овчар, породить подобное дитя
возмогли бы лишь Пан, пастуший бог, и нежно люби-
мая им Сиринга; причем Паном зовется прославлен-
ный и победоносный Государь, отец Ея Величества,
почивший в Бозе и незабвенный Король Генрих Вось-
мой. Именем Пана часто (как явствуется из дальнейших
толкований) нарекает наш Пиит самодержцев и про-
чих владык, Паном же именуется в его стихах и сам
Христос, пастуший Бог всемилостивый.

Ее чело венчает первоцвет... Пиит увенчал Ея Ве-
личество прелестнейшими и нежнейшими цветами, а
не жемчугами да камнями драгоценными, коими вла-
дыки неизменно усыпают и украшают короны свои.

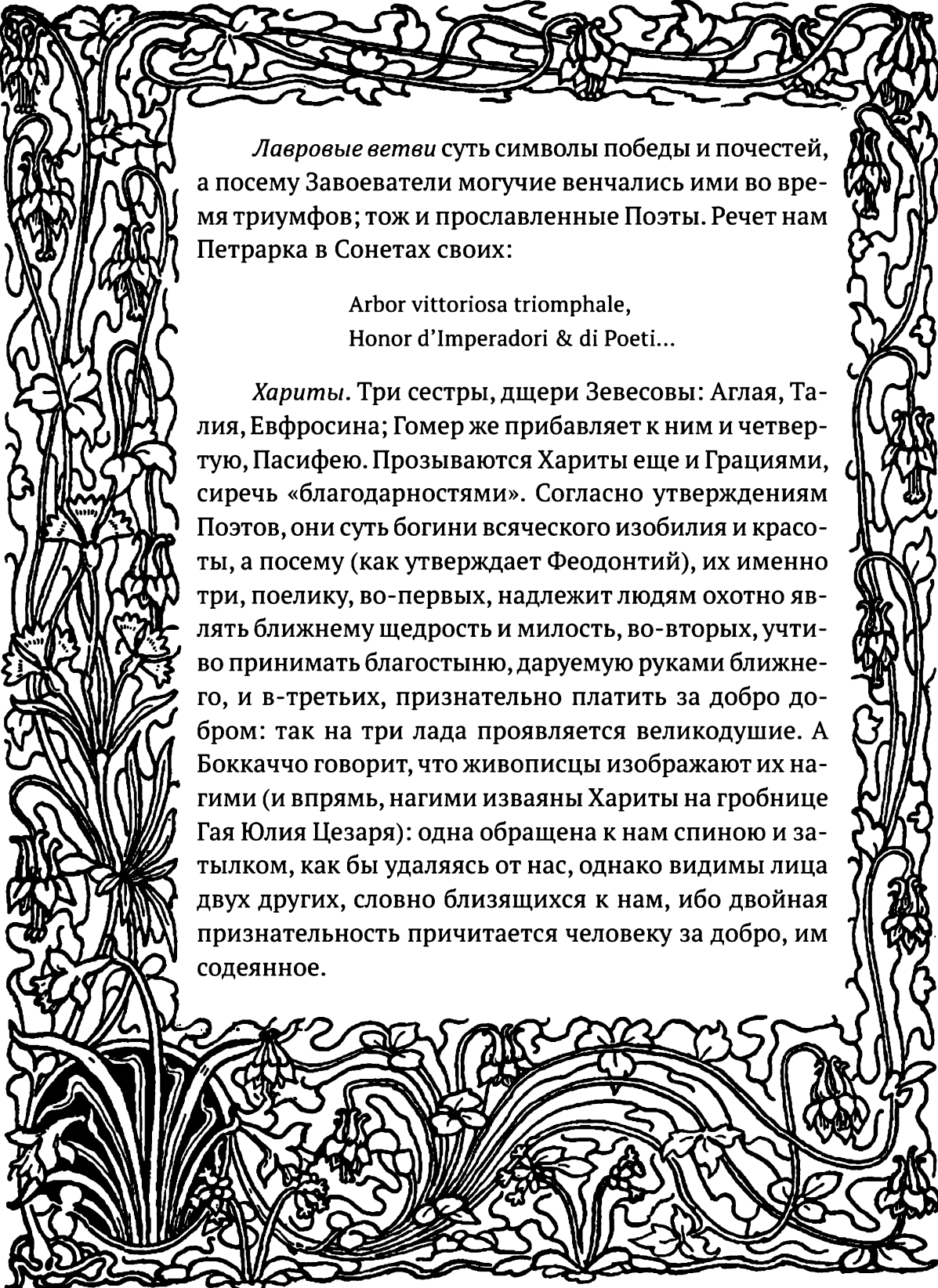
Селена: Луна, также нарицаемая Фебой; со-
гласно утверждениям Поэтов, она сестра Фебу, си-
речь Солнцу.

*И обе розы цвет твоих ланит – // И алую и белую –
мирит.* Под сочетанием Алой розы и Белой разумеет-
ся примирение и единение домов Ланкастера и Йор-

ка, чей длительный раздор и кровавая междоусобица долгие годы терзали королевство наше, приводя его в почти совершенный упадок. И было так, покуда прославленный Генрих Седьмой из династии Ланкастеров не взял в супруги добродетельнейшую принцессу Елизавету, дочь четвертого Эдуарда из Йоркского дома, и не родил от нее венценосца блистательного, уже упомянутого Генриха Восьмого, иже олицетворил собою слияние Белой и Алой роз.

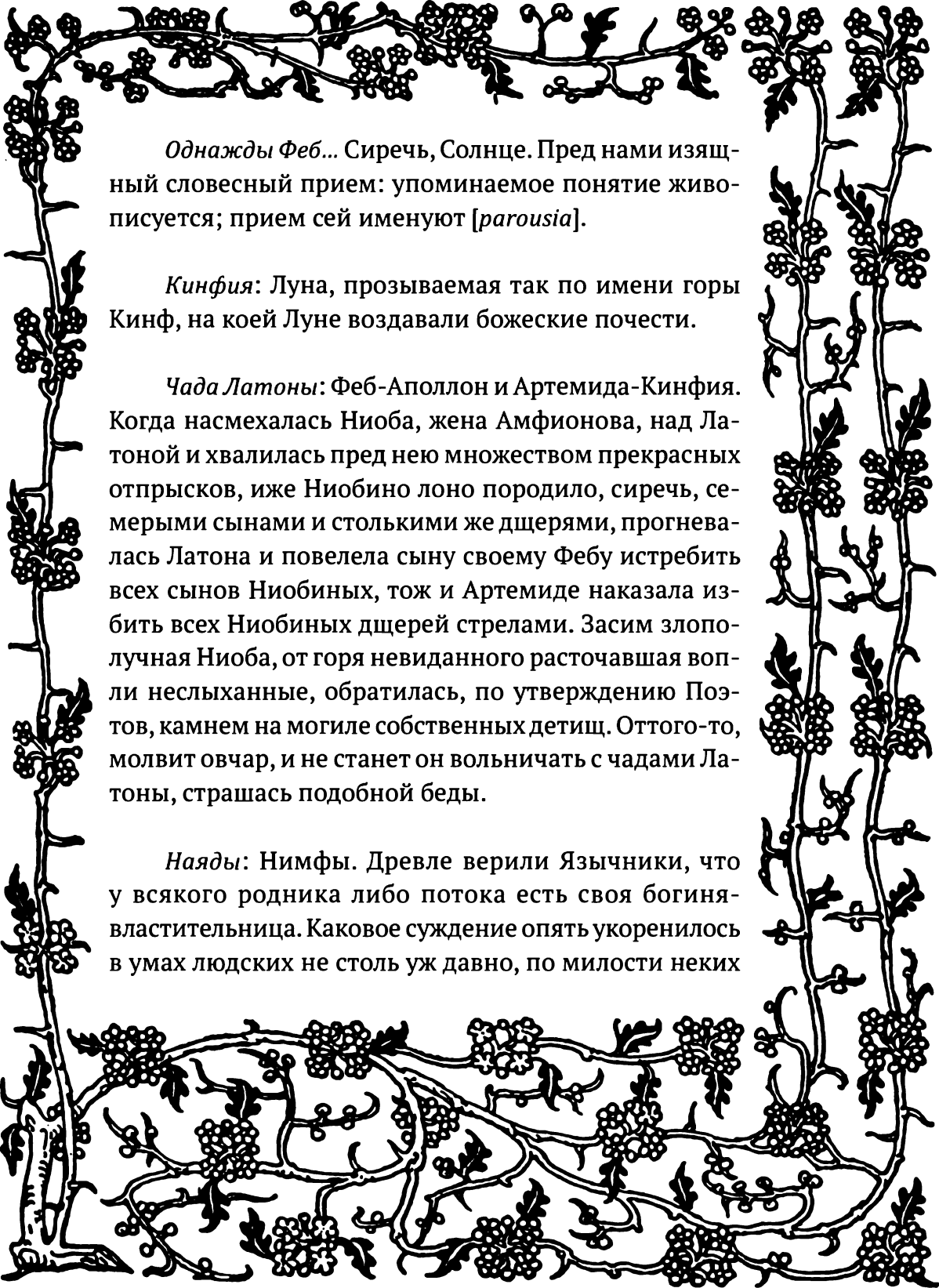
Каллиопа: одна из девяти Муз. Одни чтят ее как подательницу всякой выдумки поэтической и создательницу стиха героического, иные молвят, что Каллиопа есть богиня Красноречия, однако же Вергилий доказывает неопровержимо ложность сих суждений. Зане в Эпиграммах его источником такого искусства именуется Полигимния. Говорится: *Signat cuncta manu, loquiturque Polymnia gestu*. Сим, по-видимому, означается действие и глаголанье, иже суть особые составные части Риторики; опричь сего, имя Полигимнии (согласно многим толкователям) подразумевает память могучую, а читаться ему надлежит несколько иначе. Впрочем, я скорее примыкаю к тем, кто зовет Музу сию Полигимнией или Полимнией за сладостное пение.

Лавровые ветви суть символы победы и почестей, а посему Завоеватели могучие венчались ими во время триумфов; тож и прославленные Поэты. Речет нам Петрарка в Сонетах своих:

Arbor vittoriosa triumphale,
Honor d'Imperadori & di Poeti...

Хариты. Три сестры, дочери Зевесовы: Аглая, Талия, Евфросина; Гомер же прибавляет к ним и четвертую, Пасифею. Прозываются Хариты еще и Грациями, сиречь «благодарностями». Согласно утверждениям Поэтов, они суть богини всяческого изобилия и красоты, а посему (как утверждает Феодонтий), их именно три, поелику, во-первых, надлежит людям охотно являть ближнему щедрость и милость, во-вторых, учтиво принимать благостыню, даруемую руками ближнего, и в-третьих, признательно платить за добро добром: так на три лада проявляется великодушие. А Боккаччо говорит, что живописцы изображают их нагими (и впрямь, нагими изваяны Хариты на гробнице Гая Юлия Цезаря): одна обращена к нам спиною и затылком, как бы удаляясь от нас, однако видимы лица двух других, словно близящихся к нам, ибо двойная признательность причитается человеку за добро, им содеянное.

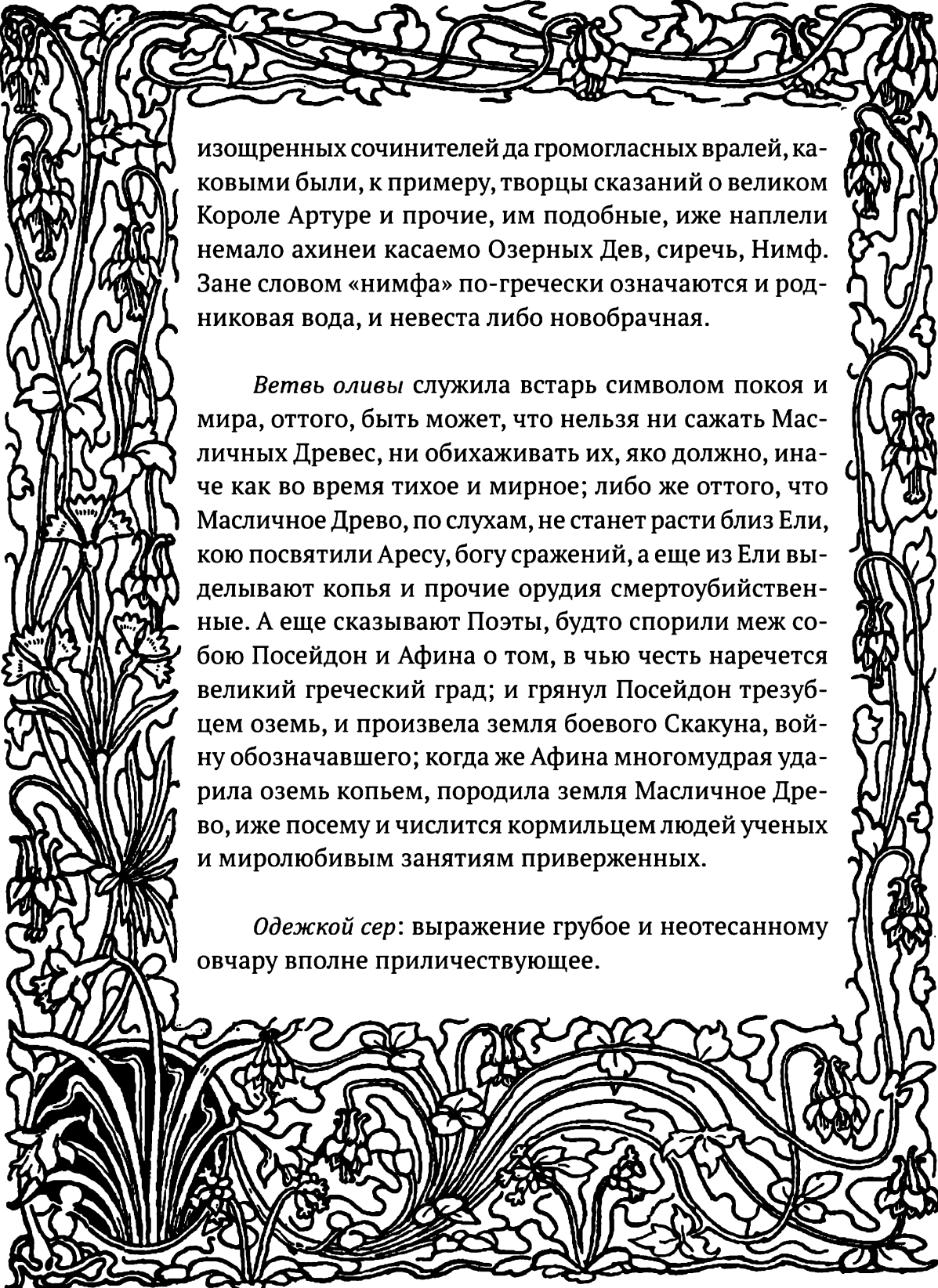

Однажды Феб... Сиречь, Солнце. Пред нами изящный словесный прием: упоминаемое понятие живописуется; прием сей именуют [*parousia*].

Кинфия: Луна, прозываемая так по имени горы Кинф, на коей Луне воздавали божеские почести.

Чада Латоны: Феб-Аполлон и Артемида-Кинфия. Когда насмехалась Ниоба, жена Амфионова, над Латоной и хвалилась пред нею множеством прекрасных отпрысков, иже Ниобино лоно породило, сиречь, семерыми сынами и столькими же дочерьми, прогневалась Латона и повелела сыну своему Фебу истребить всех сынов Ниобиных, тож и Артемиде наказала избить всех Ниобиных дочерей стрелами. Засим злоплучная Ниоба, от горя невиданного расточавшая вопли неслыханные, обратилась, по утверждению Поэтов, камнем на могиле собственных детищ. Оттого-то, молвит овчар, и не станет он вольничать с чадами Латоны, страшась подобной беды.

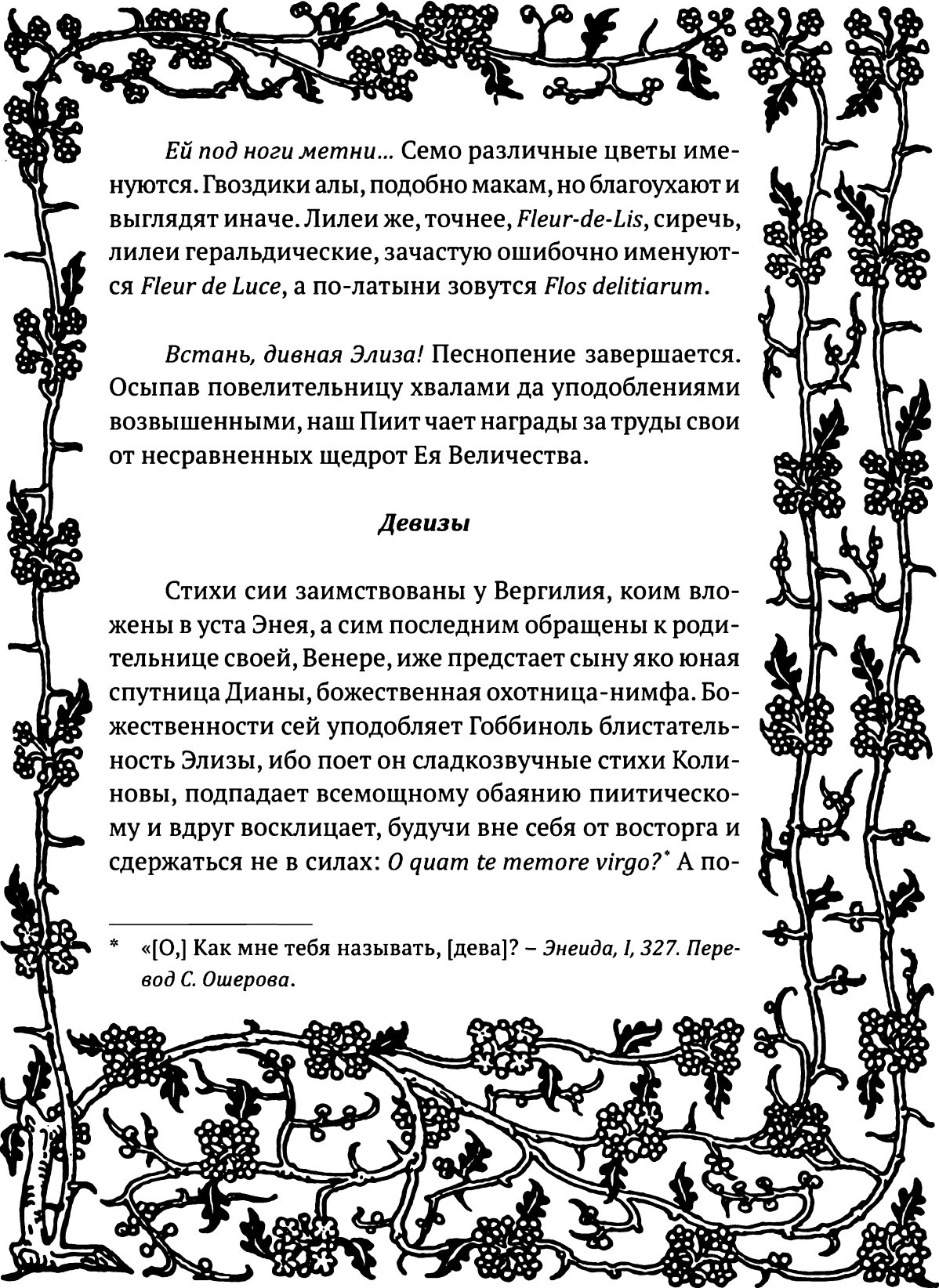
Наяды: Нимфы. Древле верили Язычники, что у всякого родника либо потока есть своя богиня-властительница. Какое суждение опять укоренилось в умах людских не столь уж давно, по милости неких

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, leaves, and scrolling vines, creating a rich, textured frame for the page.

изоощренных сочинителей да громогласных вралей, каковыми были, к примеру, творцы сказаний о великом Короле Артуре и прочие, им подобные, иже наплели немало ахинеи касаемо Озерных Дев, сиречь, Нимф. Зане словом «нимфа» по-гречески означаются и родниковая вода, и невеста либо новобрачная.

Ветвь оливы служила встарь символом покоя и мира, оттого, быть может, что нельзя ни сажать Масличных Древес, ни обихаживать их, яко должно, иначе как во время тихое и мирное; либо же оттого, что Масличное Древо, по слухам, не станет расти близ Ели, кою посвятили Аресу, богу сражений, а еще из Ели выделывают копья и прочие орудия смертоубийственные. А еще сказывают Поэты, будто спорили меж собою Посейдон и Афина о том, в чью честь наречется великий греческий град; и грянул Посейдон трезубцем оземь, и произвела земля боевого Скакуна, войну обозначавшего; когда же Афина многомудрая ударила оземь копьем, породила земля Масличное Древо, иже посему и числится кормильцем людей ученых и миролюбивым занятиям приверженных.

Одежкой сер: выражение грубое и неотесанному овчару вполне приличествующее.

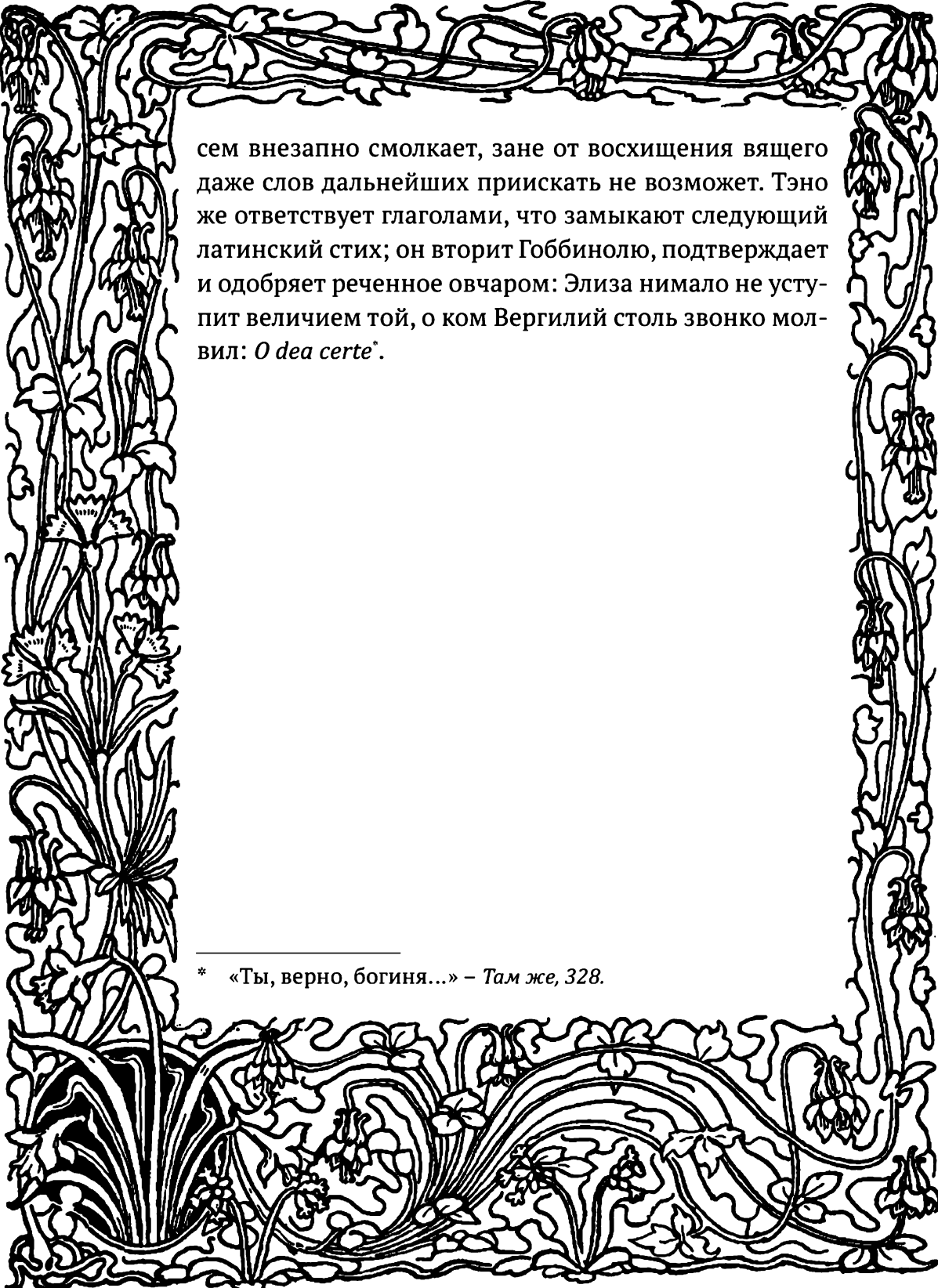
Ей под ноги метни... Семо различные цветы именуются. Гвоздики алы, подобно макам, но благоухают и выглядят иначе. Лилеи же, точнее, *Fleur-de-Lis*, сиречь, лилеи геральдические, зачастую ошибочно именуются *Fleur de Luce*, а по-латыни зовутся *Flos deliciarum*.

Встань, дивная Элиза! Песнопение завершается. Осыпав повелительницу хвалами да уподоблениями возвышенными, наш Пиит чаёт награды за труды свои от несравненных щедрот Ея Величества.

Девизы

Стихи сии заимствованы у Вергилия, коим вложены в уста Энея, а сим последним обращены к родительнице своей, Венере, иже предстает сыну яко юная спутница Дианы, божественная охотница-нимфа. Божественности сей уподобляет Гоббиноль блистательность Элизы, ибо поет он сладкозвучные стихи Колинновы, подпадает всемогущему обаянию пиитическому и вдруг восклицает, будучи вне себя от восторга и сдержаться не в силах: *O quam te memore virgo?** А по

* «[О,] Как мне тебя называть, [дева]? – *Энеида*, I, 327. Перевод С. Ошерова.

сем внезапно смолкает, зане от восхищения вящего даже слов дальнейших приискать не возможет. Тэно же отвечает глаголами, что замыкают следующий латинский стих; он вторит Гоббинолю, подтверждает и одобряет реченное овчаром: Элиза нимало не уступит величием той, о ком Вергилий столь звонко молвил: *O dea certe**.

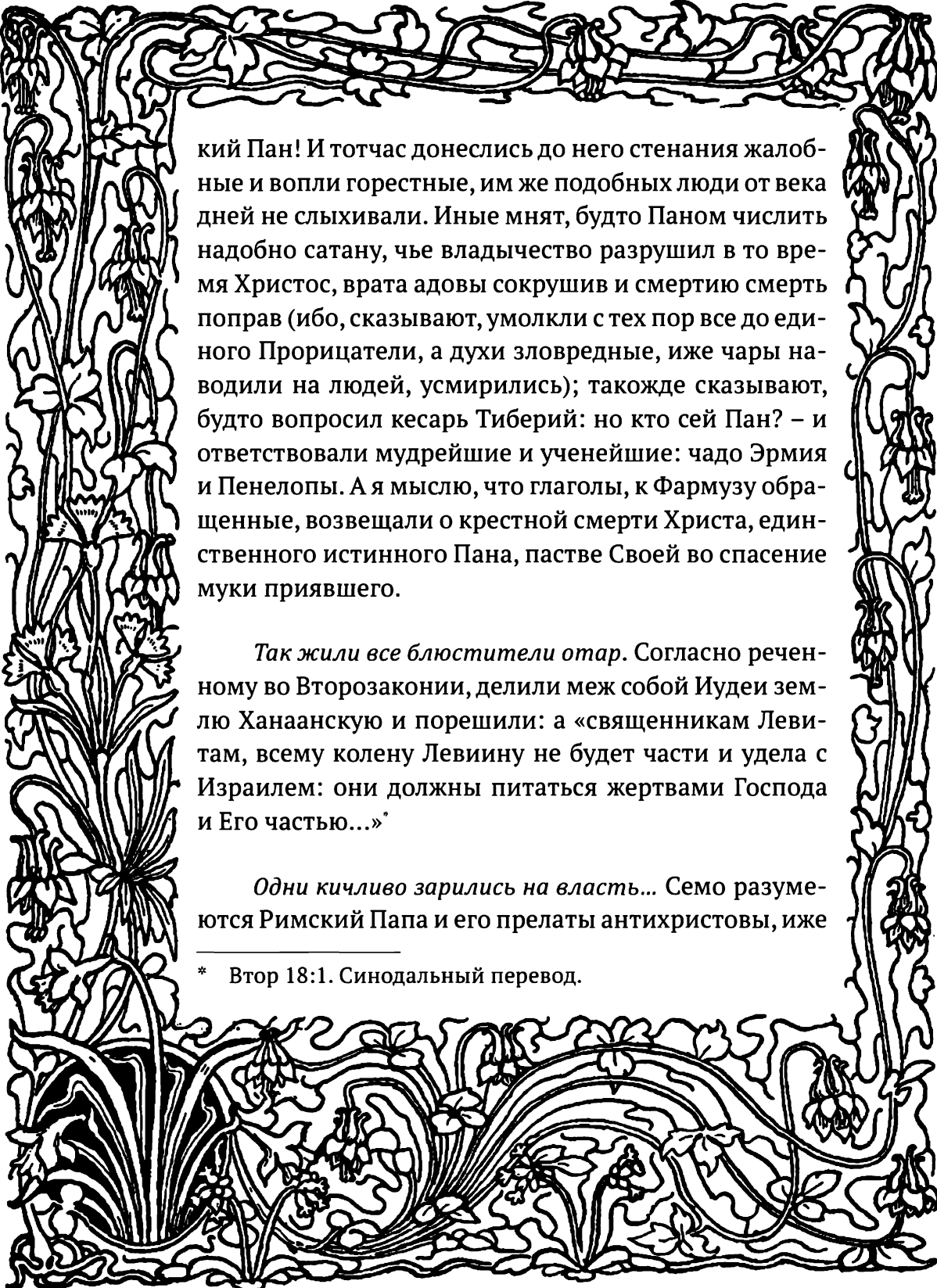
* «Ты, верно, богиня...» – Там же, 328.

МАЙ

Веселый месяц Май: ибо тогда всяк человек радуется зелени полей, садов и облачений своих.

Великий Пан: Христос, истинный Бог всех пастухов на свете, глаголющий о Самом Себе: «Я есмь пастырь добрый». Имя Пана (как мыслю) сполна подобает Ему, ибо «Пан» означает «всё» или «Всемогущий», а всемогущ лишь Господь наш Иисус. Сим же именем нарицает Его и Евсевий в пятой книге своего «Приуготовления к Евангелию», а затем излагает уместную разъяснительную повесть, она же впервые записана Плутархом в его книге «Об упадке оракулов». Молвится там, что когда Спаситель наш принимал горчайшие крестные муки, некие мореходы, правившие путь из Италии на Кипр мимо некоего Острова, иже именуется Паксосом, услышали глас велий, коим некто незримый взывал к Фармузу-Египтянину (сей же Фармуз владел и правил кормилом на корабле их). И во слух обратился Фармуз, и велено бысть ему: достигнув острова Палода, возвести: умер великий Пан! И усомнился кормчий: поступить ли так? И достиг острова Палода, и внезапно настало затишье, и недвижим корабль содеялся; и тут оробел Фармуз и возгласил: умер вели-

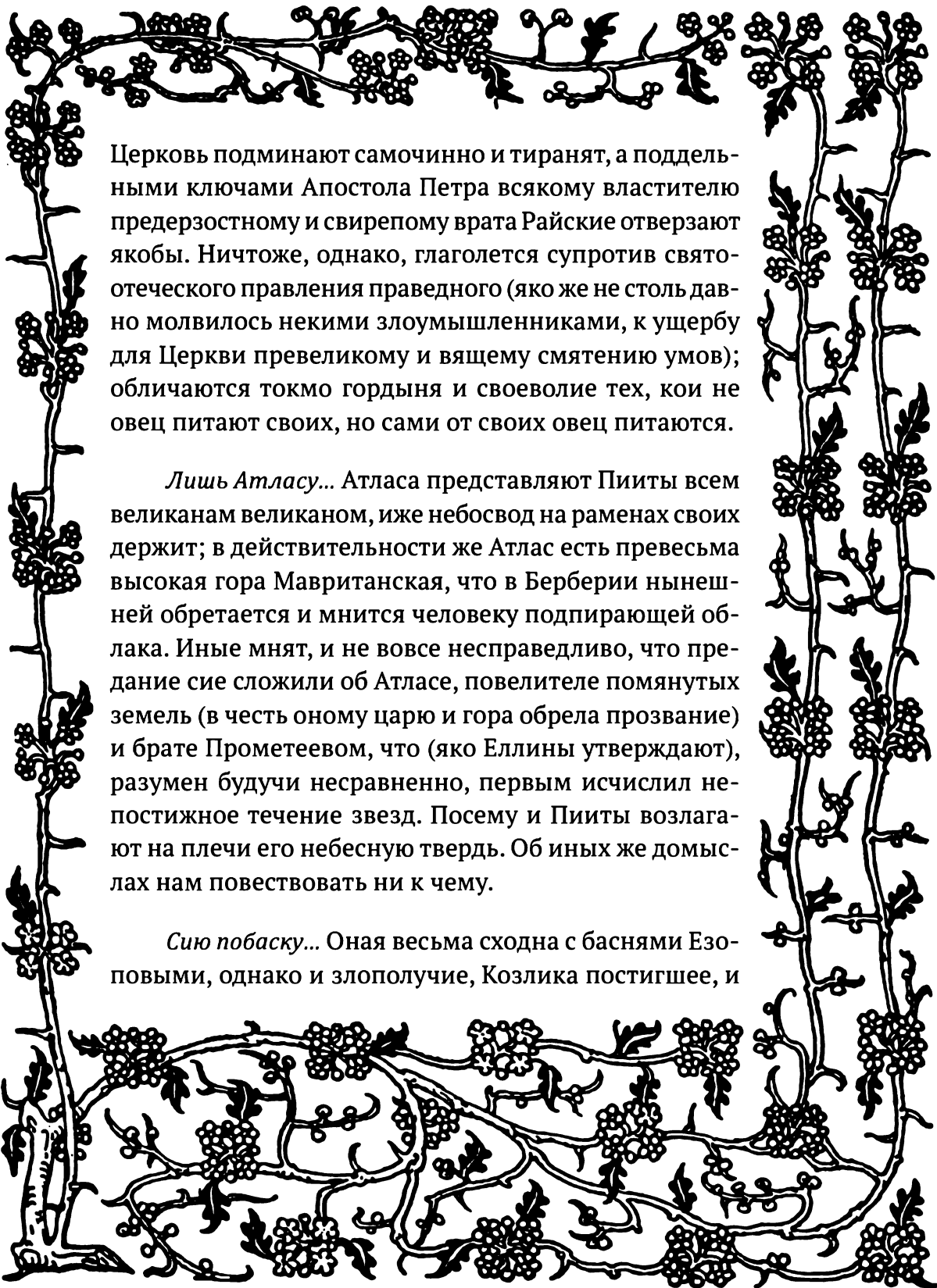
A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, leaves, and scrolling vines, creating a rich, textured frame for the page.

кий Пан! И тотчас донеслись до него стенания жалобные и вопли горестные, им же подобных люди от века дней не слыхивали. Иные мнят, будто Паном числить надобно сатану, чье владычество разрушил в то время Христос, врата адовы сокрушив и смертью смерть поправ (ибо, сказывают, умолкли с тех пор все до единого Прорицатели, а духи зловредные, иже чары наводили на людей, усмирились); также сказывают, будто спросил кесарь Тиберий: но кто сей Пан? – и ответствовали мудрейшие и ученейшие: чадо Эрмия и Пенелопы. А я мыслю, что глаголы, к Фармузу обращенные, возвещали о крестной смерти Христа, единственного истинного Пана, пастве Своей во спасение муки приявшего.

Так жили все блюстители отар. Согласно реченному во Второзаконии, делили меж собой Иудеи землю Ханаанскую и порешили: а «священникам Левитам, всему колену Левиину не будет части и удела с Израилем: они должны питаться жертвами Господа и Его частью...»*

Одни кичливо зарились на власть... Семо разумеются Римский Папа и его прелаты антихристовы, иже

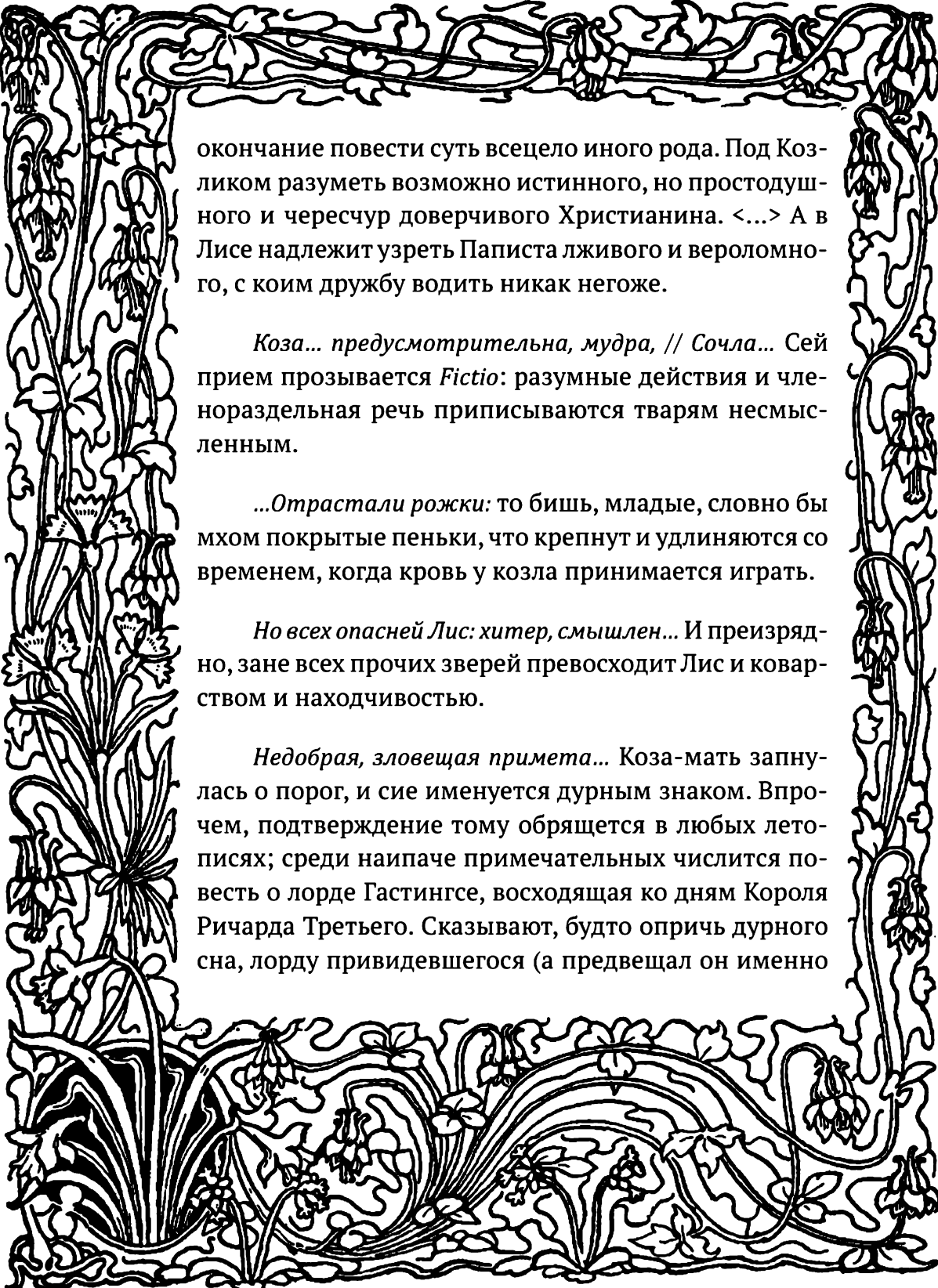
* Втор 18:1. Синодальный перевод.

Церковь подминают самочинно и тиранят, а поддельными ключами Апостола Петра всякому властителю предерзостному и свирепому врата Райские отверзают якобы. Ничтоже, однако, глаголется супротив святоотеческого правления праведного (яко же не столь давно молвилось некими злоумышленниками, к ущербу для Церкви превеликому и вящему смятению умов); обличаются токмо гордыня и своеволие тех, кои не овец питают своих, но сами от своих овец питаются.

Лишь Атласу... Атласа представляют Пииты всем великанам великаном, иже небосвод на раменах своих держит; в действительности же Атлас есть превесьма высокая гора Мавританская, что в Берберии нынешней обретается и мнится человеку подпирающей облака. Иные мнят, и не вовсе несправедливо, что предание сие сложили об Атласе, повелителе помянутых земель (в честь оному царю и гора обрела прозвание) и брате Прометеевом, что (яко Еллины утверждают), разумен будучи несравненно, первым исчислил непостижное течение звезд. Посему и Пииты возлагают на плечи его небесную твердь. Об иных же домыслах нам повествовать ни к чему.

Сию побаску... Оная весьма сходна с баснями Езоповыми, однако и злополучие, Козлика постигшее, и

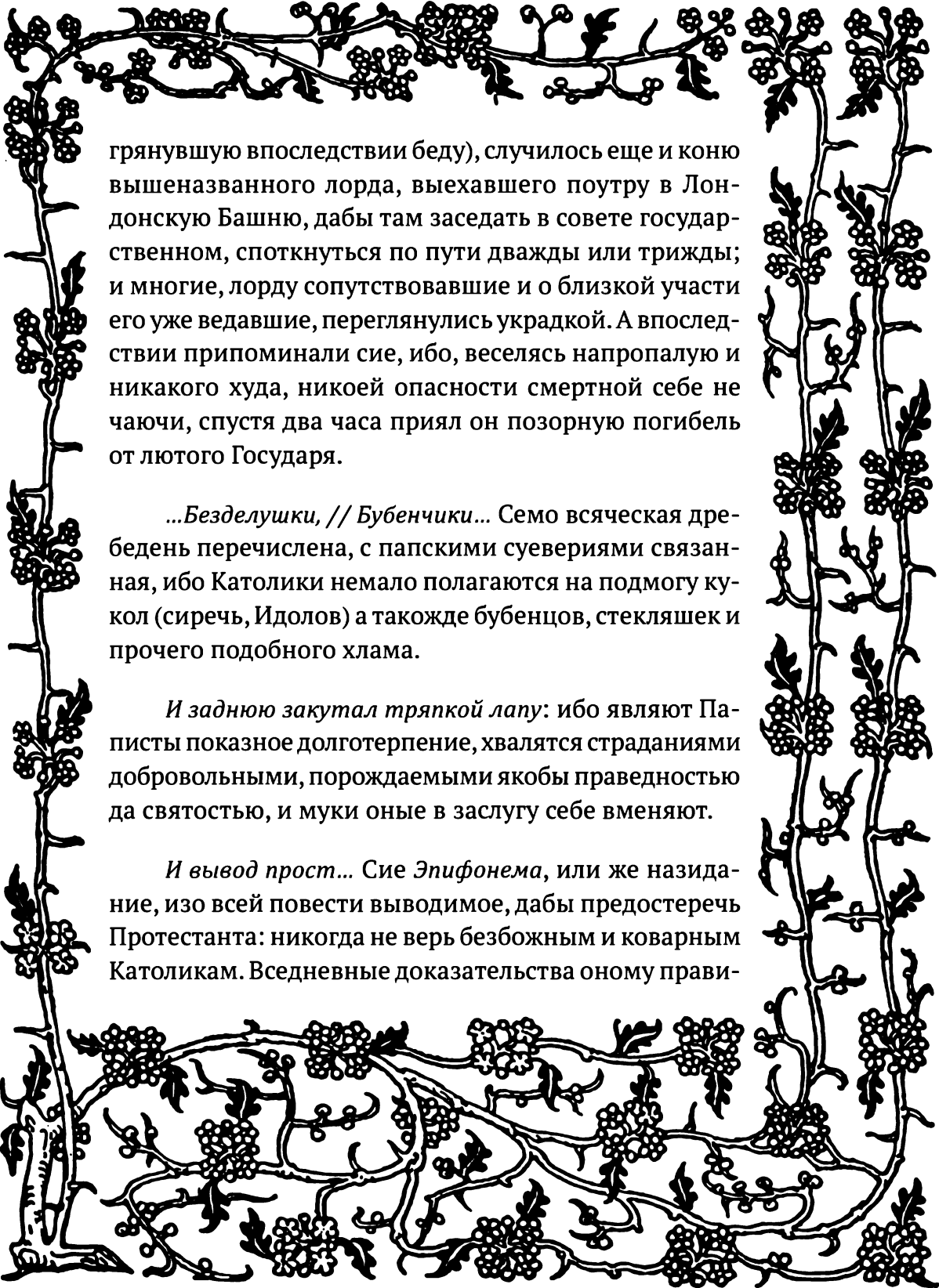
окончание повести суть всецело иного рода. Под Козликом разуместь возможно истинного, но простодушного и чересчур доверчивого Христианина. <...> А в Лисе надлежит узреть Паписта лживого и вероломного, с коим дружбу водить никак негоже.

Коза... предусмотрительна, мудра, // Сочла... Сей прием прозывается *Fictio*: разумные действия и членораздельная речь приписываются тварям несмысленным.

...Отрастали рожки: то бишь, младые, словно бы мхом покрытые пеньки, что крепнут и удлиняются со временем, когда кровь у козла принимается играть.

Но всех опасней Лис: хитер,мышлен... И презрительно, зане всех прочих зверей превосходит Лис и коварством и находчивостью.

Недобрая, зловещая примета... Коза-мать запнулась о порог, и сие именуется дурным знаком. Впрочем, подтверждение тому обрящется в любых летописях; среди наипаче примечательных числится повесть о лорде Гастингсе, восходящая ко дням Короля Ричарда Третьего. Сказывают, будто опричь дурного сна, лорду привидевшегося (а предвещал он именно

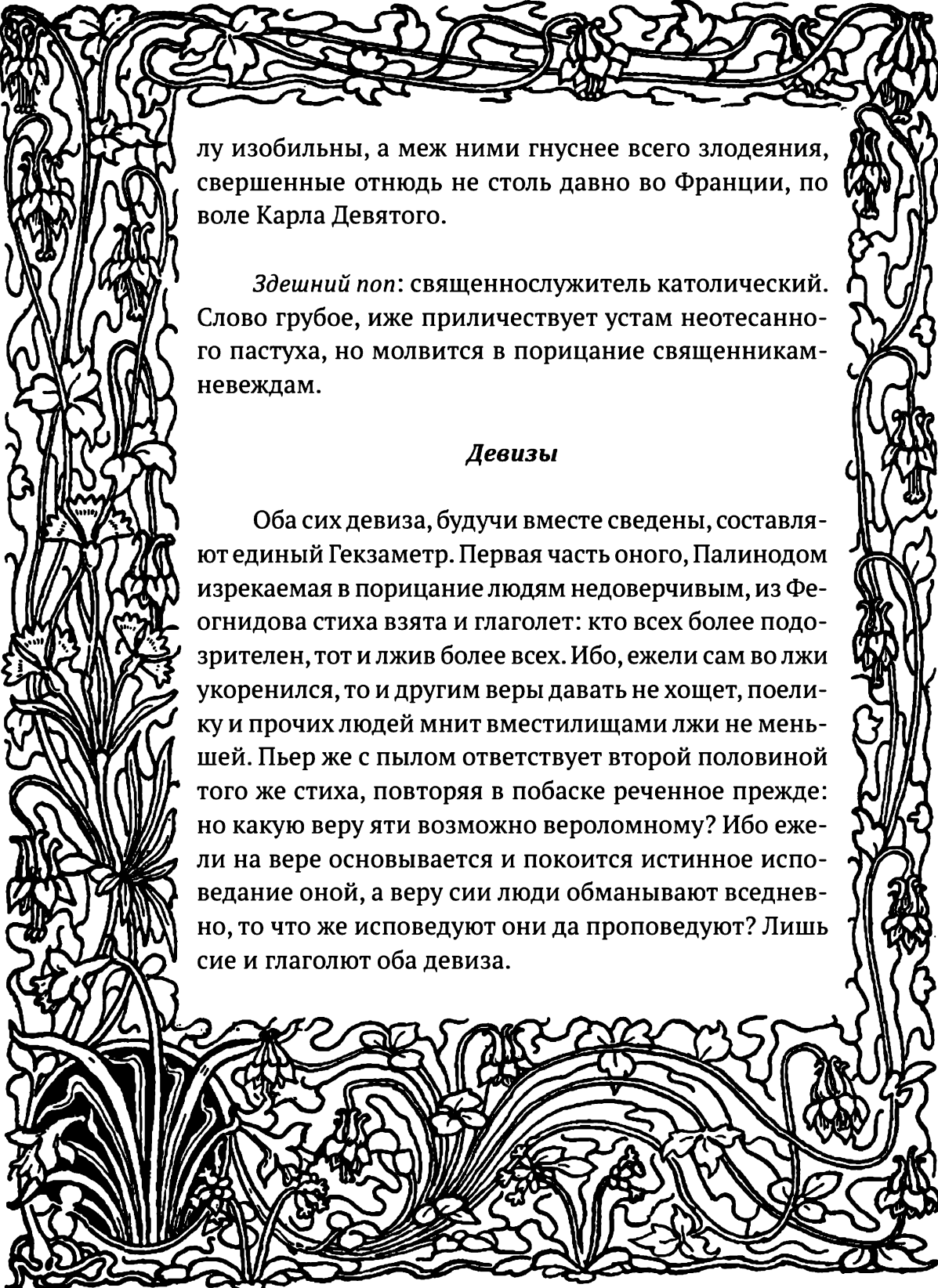

грянувшую впоследствии беду), случилось еще и коню вышеназванного лорда, выехавшего поутру в Лондонскую Башню, дабы там заседать в совете государственном, споткнуться по пути дважды или трижды; и многие, лорду сопутствовавшие и о близкой участи его уже ведавшие, переглянулись украдкой. А впоследствии припоминали сие, ибо, веселясь напропалую и никакого худа, никоей опасности смертной себе не чаючи, спустя два часа приял он позорную погибель от лютого Государя.

...Безделушки, // Бубенчики... Семо всяческая дребедень перечислена, с папскими суевериями связанная, ибо Католики немало полагаются на подмогу кукол (сиречь, Идолов) а такжеде бубенцов, стекляшек и прочего подобного хлама.

И заднюю закутал тряпкой лапу: ибо являют Паписты показное долготерпение, хвалятся страданиями добровольными, порождаемыми якобы праведностью да святостью, и муки оные в заслугу себе вменяют.

И вывод прост... Сие Эпифонема, или же назидание, изо всей повести выводимое, дабы предостеречь Протестанта: никогда не верь безбожным и коварным Католикам. Вседневные доказательства оному прави-

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, leaves, and scrolling vines, creating a classic, ornate frame.

лу изобильны, а меж ними гнуснее всего злодеяния, свершенные отнюдь не столь давно во Франции, по воле Карла Девятого.

Здешний поп: священнослужитель католический. Слово грубое, иже приличествует устам неотесанного пастуха, но молвится в порицание священникам-невеждам.

Девизы

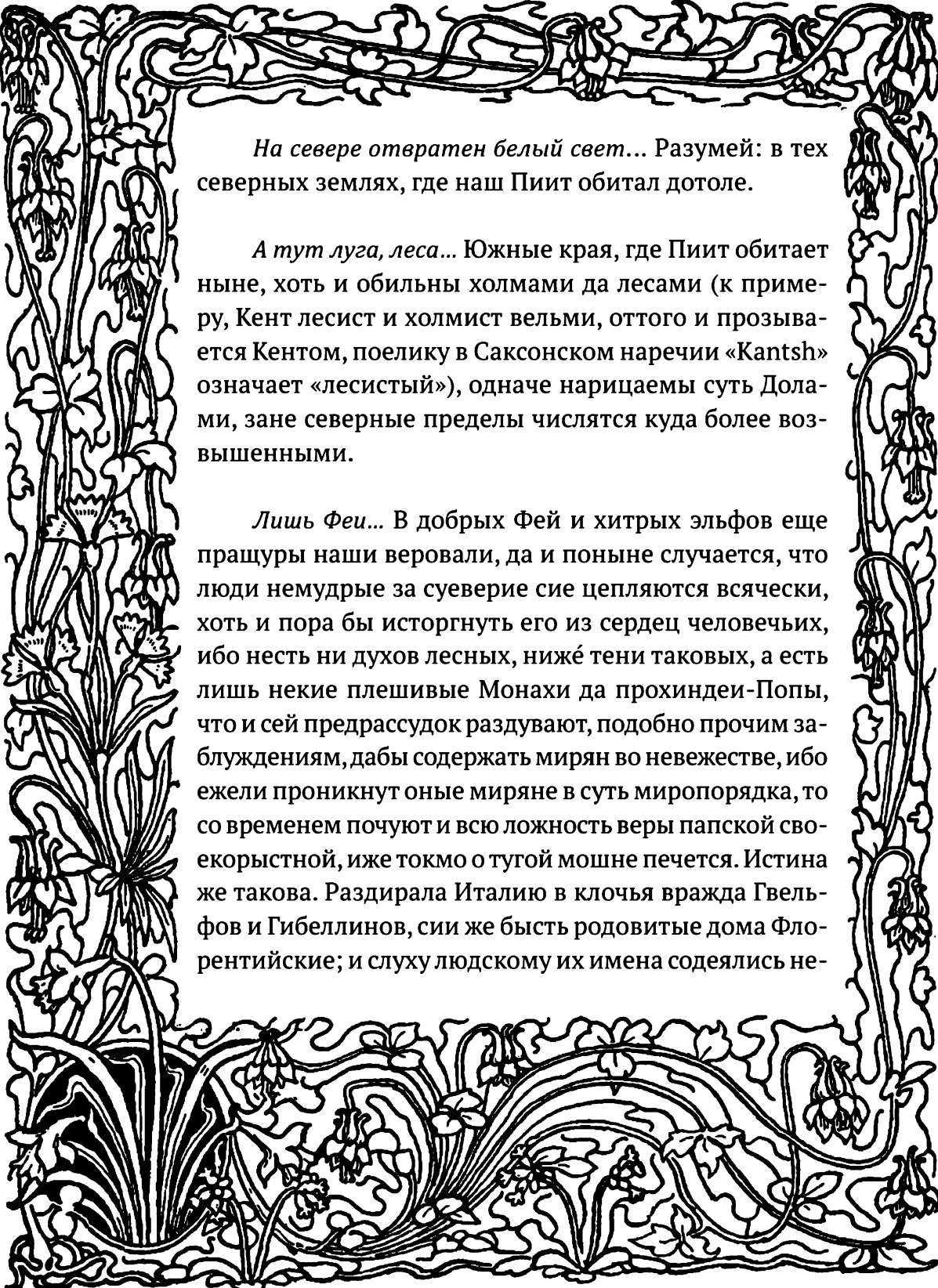
Оба сих девиза, будучи вместе сведены, составляют единый Гекзаметр. Первая часть одного, Палинодом изрекаемая в порицание людям недоверчивым, из Фегнидова стиха взята и глаголет: кто всех более подозрителен, тот и лжив более всех. Ибо, ежели сам во лжи укоренился, то и другим веры давать не хочет, поелику и прочих людей мнит вместилищами лжи не меньшей. Пьер же с пылом отвечает второй половиной того же стиха, повторяя в побаске реченное прежде: но какую веру яти возможно вероломному? Ибо ежели на вере основывается и покоится истинное исповедание оной, а веру сии люди обманывают вседневно, то что же исповедуют они да проповедуют? Лишь сие и глаголют оба девиза.

Июнь

В земном раю: сиречь, в Парадизе, иже по-Еллински означает «Сад наслаждений» либо «Вместилище радости». Наш Пиит уподобляет почву, на коей сыскал себе приют Гоббиноль, земному Парадизу, в Священном Писании нарицаемому Эдемом, где по воле Божьей обитал изначально праотец Адам. Место же сие, как полагают мужи многомудрые, обреталось в Междуречье, краю наиплодороднейшем и наиприятнейшем (ежели верны описания, Диодором Сицилийским данные в Гиштории Александровых завоеваний оно-го), простирающемся меж двух прославленных Поток-ов (иже, глаголет Писание, брали начало свое в Раю), Тигра и Евфрата; отсе-ле и название произошло: Междуречье.

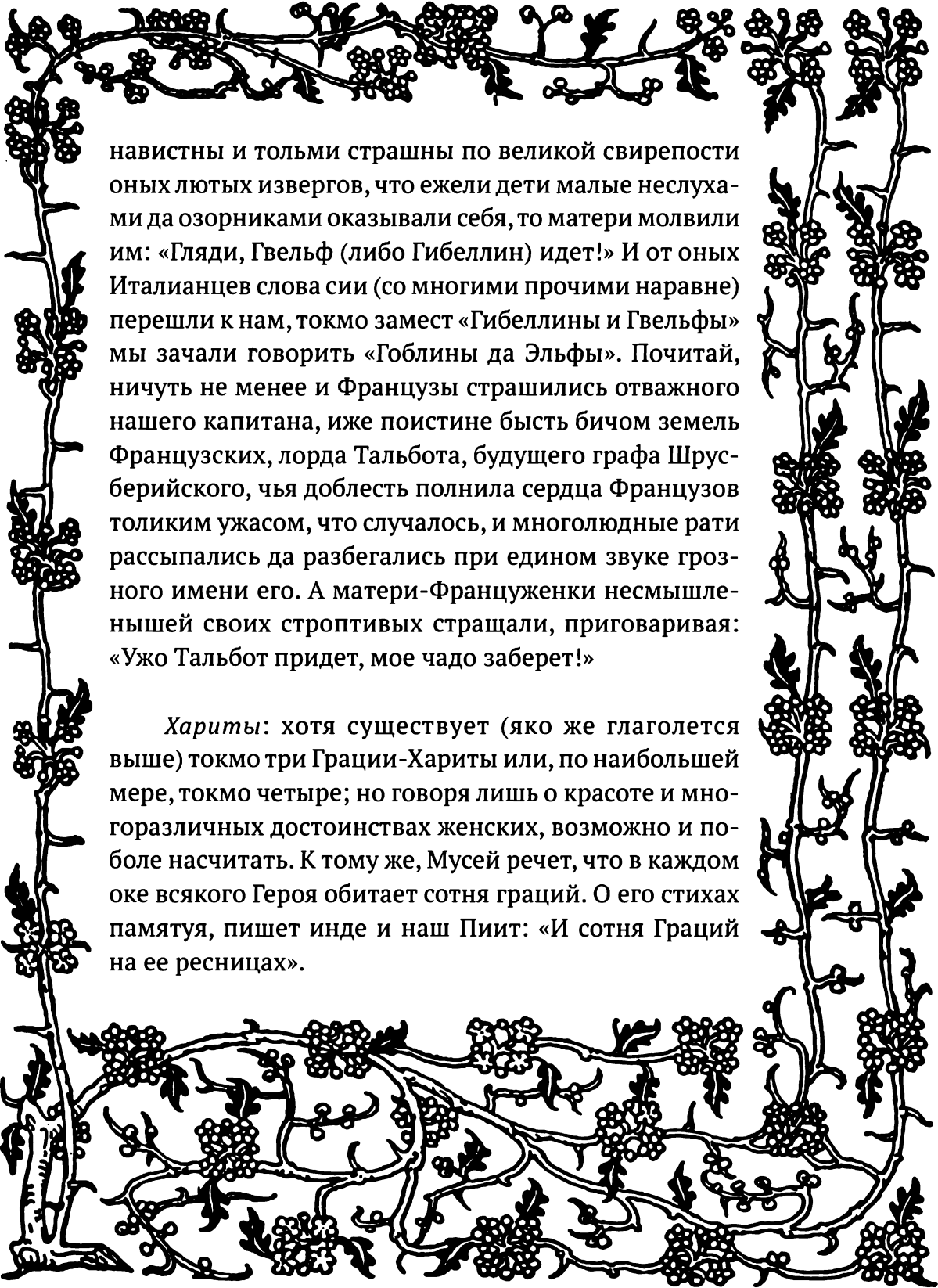
Переберись навек сюда, на юг... Сие не вольность поэтическая, но истина, Пиитом изрекаемая, зане особые обстоятельства и случаи, к частной жизни его касательство имевшие (опираюсь отчасти на слова его), а также собственные предпочтения и склонности понудили Пиита покинуть пределы Севера и на Юге осесть, согласно совету дружескому, Гоббинолем данному.

На севере отвратен белый свет... Разумей: в тех северных землях, где наш Пиит обитал дотолe.

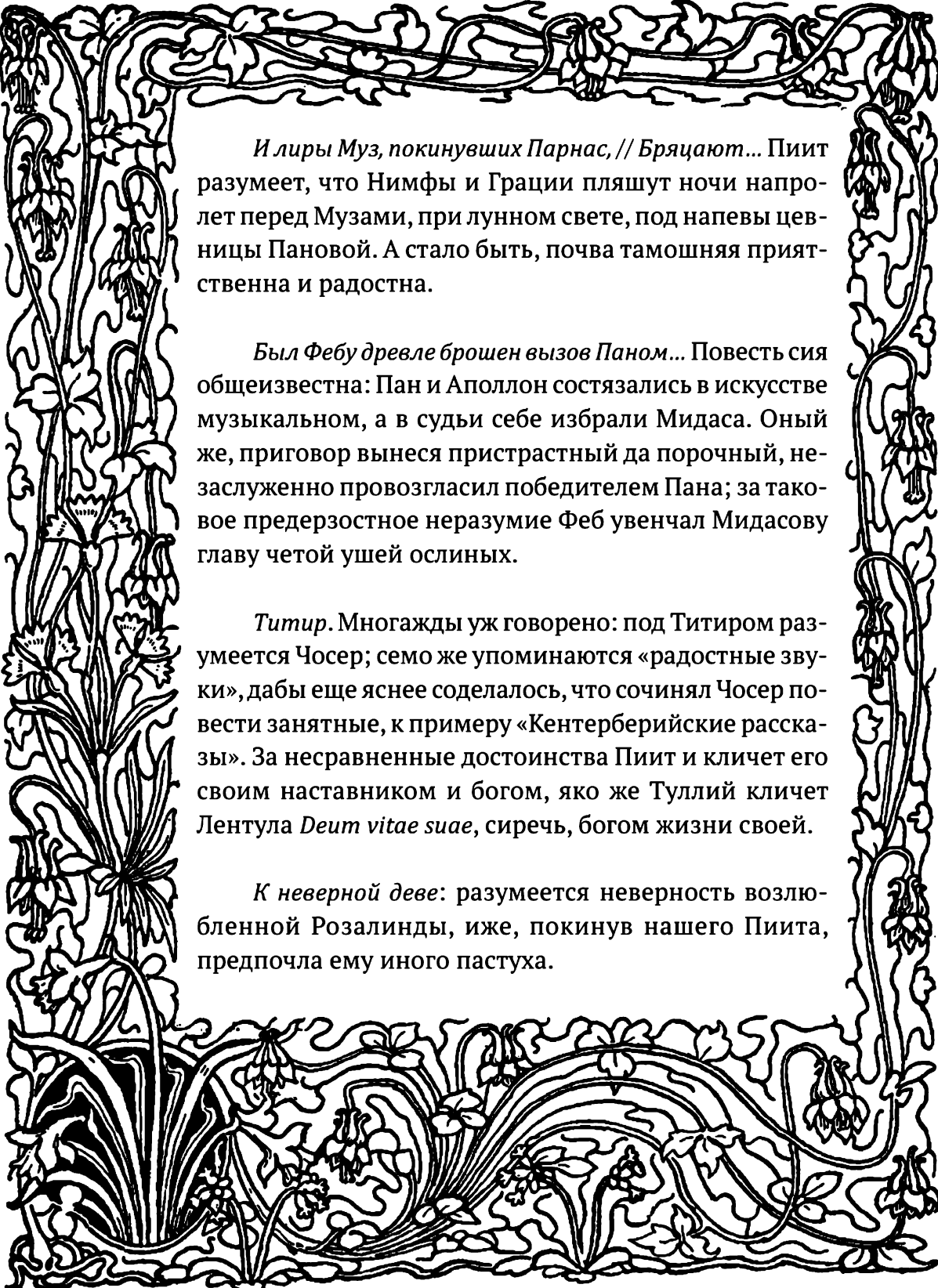
А тут луга, леса... Южные края, где Пиит обитает ныне, хоть и обильны холмами да лесами (к примеру, Кент лесист и холмист вельми, оттого и прозывается Кентом, поелику в Саксонском наречии «Kantsh» означает «лесистый»), одначе нарицаемы суть Долами, зане северные пределы числятся куда более возвышенными.

Лишь Феи... В добрых Фей и хитрых эльфов еще пращурьы наши веровали, да и поныне случается, что люди немудрые за суеверие сие цепляются всячески, хоть и пора бы исторгнуть его из сердец человеческих, ибо несть ни духов лесных, ниже тени таковых, а есть лишь некие плешивые Монахи да прохиндеи-Попы, что и сей предрассудок раздувают, подобно прочим заблуждениям, дабы содержать мирян во невежестве, ибо ежели проникнут оные миряне в суть миропорядка, то со временем почуют и всю ложность веры папской свекорыстной, иже токмо о тугой мошне печется. Истина же такова. Раздирала Италию в клочья вражда Гвельфов и Гибеллинов, сии же бысть родовитые дома Флорентийские; и слуху людскому их имена содеялись не-

навистны и тольми страшны по великой свирепости оных лютых извергов, что ежели дети малые неслухами да озорниками оказывали себя, то матери молвили им: «Гляди, Гвельф (либо Гибеллин) идет!» И от оных Италианцев слова сии (со многими прочими наравне) перешли к нам, токмо замест «Гибеллины и Гвельфы» мы зачали говорить «Гоблины да Эльфы». Почитай, ничуть не менее и Французы страшились отважного нашего капитана, иже поистине бысть бичом земель Французских, лорда Тальбота, будущего графа Шрусберийского, чья доблесть полнила сердца Французов толиким ужасом, что случалось, и многолюдные рати рассыпались да разбегались при едином звуке грозного имени его. А матери-Француженки несмышленишей своих строптивых стращали, приговаривая: «Ужо Тальбот придет, мое чадо заберет!»

Хариты: хотя существует (яко же глаголется выше) токмо три Грации-Хариты или, по наибольшей мере, токмо четыре; но говоря лишь о красоте и многообразных достоинствах женских, возможно и поболе насчитать. К тому же, Мусей речет, что в каждом оке всякого Героя обитает сотня граций. О его стихах памятуя, пишет инде и наш Пиит: «И сотня Граций на ее ресницах».

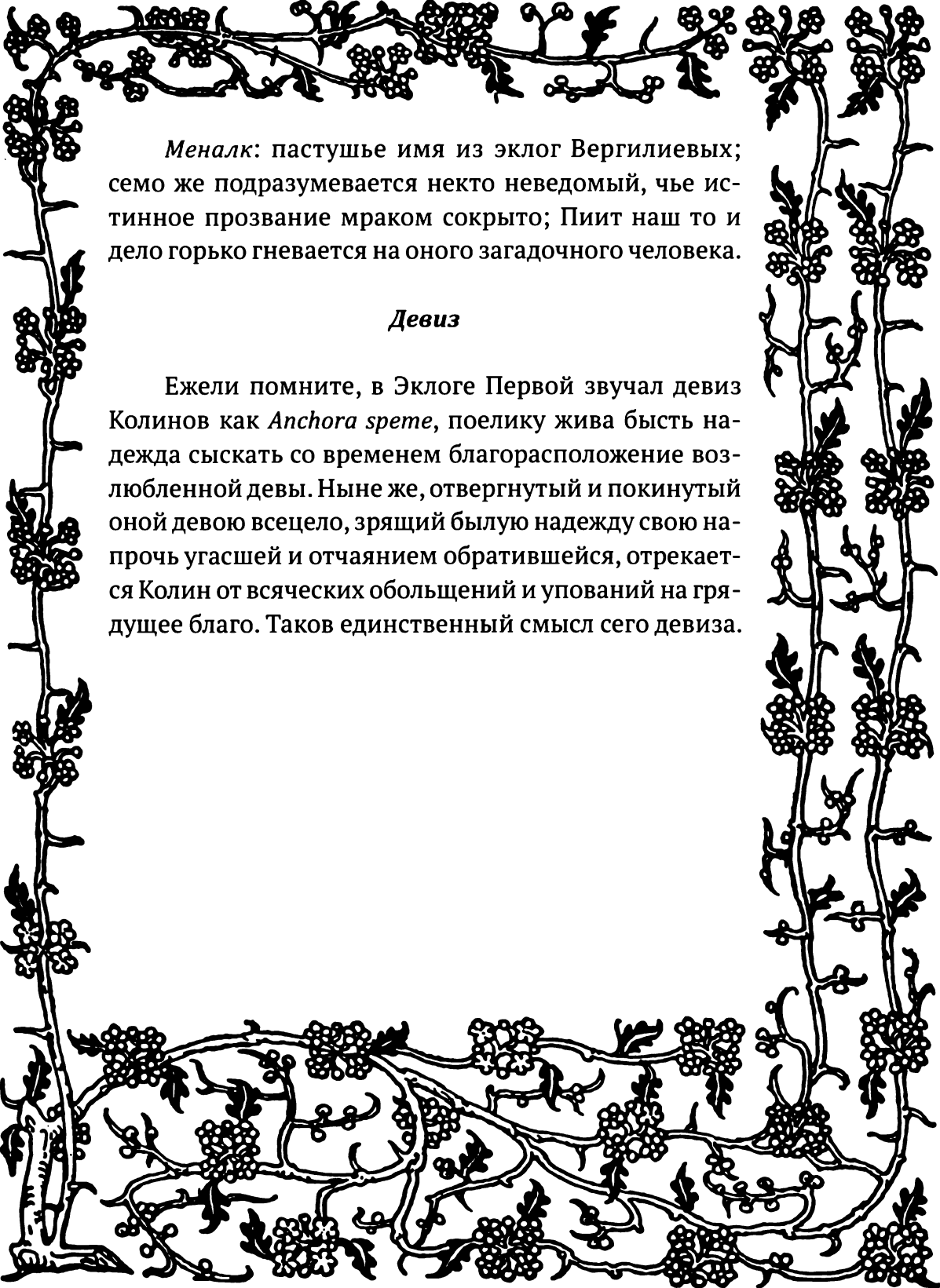

И лиры Муз, покинувших Парнас, // Бряцают... Пиит понимает, что Нимфы и Грации пляшут ночи напролет перед Музами, при лунном свете, под напевы цевницы Пановой. А стало быть, почва тамошняя приятственна и радостна.

Был Фебу древле брошен вызов Паном... Повесть сия общеизвестна: Пан и Аполлон состязались в искусстве музыкальном, а в судьи себе избрали Мидаса. Оный же, приговор вынеся пристрастный да порочный, незаслуженно провозгласил победителем Пана; за такое предрозостное неразумие Феб увенчал Мидасову главу четой ушей ослиных.

Титир. Многожды уж говорено: под Титиром разумеется Чосер; семо же упоминаются «радостные звуки», дабы еще яснее соделалось, что сочинял Чосер повести занятные, к примеру «Кентерберийские рассказы». За несравненные достоинства Пиит и кличет его своим наставником и богом, яко же Туллий кличет Лентула *Deum vitae suae*, сиречь, богом жизни своей.

К неверной деве: разумеется неверность возлюбленной Розалинды, иже, покинув нашего Пиита, предпочла ему иного пастуха.

Меналк: пастушье имя из эклог Вергилиевых; семо же подразумевается некто неведомый, чье истинное прозвание мраком сокрыто; Пиит наш то и дело горько гневается на одного загадочного человека.

Девиз

Ежели помните, в Эклоге Первой звучал девиз Колинов как *Anchora speme*, поелику жива бысть надежда сыскать со временем благорасположение возлюбленной девы. Ныне же, отвергнутый и покинутый оной девою всецело, зрящий былую надежду свою напрочь угасшей и отчаянием обратившейся, отрекается Колин от всяческих обольщений и упований на грядущее благо. Таков единственный смысл сего девиза.

Июль

На берегу: сиречь, на седалище почетном и возвышенном.

Бродящих на лугу: вдали от путей истинных.

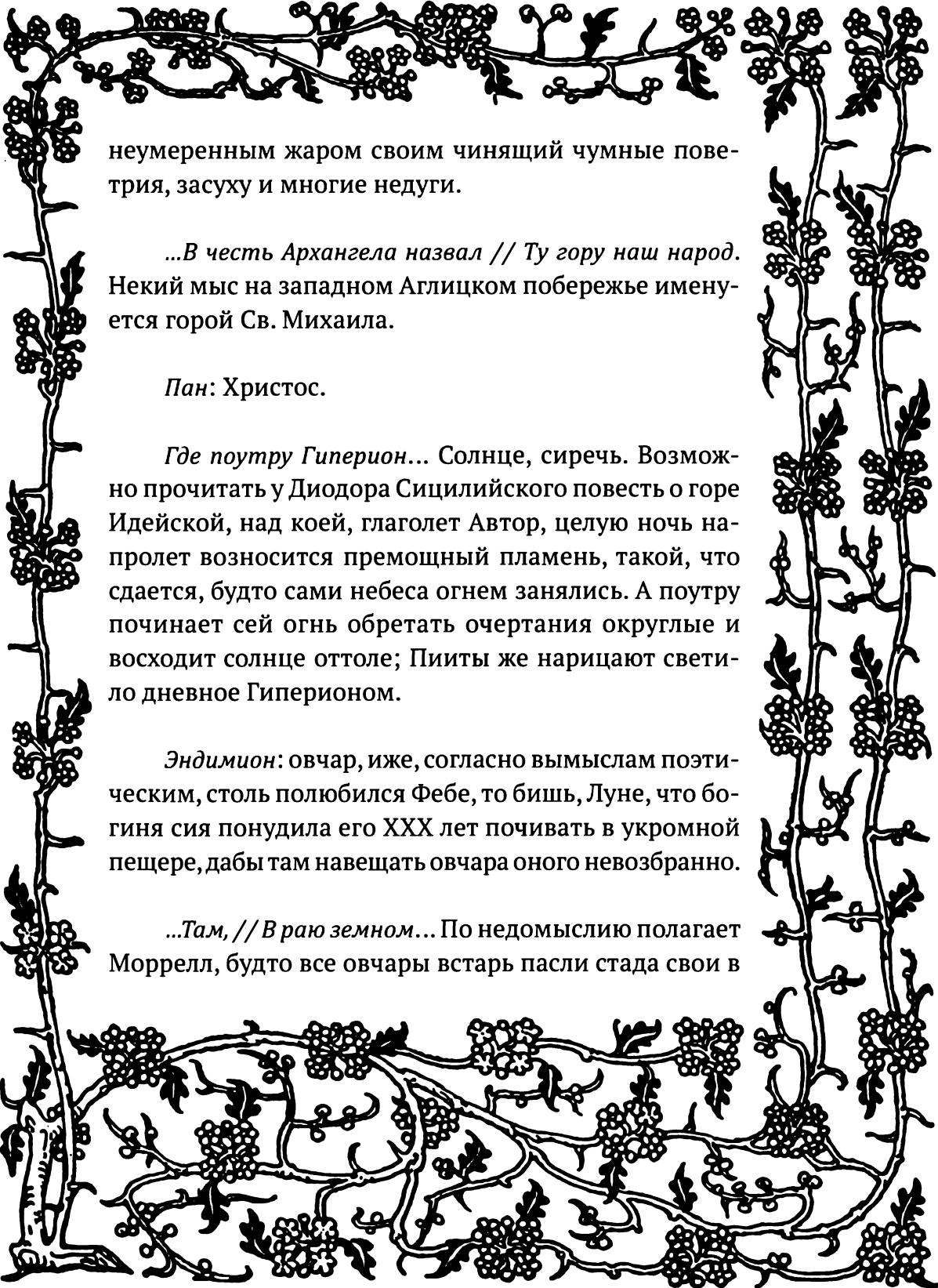
Взберись, не поленись... Глаголет сие Честолюбец.

Коль ты вознесся выше всех – // Всех ниже упадешь.
Согласно стиху Сенеки: *Decidunt celsa grauiore lapsus.*

Пылает Солнце, и Томален отнюдь не хочет воссесть на Горах, зане там несть защиты супротив палящего зноя. Сие сообразуется со временем года, поелику Июль жарче всех прочих месяцев.

Меж Чашей и Венцом: сии суть созвездия, чрез кои правит Солнце свой путь в Иулии месяце.

На Льва спускать Большого Пса... Глаголется поэтически. Возможно помыслить, будто Солнце травит Льва одним-единственным Псом. Значит же вольность она, что в Июле обретается светило под знаком Льва. И тогда же в небесах царит Сириус, он же Большой Пес,

неумеренным жаром своим чинящий чумные поветрия, засуху и многие недуги.

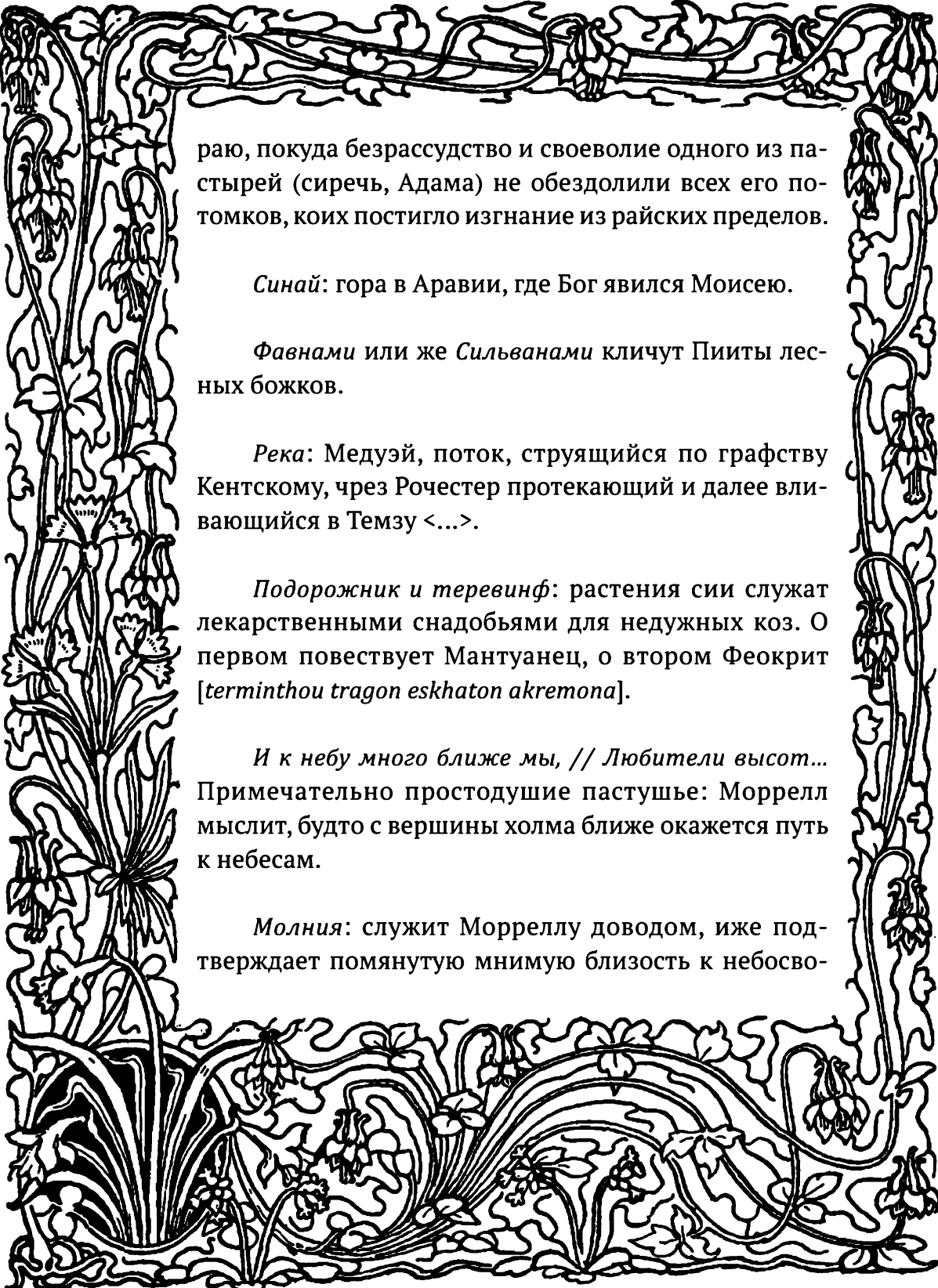
...В честь Архангела назвал // Ту гору наш народ.
Некий мыс на западном Аглицком побережье именуется горой Св. Михаила.

Пан: Христос.

Где поутру Гиперион... Солнце, сиречь. Возможно прочесть у Диодора Сицилийского повесть о горе Идейской, над коей, глаголет Автор, целую ночь напролет возносится премошный пламень, такой, что сдается, будто сами небеса огнем занялись. А поутру починает сей огонь обретать очертания округлые и восходит солнце оттоле; Пииты же нарицают светило дневное Гиперионом.

Эндимион: овчар, иже, согласно вымыслам поэтическим, столь полюбился Фебе, то бишь, Луне, что богиня сия понудила его ХХХ лет почивать в укромной пещере, дабы там навещать овчара онога невозбранно.

...Там, // В раю земном... По недомыслию полагает Моррелл, будто все овчары встарь пасли стада свои в

раю, покуда безрассудство и своеволие одного из пастырей (сиречь, Адама) не обездолили всех его потомков, коих постигло изгнание из райских пределов.

Синай: гора в Аравии, где Бог явился Моисею.

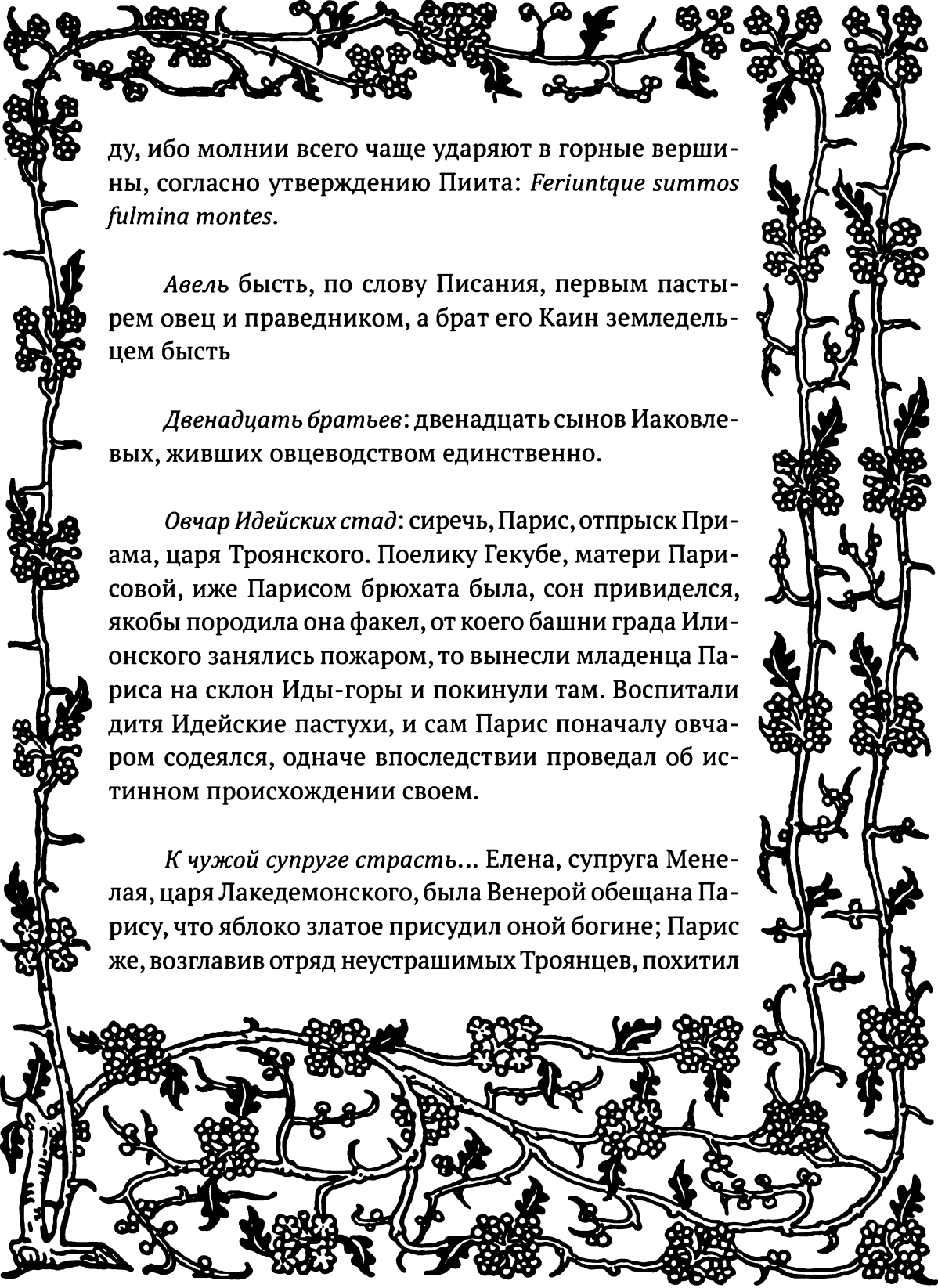
Фавнами или же *Сильванами* кличут Пииты лесных божков.

Река: Медуэй, поток, струящийся по графству Кентскому, чрез Рочестер протекающий и далее вливающийся в Темзу <...>.

Подорожник и теревинф: растения сии служат лекарственными снадобьями для недужных коз. О первом повествует Мантуанец, о втором Феокрит [*terminthou tragon eskhaton akremona*].

И к небу много ближе мы, // Любители высот...
Примечательно простодушие пастушье: Моррелл мыслит, будто с вершины холма ближе окажется путь к небесам.

Молния: служит Морреллу доводом, иже подтверждает помянутую мнимую близость к небосво-

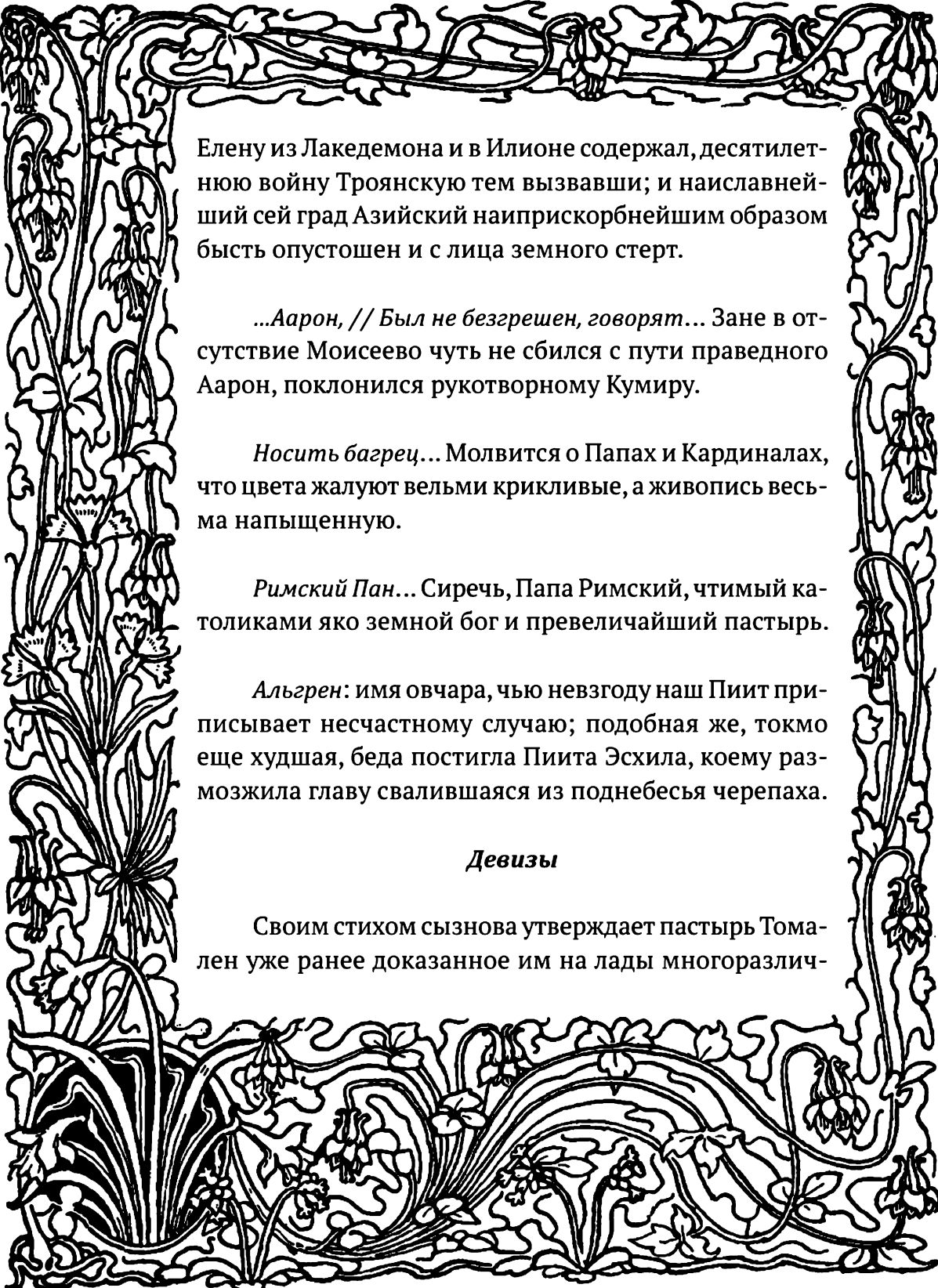
ду, ибо молнии всего чаще ударяют в горные вершины, согласно утверждению Пиита: *Feriantque summos fulmina montes.*

Авель бысть, по слову Писания, первым пастырем овец и праведником, а брат его Каин земледельцем бысть

Двенадцать братьев: двенадцать сынов Иаковлевых, живших овцеводством единственно.

Овчар Идейских стад: сиречь, Парис, отпрыск Приама, царя Троянского. Поелику Гекубе, матери Парисовой, иже Парисом брюхата была, сон привиделся, якобы породила она факел, от коего башни града Илионского занялись пожаром, то вынесли младенца Париса на склон Иды-горы и покинули там. Воспитали дитя Идейские пастухи, и сам Парис поначалу овчаром содеялся, одначе впоследствии проведал об истинном происхождении своем.

К чужой супруге страсть... Елена, супруга Менелая, царя Лакедемонского, была Венерой обещана Парису, что яблоко золотое присудил оной богине; Парис же, возглавив отряд неустрашимых Троянцев, похитил

Елену из Лакедемона и в Илионе содержал, десятилетнюю войну Троянскую тем вызвавши; и наиславнейший сей град Азийский наиприскорбнейшим образом бысть опустошен и с лица земного стерт.

...Аарон, // Был не безгрешен, говорят... Зане в отсутствие Моисеево чуть не сбился с пути праведного Аарон, поклонился рукотворному Кумиру.

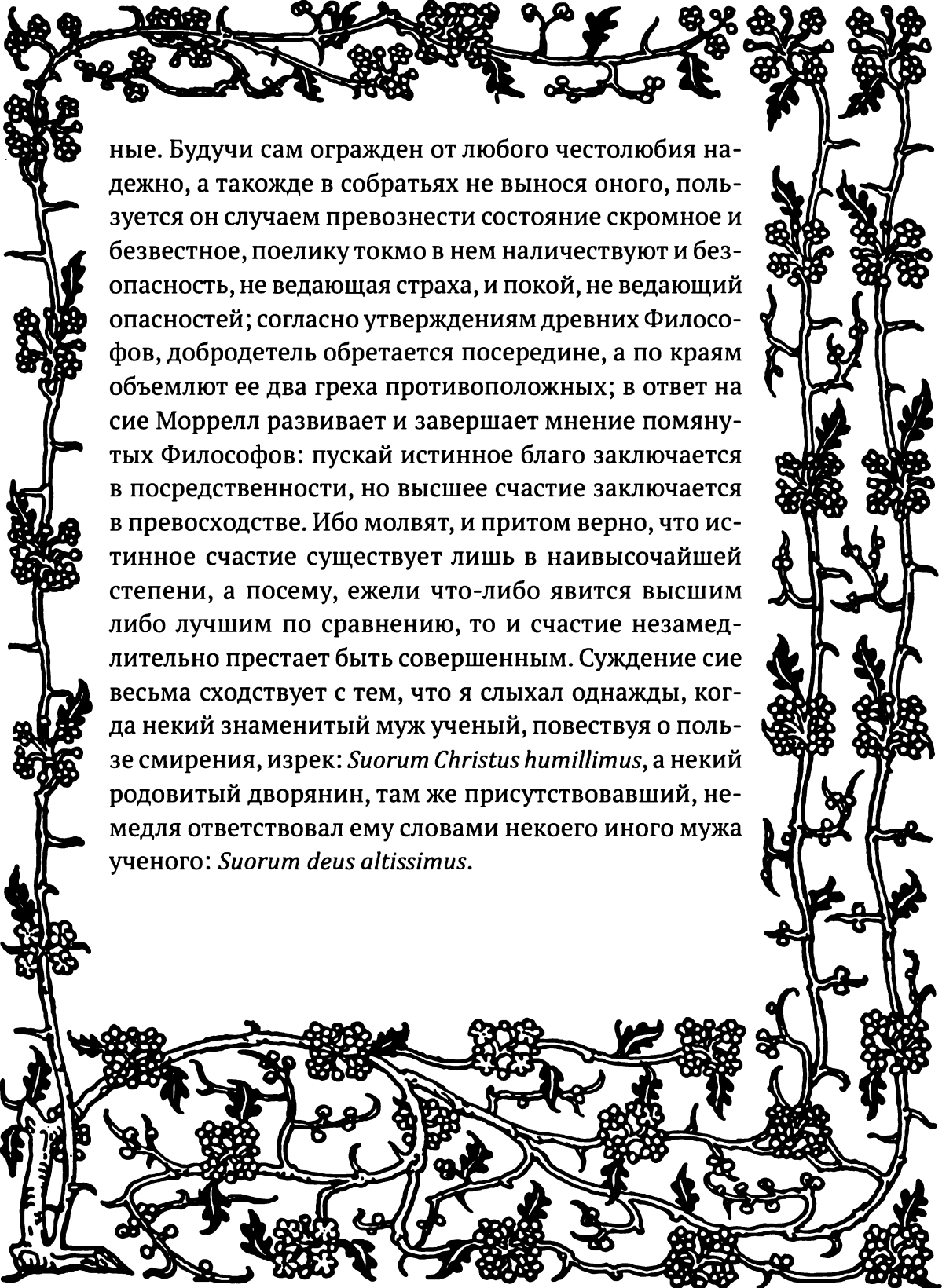
Носить багрец... Молвится о Папах и Кардиналах, что цвета жалуют вельми крикливые, а живопись весьма напыщенную.

Римский Пан... Сиречь, Папа Римский, чтимый католиками яко земной бог и превеличайший пастырь.

Альгрен: имя овчара, чью невзгоду наш Пиит приписывает несчастному случаю; подобная же, токмо еще худшая, беда постигла Пиита Эхсила, коему развозможила главу свалившаяся из поднебесья черепаха.

Девизы

Своим стихом сызнава утверждает пастырь Тома-лен уже ранее доказанное им на лады многообраз-

ные. Будучи сам огражден от любого честолюбия надежно, а также в собратях не вынося оно, пользуется он случаем превознести состояние скромное и безвестное, поелику токмо в нем наличествуют и безопасность, не ведающая страха, и покой, не ведающий опасностей; согласно утверждениям древних Философов, добродетель обретается посередине, а по краям объемлют ее два греха противоположных; в ответ на сие Моррелл развивает и завершает мнение помянутых Философов: пускай истинное благо заключается в посредственности, но высшее счастье заключается в превосходстве. Ибо молвят, и притом верно, что истинное счастье существует лишь в наивысочайшей степени, а посему, ежели что-либо явится высшим либо лучшим по сравнению, то и счастье незамедлительно престает быть совершенным. Суждение сие весьма сходствует с тем, что я слышал однажды, когда некий знаменитый муж ученый, повествуя о пользе смирения, изрек: *Suorum Christus humillimus*, а некий родовитый дворянин, там же присутствовавший, немедленно отвечал ему словами некоего иного мужа ученого: *Suorum deus altissimus*.

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, leaves, and scrolling vines, creating a classic, ornate frame.

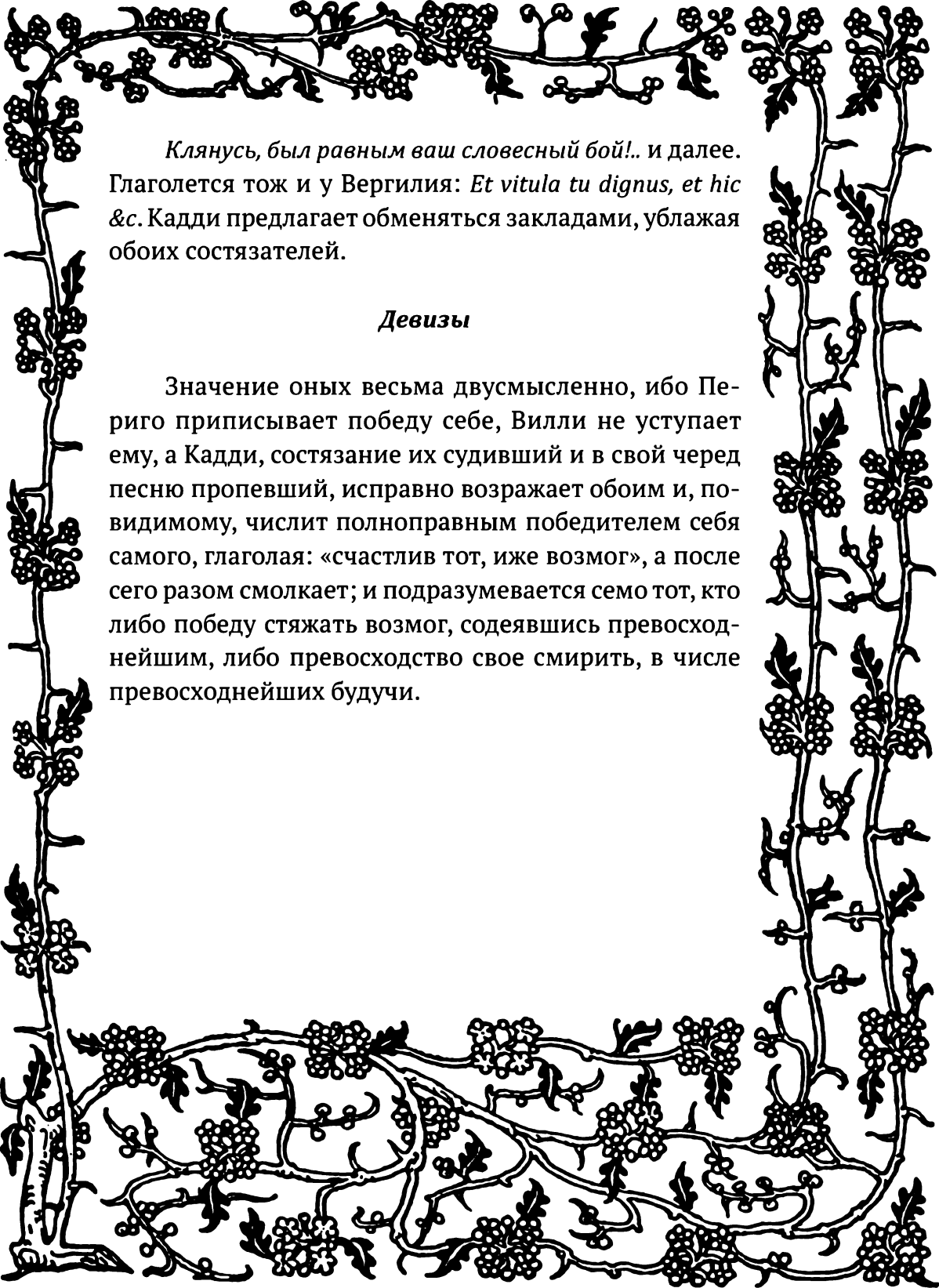
АВГУСТ

*Да, горе овцам, если ты влюблен... Согласно Вергилию: *In felix o semper ovis pecus.**

Заклад – обычай мусикийских игр: также Феокрит и Вергилий бились об заклад, выходя на состязания пиитические.

Его резьба... Подобные чудные описания повсеместны в Идиллиях Феокритовых. Оттого-то Пиит сей и нарицает Эклоги свои Идиллиями: зане «идиллион» по-Еллински означает очертания либо изображение любого предмета, оными же изображениями книга Феокритова изобилует. А я слыхивал, как некие пустобаи ложно молвят, что след якобы говорить не «Идиллии», но «Гедилии», поелику повествуется в них о Козопасах.

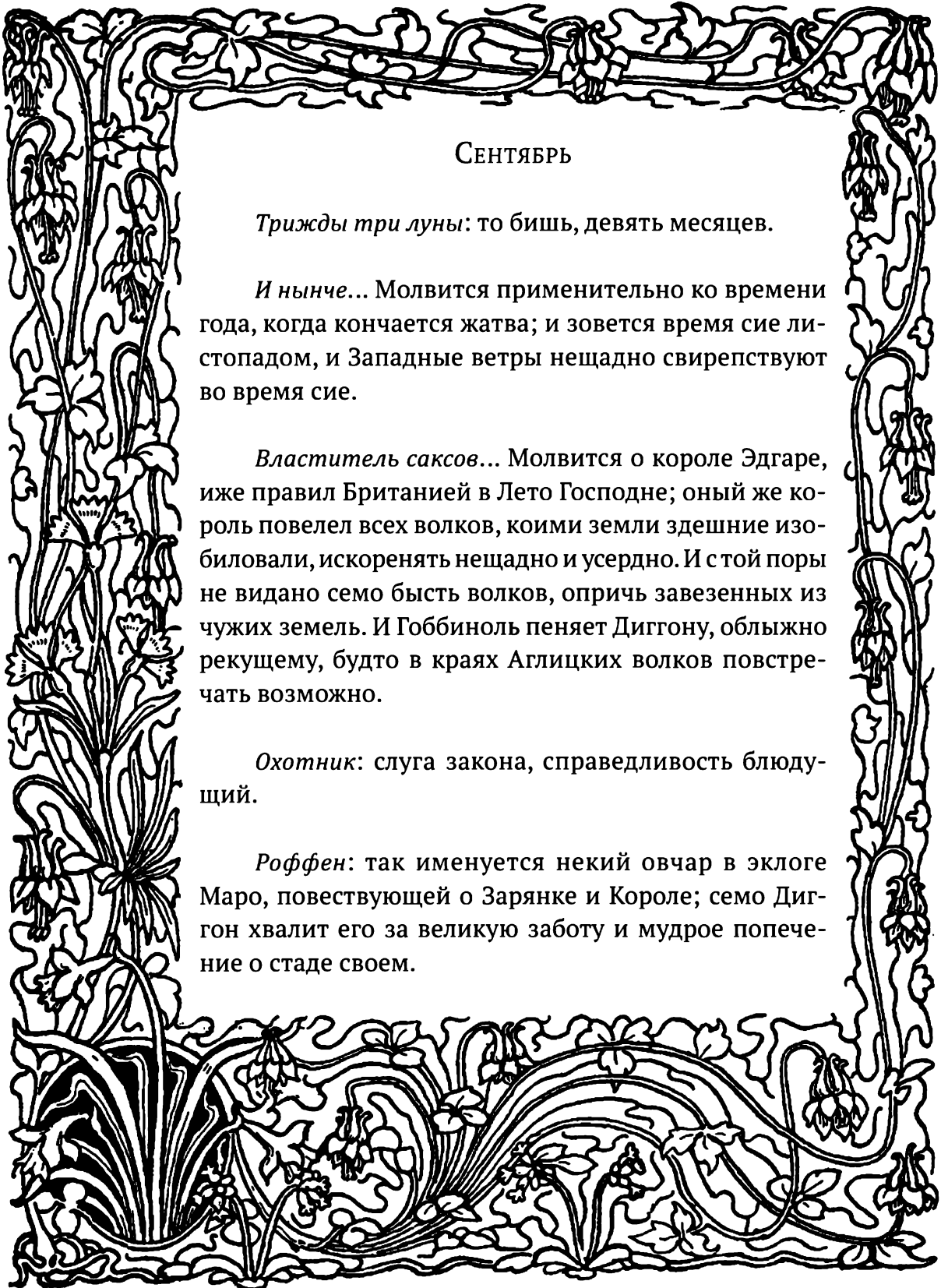
«На исповедь народ пошел...» Периго слагает песнь свою, славя полюбившуюся ему пастушку, Вилли же отвечает сопернику, сочиняя всякий четный стих. О том, кто скрывается под прозванием Периго, смею лишь гадать; однако, ежели догадка моя справедлива, то возлюбленная его достойна и большей хвалы, нежели расточаемая семо.

Клянусь, был равным ваш словесный бой!.. и далее. Глаголется тож и у Вергилия: *Et vitula tu dignus, et hic &c.* Кадди предлагает обменяться закладами, ублажая обоих состязателей.

Девизы

Значение оных весьма двусмысленно, ибо Периго приписывает победу себе, Вилли не уступает ему, а Кадди, состязание их судивший и в свой черед песню пропевший, исправно возражает обоим и, по видимому, числит полноправным победителем себя самого, глаголая: «счастлив тот, иже возмог», а после сего разом смолкает; и подразумевается семо тот, кто либо победу стяжать возмог, содеявшись превосходнейшим, либо превосходство свое смирить, в числе превосходнейших будучи.

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, leaves, and scrolling vines, creating a classic, ornate frame.

СЕНТЯБРЬ

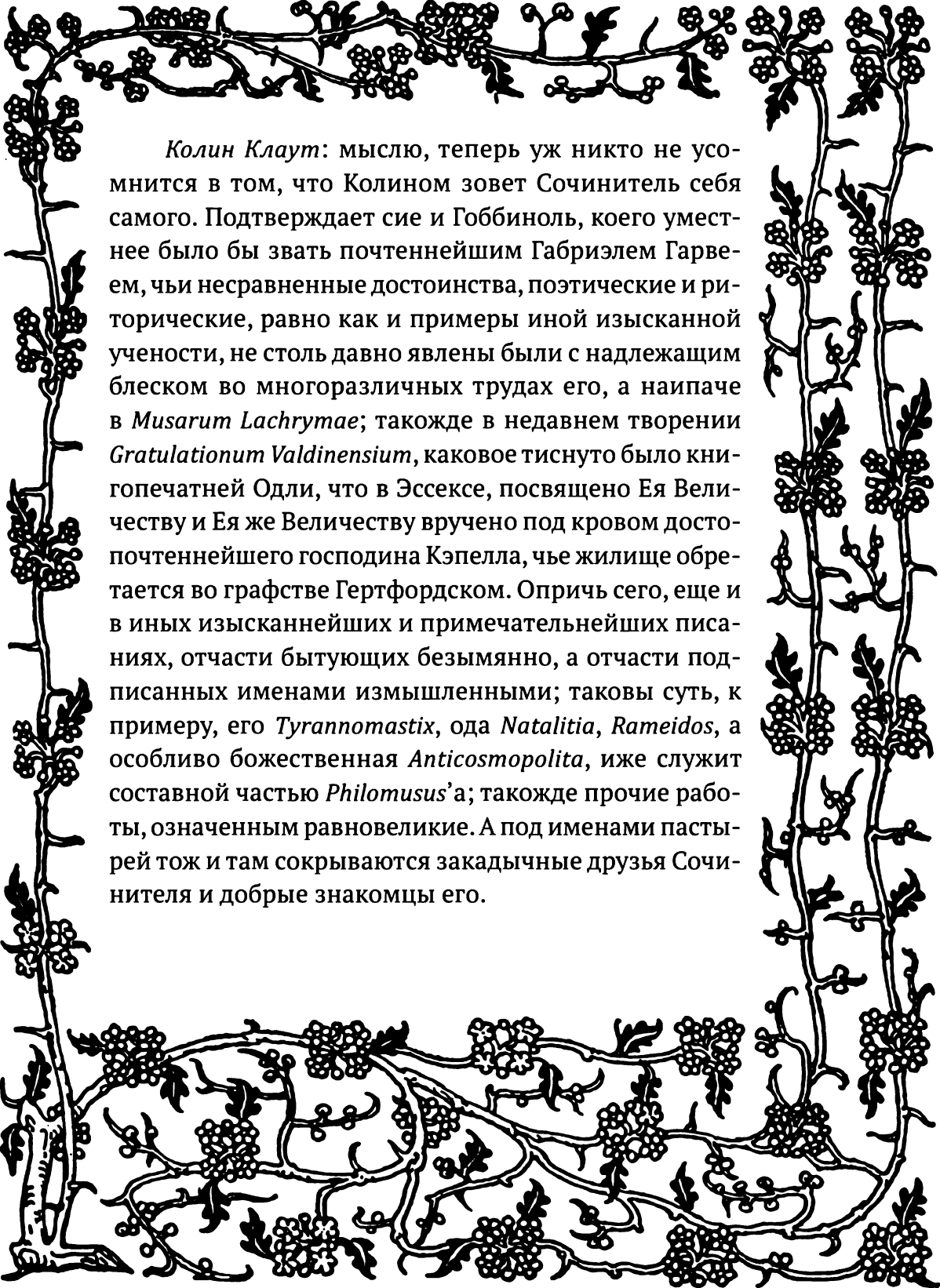
Трижды три луны: то бишь, девять месяцев.

И нынче... Молвится применительно ко времени года, когда кончается жатва; и зовется время сие листопадом, и Западные ветры нещадно свирепствуют во время сие.

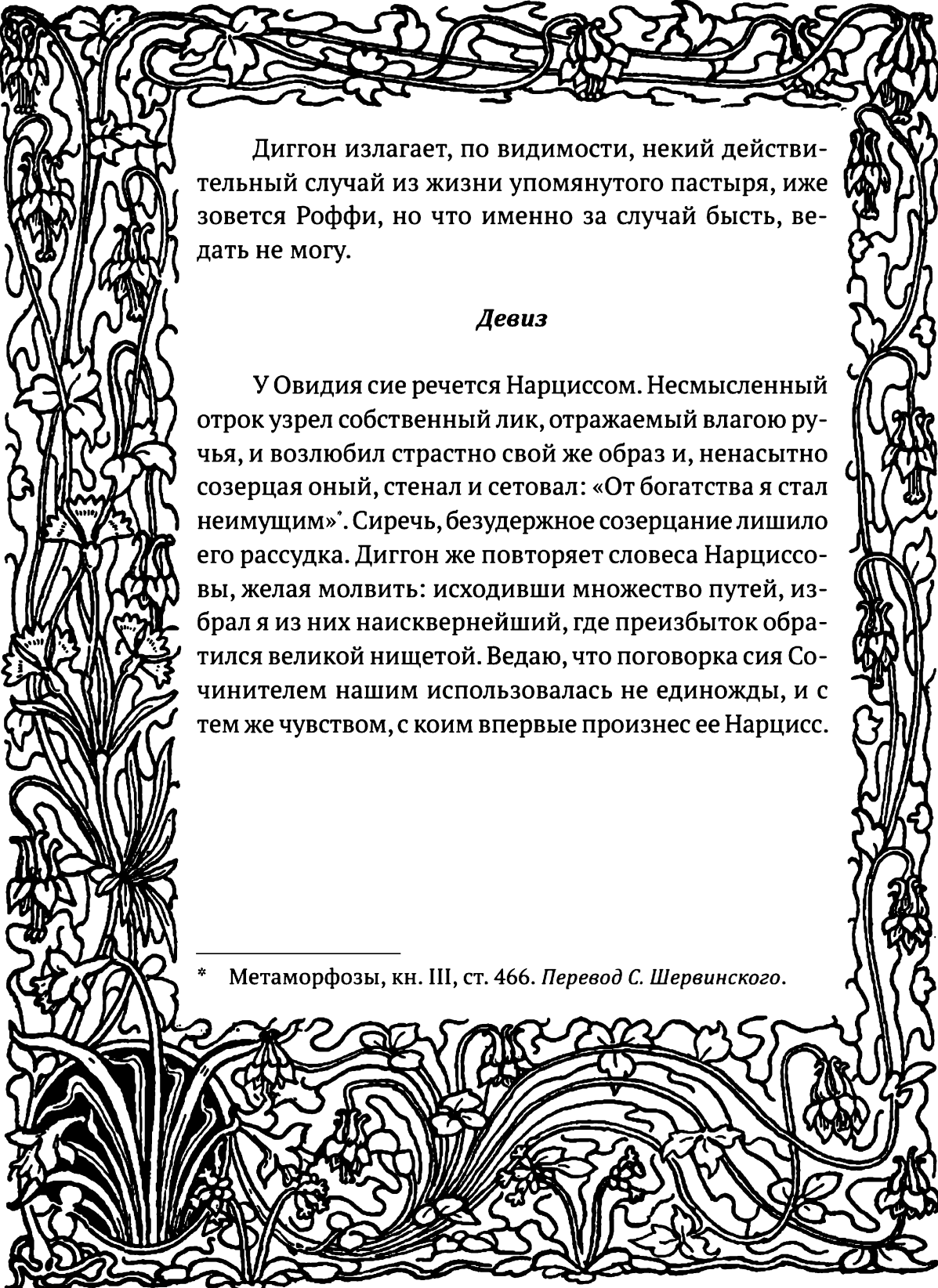
Властитель саксов... Молвится о короле Эдгаре, иже правил Британией в Лето Господне; оный же король повелел всех волков, коими земли здешние изобиловали, искоренять нещадно и усердно. И с той поры не видано семо бысть волков, опричь завезенных из чужих земель. И Гоббиноль пеняет Диггону, облыжно рекущему, будто в краях Аглицких волков повстречать возможно.

Охотник: слуга закона, справедливость блюдуший.

Роффен: так именуется некий овчар в эклоге Маро, повествующей о Зарянке и Короле; семо Диггон хвалит его за великую заботу и мудрое попечение о стаде своем.

Колин Клаут: мыслю, теперь уж никто не усомнится в том, что Колином зовет Сочинитель себя самого. Подтверждает сие и Гоббиноль, коего уместнее было бы звать почтеннейшим Габриэлем Гарвеем, чьи несравненные достоинства, поэтические и риторические, равно как и примеры иной изысканной учености, не столь давно явлены были с надлежащим блеском во многоразличных трудах его, а наипаче в *Musarum Lachrymae*; такожде в недавнем творении *Gratulationum Valdinsium*, каковое тиснуто было книгопечатней Одли, что в Эссексе, посвящено Ея Величеству и Ея же Величеству вручено под кровом достопочтеннейшего господина Кэпелла, чье жилище обретается во графстве Гертфордском. Опречь сего, еще и в иных изысканнейших и примечательнейших писаниях, отчасти бытующих безымянно, а отчасти подписанных именами измышленными; таковы суть, к примеру, его *Tyrannomastix*, ода *Natalitia*, *Rameidos*, а особливо божественная *Anticosmopolita*, иже служит составной частью *Philomusus*'а; такожде прочие работы, означенным равновеликие. А под именами пастырей тож и там сокрываются закадычные друзья Сочинителя и добрые знакомцы его.

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, including what appear to be daffodils and tulips, intertwined with scrolling vines and leaves. The style is reminiscent of Art Nouveau or early 20th-century decorative arts.

Диггон излагает, по видимости, некий действительный случай из жизни упомянутого пастыря, иже зовется Роффи, но что именно за случай бысть, ведать не могу.

Девиз

У Овидия сие речется Нарциссом. Несмысленный отрок узрел собственный лик, отражаемый влагою ручья, и возлюбил страстно свой же образ и, ненасытно созерцая оный, стонал и сетовал: «От богатства я стал неимущим»*. Сиречь, безудержное созерцание лишило его рассудка. Диггон же повторяет словеса Нарциссо-вы, желая молвить: исходивши множество путей, избрал я из них наисквернейший, где преизбыток обратился великой нищетой. Ведаю, что поговорка сия Сочинителем нашим использовалась не единожды, и с тем же чувством, с коим впервые произнес ее Нарцисс.

* *Метаморфозы*, кн. III, ст. 466. *Перевод С. Шервинского.*

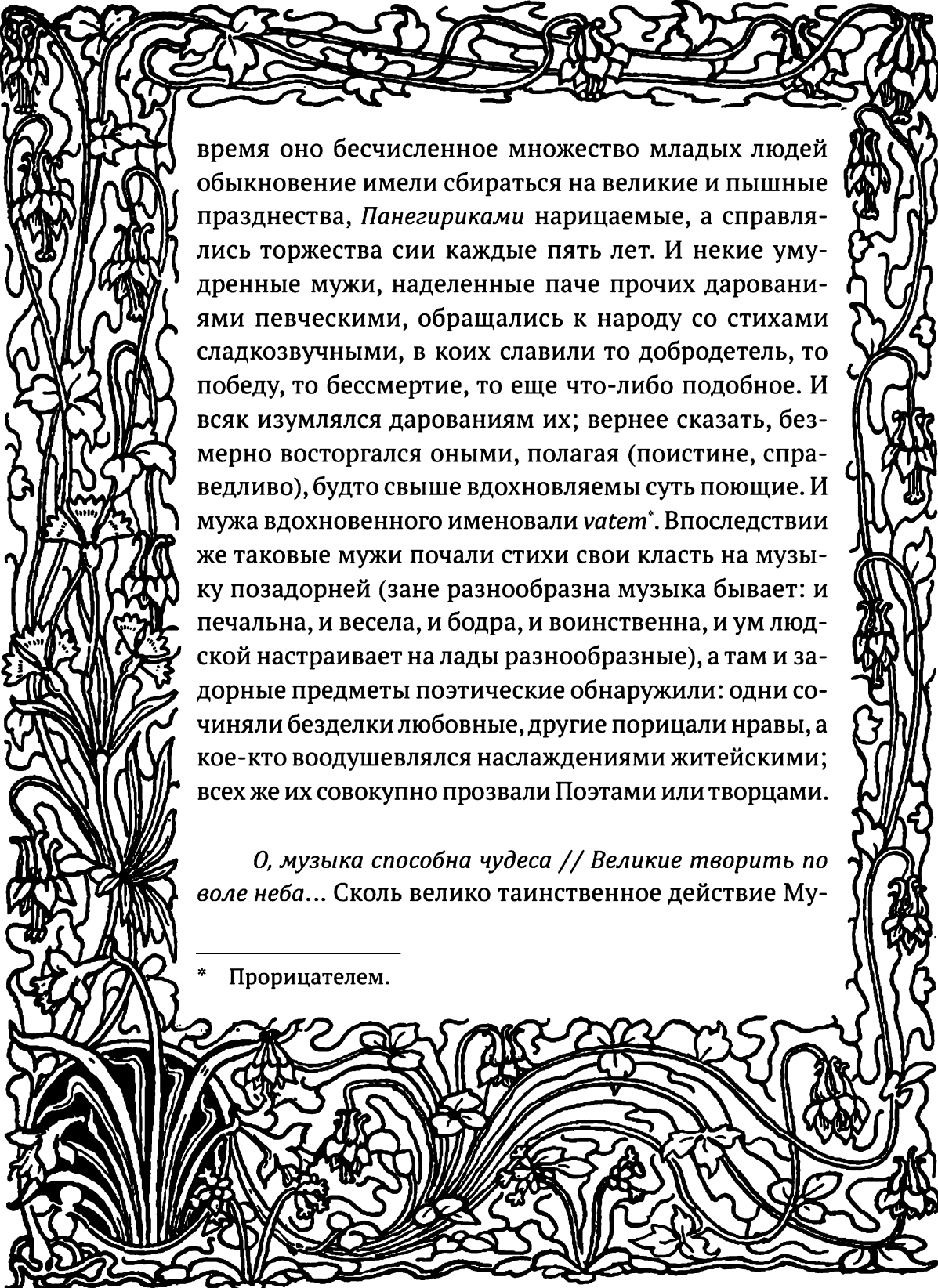
ОКТАБРЬ

Эклога сия сложена в подражание XVI идиллии Феокритовой, где порицается Гиерон, тиранн Сиракузский, скаречно скупившийся на вознаграждения Пиитам, кои властны даровать людям вечную хвалу за добрые их деяния или хулу непреходящую за дела срамные. Творение в оном роде отыщется и у Мантуанца. Слог же повествования, подобно слогу помянутой идиллии, чуть выпреннее того, коим все прочее писано, ибо семо глаголется о высотах, дарованием пиитическим достигаемых.

Кадди. Не ведаю, скрывается под личиной Кадди сам наш Пиит или кто-либо иной. Однако в Эклоге осьмой поет оный Кадди, как он уверяет, сочинение Коллина. Оттого-то некоторые и склонны отождествлять Сочинителя с Кадди.

Певец – наставник юных, ибо нравы // Смягчает... Мыслью, место сие созвучно Платону, иже в первой книге своих *De Legibus** говорит, что изобретение Поэзии было изначала вельми благодетельно. Ибо во

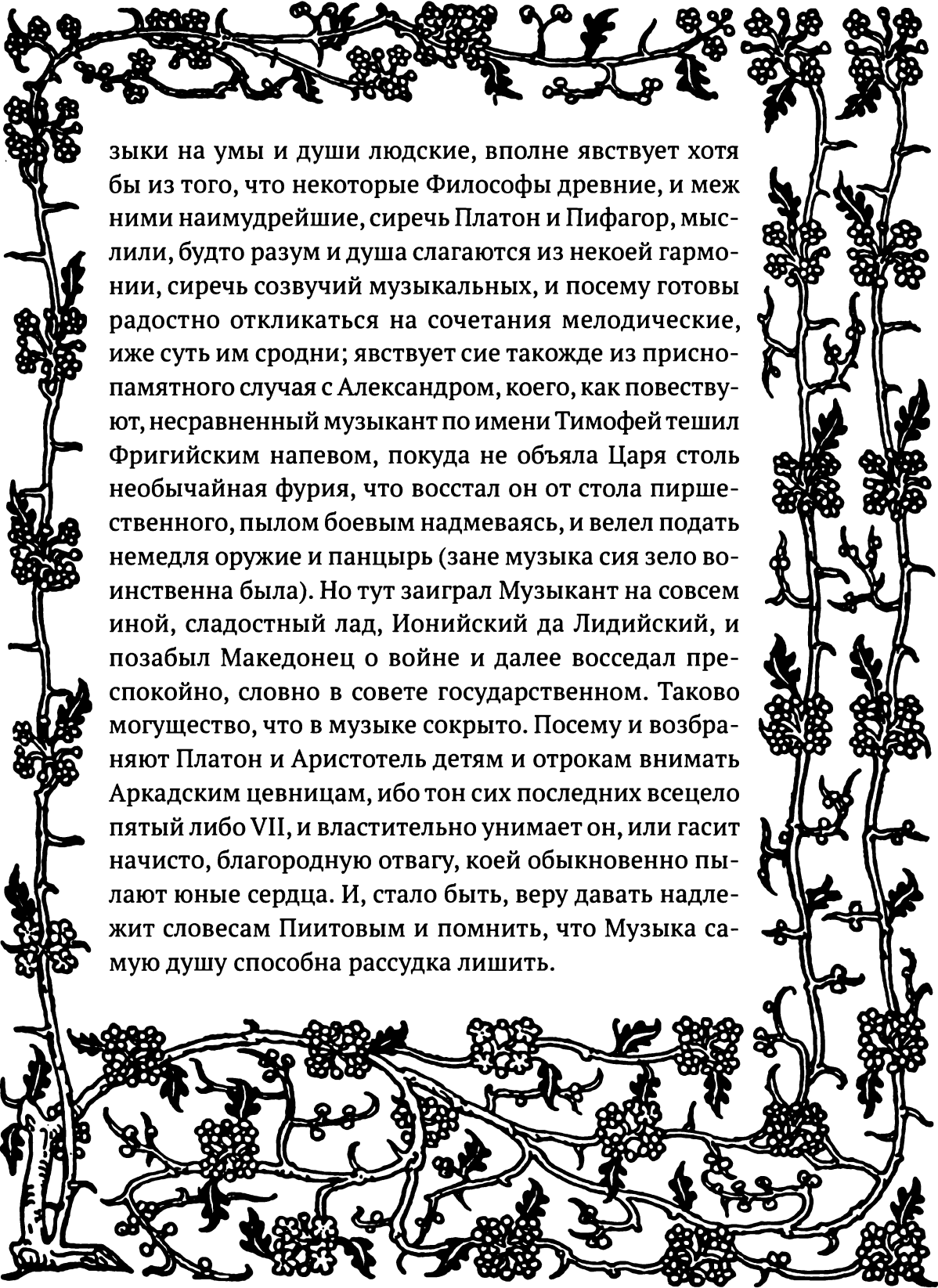
* «Законы».

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, leaves, and scrolling vines, creating a rich, textured frame for the page.

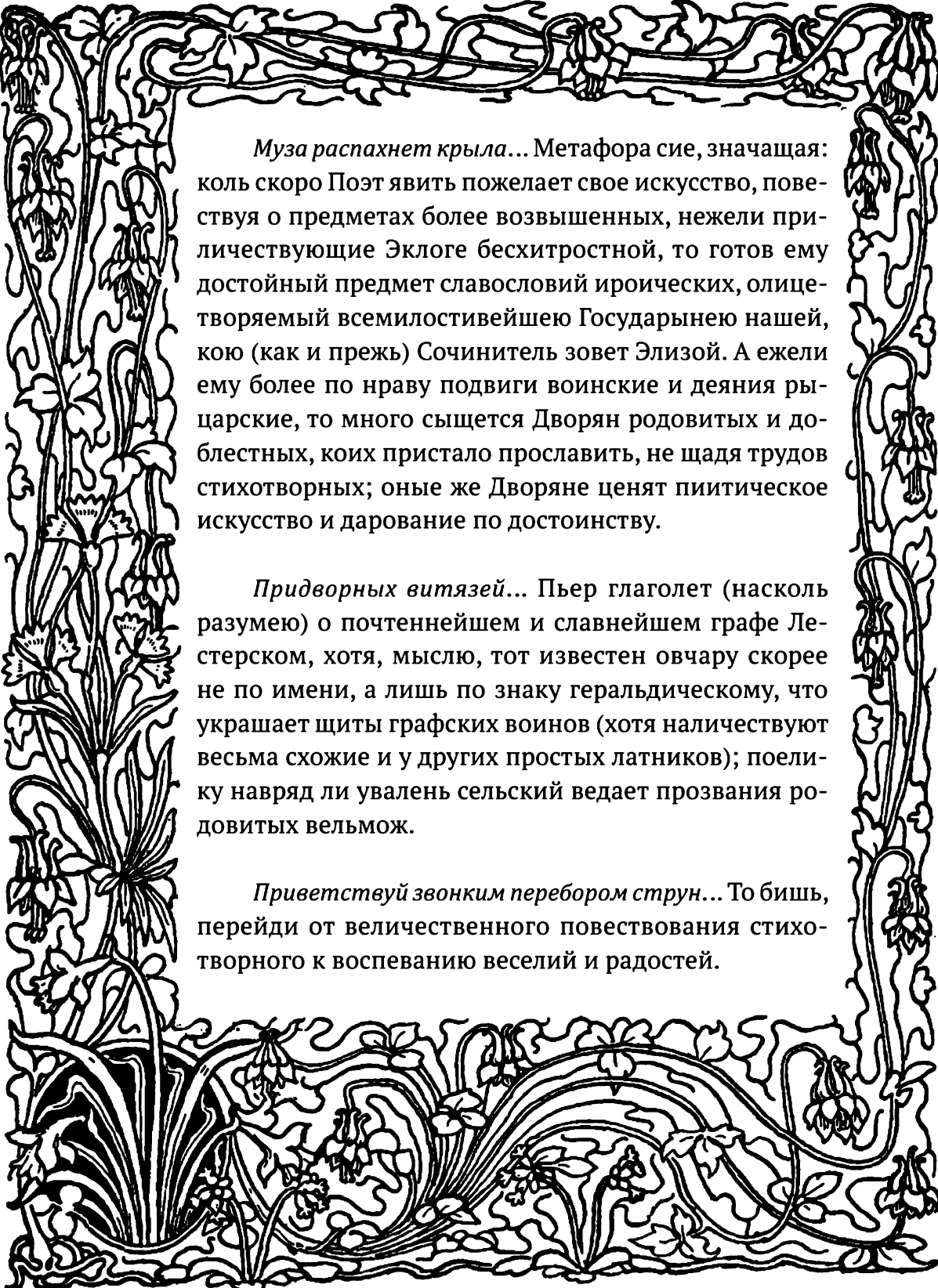
время оно бесчисленное множество молодых людей обыкновение имели сбираться на великие и пышные празднества, *Панегириками* нарицаемые, а справлялись торжества сии каждые пять лет. И некие умудренные мужи, наделенные паче прочих дарованиями певческими, обращались к народу со стихами сладкозвучными, в коих славили то добродетель, то победу, то бессмертие, то еще что-либо подобное. И всяк изумлялся дарованиям их; вернее сказать, безмерно восторгался оными, полагая (поистине, справедливо), будто свыше вдохновляемы суть поющие. И мужа вдохновенного именовали *vatem**. Впоследствии же таковые мужи почали стихи свои класть на музыку позадорней (зане разнообразна музыка бывает: и печальна, и весела, и бодра, и воинственна, и ум людской настраивает на лады разнообразные), а там и задорные предметы поэтические обнаружили: одни сочиняли безделки любовные, другие порицали нравы, а кое-кто воодушевлялся наслаждениями житейскими; всех же их совокупно прозвали Поэтами или творцами.

О, музыка способна чудеса // Великие творить по воле неба... Сколь велико таинственное действие Му-

* Прорицателем.

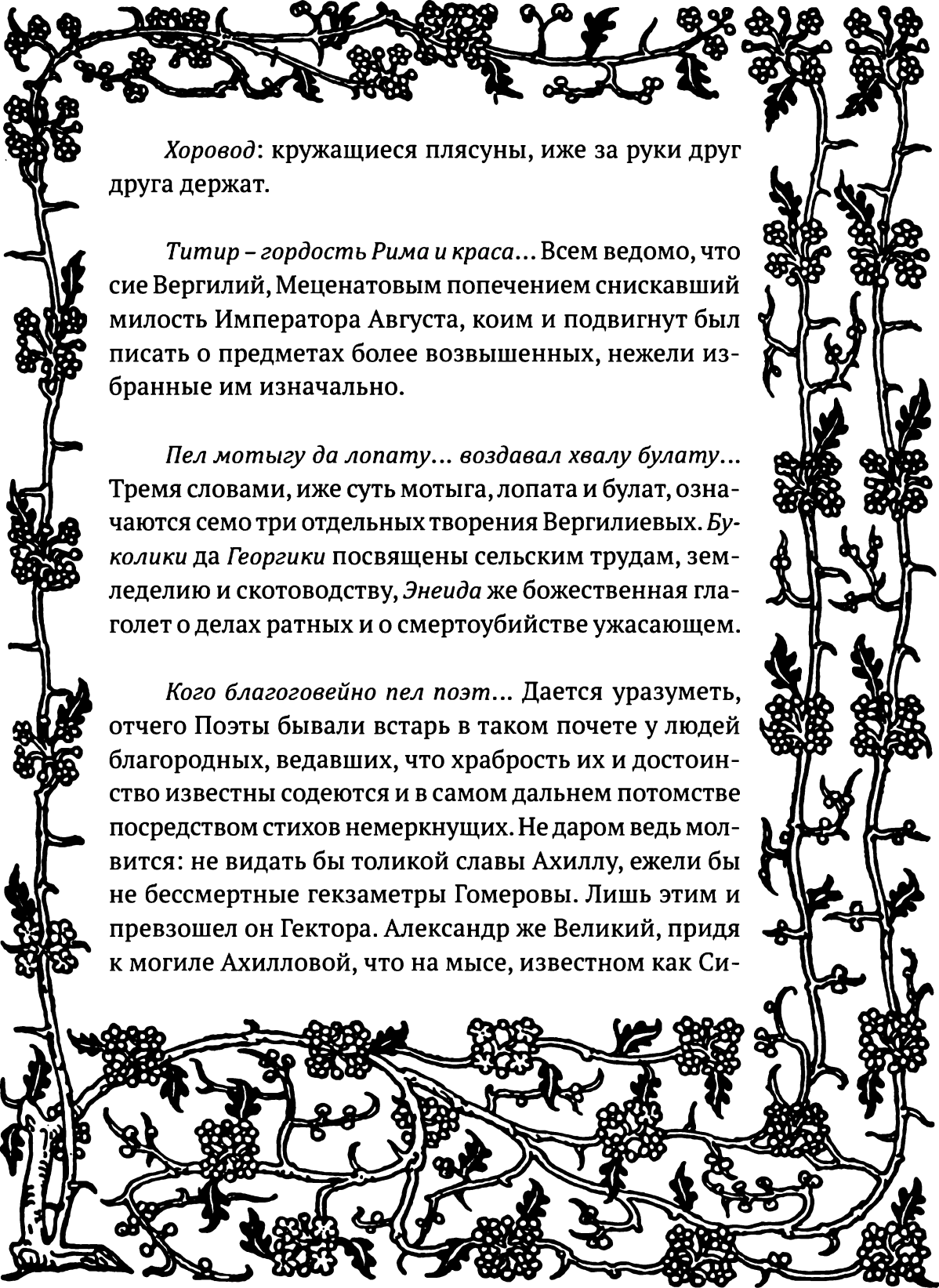
зыки на умы и души людские, вполне явствует хотя бы из того, что некоторые Философы древние, и меж ними наимудрейшие, сиречь Платон и Пифагор, мыслили, будто разум и душа слагаются из некоей гармонии, сиречь созвучий музыкальных, и посему готовы радостно откликаться на сочетания мелодические, иже суть им сродни; явствует сие такожде из приснопамятного случая с Александром, коего, как повествуют, несравненный музыкант по имени Тимофей тешил Фригийским напевом, покуда не объяла Царя столь необычайная фурия, что восстал он от стола пиршественного, пылом боевым надмеваясь, и велел подать немедля оружие и панцырь (зане музыка сия зело воинственна была). Но тут заиграл Музыкант на совсем иной, сладостный лад, Ионийский да Лидийский, и позабыл Македонец о войне и далее восседал преспокойно, словно в совете государственном. Таково могущество, что в музыке сокрыто. Посему и возбраняют Платон и Аристотель детям и отрокам внимать Аркадским цевницам, ибо тон сих последних всецело пятый либо VII, и властительно унимает он, или гасит начисто, благородную отвагу, коей обыкновенно пылают юные сердца. И, стало быть, веру давать надлежит словесам Пиитовым и помнить, что Музыка самую душу способна рассудка лишить.

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, including what appear to be lilies and tulips, intertwined with scrolling vines and leaves. The style is reminiscent of Art Nouveau or similar decorative movements.

Муза распахнет крыла... Метафора сие, значащая: коль скоро Поэт явить пожелает свое искусство, повествуя о предметах более возвышенных, нежели приличествующие Эклоге бесхитростной, то готов ему достойный предмет славословий ироических, олицетворяемый всемилостивейшею Государынею нашей, кою (как и прежь) Сочинитель зовет Элизой. А ежели ему более по нраву подвиги воинские и деяния рыцарские, то много сыщется Дворян родовитых и доблестных, коих пристало прославить, не щадя трудов стихотворных; оные же Дворяне ценят пиитическое искусство и дарование по достоинству.

Придворных витязей... Пьер глаголет (насколь разумею) о почтеннейшем и славнейшем графе Лестерском, хотя, мыслю, тот известен овчару скорее не по имени, а лишь по знаку геральдическому, что украшает щиты графских воинов (хотя наличествуют весьма схожие и у других простых латников); поелику навряд ли увалень сельский ведает прозвания родовитых вельмож.

Приветствуй звонким перебором струн... То бишь, перейди от величественного повествования стихотворного к воспеванию веселий и радостей.

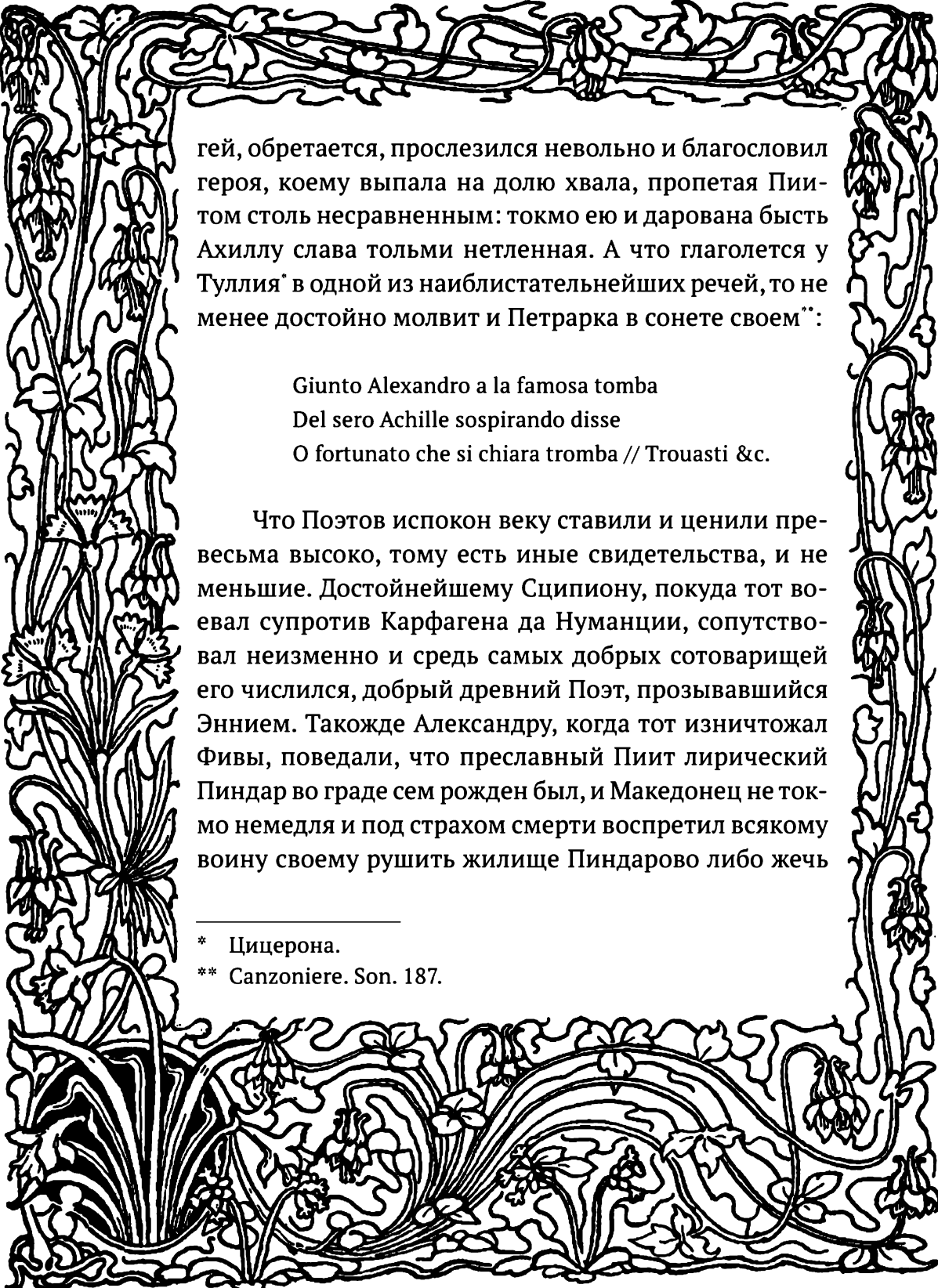

Хоровод: кружащиеся плясуны, иже за руки друг друга держат.

Титир – гордость Рима и краса... Всем ведомо, что сие Вергилий, Меценатовым попечением снискавший милость Императора Августа, коим и подвигнут был писать о предметах более возвышенных, нежели избранные им изначально.

Пел мотыгу да лопату... воздавал хвалу булату... Тремя словами, иже суть мотыга, лопата и булат, означаются семо три отдельных творения Вергилиевых. *Буколики* да *Георгики* посвящены сельским трудам, земледелию и скотоводству, *Энеида* же божественная глаголет о делах ратных и о смертоубийстве ужасающем.

Кого благоговейно пел поэт... Дается уразуметь, отчего Поэты бывали встарь в таком почете у людей благородных, ведавших, что храбрость их и достоинство известны содеются и в самом дальнем потомстве посредством стихов немеркнущих. Не даром ведь молвится: не видать бы толикой славы Ахиллу, ежели бы не бессмертные гекзаметры Гомеровы. Лишь этим и превзошел он Гектора. Александр же Великий, придя к могиле Ахилловой, что на мысе, известном как Си-

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, including what appears to be a lily on the left, and scrolling vines with leaves and smaller blossoms. The style is reminiscent of Art Nouveau or similar decorative movements.

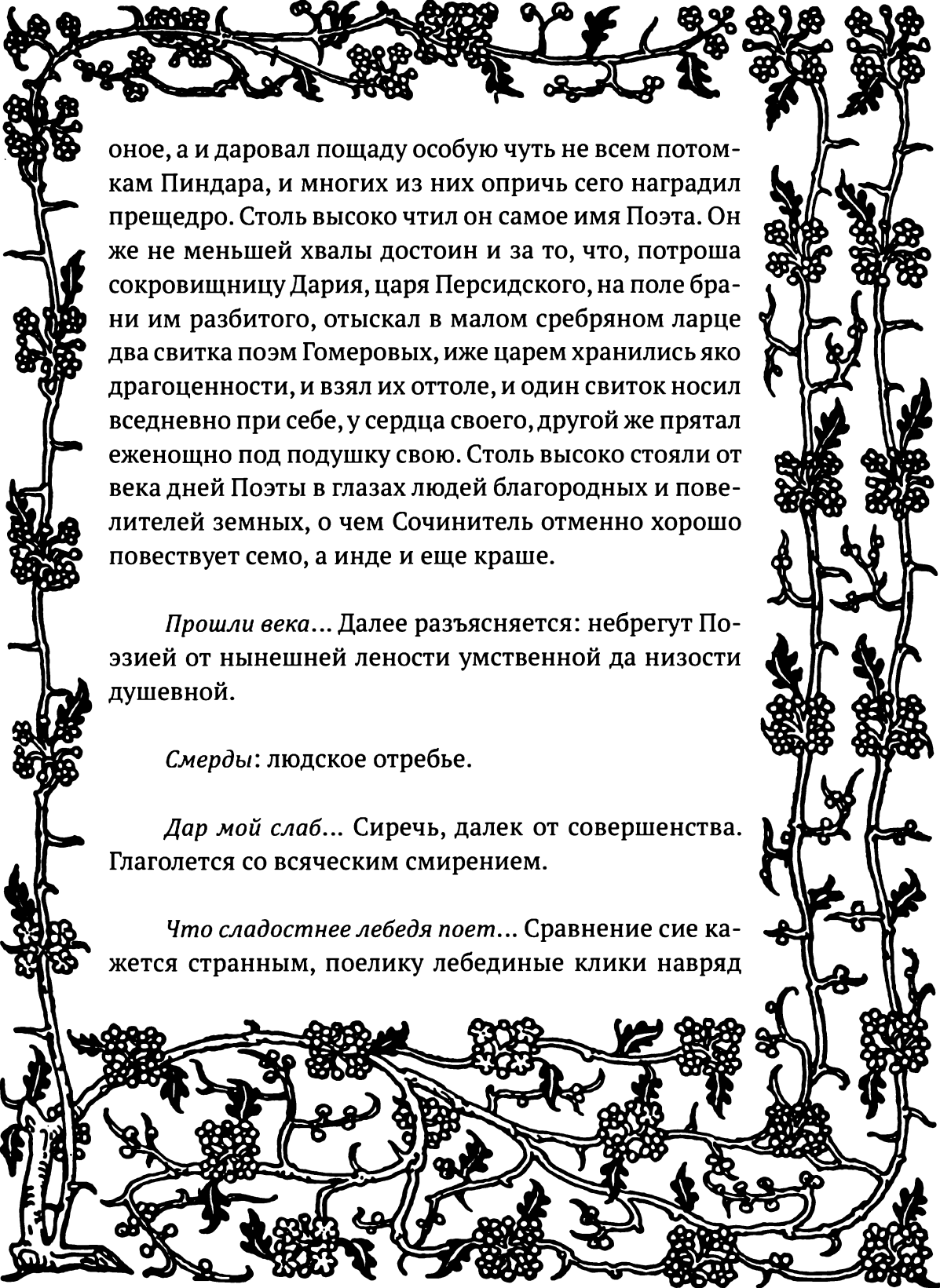
гей, обретается, прослезился невольно и благословил героя, коему выпала на долю хвала, пропетая Пиитом столь несравненным: токмо ею и дарована бысть Ахиллу слава тольми нетленная. А что глаголется у Туллия* в одной из наблистательнейших речей, то не менее достойно молвит и Петрарка в сонете своем**:

Giunto Alexandro a la famosa tomba
Del sero Achille sospirando disse
O fortunato che si chiara tromba // Trouasti &c.

Что Поэтов испокон веку ставили и ценили пресвьема высоко, тому есть иные свидетельства, и не меньшие. Достойнейшему Сципиону, покуда тот воевал супротив Карфагена да Нуманции, сопутствовал неизменно и среди самых добрых сотоварищей его числился, добрый древний Поэт, прозывавшийся Эннием. Такожде Александру, когда тот изничтожил Фивы, поведали, что преславный Пиит лирический Пиндар во граде сем рожден был, и Македонец не токмо немедля и под страхом смерти воспретил всякому воину своему рушить жилище Пиндарово либо жечь

* Цицерона.

** Canzoniere. Son. 187.

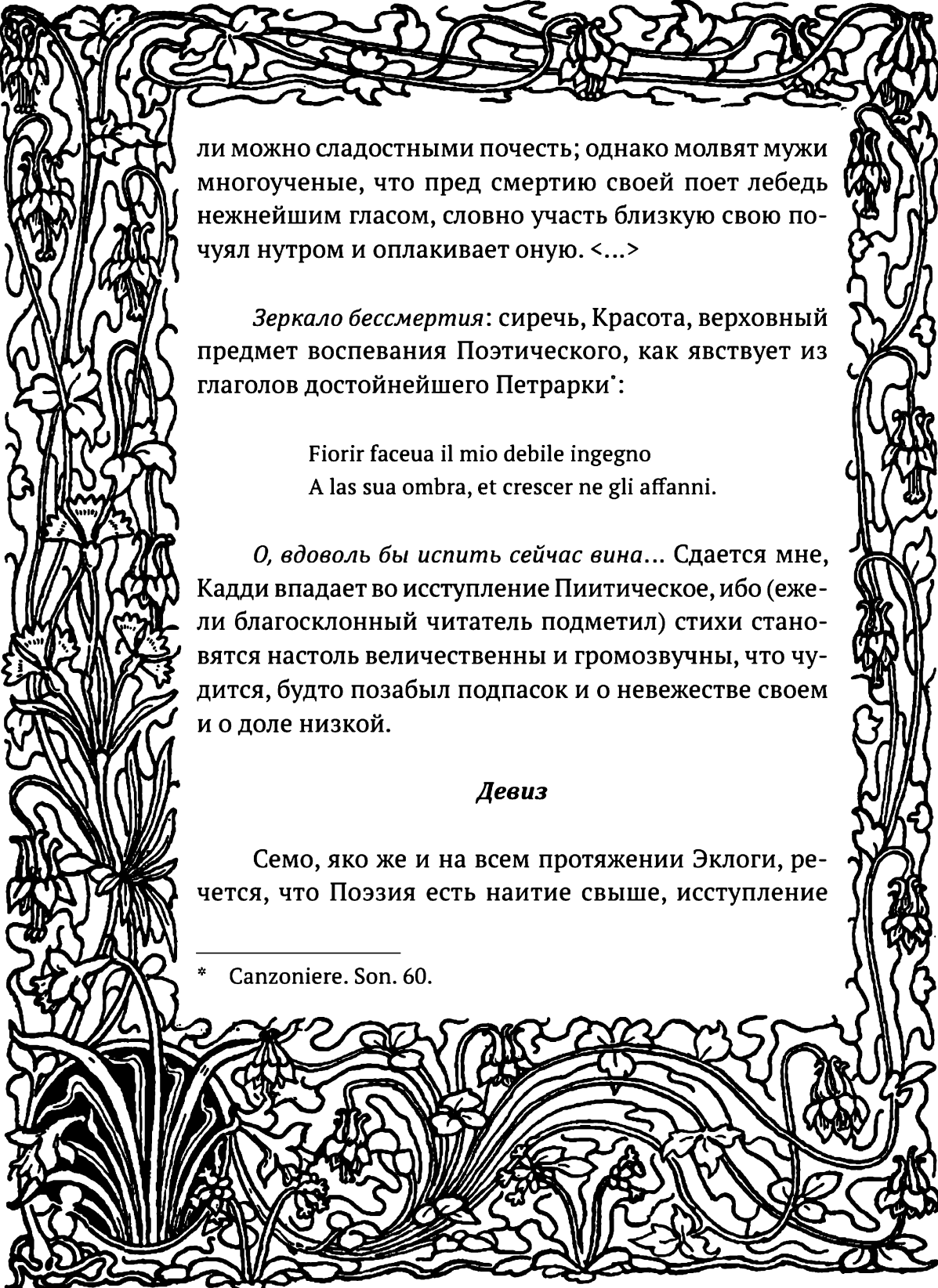
оное, а и даровал пощаду особую чуть не всем потомкам Пиндара, и многих из них опричь сего наградил прещедро. Столь высоко чтит он самое имя Поэта. Он же не меньшей хвалы достоин и за то, что, потроша сокровищницу Дария, царя Персидского, на поле брани им разбитого, отыскал в малом серебряном ларце два свитка поэм Гомеровых, иже царем хранились яко драгоценности, и взял их оттоле, и один свиток носил вседневно при себе, у сердца своего, другой же прятал еженощно под подушку свою. Столь высоко стояли от века дней Поэты в глазах людей благородных и повелителей земных, о чем Сочинитель отменно хорошо повествует семо, а инде и еще краше.

Прошли века... Далее разъясняется: небрегут Поэзией от нынешней лености умственной да низости душевной.

Смерды: людское отребье.

Дар мой слаб... Сиречь, далек от совершенства. Глаголется со всяческим смирением.

Что сладостнее лебедя поет... Сравнение сие кажется странным, поелику лебединые клики навряд

ли можно сладостными почестъ; однако молвят мужи
многоученые, что пред смертию своею поет лебедь
нежнейшим гласом, словно участь близкую свою по-
чувял нутром и оплакивает оную. <...>

Зеркало бессмертия: сиречь, Красота, верховный
предмет воспевания Поэтического, как явствует из
глаголов достойнейшего Петрарки*:

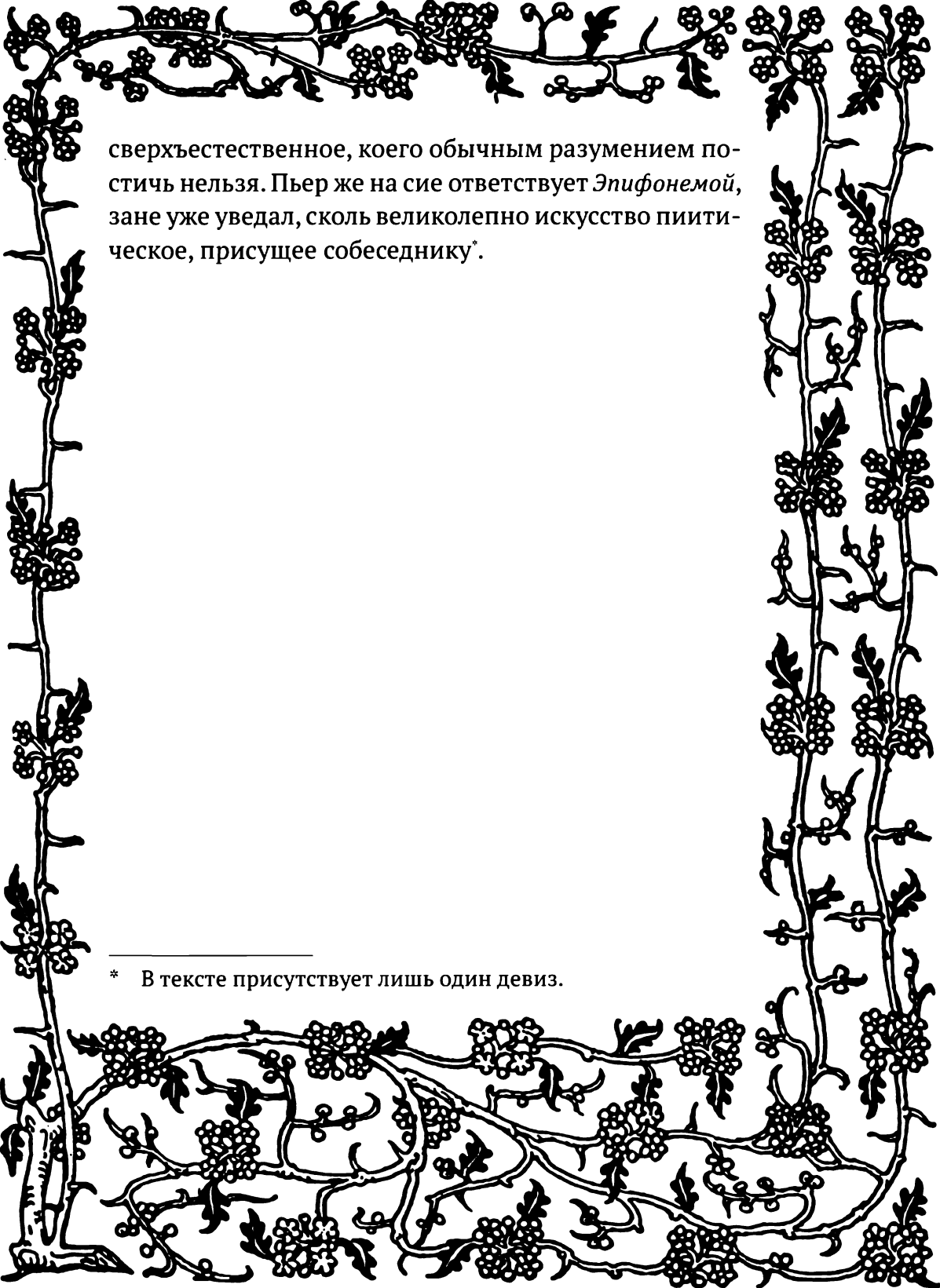
Fiorir faceua il mio debile ingegno
A las sua ombra, et crescer ne gli affanni.

О, вдоволь бы испить сейчас вина... Сдается мне,
Кадди впадает во исступление Поэтическое, ибо (еже-
ли благосклонный читатель подметил) стихи стано-
вятся настоль величественны и громозвучны, что чу-
дится, будто позабыл подпасок и о невежестве своем
и о доле низкой.

Девиз

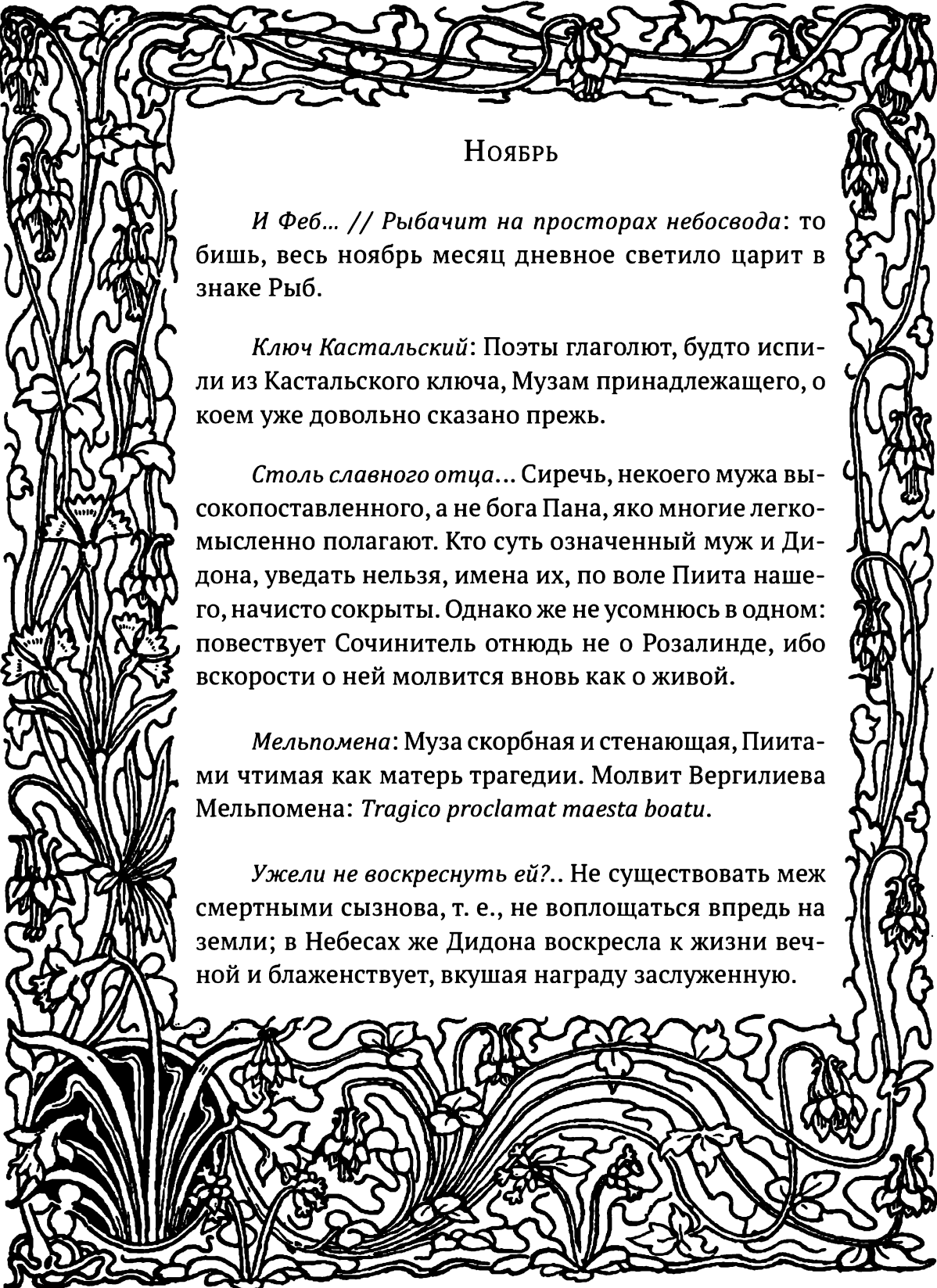
Семо, яко же и на всем протяжении Эклоги, ре-
чется, что Поэзия есть наитие свыше, исступление

* Canzoniere. Son. 60.

сверхъестественное, коего обычным разумением постичь нельзя. Пьер же на сие отвечает *Эпифанемой*, зане уже уведал, сколь великолепно искусство пиитическое, присущее собеседнику*.

* В тексте присутствует лишь один девиз.

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border features various flowers, leaves, and scrolling vines, creating a classic, ornate frame.

Ноябрь

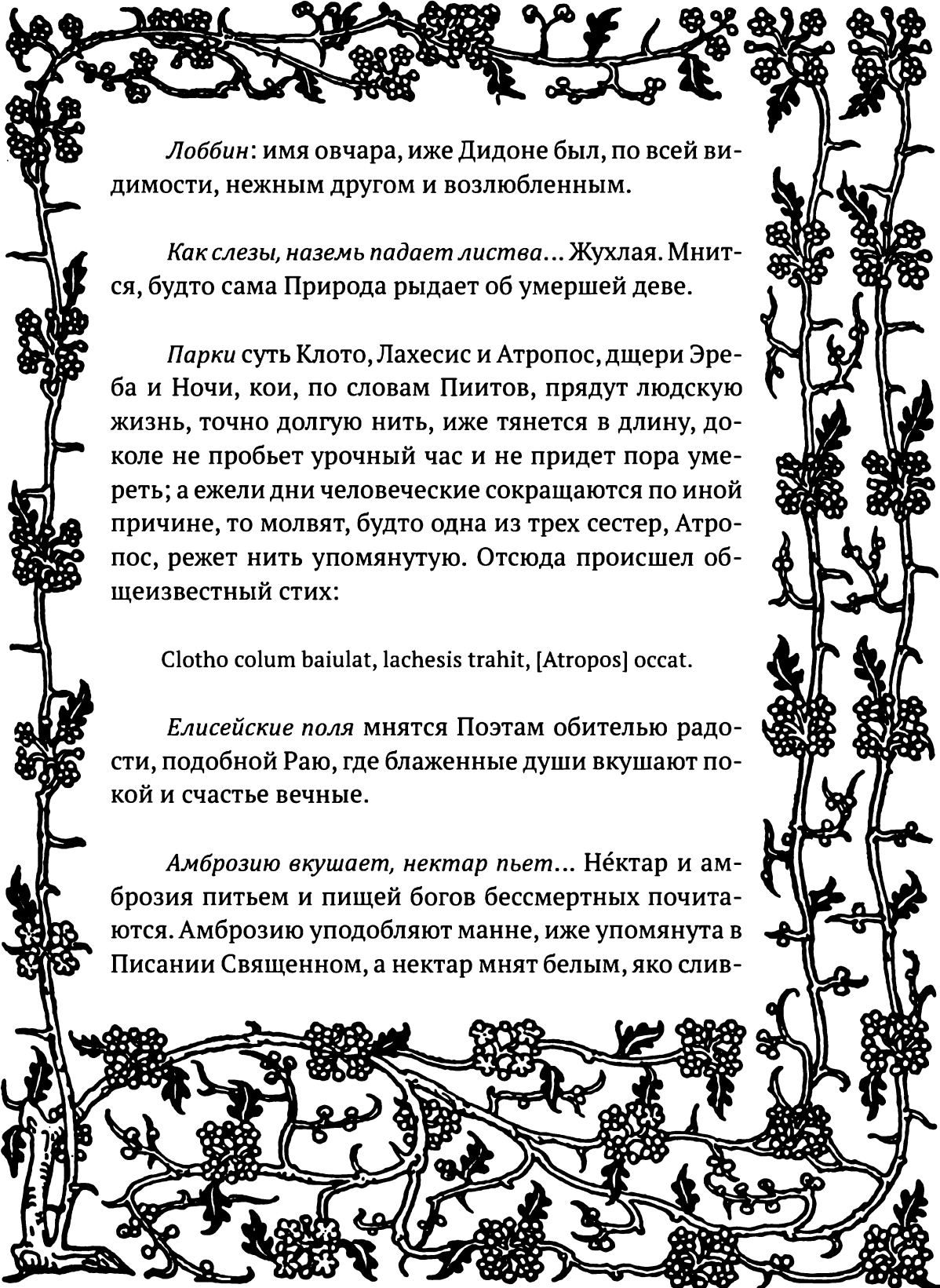
И Феб... // Рыбачит на просторах небосвода: то бишь, весь ноябрь месяц дневное светило царит в знаке Рыб.

Ключ Кастальский: Поэты глаголют, будто испили из Кастальского ключа, Музам принадлежащего, о коем уже довольно сказано прежь.

Столь славного отца... Сиречь, некоего мужа высокопоставленного, а не бога Пана, яко многие легкомысленно полагают. Кто суть означенный муж и Дидона, уведать нельзя, имена их, по воле Пиита нашего, начисто сокрыты. Однако же не усомнюсь в одном: повествует Сочинитель отнюдь не о Розалинде, ибо вскорости о ней молвится вновь как о живой.

*Мельпомена: Муза скорбная и стонающая, Пиитами чтимая как мать трагедии. Молвит Вергилиева Мельпомена: *Tragico proclamat maesta boatu.**

Ужели не воскреснуть ей?.. Не существовать меж смертными сызнова, т. е., не воплощаться впредь на земли; в Небесах же Дидона воскресла к жизни вечной и блаженствует, вкушая награду заслуженную.

Лоббин: имя овчара, иже Дидоне был, по всей видимости, нежным другом и возлюбленным.

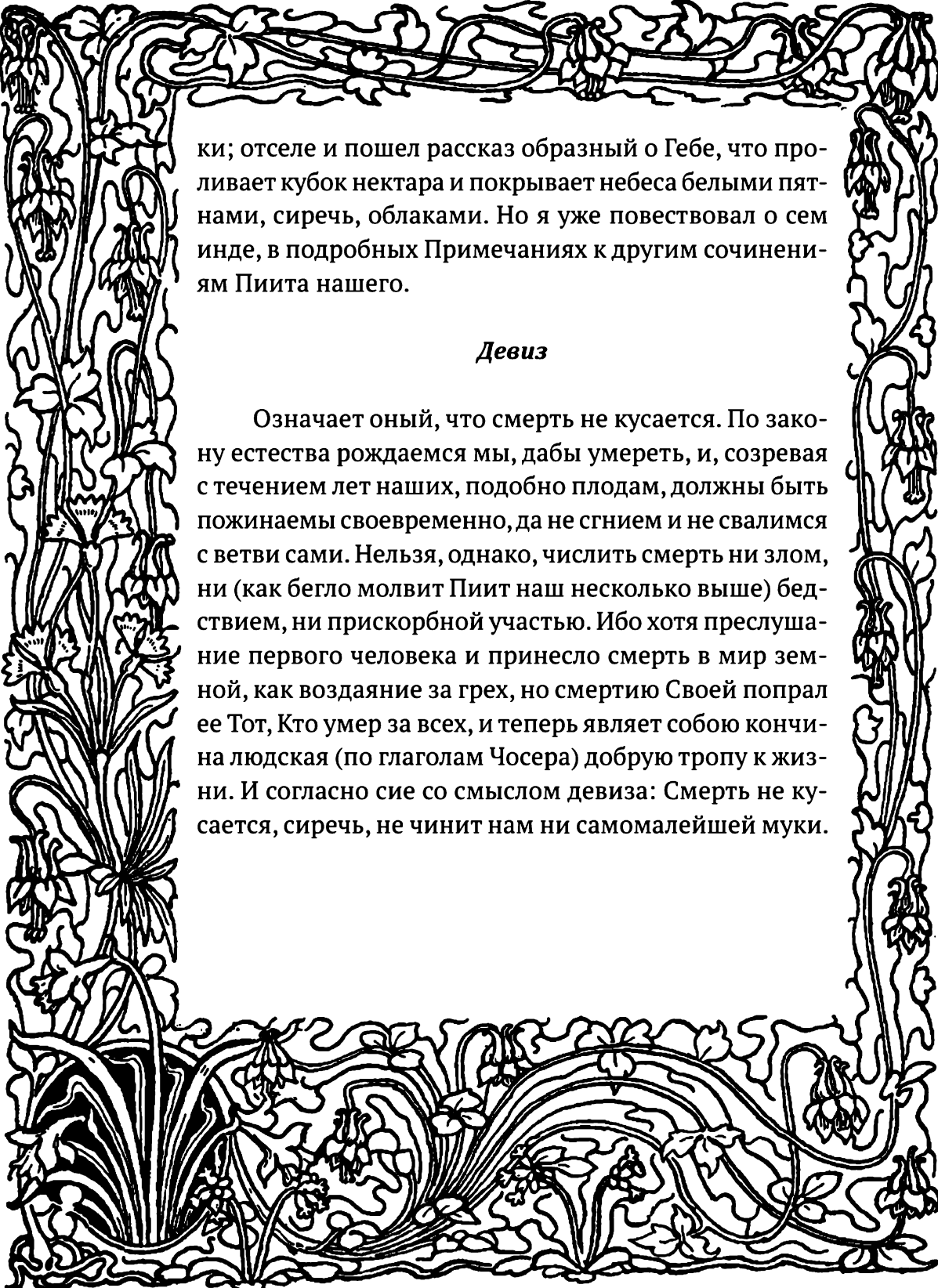
Как слезы, наземь падает листва... Жухлая. Мнится, будто сама Природа рыдает об умершей деве.

Парки суть Клото, Лахесис и Атропос, дочери Эреба и Ночи, кои, по словам Пиитов, прядут людскую жизнь, точно долгую нить, иже тянется в длину, доколе не пробьет урочный час и не придет пора умереть; а ежели дни человеческие сокращаются по иной причине, то молвят, будто одна из трех сестер, Атропос, режет нить упомянутую. Отсюда произошел общеизвестный стих:

Clotho colum baiulat, lachesis trahit, [Atropos] occat.

Елисейские поля мнятся Поэтам обителью радости, подобной Раю, где блаженные души вкушают покой и счастье вечные.

Амброзию вкушает, нектар пьет... Нэктар и амброзия питьем и пищей богов бессмертных почитаются. Амброзию уподобляют манне, иже упомянута в Писании Священном, а нектар мнят белым, яко слив-

ки; отселе и пошел рассказ образный о Гебе, что проливает кубок нектара и покрывает небеса белыми пятнами, сиречь, облаками. Но я уже повествовал о сем инде, в подробных Примечаниях к другим сочинениям Пиита нашего.

Девиз

Означает оный, что смерть не кусается. По закону естества рождаемся мы, дабы умереть, и, созревая с течением лет наших, подобно плодам, должны быть пожинаемы своевременно, да не сгнием и не свалимся с ветви сами. Нельзя, однако, числить смерть ни злом, ни (как бегло молвит Пиит наш несколько выше) бедствием, ни прискорбной участью. Ибо хотя преслушание первого человека и принесло смерть в мир земной, как воздаяние за грех, но смертью Своей попрали ее Тот, Кто умер за всех, и теперь являет собою кончина людская (по глаголам Чосера) добрую тропу к жизни. И согласно сие со смыслом девиза: Смерть не кусается, сиречь, не чинит нам ни самомалейшей муки.

ДЕКАБРЬ

Титир: Чосер, как уже говорилось не единожды.

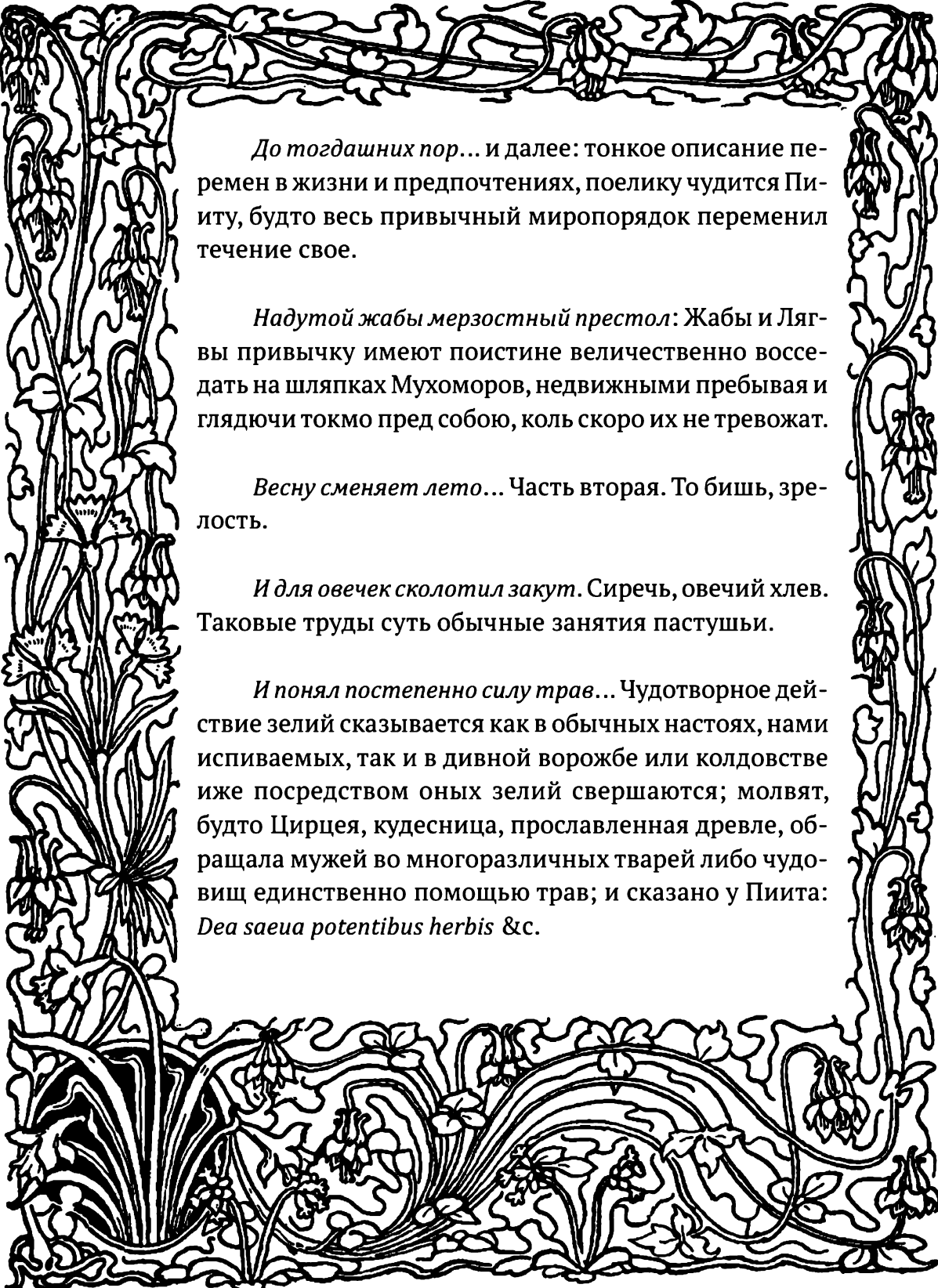
*О ты, над головами овчаров // Простерший свой
хранительный покров! Навеяно сие, по всей видимости,
Вергилиевым стихом: Pan curat oues ouiumque magistros.*

*Эрот сиял тогда под знаком Льва... Пиит полага-
ет простодушно, будто Эрот, любовь олицетворяю-
щий, пребывание в разгаре лета имел под знойным
знаком Льва; изысканное иносказание, смысл коего
к тому сводится, что любовь породила в Пиите горя-
чечную плотскую страсть.*

Лютый зной: любовный пламень.

*Комета: звезда пылающая, то бишь, красота, жгу-
чую любовь породившая в Пиите.*

*Венера: богиня красоты или наслаждений. А oprичь
сего, светило небесное, как в Эклоге и молвится. Ста-
ло быть, Пиит подразумевает: красота, искони обре-
тающаяся в аспекте Венеры, содеялась причиной лю-
бовных терзаний Сочинителя.*

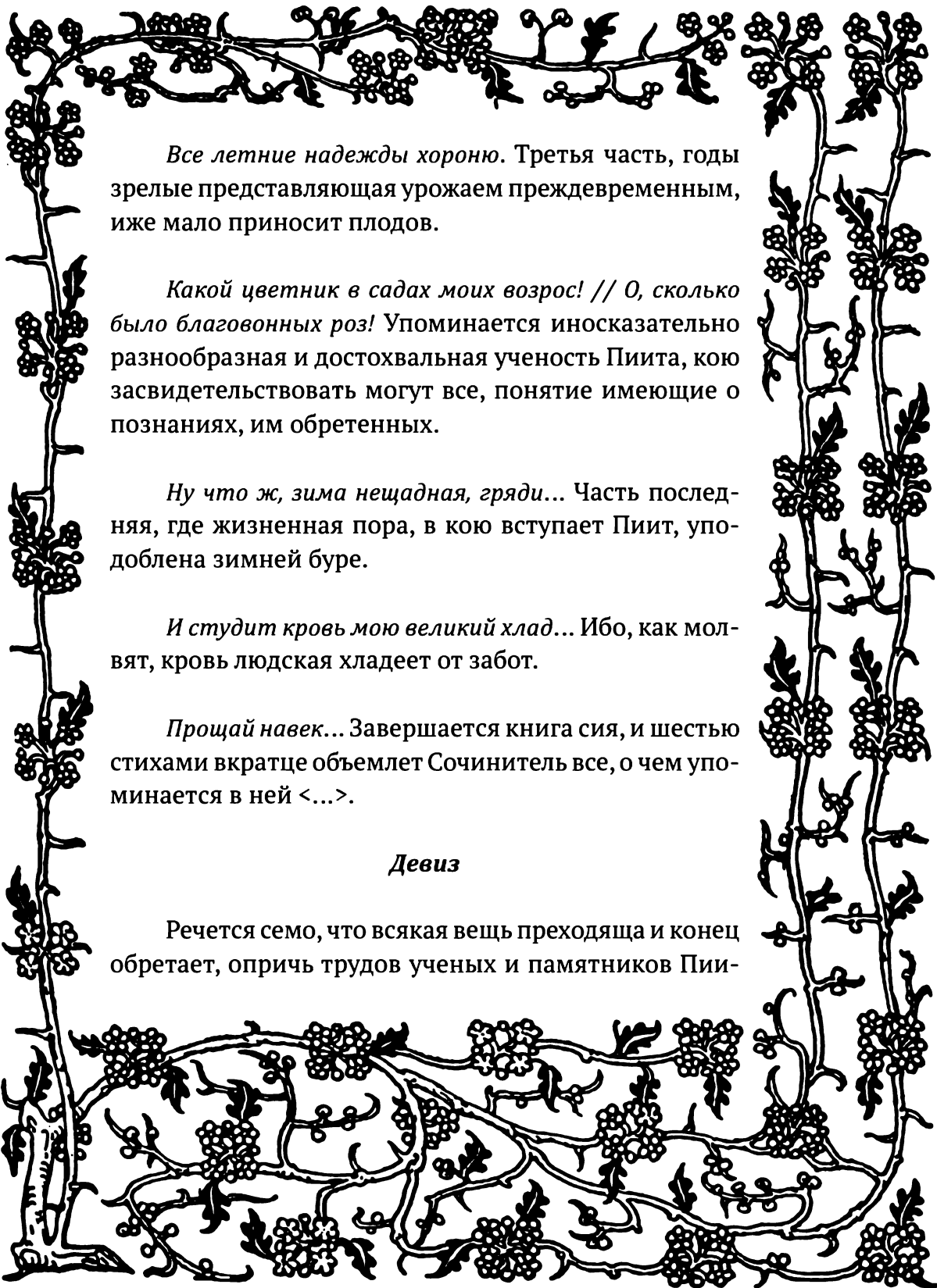
До тогдашних пор... и далее: тонкое описание перемен в жизни и предпочтениях, поелику чудится Питу, будто весь привычный миропорядок переменяет течение свое.

Надутой жабы мерзостный престол: Жабы и Лягвы привычку имеют поистине величественно восседать на шляпках Мухоморов, недвижимыми пребывая и гляючи токмо пред собою, коль скоро их не тревожат.

Весну сменяет лето... Часть вторая. То бишь, зрелость.

И для овечек сколотил закут. Сиречь, овечий хлев. Таковые труды суть обычные занятия пастушьи.

*И понял постепенно силу трав... Чудотворное действие зелий сказывается как в обычных настоях, нами испиваемых, так и в дивной ворожке или колдовстве иже посредством оных зелий свершаются; молвят, будто Цирцея, кудесница, прославленная древле, обращала мужей во многообразных тварей либо чудовищ единственно помощью трав; и сказано у Пиита: *Dea saeva potentibus herbis &c.**

Все летние надежды хороню. Третья часть, годы зрелые представляющая урожаем преждевременным, иже мало приносит плодов.

Какой цветник в садах моих возрос! // О, сколько было благовонных роз! Упоминается иносказательно разнообразная и достохвальная ученость Пиита, кою засвидетельствовать могут все, понятие имеющие о познаниях, им обретенных.

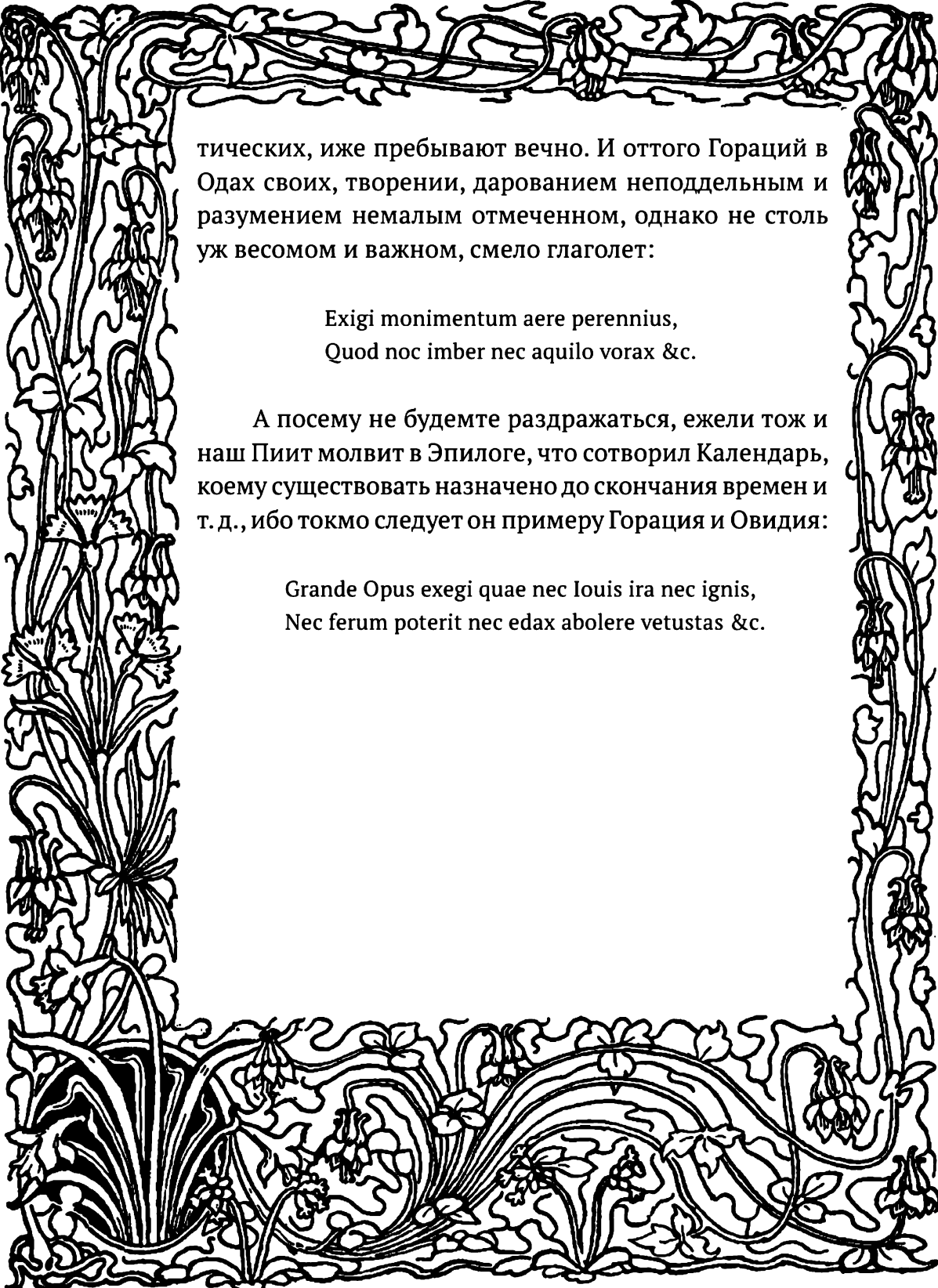
Ну что ж, зима нещадная, гряди... Часть последняя, где жизненная пора, в кою вступает Пиит, уподоблена зимней буре.

И студит кровь мою великий хлад... Ибо, как молвят, кровь людская хладеет от забот.

Прощай навек... Завершается книга сия, и шестью стихами вкратце объемлет Сочинитель все, о чем упоминается в ней <...>.

Девиз

Речется семо, что всякая вещь преходяща и конец обретает, опричь трудов ученых и памятников Пиит

тических, иже пребывают вечно. И оттого Гораций в Одах своих, творении, дарованием неподдельным и разумением немалым отмеченном, однако не столь уж весомом и важном, смело глаголет:

Exigi monumentum aere perennius,
Quod noc imber nec aquilo vorax &c.

А посему не будемте раздражаться, ежели тож и наш Пиит молвит в Эпилоче, что сотворил Календарь, коему существовать назначено до скончания времен и т. д., ибо токмо следует он примеру Горация и Овидия:

Grande Opus exegi quae nec Iouis ira nec ignis,
Nec ferum poterit nec edax abolere vetustas &c.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Напутствие сей книге	8
[Предисловие Э. К.]	9
Общее содержание всей книги	23
Январь.....	29
Февраль	37
Март.....	51
Апрель	61
Май	73
Июнь	91
Июль	101
Август.....	115
Сентябрь.....	129
Октябрь.....	145
Ноябрь	155
Декабрь.....	167
«Составлен Календарь на всякий Божий год...» ...	177
[Из примечаний Э. К.].....	178

Эдмунд Спенсер
Пастуший календарь

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 20.01.16. Формат 60х90/16. Бумага офсетная
Гарнитура Serif Expert. Печать цифровая. Печ. л. 15

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30

